ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На Западе

Is it possible that he should know what he is, and be that he is?

William Shakespeare

And when we think we lead, we are most led

Lord Byron

Глава четвертая
Измена

1. Глупость или подлость?

— *Что вы думаете о детанте?*

Это был один из первых и наиболее часто задававшихся мне вопросов сразу после приезда на Запад. Сначала я, помню, даже не понял, о чем меня спрашивают — вместо слова "детант" в советской прессе чаще всего употреблялась нескладная конструкция "разрядка международной напряженности" или упрощенно — "разрядка". Тем более ничего я не знал тогда о западных дебатах на эту тему. Но стоило мне отозваться негативно на этот вопрос и связанный с ним вопрос о "социализме с человеческим лицом", как я тут же ощутил охлаждение, а то и враждебность даже центристской прессы, не говоря уж о левой. Более того, сперва осторожно, полунамеками, а потом все наглее и наглее начались попытки "компрометации":

"*Ах, на него повлияли правые...*"

Какие правые? — изумленно оглядывался я, и никаких "правых", разумеется, вокруг не находил.

"*Он звучит, как Солженицын...*"

Ага, попался! Поймали с поличным, на месте преступления.

Но уже через пару лет, когда охранявшая меня волна "паблисити" начала спадать, отпала и нужда в осторожности. Уже сам я стал именоваться не иначе как "правым", да еще и "экстремистом". А как же не экстремист? Ведь я отвергаю "умеренные" улучшения коммунистической системы, не хочу даже социализма с человеческим лицом!

Поначалу, правда, больше пытались приспособить, обломать, и приемчики — даром что на цивилизованном Западе — мало чем отличались от заурядного лагерного кума. Помню, в Нью-Йорке вскоре после моего приезда — обед с директорами Фордовского фонда. Слушают внимательно, и даже на мгновение начинаешь верить, что им можно что-то объяснить и что-то они сделают толковое, послушав, как обстоит дело в реальности. Ведь у них в руках сотни миллионов долларов, которые им, хошь не хошь, а распределять на общественные нужды. Но под конец — один-единственный вопрос председателя:

— А вот что бы вы сделали, если бы, с одной стороны, у вас была информация о вопиющих преследованиях конкретного человека, а с другой — от ее публикации зависело бы заключение договора о сокращении вооружений?

Бог ты мой, да был бы то лагерный кум — в самую бы пору и послать куда следует. Умам своим не веря — ведь это ж на Западе! — начинаю предельно

вежливо объяснять, что вся советская игра в "сокращение вооружений" яйца выеденного не стоит, сплошной обман... И вижу, как тускнеют глаза навостривших было ушки директоров фонда. Больше я от них не то что денег, а и открытки к Рождеству не получал.

С кем только я тогда — таким-то вот образом — не покушал. Даже с Рокфеллером. И каждый нагло примерялся, прилаживался — не послушать, не узнать что-то новое, не понять смысл системы, нацелившей на тебя ракеты, — но приспособить, заставить говорить ему желательное. В каждой аудитории, где бы ни приходилось мне выступать, с тоской, как приговоренный к смерти ждет утра, ждал я неизбежного вопроса:

— *А не повредит ли шум на Западе тем, кто остался в СССР?*

И сколько сотен раз ни объясняй, сколько ни тычь в себя пальцем как в лучший пример обратного, ровно тот же вопрос да ровно в той же аудитории зададут тебе опять и опять. Но вот отыскали-таки кого-то из нас, кто дрогнул, не вынес соблазна "успеха", подтвердил желанное:

— *Да, повредит...*

И это — по всем газетам, притом на первую полосу. А не найдя среди русских диссидентов никого с достаточным именем — ратовать за "социализм с человеческим лицом", — стали создавать диссидентов прямо из ничего. Какие-то сомнительные чехи, вечно тоскующие о "пражской весне" в мировом масштабе, какие-то случайные эмигранты из СССР, только вчера еще платившие партвзносы, — вот они, "настоящие диссиденты". Хорошие. Им — газетные страницы, им — профессорские звания...

Представим себе, что вышел из тюрьмы Нельсон Манделла после длительной общественной кампании за его освобождение и на первой же пресс-конференции ему задают вопрос:

— А как вы относитесь к апартеиду с человеческим лицом?

И очень недовольны, коли ни апартеид с человеческим лицом, ни "мирное сосуществование" с таковым Манделе не нравятся.

"Ну, экстремист, что с него взять".

А еще бы ему, Манделе, в каждую его программу по телевидению всунуть умеренного "апартеидоведа" из американского университета — для баланса. Или, того лучше, какого-нибудь коллаборанта из Претории: нельзя же публике представлять только экстремистские взгляды, нужна уравновешенность!

— Вы слишком пострадали от апартеида, — сказали бы ему сочувственно. — Конечно, вы не можете быть объективным.

"Объективность" же, услужливо подсказанная "умеренными специалистами по апартеиду", состояла бы в том, что южноафриканские негры не имеют "традиций демократии" (т.е. попросту сказать — дикари), а стало быть, нельзя прямо так вот взять и отменить апартеид, но нужно его реформировать постепенно. Следовательно, открыто осуждать апартеид, устраивать ему бойкоты и обструкции, не только бесполезно, но и вредно. Напротив, с ним нужно развивать сотрудничество, оказывать на него "цивилизующее влияние", а изменений добиваться путем "тайной дипломатии"...

Даже вообразить себе такого в отношении Нельсона Манделы невозможно. И если бы нашелся хоть один отчаянный западный деятель, осмелившийся сказать

такое — конечно, не в лицо ему, этого и представить себе не могу, но хоть за глаза, хоть бы полунамеком, — враз исчез бы такой камикадзе с лица земли, испепеленный общественным негодованием. Иного и названия ему бы не было в мире, кроме как расист, прислужник апартеида. Невзирая на всякие там свободы слова и печати, ни одна газета, ни один канал телевидения или радиостанция в мире не дали бы ему возможности и полслова сказать в свое оправдание.

А что такое апартеид по сравнению с коммунизмом? Так, мелкое местное недоразумение, никому, в сущности, за пределами Южной Африки не угрожавшее. Ни ядерных ракет, ни танковых колонн не целил он в сердце Запада; не навязывался светлым будущим всему человечеству; не стремился к экспорту своей модели; не имел рьяных сторонников (тайных или явных) в каждом уголке мира.

Казалось бы, желание избавиться от коммунизма должно было преобладать на Западе над вполне гуманистическим пожеланием увидеть конец апартеида. Но именно мы, а не Нельсон Мандела должны были сносить оскорбительный для нас бред западной "элиты". Именно нам приходилось продираться сквозь глухое сопротивление здешнего истеблишмента, отбиваться от клеветы, сносить откровенную ненависть, как будто нам — и только нам — нужно было избавление от коммунизма. Будто бы это была наша местная проблема, никого в мире более не касающаяся.

Конечно, это была не "наивность" Запада, как тогда вежливо выражались, и даже не глупость — как иногда говорили мы в сердцах. Это была сознательная политика западного истеблишмента, "глупая" только в том широком смысле, в каком глупа сама идея социализма. Ибо, к великому моему изумлению, западный истеблишмент был, а в большой степени и остался просоциалистическим; в лучшем случае — умеренно социал-демократическим. Ведь совершенно неважно, кто оказался у власти в тот или иной момент: и пресса, и деньги (фонды типа Фордовского) остаются в тех же руках, что и прежде. Истеблишмент не меняется, а его власть при демократии гораздо больше власти правительства, особенно в жизни интеллигенции.

Тем более несущественно, как именует себя та или иная партия: за наше столетие, под влиянием интеллигентской моды и сосредоточенной пропаганды социалистов, политический спектр весь сдвинулся настолько влево, что нынешний "консерватор" в Англии практически ничем не отличается от социал-демократа начала века. Маргарет Тэтчер была исключением, представлявшим отнюдь не большинство своей партии, а ее крошечную часть, да и то возникшую совсем недавно. Гораздо более типичным для нынешних консерваторов был и остается Эдвард Хит — коллега и единомышленник Вилли Брандта по грандиозной идее перекачать "богатство" Севера на "бедный" Юг. Идея — настолько откровенно социалистическая, что просто диву даешься, как ее вообще могли обсуждать всерьез где-либо еще, кроме съезда Социалистического Интернационала. А ведь ее не только обсуждали всерьез — как-то само собой получилось, что именно в этот же период (начало 70-х) западные банки действительно перекачали-таки более *триллиона долларов* странам Третьего мира под видом займов, кредитов и т.п., отлично зная, что никогда этих денег не вернут. Теперь, уже в наши дни, эти фантастические деньги просто списали как "плохой долг", нимало не смуща-

ясь тем, что, по сути, это деньги вкладчиков да налогоплательщиков, согласия которых на эту социалистическую аферу никто и не спрашивал.

Словом, совершенно о том не подозревая, мы со своими правами человека, тюрьмами да психушками вылезли в мир, где социализм как идея уже давно победил, а за кулисами спор шел лишь о том, какая именно форма социализма будет господствовать. Как если бы вы, заметив, что жулики грабят дом, прибежали в полицию и сообщили об этом полицейским, не подозревая, что они в сговоре с жуликами. Картинка, не правда ли?

— Та-а-к... — тянет полицейский, — оч-ч-чень интересно. А вы уверены, что это грабители? Может, это сами хозяева — переезжают на другую квартиру... Может — так надо? Да вы-то, собственно, кто такой будете? Вы что, родственник?

Каюсь, мне потребовалось где-то года два, прежде чем я начал соображать, что же происходит. Сначала я никак не мог взять в толк, отчего мне не удается все путем объяснить. То ли дело в моем плохом английском, то ли еще в чем, но — не понимают. Или — я не понимаю. Мы словно говорили на разных языках, где слова вроде бы одни и те же, а смысл совершенно разный.

Поражала меня их манера оперировать понятиями абстрактно, вырванно из контекста, отчего понятия превращались в бессмысленные словечки или коротенькие лозунги, действовавшие на здешнюю публику как звоночек на павловскую собаку: выделением желудочного сока безо всякой видимой причины. Скажем, слово "мир" или "сотрудничество". И все принимаются радостно улыбаться — выделился желудочный сок. Между тем, ни то, ни другое вне конкретного контекста просто и смысла не имеет. В абстрактном-то смысле самое мирное место на земле — кладбище, а сотрудничество, например, с преступником именуется соучастием и карается по законам любой страны. Просто, правда? Но объяснить здешним собеседникам эти простые истины я так и не смог. Преодолеть выработанные десятилетиями павловские рефлексы оказалось невозможно. До сих пор, например, существует такой абсурд, как Нобелевская премия мира. Мира — с кем? Какой ценой? В абстрактном смысле, вне контекста обстоятельств, ее надо бы присуждать деятелям типа Чемберлена.

В самом деле, этот вот пресловутый "детант", эта "разрядка международной напряженности" — что сей сон значит? Почему надо бороться с "напряженностью", а не с ее источником? Ведь откуда-то она берется? Какой же смысл нам ее все время "разряжать", если она будет и дальше "заряжаться"? Но логика тут не действует, а в ответ вам звучит другая фраза-звоночек:

— *Нет альтернативы детанту.*

И собеседник опять выделил желудочный сок.

— Позвольте, — начинаете беспокоиться вы, — то есть как так "нет альтернативы"? Всему на свете есть альтернатива. Наконец, искусство политики в том и состоит, чтобы создавать альтернативы. — И слышите в ответ:

— *Надо признавать политические реальности.*

Дз-з-з... Опять звоночек. Помню, я как-то битый час пытался объяснить собеседнику, что "политические реальности" надо не признавать, а создавать. Для меня, например, признание политической реальности в СССР означало бы необходимость вступить в партию, сотрудничать с КГБ. Я же вместо этого "создал реальность": сижу теперь перед ним на Западе. Не помогло. Под конец, сильно

забурчав желудком, он только произнес:

— *Нам нужен мир и сотрудничество.*

Скажете, я утрирую или упрощаю? Отнюдь нет. Наши споры со здешним истеблишментом о "детанте" точно так по-дурацки и протекали — как диалог глухих, — ибо никто из "детантистов" даже не пытался всерьез обосновывать свою доктрину. Лгали, крутились, отделывались лозунговыми фразами, но просто и доходчиво объяснить, зачем этот "детант" нужен, так и не могли. Да ведь и невозможно объяснить, зачем, например, снабжать — кредитами, товарами, технологией — тоталитарный режим, открыто провозгласивший целью своего существования ваше уничтожение. Нет таких аргументов в человеческой логике, чтобы это оправдать. Оставалось — лгать.

— Идея в том и состоит, чтобы было удобнее влиять на СССР и заставлять их уважать права человека, — говорили "детантисты", заговорщицки подмигивая. — Вот мы их привяжем к себе, сделаем экономически зависимыми от Запада и — будем влиять.

Но подходило время "влиять" — как было при нарушении СССР Хельсинских соглашений или вторжении в Афганистан, — и вдруг выяснялось: "*мы зависим от них больше, чем они от нас*". Не то что объявить им бойкот или эмбарго *мы*, оказывается, не можем, но, наоборот, они вполне могут экономически шантажировать Запад.

Что это — глупость? Случайность? Ни то и ни другое, ибо тут же, не переводя дыхания, предлагали влезть в еще большую зависимость от СССР, например, проведя трубопровод для советского газа в Европу.

Какие уж там заботы о правах человека, если "остполитик" германских социалистов свела эту проблему просто к торговле людьми. Возникла целая индустрия: за каждого освобожденного заключенного властям ГДР платили до 40 тысяч марок, чем только стимулировали новые немотивированные аресты.

"*Мы, немцы, прежде всего должны заботиться о своих восточных братьях*".

И "заботились" — в награду за массированные вливания в экономику ГДР получали милостивое разрешение для некоторых избранных посетить своих родственников на Востоке. Трогательные кадры, аж слеза прошибает: старички со старушками, наконец, свиделись, благодаря "детанту"... А в это же время "восточных братьев" расстреливали на стене, травили собаками, взрывали минами. Стену посреди города и замечать-то не полагалось, тем более говорить о ней. Как можно! Это же "риторика холодной войны".

"*Детант — это мир и сотрудничество*".

Что это было — глупость? трусость? Нет — *предательство.*

2. Кто придумал детант?

Я всегда думал, что детант 70-х годов придумали в Кремле, и... оказался не прав: его придумали германские социалисты. Ошибка моя вполне понятна: чередования периодов "напряженности" и ее "разрядки" типичны для всей истории отношений Востока с Западом и всегда зачинались советской стороной. Начиная с ленинского нэпа через годы "великого альянса" Второй Мировой войны и кон-

чая хрущевским "мирным сосуществованием" решения "разрядиться" или "нагнетаться" принимались в Москве, а Запад лишь принимал навязанную ему игру. В сущности, идеальным для режима было бы всегда находиться в таких отношениях со своим "капиталистическим окружением", когда в ответ на "усиление классовой борьбы" Запад реагировал бы увеличением дружелюбия. Но этого не получалось: напуганный усилением советского влияния, захватом новых территорий, активизацией подрывной деятельности, Запад ощетинивался, обычно ненадолго, и наступал период "холодной войны", проклинаемой всем прогрессивным человечеством.

Как бы ни преподносила все это левая пропаганда, западная политика в отношении СССР всегда была пассивной, оборонительной, а не наступательной. Даже в самый разгар "холодной войны" господствующей доктриной Запада было "сдерживание", что и оставляло всю инициативу в руках советских вождей. Поэтому, подустав от противостояния да подыстощив свои ресурсы, но и поизмотав нервы противнику, советский режим начинал "мирное наступление", рассчитывая получить и передышку в гонке вооружений, и западные кредиты с технологиями, и более благоприятную обстановку для дальнейшего расширения своего влияния. И не было случая, чтобы Запад отверг эти домогательства "дружбы", хотя режим никогда не скрывал, что суть его осталась неизменной. Знаменитое хрущевское обещание: "Мы вас похороним!" — переполошило Запад гораздо больше Берлинской стены, хотя по сути дела он не сказал ничего нового, а лишь повторил своими словами марксистскую догму о "пролетариате — могильщике капитализма". Брежнев, в отличие от Хрущева своими словами ничего не говоривший, тем не менее везде и всюду повторял, что "разрядка ни в коей мере не отменяет и не может отменить законов классовой борьбы". Но звучит туманно, и никто не взволновался.

Естественно, кончались эти "детанты" всегда одинаково: очередным вторжением, советским захватом той или иной страны, прямой враждебностью по отношению к Западу, угрозами. Подобно стайке обезьян, у которых тигр унес подружку, западные страны переживали короткий период нездорового ажиотажа, а потом успокаивались. И все начиналось сначала, с той лишь разницей, что со временем циклы становились все короче. Все меньше и меньше мог вынести режим напряжение, а его экономика — протянуть без западных вливаний. Однако и передышки со временем становились все опасней, поскольку без "напряженности" начинал теряться контроль над разными частями империи.

Словом, было более чем достаточно причин думать, что и "детант" 70-х тоже начался по советской инициативе. К тому же уж больно он был кстати брежневскому руководству, только что раздавившему Чехословакию и оказавшемуся в изоляции да еще и начавшему "косыгинские реформы", то есть особо остро нуждавшемуся тогда в западной помощи. Но факты — вещь упрямая. То немногое, что я нашел в архивах по этому вопросу, поразило даже меня.

Вспомним документ, уже приведенный в начале первой главы, — о встрече "источника КГБ" с "доверенным лицом" одного из лидеров СДПГ Эгона Бара и о начале "неофициальных контактов" германских социал-демократов с КГБ.

Эту позорную политику они и начинали позорным образом — тайком от своего народа, как заговор, да еще и через "каналы КГБ". Но дело даже не в этом — в

конце концов, скажут мне, есть много примеров в истории, когда нужное дело делалось тайком, — а в том, что документ напрочь опровергает всю ложь, позднее сочиненную социал-демократами в оправдание своей новой политики.

Например, *зависимость ФРГ от советского соседа, на которую потом ссылались социал-демократы как на "реальность", с коей им "приходится считаться", была, как видим, создана ими сознательно.* Или возьмите их истошные крики о том, как они "спасают человечество от ядерной войны" с помощью своей "остполитик", все их заклинания о том, что "нет альтернативы детанту". Но ведь Германии, как мы знаем, в 1969 году ничего реально не угрожало (во всяком случае не более, чем обычно), а пресловутая "международная напряженность" еще и не начинала господствовать в мире. Никакой "альтернативы" искать и не требовалось. Напротив, "напряженность" появилась как раз в результате "детанта", когда, воспользовавшись западным благодушием, СССР к концу 70-х стал наращивать свои вооружения.

Наконец, не забудем и тот простой факт, что Германия — член НАТО, а социал-демократы в 1969 году — члены правительственной коалиции ФРГ и, стало быть, ведя такие переговоры с Москвой за спиной своих союзников, просто совершают предательство. В условиях демократии никто не запрещает им, конечно, изменить свою прежнюю линию поддержки НАТО или даже стать союзниками Москвы, но для этого они обязаны сперва выйти из правительственной коалиции и открыто объявить о своем новом выборе. Не сделав ни того, ни другого, они, по сути, превращаются в агентов влияния Москвы в НАТО. В результате этой политики Германия ничего существенного не выиграла, но отношения между Востоком и Западом были надолго заражены вирусом капитулянтства.

Между тем, рекомендуемый Андроповым сбалансированный подход в отношениях с "обеими партиями" — не более чем игра. В то же самое время, в мае 1969 года, КГБ посылает в ЦК следующую бумагу:

В соответствии с решением Секретариата ЦК КПСС (Ст-57/59гс от 16 сентября 1968 года) в октябре 1968 года Комитет государственной безопасности при СМ СССР передал МГБ ГДР фотокопии архивных документов о нацистском прошлом западногерманского канцлера КИЗИНГЕРА.

В настоящее время МГБ ГДР просит передать на время подлинники дополнительных документов для использования их в подготовке мероприятий по компрометации КИЗИНГЕРА.

Полагаем возможным удовлетворить просьбу немецких друзей и передать им во временное пользование упомянутые документы о нацистском прошлом канцлера ФРГ КИЗИНГЕРА, хранящиеся в ГАУ при СМ СССР.

Просим согласия.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

Игра Москвы вполне понятна: не удастся шантажом склонить канцлера Кизингера к сотрудничеству, так можно от него избавиться, сделав ставку на его партнеров по "больной коалиции" — социал-демократов. Как мы знаем, так и было, и в том же году Вилли Брандт стал канцлером, а Кизингер ушел в отставку в результате "мероприятий" по его "компрометации" (и не без помощи социал-демократических "партнеров", искусственно устроивших правительственный кризис). Однако понять мотивы социал-демократов, добровольно полезших в совет-

скую петлю, гораздо труднее. Разумеется, впоследствии они много говорили о своей благородной миссии защиты прав человека, якобы невыполнимой без определенных уступок СССР, без определенной "взаимовыгодной" игры с Москвой. Но ведь это всего лишь дымовая завеса, если не сказать попросту ложь, ибо основные уступки Москве пришлось делать именно в вопросе о правах человека. Достаточно вспомнить, что вся эта игра была затеяна *всего через полгода после того, как советские танки раздавили "пражскую весну"*, а человечество еще не устало этим возмущаться. В такой момент уже само предложение установить "особые отношения" с агрессором было солидной "уступкой", если не прямым предательством. Не удивительно, что, начавшись с такой ноты, новая "остполитик" и превратилась в политику предательства дела прав человека, а сама Германия к началу 70-х — во вторую Финляндию. Вот, например, еще один документ, иллюстрирующий "правозащитную" деятельность правительства ФРГ к 1972 году, — доклад Андропова ЦК:

5 марта 1972 года по личному приглашению президента ХАННЕМАНА в ФРГ по частной визе выехал старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР доктор исторических наук ВОСЛЕНСКИЙ Михаил Сергеевич, 1920 года рождения, русский, беспартийный, холостой.

29 апреля с.г. статс-секретарь МИД ФРГ ФРАНК сообщил совпослу в Бонне тов. ФАЛИНУ о том, что ВОСЛЕНСКИЙ ходатайствовал перед властями ФРГ о продлении ему визы на пребывание в стране на 2-3 года, а также просил оказать ему содействие в продлении на указанный срок советского загранпаспорта. При этом ВОСЛЕНСКИЙ обосновывал свое ходатайство стремлением заняться научной деятельностью, не высказывая при этом никаких политических мотивов. По заявлению ФРАНКА, поведение ВОСЛЕНСКОГО вызывает определенное подозрение, в связи с чем правительство ФРГ не заинтересовано в продлении срока его пребывания в стране. В то же время западногерманская сторона не может пойти на прямой отказ в продлении ему визы, так как опасается, что ВОСЛЕНСКИЙ может апеллировать к общественности, и не исключает, что он в качестве крайней меры может обратиться в полицию с ходатайством о предоставлении ему убежища со всеми вытекающими из этого последствиями.

В условиях сложной политической обстановки в ФРГ такой оборот событий, по мнению ФРАНКА, был бы крайне нежелателен. Исходя из этого, ФРАНК заявил, что, по мнению западногерманской стороны, наилучшим выходом из сложившейся ситуации было бы продление ВОСЛЕНСКОМУ срока действия советского паспорта и западногерманской визы на 2—3 месяца. (...)

Учитывая, что ВОСЛЕНСКИЙ находится в ФРГ по личному приглашению президента ХАННЕМАНА, представляется целесообразным согласиться с предложением ФРАНКА о продлении визы ВОСЛЕНСКОМУ, оговорив при этом, что западногерманские органы примут меры к недопущению нежелательных действий с его стороны.

Одновременно через совпосла в Бонне, а также имеющиеся у Комитета госбезопасности возможности поставить вопрос перед западногерманской стороной о негласном вывозе ВОСЛЕНСКОГО в Советский Союз, если в этом возникнет необходимость.

Просим рассмотреть.

Словом, к 1972 году немецкое руководство было уже просто в заговоре с Москвой и против своего общества, и даже против полиции в вопросе об этих самых "правах человека". А к 1974 году это "доверительное сотрудничество" настолько окрепло, что, например, вопрос о насильственной высылке Солженицына из СССР решался практически совместно советским политбюро и социалистическими лидерами ФРГ (причем, по-видимому, в тайне от их партнеров по коалиционному правительству). Читатель помнит, какую головоломную проблему представляло дело Солженицына для советских вождей: с одной стороны, политбюро вроде бы высказалось за судебную расправу над писателем, а с другой — все они (в особенности Андропов и Громыко) понимали, что такое вопиющее нарушение прав человека сильно подорвет их успехи в международных делах. Особенно волновало их предстоящее заключение Хельсинского соглашения, где в обмен на "признание послевоенных границ" (т.е. узаконение советской оккупации доброй половины Европы) они обещали дать всяческие гарантии соблюдения прав человека — разумеется, без малейшего намерения их соблюдать. Но одно дело — нарушать договоры после их подписания, другое — до. Арест Солженицына в тот момент мог сорвать им всю игру, а выслать его против воли, как предлагал Андропов, было трудно, не найдя страны, готовой его принять. Тут-то и пришел им в голову сюжет с Брандтом — к кому же было и обращаться за помощью, кроме самой заинтересованной в "детанте" стороны?

Как я Вам докладывал по телефону, Брандт выступил с заявлением о том, что Солженицын может жить и свободно работать в ФРГ, — сообщает Андропов в личной записке Брежневу. — Сегодня, 7 февраля, т.Кеворков вылетает для встречи с Баром с целью обсудить практические вопросы выдворения Солженицына из Советского Союза в ФРГ. Если в последнюю минуту Брандт не дрогнет и переговоры Кеворкова закончатся благополучно, то уже 9-10 февраля мы будем иметь согласованное решение, о чем я немедленно поставлю Вас в известность. Если бы указанная договоренность состоялась, то, мне представляется, что не позже чем 9-10 февраля следовало бы принять Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы нашей Родины (проект Указа прилагается). Самую операцию по выдворению Солженицына в этом случае можно было бы провести 10-11 февраля.

Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с публичным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение.

А два дня спустя он докладывает об успехе:

...8 февраля наш представитель имел встречу с доверенным лицом БРАНДТА с целью обсудить практические вопросы, связанные с выдворением СОЛЖЕНИЦЫНА из Советского Союза в ФРГ.

В результате обсуждения этого вопроса было достигнуто следующее решение, подсказанное представителем ФРГ (курсив мой. — В.Б.). 12 февраля вечером совпосол в Бонне т.ФАЛИН обращается к статс-секретарю П.ФРАНКУ

(именно к нему) с просьбой принять его по срочному вопросу в 8.30 13 февраля.

13 февраля в 8.30 т.ФАЛИН будет принят ФРАНКОМ, которому должен сделать заявление по поводу выдворения СОЛЖЕНИЦЫНА. (Текст заявления представляется отдельно совместно с МИДом). В 10.00 начинается заседание кабинета. БРАНДТ поручает БАРУ, ФРАНКУ и представителю МВД принять положительное решение. По просьбе западногерманских властей самолет с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ должен быть рейсовым и прибыть во Франкфурт-на-Майне к 17 часам местного времени 13 февраля.

С момента выхода СОЛЖЕНИЦЫНА из самолета советские представители уже не участвуют в осуществлении акции... Если в последнюю минуту БРАНДТ, несмотря на все его заверения (курсив мой. — В.Б.), по тем или иным причинам изменит свое решение, то СОЛЖЕНИЦЫН остается под арестом и по его делу прокуратура ведет следствие.

"Сотрудничеством" это можно назвать разве что в том смысле, в каком "сотрудничают" агенты со своим центром. Речь идет о сговоре, заговоре.

Разумеется, к моменту подписания Хельсинских соглашений немецкие социал-демократы отлично понимали, что СССР не собирается выполнять своих обязательств по правам человека, и протестовать по этому поводу вовсе не планировали. Без сомнения, всем их публичным заявлениям вопреки, "детант" в их представлении никак не связывался с проблемой прав человека. Смена канцлера в 1974 году не привела ни к каким изменениям в этой политике. Дело ведь было не в канцлере, а в его партии. Более того, к 1977 году, к моменту кульминации мировой кампании за права человека в СССР, когда к ней присоединился новый президент США Джимми Картер, немецкие социал-демократы вообще перестали упоминать эту проблему в качестве основы "остполитик". Картер со своей кампанией напугал их до полусмерти: а вдруг действительно права человека станут центральной проблемой отношений с СССР!

Руководители СДПГ пережили немало тревог и волнений в связи с началом деятельности президента Картера. Неясности в отношении будущего курса новой администрации США в вопросах разрядки, взаимоотношений с СССР, в важнейших областях экономической и финансовой политики осложнили выработку правительственной программы социально-либеральной коалиции, оказали негативное влияние на начало деятельности кабинета Шмидта, — сообщало советское посольство в своем отчете за 1977 год.

Брандт и Бар поспешили в Вашингтон учить Картера хитростям европейской политики, а всякое упоминание проклятых "прав человека" стало сопровождаться бесконечными оговорками. Как докладывал в Москву посол СССР в ФРГ Фалин:

С одной стороны, они обязаны прослыть поборниками "прав человека", не могут позволить себе отстать ни от своих внутренних соперников, ни от союзников. После опубликования письма Картера Сахарову канцлер Шмидт (20.02.77) выступил с заявлением о том, что мотивы президента не отличаются от западногерманских и что правительство ФРГ "и в будущем намерено подходящими путями действовать в том направлении, чтобы не подвергались дискриминации и преследованиям люди, выступающие с иными мнениями". Геншер в той же связи назвал осуществление прав человека "во всемирном масштабе" централь-

ной целью либералов и напомнил о своем предложении создать "международный суд по правам человека".

С другой стороны, по достоверным данным, руководство СДПГ встревожено подходом Картера к проблеме диссидентов. Если Шмидт говорил о намерении действовать "подходящим путем", то Бару, который выезжал в США, было поручено более обстоятельно разъяснить новой администрации мнение социал-демократов насчет таких "подходящих путей", которые не выбрасывают за борт разрядку. Эта же тема, вероятно, будет затронута Брандтом и Эмке во время их предстоящих встреч с Картером и Вэнсом. (...) Еще откровеннее беспокойство по поводу складывающегося положения высказывается западногерманскими политиками из правительственного лагеря в неофициальных беседах...

Легко понять, что именно они вместе со своими европейскими социалистическими союзниками распространяли ложь о том, что "шум на Западе вредит диссидентам", вопреки мнению самих диссидентов, так же, как и прочую ложь о нас, и вольно или невольно становились "каналами КГБ" для "мероприятий по компрометации". Более того, о своих успехах в этой "работе" они спешили доложить советским "партнерам":

До нашего сведения доводится, что Шмидт, Брандт и Вернер провели полезную работу с Х.-Д.Геншером, сумев приблизить его к лучшему восприятию социал-демократических внешнеполитических концепций. Социал-демократы подчеркивают, что под влиянием этого министр иностранных дел стал проявлять большую сдержанность по части выступлений с недружественными СССР заявлениями.

Словом, все силы европейского социализма были приведены в действие, чтобы "спасти детант" от... проблемы прав человека. Попросту сказать, от нас, горстки людей, ценой своей свободы (а иногда и жизни) эти права защищавших. Силы, между прочим, и теперь еще немалые, а тогда — гигантские. Достаточно вспомнить, что в 1977—1978 гг., когда наша кампания достигла критического момента, а судьба наших арестованных товарищей — членов Хельсинских групп висела на волоске, большинство европейских правительств были социалистическими. И это не говоря уж о прессе, интеллигенции, профсоюзах и деловых кругах.

Стоит ли удивляться тому, что они "победили"? А точнее сказать — предали и нас и идею прав человека. Им, конечно, ничего не стоило совместными усилиями заставить Картера отказаться от своей правозащитной линии в отношениях с СССР. Но и это не все. Еще задолго до Белградской конференции, где должно было "проверяться" выполнение Хельсинских соглашений осенью 1977 года, европейские соцпартии тайно, за закрытыми дверьми, встретились в Амстердаме и приняли решение "*не требовать слишком много от СССР*" на этой конференции. А через полгода в Белграде — не потребовали ничего. Конференция, на которую люди возлагали столько надежд, рассчитывая на твердую позицию Запада, отделалась "нейтральным" коммюнике, где даже не упоминалось о репрессиях в соцстранах.

Так совершилось это предательство, от которого наше движение никогда полностью не оправилось. Десятки "хельсинцев" пошли в тюрьмы и лагеря, многие там и погибли, заплатив своей жизнью за обман, называемый Хельсинскими

соглашениями: за торжественное обещание Запада неразрывно связывать вопросы безопасности, сотрудничества и прав человека в своих отношениях с Востоком.

Впрочем, предали они не только нас и не только идею, но и свои же страны, свою цивилизацию. В конечном итоге — самих себя: не связанный с борьбой за права человека в соцстранах, "детант" превращался в простую капитуляцию, а идея "социализма с человеческим лицом", этим "лицом" пожертвовав, из утопии — в сознательный обман. И кем же надеялись стать эти бары и франки при усилении советского влияния в Европе? Квислингами и гауляйтерами Москвы? Большая наивность. Для этих целей у кремлевских вождей были наготове хонеккеры. Но — следуя по стопам всех социалистов, помогших коммунистам взять власть, они бы кончили свои дни в ГУЛАГе.

"За спинами делегатов в Амстердаме не стоял конвой с автоматами, на них не скалились сторожевые псы: они сами выбрали несвободу". (Так говорил я, выступая у Берлинской стены 9 мая 1977 года).

3. Меньшевики и большевики

Наконец, еще одно "правозащитное" оправдание "детанта" — забота о "восточных братьях", быть может и вполне искренняя вначале, — тоже очень скоро была принесена в жертву тому же "детанту" и превратилась в пропагандистский камуфляж. Охотно допускаю, что подписывая Московский и Варшавский договоры в 1972 году, социал-демократы еще верили в свой лозунг о "влиянии через сближение". Однако очень скоро выяснилось, что одно дело — прийти к власти путем различных манипуляций, другое — у власти удержаться, сохранив при этом свои цели и принципы. Социалистические идеи, как известно, хороши лишь в теории. На практике популярность СДПГ очень скоро стала падать, а к 1977 году, по оценкам советского посольства в Бонне, ее авторитет "находился на наиболее низкой отметке за время пребывания ее у власти".

...в политических кругах не прекращались дискуссии о дальнейшей судьбе западногерманской социал-демократии, а вместе с тем и о жизнеспособности социально-либеральной коалиции в целом. Как показывают многочисленные встречи и беседы представителей совпосольства в социал-демократических кругах, руководство СДПГ упорно ищет путей достижения позитивных результатов в своей внешней и внутренней политике и повышения доверия населения к своему политическому курсу. — В этих условиях, сообщает посольство, — **внешнеполитическая деятельность (...) рассматривается руководством СДПГ в качестве одной из решающих предпосылок упрочения влияния партии в стране.**

Попросту говоря, социал-демократы оказались заложниками своей "остполитик", успех которой был целиком в руках советских вождей. Конечно, такое "сближение" Москву вполне устраивало, позволяя не просто "влиять" на правительство ФРГ, но и прямо диктовать ему свою политику. Даже визит Брежнева в ФРГ превращался в событие, которого в этой стране НАТО ждали с большим трепетом, чем ждали бы в Варшаве.

Большие надежды руководство СДПГ возлагает на успешное проведение

визита тов. Л.И.Брежнева в ФРГ. Оно рассчитывает, что новые импульсы для дальнейшего улучшения советско-западногерманских отношений позволят сгладить невыгодное для социал-демократов впечатление, что за время деятельности кабинета Шмидта с мая 1974 г. в политической сфере этих отношений почти не наблюдается поступательного движения. Советско-американский диалог относительно заключения второго соглашения об ограничении стратегических вооружений, визит тов. Л.И.Брежнева в ФРГ, конструктивный ход белградского совещания должны, по мнению руководителей СДПГ, стать в текущем году важными взаимосвязанными этапами на пути дальнейшего углубления разрядки.

Заслуживает внимания, что в обстановке подготовки к визиту тов. Л.И.Брежнева социал-демократы избегают принимать активное участие в шумных антисоветских кампаниях вокруг вопроса о "правах человека", осуждают их организаторов со стороны ХДС/ХСС.

Вспомним, что в это время даже некоторые коммунистические партии (французская, итальянская) не слишком сдерживали себя в критике советской репрессивной политики. СДПГ, таким образом, оказывалась зависимой от Москвы больше европейских компартий, а ФРГ — не менее какой-нибудь Болгарии. Да что Москва? Даже ничтожная, марионеточная ГДР могла диктовать политику своему "западному брату".

Руководство СДПГ упорно работает над тем, чтобы выбить из рук оппозиции один из ее главных аргументов, будто политика руководимого Шмидтом правительства в германских делах "зашла в тупик" и выявила свою полную неэффективность. Ведомство канцлера прилагает по различным каналам энергичные усилия с целью побудить ГДР к обсуждению широкого каталога мер, достижение договоренностей по которым позволило бы с точки зрения интересов ФРГ "создать позитивный баланс" в отношениях с ГДР. Политическая и идеологическая направленность этих мер характеризуется достаточно откровенно — создать настолько плотную сеть сочетания взаимных интересов, чтобы ГДР ни при каких обстоятельствах не могла пойти на ее разрыв без ущерба для себя. Необходимо добиваться того, заявляет Г.Вернер, "чтобы противостояние ФРГ и ГДР постепенно перерастало в существование рядом друг с другом, в отношения лояльных соседей".

Канцлер хорошо отдает себе отчет во всех трудностях решения этой задачи и не строит здесь больших иллюзий. Лидеры СДПГ постоянно подчеркивают необходимость проявлять осторожность и терпение в отношениях с ГДР, а главное — демонстративными и безрассудными акциями не ставить под угрозу уже происшедшие "фундаментальные изменения". Под этим, прежде всего, имеются в виду расширившиеся возможности для общения граждан ФРГ и ГДР. Возрастание числа поездок граждан ФРГ в ГДР до 8 млн. в 1976 году представляется руководством СДПГ как "улучшение положения людей в разделенной Германии" и как одно из главных достижений политики ФРГ с 1969 года в германских делах.

Словом, забота о "восточных братьях" свелась к довольно парадоксальной ситуации, когда "модель успешного социализма" в ГДР искусственно поддерживалась на деньги западногерманских налогоплательщиков, восьми миллионам которых позво-

лялось раз в год приехать и на это посмотреть. Нетрудно понять, чье "влияние" преобладало при таком "сближении". Даже совпосольский отчет не скрывает прони, говоря об этом "главном достижении" политики социал-демократов за семь лет "детанта".

Под конец, когда уже ни права человека, ни "влияние" на ГДР невозможно было всерьез выдавать за основу своей политики, в качестве рациональной причины "детанта" стали выдвигать совершенно другое — мир и разоружение. Но и это звучит неубедительно: в 1969 году, когда социал-демократы задумали и начали осуществлять свою "восточную политику", угроза войны в Европе была гораздо меньше, чем в результате этой политики к 1980 году. Тем не менее, даже несмотря на такие результаты, они продолжали отстаивать "детант" с маниакальным упорством, постоянно притом заботясь о расширении советского влияния и в стране, и в партии, часто за свои же деньги, например, путем использования:

...такого пропагандистского канала, как социал-демократический "Фонд Фридриха Эберта", с учетом того, что по его линии и за его счет могли бы проводиться поездки в СССР дополнительного числа журналистов из ФРГ, устраиваться выступления советских лекторов перед западногерманской аудиторией. Через фонд можно было бы устанавливать необходимые контакты и с СДПГ. Как отмечал председатель СДПГ В. Брандт, деятельность фонда в последние годы полностью пересмотрена. Он не занимается более мероприятиями, которые ГДР могла бы раньше рассматривать как задевающие ее интересы, и работает под наблюдением и по указаниям правления СДПГ. По мнению Брандта, фонд мог бы выполнять роль канала связи между странами, который контролировали бы СДПГ и КПСС.

Даже советское вторжение в Афганистан, сильно протрезвившее общественное мнение Запада, очень мало отразилось на политике немецких социал-демократов. По-прежнему основной задачей для них было "спасти детант". Спасти — от кого? От Брежнева? Нет, от "непродуманной и гипертрофированной реакции, которая не соответствует сути событий и посему привела бы все к еще худшей ситуации". Не случайно именно к Брандту обратилось политбюро с личным посланием сразу после вторжения, справедливо рассчитывая преодолеть возникшую политическую изоляцию с его помощью.

Главное же состоит в том, — пишут они, — чтобы найти общий язык в вопросе, который уже долгие годы является предметом и Вашей и нашей озабоченности — как отстоять дело укрепления международной безопасности.

Однако эти поиски "общего языка" велись почему-то в самых неожиданных сферах. К 1981 году, например, было даже начато сотрудничество по вопросам теории построения социализма между теоретическим органом СДПГ журналом "Нойе гезельшафт" и редакцией органа ЦК КПСС журнала "Коммунист". Ну, а это зачем? Какое это имеет отношение к миру или международной безопасности?

В самом деле, что же такое эта политика разрядки, "детант", "остполитик" или как оно там называется? Вряд ли можно объяснить ее одной глупостью, трусостью или даже инфильтрацией КГБ в СДПГ (хотя и то, и другое, и третье несомненно, играло свою роль) уже потому хотя бы, что эта политика была принята не одними немцами. Практически все социалистические и социал-демо-

кратические партии Европы поддерживали ее в той или иной мере. Да ведь и вроде бы несоциалистические правительства, например во Франции (Жискар д'Эстен) или США (Никсон с Киссинджером), не видели "альтернативы детанту". Точнее сказать, и не искали ее, вполне приняв игру и аргументацию социалистов.

Какие же цели ставили себе социал-демократы Европы, выдумав ее и навязав миру? Ведь это были не безвредные игры досужих политиков, а весьма опасная авантюра, которая вполне могла стоить свободы народам Европы. Она продлила жизнь коммунистическим режимам на Востоке по меньшей мере лет на десять. Сотни тысяч людей могли бы остаться в живых и в Афганистане, и в Эфиопии, и в Центральной Америке, и на Ближнем Востоке. Во имя чего же обрекли их на смерть? Во имя чего приговорили социалисты к десяти годам рабства народы СССР и Восточной Европы? Изначально — ради утопии "социализма с человеческим лицом", в которую они рассчитывали затолкать ничего не подозревающее человечество. Ради "конвергенции", в результате которой, как они считали, советский коммунизм приобретет человеческое лицо, а Запад станет социалистическим. В общем, ради извечной мечты меньшевиков вернуть большевиков в лоно социал-демократии, мечты идиота о гибриде детского сада с концлагерем.

Но, как мы знаем из истории их отношений, меньшевики предполагают, а большевики — располагают. История не знает примера, когда бы первые перехитрили последних, и бессчетное множество примеров использования последними первых. Как правильно говорил мне один старый социал-демократ, человек исключительной честности, социал-демократия имеет право на существование только до тех пор, пока в основе ее политики лежит последовательный антикоммунизм, — иначе она вырождается в "керенщину". Действительно, первый этап "холодной войны" в 40-е — 50-е годы оттого и был успешным для Запада, что европейская социал-демократия оставалась на резко антикоммунистических позициях. Говорят, Брандт — до того вполне последовательный антикоммунист, мэр "фронтового города" Берлина — "сломался", увидев, что союзники готовы Берлином пожертвовать и ничего не предпримут в ответ на возведение стены в 1961 году. Да он и сам об этом пишет:

"*В последующие годы мои политические воззрения находились в значительной мере под влиянием этого события, и именно протестом против обстановки, в которой это событие произошло, явились мои так называемые восточнополитические начинания в области разрядки*".

Быть может, это и так — я там не был, судить не берусь. Но даже и в этом случае он обязан был помнить пример Керенского, "детант" которого с Лениным и привел в конце концов большевиков в Берлин.

Как бы то ни было, но к концу 60-х позиции европейской социал-демократии стали смещаться влево, к сотрудничеству с коммунистами. Сказались тут и чисто тактические соображения (совместные кампании против войны во Вьетнаме, против апартеида в Южной Африке, режима Пиночета в Чили), и хрущевская "оттепель", и раскол между Москвой и Пекином, в результате которого "советская модель коммунизма" стала выглядеть "меньшим злом". Соблазн сотрудничества усилился еще больше с возникновением "еврокоммунизма", возродив у социалистов старые мечты о возможной эволюции коммунистов в сторону социал-демократии. Но более всего, я думаю, сыграли здесь роль циничные, конъюнк-

турные соображения: *ведь только рост влияния коммунистов, так же, как рост советского влияния, делал социал-демократов приемлемой, а то и неизбежной альтернативой в глазах Запада.*

В самом деле, к 60-м годам они должны были убедиться, что социалистические идеи, оставаясь религией "элиты", не находят отклика у широкой публики и, стало быть, их излюбленный "третий путь" — путь лавирования умеренной социал-демократии между "крайностями коммунизма и капитализма" — западный мир избирает только как "меньшее зло". Только усиление советского влияния могло сделать их желанными посредниками между Востоком и Западом, своего рода "спасителями человечества", позволяя им — как они думали — "влиять на обе стороны", постепенно сглаживая идеологические противоречия и, таким образом, приводя противостоящие миры к миру и сотрудничеству — к конвергенции.

Таким образом, утверждая, что целью их политики "детанта" является обеспечение мира и безопасности, улучшение положения людей на Востоке, соблюдение там прав человека и прочие блага, социалисты лгали лишь отчасти. Да, *таковы были их мечты*, причем мечты отнюдь небескорыстные, ибо при этом они умалчивали, что осуществление мечты требует от всех нас вовсе недобровольного приятия их версии социализма, так же, как и приятия их самих в качестве более или менее постоянных наших правителей-спасителей.

Более того, умалчивая об этом и понимая, что их утопий большинство людей добровольно не примет, они шли на *сознательное усиление советского влияния*, осуществлявшееся ими втайне и от народа, и от союзников, и от партнеров по различным правительственным коалициям. Подобно некоторым среди нашей интеллигенции, с наивной самоуверенностью пускавшимся в игры с КГБ — "мы же умнее их, мы их обыграем", — европейская социал-демократия ввязалась в тайные игры с Москвой и, разумеется, запуталась.

В Москве, конечно, были только счастливы эти игры принять: уж если большевики чему-либо и научились за свою историю, так это использовать меньшевиков по назначению. По сути дела, все периоды "передышек", начиная с нэпа, обеспечивались ими за счет вовлечения различных "реформаторских" левых движений в осуществление своей политики, часто путем создания с ними "единых фронтов" — разумеется, под руководством коммунистов. Умело сочетая официальное "сотрудничество" с неофициальной инфильтрацией как своей агентуры, так и леворадикальных активистов в ряды "умеренных" движений, Москва всегда ловко манипулировала ими. Так было и на этот раз.

С одной стороны, советские вожди с энтузиазмом приветствовали это "сотрудничество во имя мира, прогресса и социализма". Даже Брежнев, выступая на XXV съезде КПСС, не преминул подчеркнуть огромное значение более близких отношений с западными социалистами. Глава международного отдела ЦК Борис Пономарев в журнале "Коммунист" с еще большим энтузиазмом отмечал положительные перемены в социал-демократическом движении, наступившие под влиянием целого ряда международных дебатов. В специальной статье, приуроченной к конференции Социалистического Интернационала в 1976 году ("Уорлд марксист ревью"), он писал:

"*Постоянное и широкомасштабное сотрудничество между коммуни-*

стами, социалистами и социал-демократами может стать одним из решающих факторов мира и социального прогресса".

С другой стороны, КГБ получил специальное задание сконцентрировать свою деятельность на этих партиях. Тогдашний глава разведуправления КГБ (ПГУ) генерал Крючков так инструктировал всех своих резидентов в Западной Европе (привожу по английскому изданию книги К.Эндрю и О.Гордиевского):

Новая расстановка сил на международной арене, развитие процесса разрядки и конструктивные перемены в международной обстановке поставили лидеров Социалистического Интернационала (СИ), а также его членов перед необходимостью произвести корректировку их политического курса и тактики.

Последний конгресс Социнтерна (ноябрь, 1976) одобрил в целом результаты Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и выразил готовность содействовать проведению в жизнь принципов его Заключительного акта.

В резолюции конгресса, посвященной международной разрядке, говорилось: "Представляется возможным и необходимым значительно расширить меры по усилению и укреплению международной разрядки".

В целом конгресс занял конструктивную позицию по вопросу о разоружении. В резолюции было записано: "Разоружение, а также контроль за разоружением и распространением оружия представляются жизненно важными проблемами для всего мира ввиду эскалации гонки вооружений и ухудшения экономического положения в большинстве стран".

Конгресс высказался за скорейшее завершение переговоров между США и СССР с целью достижения соглашения по качественному и количественному сокращению стратегических вооружений и подчеркнул крайнюю важность происходящих в Вене переговоров по взаимному сокращению вооружения и вооруженных сил.

Конгресс призвал к прекращению распространения ядерного оружия и провозгласил крайне важной целью движение ко всеобщему разоружению.

Теперь по сравнению с периодом "холодной войны" руководство Социалистического Интернационала стало воздерживаться от одностороннего и упрощенного подхода к международной политике государств социалистического содружества, признавая позитивную роль Советского Союза в развитии процесса международной разрядки.

Между тем социал-демократические лидеры крупнейших государств западной Европы, играющие ведущую роль в политике Социнтерна, продолжают придерживаться прежней линии в отношении консолидации НАТО. Они, кроме того, принимают участие в процессе преобразования ЕЭС в военно-политическое содружество, выдвигая в этой связи демагогический девиз: "Преобразуем монополистическую Европу в рабочую!" (...)

Последний конгресс Социалистического Интернационала провозгласил, что "капитализм и коммунизм по-прежнему являются основными формами тирании в современном обществе" и что таким образом "социализм — единственная альтернатива капитализму и коммунизму" в том виде, в каком он понимается социал-демократией.

Таким образом, двойственность политической позиции социал-демократии

остается характерным свойством этого движения, как и то, что социал-демократы неспособны преодолеть извечную проблему разрыва между словами и делами.

Анализ деятельности нового руководства, избранного на последнем конгрессе Социалистического Интернационала (Брандт, Карлсон) позволяет заключить, что оно предпринимает активные усилия для разработки новой программы. В соответствии со взглядами Брандта, такая программа должна явиться значительным вкладом в модернизацию Социалистического Интернационала и привести к консолидации его организационной структуры, к дальнейшему укреплению рядов социал-демократического движения и к распространению его идей и влияний в международном масштабе.

Социал-демократические лидеры, в частности, путем широкого внедрения теории "демократического социализма в качестве третьего пути" (противопоставляя его капитализму и коммунизму), выдвинули идею "социалистической стратегии третьего мира" и предприняли кампанию по распространению своего влияния на различные слои национально-освободительного движения в Азии, Африке и в Латинской Америке.

Предметом пристального внимания лидеров Социнтерна стали достижения в области международного коммунистического движения и в особенности все то, что именовалось "еврокоммунизм".

Что касается эволюции ряда коммунистических партий Западной Европы, то тут лидеры социал-демократии, желая прежде всего увидеть признаки перерождения отдельных компартий в направлении социал-демократических взглядов, предпринимают определенные усилия, чтобы подтолкнуть эти партии к реформизму. В резолюции конгресса был обойден вопрос нормализации или развития сотрудничества с коммунистическими и рабочими партиями. Как известно, этот вопрос является предметом глубоких разногласий в международном социал-демократическом движении. Тем не менее Социнтерн был вынужден в последнее время воздержаться от применения некоторых санкций к тем партиям, которые в той или иной форме устремились к контактам или сотрудничеству с коммунистами.

Но, несмотря на это, лидеры социал-демократии, как и до того, следуют линии натравливания одних коммунистических партий на другие, с целью вызвать раскол в коммунистическом движении.

Таким образом, с одной стороны, внутренне присущая Социалистическому Интернационалу антикоммунистическая тенденция требует усиления нашего внимания к его деятельности, а с другой — те позитивные перемены, которые происходят внутри Социалистического Интернационала, дают нам уникальную возможность оказывать нужное нам влияние на отдельных активистов Социнтерна, ослабляя результаты той его деятельности, которая наносит ущерб СССР.

Изложенные выше проблемы всесторонне изучаются в Центре, и ввиду их значимости крайне желательно, чтобы резиденты могли излагать свои оценки и взгляды на положение внутри социал-демократических партий тех стран, в которых они находятся; а также делиться своим мнением, какое направление должна принимать наша работа в отношении всего Социнтерна в целом.

В процессе изучения этих проблем представляется целесообразным учитывать и оценивать возможности, открывающиеся для инициативных мер, цель которых — поддержка и усиление действий тех ведущих активистов и функционеров социал-демократических (социалистических) партий и ассоциированных организаций, которые высказываются за расширение и укрепление процесса разрядки, ограничение гонки вооружений, за международное сотрудничество.

Было бы также желательно обдумать пути нейтрализации негативных последствий деятельности социал-демократических (социалистических) партий в стране вашего проживания, а также в Социнтерне в целом путем выставления напоказ, дискредитации и разоблачения его правых лидеров, выявления того ущерба, который наносится социал-демократическому движению антикоммунистическими и антисоветскими действиями, вступающими в противоречие с процессом разрядки и служащими исключительно укреплению реакционных сил.

Центр заинтересован в получении от своей резидентуры соображений в отношении того, как лучше использовать в своих интересах:

— разногласия между партиями, входящими в Социнтерн, по отдельным вопросам идеологии и тактики движения (различные подходы к решению экономических проблем, к капиталистическим монополиям, к политическому понятию "свободная Европа", к сотрудничеству с коммунистическими партиями);

— соперничество между лидерами социал-демократов Германии, социалистических партий Франции и Австрии, социал-демократической рабочей партии Швеции и британской лейбористской партии за ведущую роль в Социалистическом Интернационале;

— противоречия между высказываниями и реальной политикой социал-демократии;

— особые примеры эгоистичной неоколониальной политики социал-демократов высокоразвитых промышленных стран в отношении стран Третьего Мира и т.д.

Словом, вся гигантская машина коммунистических разведок в Европе получила задание открыть охоту за головами социалистов и социал-демократов, чтобы превратить эти движения в инструмент советской политики:

Направлять предложения по более широкому и эффективному использованию существующей сети агентов, имея в виду как получение необходимой секретной информации, так и проведение активных мер. В особенности важны соображения по поводу того, как осуществлять дальнейшую работу с существующими агентами и доверительными сотрудниками из числа представителей социал-демократии; мы должны получать сведения, которые давали бы нам возможность нанять в качестве агента или доверительного сотрудника новых видных, активных деятелей этого движения, которых мы могли бы использовать для проникновения в руководящие звенья, а также в средства пропаганды и информации.

И как могли противостоять такому мощному натиску болтуны-интеллигентики из соцпартий? Это, по выражению Высоцкого, было бы "как школьнику драть-

ся с отборной шпаной".

4. "Тайная дипломатия"

Впрочем, я меньше всего хотел бы свести всю проблему предательства европейской социал-демократии к инфильтрации КГБ, оставляя им морально удобную позицию простаков-идеалистов. Прав был генерал Крючков, говоря о традиционном для меньшевиков разрыве между словами и делами, который они, по его словам, "неспособны преодолеть". А точнее, и не хотят преодолевать: не зря еще Ленин именовал их не иначе как "социал-предатели". Разрыв этот отнюдь не случаен: его причина кроется в типичной для интеллигенции вообще, а для левой в особенности, манере прикрывать благородными словами свои отнюдь не бескорыстные цели. Скажем, та же проблема прав человека в коммунистических странах была вовсе не побочной, "гуманитарной" проблемой "детанта", которой можно временно пренебречь и идти дальше к мечте "конвергенции". Напротив, как мы помним, эта идея социал-демократов предполагала изменения по *обе* стороны "железного занавеса": необходимым условием ее осуществления было, таким образом, появление "человеческого лица" в советской модели социализма. И даже самый наивный простак-идеалист должен был понимать, что, коль скоро советский режим отказывается таковое "лицо" обрести, вся идея "детанта" теряет смысл. Так же, как теряет смысл и Хельсинское соглашение, делавшее весьма существенную уступку Москве — узаконивая ее послевоенную территориальную экспансию — именно в обмен на обязательства соблюдать права человека.

Между тем, ключевым моментом, если хотите, тестом хельсинской сделки были репрессии против советских Хельсинских групп во главе с Юрием Орловым, ибо даже текст Хельсинского соглашения включал право общественного контроля за его исполнением. Арестовав Орлова и его коллег, Москва бросала открытый вызов всему миру, а Запад, проглотив эту пилюлю, капитулировал в "холодной войне". И даже самый наивный простак-идеалист не мог не понимать, что, продолжая после этого политику "детанта", продолжая свое сотрудничество с СССР как ни в чем не бывало, он совершает предательство своих же собственных принципов. Никакая инфильтрация КГБ ни изменить это обстоятельство, ни извинить такое поведение просто не может.

Нужно сказать, что западное общественное мнение прекрасно поняло эту дилемму.

"*Суд над Орловым показывает, каким фарсом являются Хельсинские соглашения и как наивна вера многих западных политиков в детант*, — писала, например, английская "Дейли мейл" накануне вынесения приговора. — *Британский МИД нашел факт суда над Орловым "очень тревожным". (...) Но было бы много лучше, если бы западные государства показали, что эра слабоволия кончилась. (...) На шахматных игроков глобального масштаба из Кремля могут произвести впечатление не жесты, а решительные действия*".

Не менее резко высказывались даже обычно умеренные круги.

"Файненшл таймс":

"*Видимо, не только суд над Юрием Орловым, но и соглашения в Хель-*

синки были своего рода игрой, в которой СССР делал вид, что основанная на силе идеологическая система (...) может соблюдать права человека, не угрожая собственному существованию...

Суд над Орловым является несомненным вызовом западным странам-участницам Хельсинского соглашения. (...) Теперь от Запада зависит, как на это реагировать".

Лондонский "Экономист":

"Пародия "суда" над Орловым (...) ясно показала циничное отношение советского режима к своим международным обязательствам. (...) В 1975 году никто не воображал, что советское правительство немедленно выполнит все взятые на себя обязательства. Но были основания надеяться увидеть какие-то признаки того, что начато движение в нужном направлении. На Белградской конференции Россия имела полную возможность дать такие доказательства, но ничего не сделала для этого. Наиболее вопиющим из антихельсинских действий было преследование группы советских граждан, начавших наблюдение за выполнением соглашений. (...) Приговор Орлову ясно показывает, что Брежнев даже не считает нужным притворяться, что соглашения 1975 года выполняются. (...) Западные страны обязаны использовать все возможные средства, чтобы советский режим начал выполнять соглашения. (...) Каждый западный ученый или профессионал в другой области обязан спросить себя: должен ли я пренебречь преследованиями храбрейших из моих советских коллег или же способствовать прекращению этих преследований путем разрыва всех профессиональных контактов до тех пор, пока правительство не перестанет пренебрегать своими обещаниями?"

И действительно, сотни ученых со всего мира объявили о своем бойкоте СССР, отказываясь от официальных контактов и обменов. Общественное возмущение расправой над "хельсинцами" было столь огромно, что, как мы помним, даже коммунистические партии не могли его игнорировать. Не только партии покруднее, как французская или итальянская, но даже помельче, гораздо более от Москвы зависимые, открыто выражали свое несогласие. И один социал-демократы да социалисты, которые возглавляли тогда большинство правительств в Европе, отделывались выражением "озабоченности".

"В связи с недавними приговорами советским гражданам, наблюдавшим за выполнением Заключительного акта, подписанного в Хельсинки, включая дело Юрия Орлова, правительства девяти стран — членов Европейского сообщества желают заявить следующее:

Эти девять стран объединили усилия в настойчивом стремлении способствовать разрядке в Европе. Они продемонстрировали свою решимость активным участием в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе и после этого совещания.

Эти девять стран, считающие, что Заключительный акт Совещания в Хельсинки является программой действий для достижения разрядки, напоминают, что в этом документе, подписанном главами стран или правительств, страны-участницы обязались уважать права человека и фундаментальные свободы и подтвердили право личности знать свои права

и обязанности и действовать в соответствии с ними.

Именно поэтому правительства девяти стран находят несовместимым с Заключительным актом и разрядкой то, что человек может быть преследуем и приговорен за требование выполнения Заключительного акта в своей собственной стране".

Даже лейбористское правительство Великобритании, считавшееся среди своих социалистических коллег наиболее консервативным, не пошло далее словоблудия. Министр иностранных дел Оуэн сказал, "*что приговор Орлову "суров и необоснован" и что это ставит под угрозу политику детанта*" ("Файнэншл таймс", 19 мая 1978 года).

""*Осуждение общественностью приговора Юрию Орлову не должно расстроить отношения между британским и советским правительствами, — сказал вчера в Палате Общин премьер-министр... — Приговору нет оправдания, — сказал он... — но государственные отношения должны строиться на основе, отличной от той, которую занимают члены парламента и частные лица, выражающие, и вполне справедливо, свое отвращение по поводу того, что произошло. Это одно из двух великих государств в мире, и мы должны либо жить вместе, либо погибнуть вместе с ним*"".

Однако такая драматическая постановка вопроса никак не вязалась с реальностью. Войны вроде бы никто никому не объявлял. Напротив, как раз в это время в Англии была советская торговая делегация.

"*Владимир Кириллин, заместитель председателя совета министров, находящийся сейчас в Британии с торговой делегацией, вчера обратился к премьеру Каллагану с предложением обсудить англо-советские торговые отношения и прогресс в разрядке,* — сообщала "Дейли телеграф" 20 мая, через три дня после приговора в Москве. — *Каллаган выразил неодобрение обращением с д-ром Юрием Орловым и приговором ему, подтвердив, однако, необходимость нормальных торговых и государственных отношений с СССР*".

Даже традиционно поддерживающая лейбористов "Санди миррор" не выдержала:

"*Такова была жестокость и незаконность этого суда, что даже компартия Британии была шокирована. Она просила советские власти отменить приговор. Это лучше, чем поступило британское правительство. Мы не заявили формального протеста, хотя мы участники Хельсинского соглашения и соглашения ООН о правах человека. Наша позиция ясна. Мы боимся Советского Союза и поэтому не решаемся оскорбить его. Мы полагаем, что официальные протесты не принесут ничего хорошего. Тут мы ошибаемся (...) Грубияны в Кремле не всегда так решительны, как кажется... Кремль уважает только силу и решительность. Умиротворять Кремль — то же самое, что умиротворять Гитлера. Нет разницы между диктаторами-варварами в Москве и фашистами*".

И это, повторяю, английские лейбористы, считавшиеся умеренными социалистами. Чего было ждать от остальных? Конечно, они не преминули выразить "озабоченность" да намекнуть на "вред для дела разрядки", разумеется, в тонах исключительно просительных. Кое-кому даже ответили через совпослов, в зависимости от хорошего поведения в прошлом.

В адрес товарища Брежнева Л.И. получена телеграмма от председателя Норвежской рабочей (социал-демократической) партии Р.Стеена и генерального секретаря НРП И.Леверосa с просьбой о пересмотре дела советского гражданина Ю.Орлова, осужденного за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Р.Стеен принадлежит к умеренным кругам партии, которые выступили за установление официальных контактов с КПСС, за развитие добрососедских отношений и сотрудничества между Норвегией и СССР.

Считали бы целесообразным направить Р.Стеену и И.Леверосу ответ через совпосла в Норвегии по указанному вопросу, — рекомендовал Международный отдел ЦК.

И действительно, просителям направлялось несколько страниц откровенной, беззастенчивой лжи, чем они, видимо, и удовлетворялись.

Иные даже и этого не удостаивались, как, например, глава австрийских социалистов Бруно Крайский, обратившийся к Андропову с исключительно подобострастным письмом:

"Меня неоднократно просили и продолжают просить друзья и знакомые походатайствовать за советского гражданина Юрия Орлова, находящегося в заключении с начала 1977 года. (...) Я, разумеется, далек от намерения вмешиваться во внутренние дела СССР. И если я обращаюсь с подобной просьбой, то только исключительно из-за сочувствия и с твердой надеждой на Ваше великодушие. Я полагаю, что великодушный жест в этом деле именно в период возрастающей напряженности, в смягчении которой, как я знаю, мы оба очень заинтересованы, имел бы позитивное значение".

Юрий Владимирович, — пишет помощник. — **Полагаю, что ходатайство Крайского за диссидента Орлова надо оставить без ответа.** — И ниже, рукою Андропова: — **Согласен. Андропов.**

Честно сказать, и я бы такую верноподданническую просьбу "оставил без ответа" — просто из чувства омерзения. Объясните мне, и чего он так распинается, точно денег взаймы просит? Дескать, друзья замучили, я бы сам не осмелился. Уж вы простите великодушно, что потревожил своей никчемной просьбишкой. Мы, мол, с полным пониманием ваших "внутренних дел" и пр. Да разве так просят, тем более когда международные соглашения предполагают *требовать*? Вот Андропов и обращается с ним, как с лакеем, сунувшимся было к барину в прихожей: "На чаек-с не изволите ль?"

"Пшол..."

И тот, ничуть не обидевшись, даже и глазом не сморгнув от неожиданности, пошел себе...

Недаром "детантисты" всегда с таким упорством настаивали именно на "тайной дипломатии" с Москвой в вопросах о правах человека: публично-то пришлось бы выражаться с блышим достоинством, прикидываться равноправными партнерами в игре, чего Москва не стерпела бы. А так, надеялись они, никто не узнает лакейской сути их отношений; и в то же время, выпросив иногда чью-то голову в виде подачки, можно ею размахивать на людях, демонстрируя "успехи детанта". Чем-то же надо было оправдывать свои "особые отношения" с Кремлем.

С другой стороны, следуя своей чекистской привычке стараться непременно "скурвить" партнера, Москва тоже настаивала на этой "тайной дипломатии",

отлично понимая, что "конфиденциальность" отношений — первый шаг к ссучиванию. Вот, скажем, ЦК сообщает через посла генсеку лейбористской партии Великобритании Р.Хейварду в сентябре 1973 года, что его просьба Суслову за отказников Левича, Лернера и Слепака выполнена не будет — их дела не будут пересматриваться еще года два-три. Но — утешьтесь — вопрос о двух других решится в конце 1973 — начале 1974 года. Так что с пустыми руками не останетесь, будет чем похвастаться. Однако, инструктирует ЦК своего посла, "подчеркните конфиденциальный характер информации". Только вам, ребята! Глядите, оправдайте доверие. И те — рады стараться — благодарно помалкивают. А заинтересованным кругам, конечно же, можно тайком похвастаться. Только — тсс! — никому ни слова, не спугните игру.

Разумеется, эти фраера-лейбористы до конца и не секут, как их тонко, профессионально "делает" Москва. Да, видимо, и не шибко стараются. Ведь в это же время они вели с КПСС переговоры об установлении "особых отношений". Их делегация (члены парламента У.Симпсон, Э.Шорт, Я.Микардо во главе с Хейвардом) с энтузиазмом толковала в Москве о своем намерении "добиться поворота к лучшему в отношениях с СССР", "критически оценивали некоторые аспекты прошлой политики руководства лейбористской партии". От имени всей делегации Хейвард говорил о стремлении к разрядке, особенно в отношениях с Москвой. Цели визита —

установить контакты с КПСС, обменяться мнением по международным проблемам. Отмечено сходство взглядов и близость позиций по вопросам разрядки (экономическое сотрудничество, общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству, значение договоров ФРГ с ГДР и Польшей, помощь Вьетнаму, поддержка развивающихся стран, поддержка Альенде в Чили).

Конечно, отмечено и различие: в идеологии — по вопросу о вторжении в Чехословакию, "неясность позиции в отношении к КНР". Но это всё мелочи по сравнению со сходством. Энтузиазму нет предела. В принципе, даже такие требования советской стороны, как более тесное сотрудничество с британской компартией или требование "давать отпор антисоветским клеветническим кампаниям", не встречают серьезных возражений лейбористов. С компартией, отвечают они, сотрудничать трудно, но они готовы поддерживать "хорошие личные отношения с коммунистами".

Тон ответа много мягче, чем раньше,

— отмечает Москва, подробно сообщая обо всем этом... генсеку британской компартии Голлану.

При таком-то "сходстве взглядов" — какие уж там права человека. Даже упоминание этой проблемы или публичная просьба за кого-то воспринимаются как "антисоветская кампания". Выглядеть красиво за свой счет Москва никому не позволяла.

Председатель Социал-демократической партии Дании (СДПД), премьер-министр А.Йоргенсен направил в Международный отдел ЦК КПСС телеграмму, в которой от имени своей партии просит содействовать "воссоединению семьи" советского гражданина Брайловского В.Л., недавно арестованного и находящегося под следствием по обвинению в систематическом распространении клеветнических утверждений, порочащих государственный и общественный строй

СССР.

Учитывая, что с руководством СДПД у КПСС существуют межпартийные связи, считали бы нецелесообразным оставить телеграмму А.Йоргенсена без ответа. Ответ может быть дан через совпосла в Дании.

Принимая во внимание, что телеграмма Йоргенсена была широко распространена на Западе средствами массовой информации, следует исходить из того, что наш ответ также может быть опубликован.

И, детально "объяснив" просителю, за какого негодяя тот хлопочет, ЦК не преминул сделать ему выговор:

Одновременно нельзя не выразить сожаления по поводу того, что факт направления Вами упомянутой телеграммы еще до получения ее нами уже послужил поводом для спекуляций в средствах массовой информации некоторых стран.

Так-то, помни, кто здесь хозяин. Не рассчитывай на поблажки, коли не хочешь играть по нашим правилам.

Словом, даже из прав человека Москва очень быстро сделала инструмент "ссучивания" европейских социалистов, "вознаграждая" селективно лишь тех, кто пошел на большее "сближение" с ними. Ну, а что социалисты? Неужто не поняли, к чему ведут их игры с Москвой? Если в начале "детанта" такое, хоть и с натяжкой, можно еще допустить, то к 1977—1978 гг. "разрыв между словами и делами" стал очевиден даже клиническому идиоту. В самом деле, после демонстративных расправ над Хельсинскими группами — продолжать "тайную дипломатию"? Продолжать "сближение", убедившись, что твое "влияние" нулевое? А ведь, заметьте, прикрываясь разговорами о необходимости улучшения отношений *межгосударственных*, сближение-то совершалось *межпартийное*, с КПСС. К началу 80-х *большинство социалистических и социал-демократических партий установили с КПСС особые "межпартийные" отношения,* означавшие, помимо всего прочего, очень широкие контакты на уровне региональных и даже низовых партийных организаций. Уж куда, казалось бы, ближе, а результат? Это, по меньшей мере, сильно облегчило инфильтрацию КГБ, достигавшую в некоторых партиях фантастических размеров: например, в Финляндии и Германии даже сказать трудно, где кончался КГБ и начинались социал-демократы. Японские социалисты, как мы помним, настолько "сблизились" с КПСС, что даже избирательные кампании вели на советские деньги. И после всего этого — продолжать верить в сближение-влияние?

Конечно же, к 1978 году не только среди руководства социал-демократов, но и среди рядовых-то членов не могло остаться таких простаков-идеалистов на грани идиотизма. И что же? Честно объявили об отказе от "детанта", о его провале? Напротив, именно поэтому в апреле 1978 года, за несколько недель до судов над членами Хельсинских групп, когда сомнений в исходе не остается, Социалистический Интернационал проводит в Хельсинки (лучшего места-символа и не найти!), конференцию, *целиком посвященную разоружению*, да еще и приглашает на нее советскую делегацию во главе с Борисом Пономаревым. Ни слова о правах человека, ни намека на предстоящие суды: отныне "детант" означает только одно — разоружение. Разумеется, опять звучат благородные слова — но теперь уже о "спасении человечества от ядерной катастрофы". Собравшиеся благосклонно

внимают Пономареву, обвиняющему в гонке вооружений "страны НАТО, возглавляемые США", а в качестве спасения предлагающему... диалог с Брежневым. И что ж вы думаете? На следующий год в октябре делегация Социнтерна так-таки поехала к Брежневу толковать о разоружении! Но вот незадача — разоружиться не успели: через два месяца советские войска вторглись в Афганистан. Наступили времена "черной реакции", "холодной войны", столь нестерпимой для прогрессивно мыслящей части человечества, а "детантисты" потеряли власть почти во всех странах Европы. Ушли в глухую оппозицию, занялись "борьбой за мир".

Так им и не удалось установить социализм по всей Европе, запродавши ее советскому режиму. Не повезло им, как тому цыгану из старинного анекдота, который решил поставить эксперимент — отучить свою лошадь есть. И ведь что замечательно: уж совсем было преуспел, уж лошадь вроде бы сама есть отказывалась, но... сдохла. Про Хельсинские же соглашения — те, что торжественно подписали в 1975 году 35 стран, — практически все забыли. Конечно, формально их никто не отменял, а начавшаяся в 1980 году Мадридская конференция по их "проверке" тянулась чуть не пять лет. Но кто на это обращал внимание, кроме нас? Осужденные "хельсинцы" продолжали сидеть по тюрьмам да лагерям (четверо к тому времени уже погибли), а Советский Союз продолжал пользоваться теми односторонними преимуществами, которые ему этот договор подарил. Наконец к десятой годовщине его подписания мы — большая группа диссидентов — обратились с призывом прекратить это издевательство над здравым смыслом и денонсировать "соглашение", превратившееся просто в фарс.

"*Мы сделали все возможное со своей стороны, чтобы Хельсинское соглашение могло служить миру и демократии. Однако мы не видим больше для себя возможности продолжать поддерживать соглашение, которое не только не сумело осуществить свои гуманные цели, но не смогло даже защитить своих наиболее искренних сторонников, соглашение, которое превратилось в орудие подавления в руках советских правителей. Мы обращаемся к правительствам западных стран с призывом аннулировать, свести на нет Хельсинское соглашение.*

Мы продолжаем верить, что мир во всем мире может и должен основываться на правах человека. Поэтому до тех пор, пока Советский Союз не докажет конкретными действиями свою готовность соблюдать права человека, любое соглашение с ним в отношении мира или контроля за вооружением будет всего лишь самообманом".

Нужно ли говорить, какое негодование вызвало наше заявление у "всего прогрессивного человечества"?

5. Американский аспект

Безусловно, картина "детанта" 70-х гг. останется и неясной, и незавершенной, если мы не коснемся — хотя бы поверхностно — роли США в этой игре. А понять эту роль невозможно без самого общего представления об американской политической культуре и психологической атмосфере, господствовавших в то время. Должен оговориться, что могу оказаться сильно необъективным: я не люблю Америку, невзлюбил ее с самой первой минуты, как там оказался. Достаточно

было мне на первом же своем выступлении в одном из университетов, в феврале 1977 года, увидеть эти вечно открытые (или жующие) рты, эти не замутненные никакой мыслью, сияющие идиотским энтузиазмом глаза, как я понял, что объяснить этим людям мне никогда и ничего не удастся. Да и не только мне, но, видимо, и никому, кто будет апеллировать к логике, разуму, рассудку — словом, к отделам мозга, расположенным выше мозжечка.

Впоследствии, проживши там несколько лет, я лишь уточнил и дополнил это свое первое наблюдение, но не опроверг. Напротив, уезжая наконец из Америки, я объяснял знакомым, что постоянно чувствовал себя весьма поднаторевшим в здешней жизни. А это, как ни странно, создает дополнительную нагрузку на нервы, как если бы вам пришлось жить в интернате для умственно отсталых подростков.

Как ни странно, видимо, надо пожить там, чтобы почувствовать Европу, европейскую культуру как некую отдельную и единую сущность. Обыкновенно, живя в Европе, мы этого не ощущаем, не замечая ничего общего между французами и англичанами, итальянцами и немцами; оказавшись же в Америке — и китайцу рад, и с японцем находишь больше общего, чем с местным продуктом. И дело тут вовсе не в том, что, как принято говорить, американцы — молодая нация, не накопившая еще своей культуры: думаю, они ее не накопят и через тысячу лет. Ибо заняты отнюдь не этим, а тем, что определено в их конституции странным выражением "pursuit of happiness". Даже перевести адекватно это выражение я не берусь. Во всяком случае, по-русски "погоня за счастьем" звучит слишком издевательски, предполагая полную тщету такого занятия, и уж никак не годится для конституционного права. Точно так же можно было бы торжественно записать в конституцию священное право человека считать себя чайником.

Между тем, именно этой бессмысленной "погоней" за призраком счастья и занята вечно молодая американская нация. Циничная Европа еще в римские времена постигла, что *omnia mea mecum porto*, что от себя самих не убежать, а улучшить свой жребий можно лишь упорным трудом. Но ведь ровно те и побежали в Новый Свет, кто в это не поверил, кто винил старушку Европу в своих неудачах. Удивляться ли теперь, что их потомки свято верят в "американскую мечту", т.е. в то, что человек может начать свою жизнь сначала, с нуля, точно перевернув страницу. А посему, коли полного счастья не наступает, собирай пожитки, седлай коня и — "скачи, парень, на Запад!" Средняя американская семья живет на одном месте не более пяти лет. Какое уж там "накопление культуры", если прошлое в Америке — это две недели назад, а пять лет назад — уже древность. Каждые пять лет Америка заново открывает мир, жизнь, пол, религию — все это без малейшей связи с минувшими открытиями утекших пятилетий. Это зачарованная страна, где жизнь трехмерна, а о четвертом измерении не ведают, пребывая в состоянии перманентной амнезии. Такое ощущение, будто ваши шаги не вызывают эха, а тело не отбрасывает тени. И даже при неимоверном старании вы не можете ничего изменить или хотя бы оставить за собой след, словно всю жизнь шли по песку в полосе прибоя.

А коль скоро единственная цель жизни — погоня за счастьем, за успехом сейчас и любой ценой, то не может быть у человека никаких принципов или концепций: ведь все это существует только во времени. В самом деле, что есть

репутация, если человек каждый день заново родится? Что есть *концепция*, если каждые пять лет мир изобретается заново? На человека, толкующего о концепциях и принципах, смотрят как на сумасшедшего. Нормально, хорошо, *успешно* быть "прагматиком", оппортунистом, конформистом.

Это и впрямь страна крайнего конформизма, даже стадности, управляемая постоянно возникающими эпидемиями явно истерической природы: то вдруг все начинают бегать (джоггинг), потому что это якобы полезно для здоровья. Неважно, что человек, придумавший эту моду, умер в 55 лет прямо во время очередной пробежки, — 40 миллионов американцев продолжают бегать, аж земля дрожит. Или вдруг соль объявляется источником всех болезней — и ни в одном американском ресторане соли не допросишься. Попробуй попроси — на тебя посмотрят, как на самоубийцу. Как раз, когда я уезжал, начиналась еще одна истерия — "развратные действия над детьми", некий современный вариант охоты на ведьм. Десятки учителей и воспитателей детских садов оказались под следствием; сотни детей были насильно отняты у родителей. Бред какой-то: взрослые люди, даже члены Конгресса, рыдая, публично рассказывали о том, как их якобы развращали в раннем детстве, в возрасте, о котором взрослый человек и помнить-то ничего не может. И никто не осмелился высмеять этот тошнотворный фарс. Я был просто счастлив, что уезжаю, что не буду вынужден находиться в этой стране, — уже одно пребывание там ощущалось как соучастие.

Не знаю, быть может в начале века Америка и была "страной свободы", но слушать сегодня эти слова без смеха невозможно. Трудно представить себе нацию, более порабощенную любой, самой идиотской модой, любой горсткой ничтожнейших шарлатанов, эту моду придумавших. В конечном итоге — своей погоней за успехом. Да ведь и успех, понимаемый столь трехмерно, вневременно, может быть лишь сугубо материальным, не выходящим за рамки известной русской присказки: "Лучше быть здоровым, но богатым, чем бедным, но больным".

Но в то время как мы говорим это с иронией, для американцев ничего смешного тут нет: такова программа их жизни. Здоровье — самая большая их забота, скорее даже одержимость, доходящая до полного абсурда, как будто смерть — не неизбежный конец жизни человека, но лишь следствие его прегрешений: несоблюдения "правильной" диеты, упражнений и предписаний врача. А богатство — естественное мерило успеха, и тот, кто *made it in America*, "делает это в Америке" (тоже ведь выраженьице — made what? делает чт?), тотчас же покупает себе лимузин в полтора квартала длиной, а если он *made it big*, "делает это с размахом", — то и целый небоскреб.

Американские масс-медиа, рассчитанные на самую низкопробную толпу, на чернь, сначала искусственно создают знаменитостей, раздувая их из ничего, а потом столь же искусственно их ниспровергают, раздувая — опять же из ничего — скандал. Все фальшиво, поддельно, пусто, зыбко, как мираж в пустыне, и ничего реального, подлинного, незыблемого, что осталось бы существовать, даже если на минуту закрыть глаза. Или выключить телевизор.

Удивляться ли, что при всей этой погоне за счастьем американцы в массе своей — люди глубоко несчастные, не удовлетворенные своей судьбой, часто осажденные проблемами, которые они сами же и создают, бесконечно "ищущие самих себя" и ничего не находящие. Отсюда и процветание всяческих "гуру", психоана-

литиков, сект и прочих спасителей людей от самих себя, без которых не может обойтись, кажется, добрая треть американского населения. Порою создается впечатление, что американцы, будучи неспособны вынести бремя свободы, просто ищут, кому бы отдаться в рабство.

Словом, это антикультура, обезьянья цивилизация, которую никакая эволюция, никакое "накопление" в культуру не превратит. В особенности же еще и оттого, что в Америке практически не существует слоя населения, обыкновенно и накапливающего культуру, — интеллигенции, а то, что ее замещает, — *intellectuals* — есть одновременно самая безграмотная и самая омерзительная часть общества. Не берусь судить, что там было раньше (в конце концов, эта страна дала миру в прошлом немало выдающихся писателей и ученых), но то, что застал я, было ужасно. Мало того, что обозначенные выше особенности американской антикультуры присущи им в полной мере, а то и с избытком, но — помимо этих прелестей и уж совсем безо всякого оправдания — американским "интеллектуалам" присущи все пороки европейской интеллигенции: крайняя самовлюбленность, вера в свою "просветительскую" миссию, в свое право на привилегированное, элитарное положение. И, конечно, левизна, причем самой что ни на есть примитивной разновидности. По крайней мере, у европейской интеллигенции за ее левизной, кроме своего "классового" интереса, стоят концепции с двухсотлетней историей общественных дебатов, революций и войн, а стало быть, с ними еще можно как-то спорить. У их американских коллег нет ничего, кроме голых эмоций, доходящих зато до истерики. Какие уж там дебаты, лишь бы глаза не выцарапали: они ведь всегда — голос совести, а значит, их оппонент по определению — враг народа. Они — сострадают, а вы — черствы и безжалостны. Только вот сострадают они почему-то весьма избирательно, отчего у них всегда, по меткому выражению Орвелла, некоторые животные равнее других.

Думаю, коммунистическая идеология никогда не смогла бы покорить США — просто потому, что она слишком сложна, слишком концептуальна и предполагает хотя бы какое-то знание истории. Это болезнь культуры, интеллекта, а ни того, ни другого просто нет в необходимом количестве, чтобы вызвать эпидемию. (Зато, однажды установившись, тоталитарная система осталась бы там навеки в силу их чудовищного конформизма). Американская левизна, подстать американской субкультуре, трехмерна. Ввезенная, надо полагать, во времена французской революции, она так и осталась на уровне идей Просвещения, нисколько не обогатившись за двести лет. Американская "элита" все еще верит в миф о "благородном дикаре", о доброй природе человека, испорченной плохими институциями, исповедует какой-то совершенно допотопный эгалитаризм, но вряд ли один на тысячу может правильно сослаться на первоисточник. Будучи поклонниками социалистической утопии в самом общем, масонском варианте, они ничего не знают о последующем развитии социалистических идей, тем более об их крахе. Это какой-то заповедник имени Руссо, в том смысле, в каком Северная Корея — заповедник имени Сталина.

Опять-таки сказать, верят они в эти бредни или только прикидываются, столь же трудно, как сказать, верил ли Андропов в коммунизм. Исповедовать эту веру в сегодняшней Америке выгодно, а людям интеллектуальных профессий — просто необходимо для успеха в карьере. Ибо, сколько бы ни прикидывались

наши утописты бунтарями, оппозиционерами, защитниками народных интересов, они уже давно стали истеблишментом, имеющим больше власти, чем правительство. Общность интересов превратила их в лживую, наглую клику, вцепившуюся в свое положение и привилегии не хуже советской номенклатуры. И горе смельчаку, решившемуся отстаивать свое мнение вопреки воле этой интеллектуальной мафии.

Разумеется, говоря столь нелестные вещи об американском обществе, я вовсе не утверждаю, что таковы поголовно все американцы. Это достаточно большая страна с населением, весьма разнородным этнически, с большим количеством сравнительно недавних эмигрантов, сохранивших еще свою прошлую культуру. Да и среди коренных американцев можно найти иных людей. Более того, как мы увидим далее, именно в Америке отыскались те, кто смог организовать противостояние советскому влиянию в мире. Беда, однако, в том, что они сами находились как бы в осаде, на обочине общественной жизни, будучи разрозненным меньшинством, а основное стадо доминировало (и по сей день доминирует) в жизни США. Забавно, что европейские левые до сих пор не поняли, до какой степени их единомышленники подчинили себе Америку, и по инерции продолжают критиковать ее за то, чем она уже давно не является. В их воображении это все еще страна ковбоев, "сыщиков-и-воров", "крутых парней", палящих во все, что пошевелится, в то время как там еще с 60-х восторжествовали все их левые идейки в образовании, воспитании и социальном обеспечении, причем гораздо более, чем это удалось в старой консервативной Европе. Какие уж там "крутые парни", если выросшие с тех пор поколения оказались совершенно неспособны справляться со стрессом, с травматической ситуацией да и с самими собой без помощи психоаналитика. Даже смерть соседской собаки может вызвать у них нервное расстройство.

Все это представляло бы для нас лишь академический интерес, если бы США, в силу своих географических особенностей, не оказались "лидером свободного мира" в самый критический момент конфронтации с коммунизмом. И хотя начальный период "холодной войны" конца 40-х — начала 50-х Америка выдержала с честью (создание НАТО, блокада Берлина, война в Корее и т.д.) — к концу 60-х она уже трещала по всем швам.

Конечно, и в 40-х и в 50-х американские "интеллектуалы" были левыми, а значительная их часть была даже настроена прокоммунистически (хотя им еще не удалось тогда настолько подчинить себе все общество, как это случилось потом). Недавно вышедшая книга мемуаров главного сталинского убийцы и обершпиона генерала Судоплатова, вызвавшая бурю негодования американского истеблишмента, иллюстрирует это вполне убедительно. Поражают в ней даже не столько имена знаменитых физиков — Оппенгеймера, Ферми, Сцилларда и др., — вполне добровольно делившихся ядерными секретами со Сталиным, но, скорее, та легкость, с которой советская разведка могла оперировать в кругах американских левых. Агентов среди них отбирали, а не отыскивали.

Что же до самих физиков, то нынешнее возмущение их коллег мне кажется притворным: как будто и без откровений генерала не было известно об их просоветских симпатиях. Достаточно вспомнить, что и сам Манхэттенский проект возник по их инициативе: мнимая угроза того, что ядерное оружие может ока-

заться в руках Гитлера, взволновала их настолько, что они, забыв про свой пацифизм, просто заставили американского президента санкционировать создание бомбы. Но вполне реальное известие о том, что это оружие оказалось у Сталина, совершенно их не обеспокоило: напротив, с этого момента они опять стали пацифистами и "борцами против ядерного оружия" — разумеется, западного.

Однако при всем совершенном ими зле Оппенгеймер и компания вызывают у меня гораздо меньше омерзения, чем их нынешние защитники. Первые, по крайней мере, верили в то, что делают, и готовы были рисковать ради своих убеждений, в то время как последние просто защищают свое уютное положение "элиты", нисколько не стесняясь откровенной лжи. Волнует их, конечно, не доброе имя их покойных коллег, а необходимость нести ответственность за общий грех. История участия американских левых интеллектуалов в советском атомном шпионаже — это лишь один пример их соучастия в преступлениях коммунизма. И признай его теперь — пришлось бы признать, что антикоммунистическая кампания конца 40-х — начала 50-х, известная как "маккартизм", была отнюдь не "охотой на ведьм". Можно лишь пожалеть, что, как и все в Америке, она приняла истерические формы, но неоспоримо, что по сути она была вполне оправдана.

Между тем, именно жупел "маккартизма", беззастенчиво эксплуатируемый американскими левыми интеллектуалами добрых 50 лет, и был тем инструментом, благодаря которому самозваная "элита" превратилась в истеблишмент, заняв практически диктаторское положение в американском обществе. Это был своего рода эмоциональный шантаж: они же безвинно пострадали, а стало быть, все теперь перед ними в долгу. Ни возразить им, ни, тем более, напомнить об ответственности за проповедуемые взгляды и думать не смей: это ведь опять "преследование", опять "маккартизм". Все перевернулось вверх ногами: быть просоветским, даже коммунистом, стало почетно, если не сказать обязательно; быть же антикоммунистом — позорно, почти преступно.

Так что нынешнему переполоху американского истеблишмента удивляться не приходится: под вопросом оказалась сама легитимность их господства, весь миф об их "безвинном" страдании. Да и само это "страдание" — не миф ли? Ведь в то самое время, как их духовные братья порабощали целые народы, уничтожали миллионы людей в угоду их общей идеологии, их самих всего лишь спрашивали, причем публично, в присутствии их адвокатов, прессы, с соблюдением всех процедурных формальностей:

— Являетесь ли вы членом какой-либо коммунистической группы?

Только-то и всего. Помню, я был счастлив, когда смог наконец сказать в лицо своим судьям в 1967-м все, что я думаю об их политическом строе, и, получивши за это три года лагерей, "пострадавшим" себя никак не считал. Им же ни лагерь, ни пытки, ни тем более уничтожение не грозили. В худшем случае — потеря работы. И что любопытно: большинство из них "кололись" самым постыдным образом, оговаривали друзей и соседей, лгали под присягой. Таких, что отказались говорить, нашлись лишь единицы. Тоже мне, герои-страдальцы. Но добрых сорок лет размазывается их "трагедия" печатью, телевидением, кинематографом. Десятки фильмов создано Голливудом на эту тему, последний — аж в 1990 году: "Guilty by Suspicion", с Робертом Де Ниро в главной роли.

И — ни одного о трагедии сотен миллионов действительно страдавших под

игом коммунизма. В самом деле, посмотрите на продукцию этой цитадели американской левизны — Голливуда — за последние сорок лет под таким углом, и вы убедитесь: нет ни одного фильма, честно и серьезно отразившего главную трагедию нашего столетия. Это или откровенная советская апологетика, или ложь более тонкая, изощренная, рассчитанная на невежество широкой публики. Историк, вынужденный судить о нашем времени по голливудским фильмам, не поймет ничего. Скорее всего, он придет к выводу, что мы жили весь век или под перманентной угрозой фашизма, или под угрозой сумасшедших американских генералов. А коммунизм в нашем мире если и присутствовал вообще, то где-то очень далеко, в качестве никому не угрожающего фона. Даже неустрашимый Джеймс Бонд сражается не против КГБ, а чаще в союзе с КГБ, против некоего мифического сверхконцерна, руководимого, как правило, сумасшедшим капиталистом. Даже мысли такой не допускается, что сам коммунизм может представлять какую-то угрозу человечеству — но лишь наша реакция на него. Не противник, а наше сопротивление ему.

Что ж до противника, то ничего, кроме симпатий, он не вызывает. Ну, в крайнем случае, сочувствие, сострадание, как "обманутые идеалисты" ("Reds"). Даже "Доктор Живаго" Пастернака, за чтение которого сажали в тюрьму в СССР, превратился у них в этакие сочувственные сопли. Ни малейшего сострадания к миллионам жертв этих "идеалистов", тем более — раскаяния. А там, где уж никак не умолчать о жертвах, — не просто ложь, но ложь чудовищная. Лучший тому пример — "Killing Fields" — фильм о наиболее известном преступлении коммунизма уже в наши годы — в Камбодже. Тут черепов не спрячешь, но зато можно не объяснить зрителю, кто же такие эти "красные кхмеры", истребившие добрую половину населения своей страны. Иди гадай: откуда они взялись да почему уничтожают людей? На протяжении всего фильма никак не выяснишь, что они просто коммунисты, причем, видимо, еще большие идеалисты, чем их московские (или вьетнамские) коллеги: те хоть стыдливо зарывали черепа в землю, а не выставляли напоказ всему человечеству.

Да и вся задача фильма чисто дезинформационная. Во-первых, оправдать оккупацию Камбоджи Вьетнамом. Дело, мол, отнюдь не в коммунизме, ибо вьетнамские коммунисты прекратили истребление людей в Камбодже. Благодарите и радуйтесь. Во-вторых — оправдать предательскую роль американских левых в этой трагедии. И вот главный положительный герой фильма — леволиберальный корреспондент американской леволиберальной прессы, спасающий камбоджийскую семью. Забудьте, что именно они обеспечили победу коммунистов в Юго-Восточной Азии своей истерической антивоенной кампанией, что благодаря им исчезли с лица земли три страны, а "красные кхмеры" смогли нагородить пирамиды черепов. Все это мелочи по сравнению с прекрасным человеческим поступком — спасением одной семьи. Слезы умиления застилают зрителям глаза: какое благородство! И Геббельс бы разрыдался, посмотрев этот фильм.

Сложившаяся на базе лжи и предательства да еще и воспитанная на такой пропаганде, американская "элита" была естественным союзником СССР задолго до начала "детанта". В США, в отличие от Европы, основой послужили не столько идеологические симпатии — подавляющее большинство американских "интеллектуалов" и понятия не имело о том, что такое коммунистическая идеология,

даже те, кто гордо именовал себя марксистом, — сколько "оппозиционность" по отношению к своему правительству. Война во Вьетнаме, хотя она по сути ничем не отличалась от войны в Корее всего за полтора-два десятилетия до того, послужила катализатором этих настроений в обществе. Как ни парадоксально это звучит, Америка конца 60-х — начала 70-х была просоветской, потому что стала антиамериканской: раздутая левой "элитой" антивоенная истерия, доходящая до паранойи, расколола страну, сделав антиамериканские настроения более распространенными, чем в Европе. Но если "элите" эта истерия была необходима для самоутверждения, для захвата господствующих позиций в обществе, то миллионы молодых американцев, как библейское стадо свиней, в коих вселились бесы, устремились туда же из чистого конформизма. Марихуана, рок, вечно раскрытые рты, незамутненные глаза, сияющие идиотским энтузиазмом, и... "протест". "Бунт" стал модой, такой же обязательной для "успеха", какой потом стали утренние пробежки, экология, одержимость здоровьем.

Для всего же остального мира это была катастрофа: он не просто остался без лидера — это бы еще куда ни шло, — но оказался этим лидером предан.

6. Мирное наступление

Конечно, все это происходило не без советской "помощи" и уж тем более не ускользнуло от их внимания. Как сама война в Юго-Восточной Азии, так и антивоенная истерия подогревались и поддерживались Москвой, а успех и в том, и в другом показывал, что настала пора решительных действий. Предложенная европейской социал-демократией игра в "детант" пришлась, таким образом, очень кстати: не оставалось практически никаких препятствий на пути советского "мирного наступления". Как сказал Брежнев, запуская свою "Программу мира" на XXIV съезде КПСС в марте 1971 года:

"Соотношение сил на мировой арене сместилось в сторону сил социализма".

Нужно, однако, помнить, что в коммунистической новоречи "мир" означал вовсе не то, что под этим словом обычно понимают нормальные люди, а всего лишь победу коммунизма во всем мире. Документы ЦК не оставляют сомнения в том, что "классовый характер внешней политики СССР" ничуть не изменился в период "детанта", который, по их замыслу "является формой классовой борьбы, направленной на укрепление мирового социализма, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, всего антиимпериалистического фронта".

Вопреки расхожему мнению, чисто военная победа над "классовым противником" никогда не расценивалась в Москве как предпочтительная. Доктрина требовала "освобождения человечества от оков капитализма" в процессе "классовой борьбы", а не в процессе ядерного уничтожения. Она предполагала революции и даже революционные войны, но такие, в результате которых к власти приходит "победивший пролетариат", т.е. их пятая колонна. Да и с чисто прагматической точки зрения, если им что-то и было нужно от Запада к началу 70-х, так это промышленный потенциал, а не бескрайние просторы обугленной земли. "Освобождение", таким образом, должно было начинаться местными силами, "друзья-

ми", а победоносная советская армия могла лишь блестяще завершить его, придя на помощь братьям по классу.

Соответственно, целью советской внешней политики всегда было "укрепление позиций мирового социализма, создание благоприятных возможностей для деятельности международного коммунистического, рабочего, национально-освободительного движения". А основным объектом вожделений всегда была Европа с ее промышленной базой. Строго говоря, большевистская революция в России произошла по ошибке: по замыслу Ленина (а тем более — Маркса), ей полагалось произойти в индустриально развитых странах Европы, что и обеспечило бы базу для последующей победы социализма во всем мире. Даже устраивая свою революцию в Петербурге, Ленин на самом деле пытался всего лишь ускорить ее в Европе, но просчитался. Рабочие волнения в Германии, Италии, Франции до революции не дотянули, а Красная армия застряла под Варшавой. Так и осталась Россия строить социализм "в одной отдельно взятой стране".

Однако ученики и наследники Ленина отлично понимали, что без европейской промышленности ни о каком социализме всерьез говорить нельзя. А обеспечить "благоприятные возможности для деятельности" своих европейских друзей можно было лишь путем дестабилизации успокоившейся к тому времени Европы. Отсюда такие противоречивые на первый взгляд действия Сталина, как помощь Гитлеру и в приходе к власти, и в создании вермахта — с одной стороны, а с другой — помощь республиканской Испании в гражданской войне. По замыслу Сталина, Гитлер должен был стать "ледоколом революции": сломав "старый порядок" в Европе и вызвав политическую поляризацию (консолидацию антифашистских сил под руководством "друзей"), он должен был обеспечить Красной армии благородную роль освободителя европейского континента и от нацизма, и заодно от оков капитализма. Но в результате Гитлер упредил Сталина, и тому пришлось долго обороняться (к чему он был не готов), а тем временем в войну вмешались американцы (получившие, к тому же, в конце войны ядерное оружие). И, хотя Сталин закончил войну в Берлине, блестящего освобождения всей Европы так и не получилось.

Послевоенное противостояние, не изменив по сути советских целей, сместило акценты их внешней политики: и думать было нечего о дестабилизации Европы, пока ее стабильность и безопасность обеспечивались американским присутствием, ядерным зонтиком и экономическим влиянием (план Маршалла). Можно без преувеличения сказать, что это спасло послевоенную Европу от коммунизма, — потому-то США оказались для всего прогрессивного человечества "врагом номер один", а "борьба с американским империализмом" — его главной заботой (так же, как и "борьба за мир" и ядерное разоружение, направленные против реальных преимуществ США). Задачей в этой борьбе было не столько изменить социальный строй в самой Америке или подорвать ее влияние в других регионах мира, сколько заставить ее уйти из Европы. Но глобальная конфронтация имеет свои законы, и если, как теперь выясняется, Сталин устроил берлинский кризис с тем, чтобы отвлечь силы США от войны в Корее, то война во Вьетнаме, хоть и не затеянная с такой целью, все же привела к ослаблению американского влияния в Европе.

Точнее сказать, не сама эта война, а антивоенная истерия вокруг нее: на ее

основе произошло сближение европейских социалистов с коммунистами, так же, как и распространение просоветских настроений в самом американском обществе. США перестали быть действенным противовесом СССР, позволив последнему перейти в "мирное" наступление. Но если в Европе его союзниками были социал-демократы, то в США — леволиберальные круги, на которые вполне сознательно ориентировалась советская политика. Еще задолго до принятия "Программы мира" советские официальные делегации инструктировались:

Использовать пребывание в США для расширения контактов с либеральными и оппозиционными кругами, выступающими за нормализацию отношений на основе отказа США от политики "холодной войны" и гонки вооружений (...) активизировать интерес деловых кругов... (и как можно шире критиковать) **претятствия со стороны США на пути к улучшению отношений, в первую очередь гонку вооружений, интервенцию в Юго-Восточной Азии, поддержку Израиля.**

К этому же времени относятся и упоминавшиеся ранее "мероприятия по усилению и расширению движения протеста негров в США", интересовавшего кремлевских стратегов лишь постольку, поскольку оно "создаст определенные трудности для правящих кругов США и будет отвлекать внимание администрации Никсона от проведения активной внешней политики".

Все было рассчитано на то, чтобы затолкать Америку в "детант" или, по крайней мере, в самоизоляцию. А к 1973 году, когда были торжественно подписаны "Основы взаимоотношений между СССР и США" и "Соглашение о предотвращении ядерной войны", ситуация обострилась еще больше: арабский нефтяной бойкот резко ухудшил экономическое положение Запада, а война в Юго-Восточной Азии стала еще безнадежней.

...поворот в сторону разрядки международной напряженности происходит в стратегически выгодный нам момент, — резюмировал ЦК. — **В условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма, вынужденного приспособления современного капитализма к новой обстановке в результате многократных поражений агрессивной империалистической политики, кризиса валютно-финансовой системы капитализма, относительного ослабления позиций американского империализма в мире, падения престижа политической системы США, в обстановке обострения внутренних классовых и национальных, а также межимпериалистических противоречий, усиливающейся заинтересованности деловых кругов капиталистических стран в установлении торгово-экономических отношений с Советским Союзом.**

И вот после поездки Брежнева в США ЦК принимает развернутую программу пропагандистских мероприятий, где довольно точно отражена их стратегия. Срочно созванное ЦК совещание всех руководителей "советских общественных организаций и советских представителей в международных демократических организациях" дало указания:

...о задачах их работы в современных условиях, а также по вопросам развития связей с общественными организациями и движениями США и усилении нашего влияния на широкие круги американской общественности.

Всем организациям, ведущим информационно-пропагандистскую работу, следует всемерно усиливать наступательный характер нашей пропаганды, — инструктировал ЦК. — **Глубокие изменения в международной обстановке не должны**

порождать необоснованных иллюзий, самоуспокоенности и пассивности. Необходимо показывать, что в мире есть определенные силы, выступающие против разрядки международной напряженности, сохраняются взрывоопасные очаги агрессии и войны. Избегая стереотипов, унаследованных от периода "холодной войны", сосредоточить внимание на сравнительном анализе двух систем. Всемерно раскрывать преимущества социализма, социалистических идеалов, его моральных и духовных ценностей и идей, не уходя при этом от реальных трудностей нашего развития. В то же время вести активную аргументированную критику и разоблачение противостоящей нам системы империализма, системы буржуазных духовных и нравственных ценностей, идеалов т.н. потребительского общества. (...) Шире использовать в этих целях умело подобранную оперативную информацию о проявлениях экономической неустойчивости, безработице, инфляции и т.д., социальных, национальных и политических антагонизмах и язвах капитализма, особенно факты безработицы, расизма, преступности, кризиса буржуазной культуры, варварского разрушения окружающей среды и т.д.

Вести решительное наступление против антикоммунистических, антисоветских, сионистских и милитаристских сил, всех тех, кто выступает против разрядки, за возврат к "холодной войне", за гонку вооружений, кто сеет семена вражды и недоверия между народами.

Постоянное внимание необходимо уделять разоблачению попыток враждебных идеологических центров оживить концепции, нацеленные на поощрение "эрозии" социалистической идеологии (в том числе "теории" конвергенции и деидеологизации в их различных вариантах), давать отпор любым попыткам интерпретировать разрядку международной напряженности как "подтверждение" подобных теорий. При этом настойчиво проводить мысль о недопустимости смещения "холодной войны", представляющей собой определенный, притом отнюдь не фатально неизбежный этап в отношениях между государствами, с идеологической борьбой, являющейся формой классовой борьбы пролетариата против буржуазии, вытекающей из противоположности двух социальных систем.

Аргументированно разоблачая провокационный смысл, который буржуазная пропаганда вкладывает в известный тезис "о свободе обмена идеями, информацией и людьми", показывать на конкретных фактах, что Советский Союз всегда выступал за развитие культурных связей, способствующих взаимному духовному обогащению народов, и добился значительных успехов в этой области. Разъяснять, что такое сотрудничество, развитие контактов и обмен информацией должны осуществляться при полном соблюдении принципов суверенитета и невмешательства, строгого соблюдения законов, обычаев и традиций друг друга. Решительно выступать против попыток отхода от этих принципов, разоблачая их как возврат к практике "холодной войны".

Во всей пропагандистской работе вскрывать несостоятельность различного рода мелкобуржуазных левацких течений, получивших распространение среди определенной части молодежи в странах капиталистического мира, бесперспективность т.н. "бунта молодежи" вне связи с освободительной борьбой пролетариата, попыток ухода от реальных проблем и противоречий капитали-

стического общества. Подчеркивать, что только социализм открывает путь к подлинному освобождению молодого поколения. Давать решительный отпор "технократическим" и иным теориям и взглядам, призванным обосновать претензии на особую роль интеллигенции в руководстве современным обществом, различного рода спекуляциям относительно "свободы творчества" в условиях социализма.

Был утвержден и "План организационно-пропагандистских мероприятий", охватывавший практически все сферы деятельности и взаимоотношений. Самое главное в нем — широкое использование западных средств массовой информации для распространения советской пропаганды.

Так, Государственному комитету СССР по телевидению и радиовещанию даны указания:

— использовать открывшиеся возможности для расширения контактов и связей с телерадиоорганизациями США, Франции, ФРГ, в частности, для продвижения советских телематериалов, подготовки совместных программ, уделяя должное внимание установлению прямых связей с местными теле- и радиоорганизациями;

— организовать приглашение в Советский Союз видных американских телерадиожурналистов для подготовки радиопередач, телефильмов о Советском Союзе под контролем и при участии Госкомитета;

— по согласованию с Отделом пропаганды ЦК КПСС (...) провести консультации с телерадиоорганизациями братских социалистических стран по вопросам координации, в частности, пропагандистских выступлений на США, другие капиталистические страны Европы, определения основных пропагандистских направлений с учетом специфики отдельных европейских стран, уточнения временной сетки вещания;

— организовать регулярные контрпропагандистские выступления с разоблачением домыслов и инсинуаций буржуазной радиопропаганды маоистских, сионистских и ревизионистских взглядов.

Агентству печати Новости:

— подготовить для влиятельных органов американской печати статьи партийных, государственных и общественных деятелей СССР с разъяснением различных аспектов внутренней и внешней политики КПСС;

— оказать содействие видным американским журналистам в подготовке материалов по их заявкам;

— продолжить подготовку совместно с телеорганизациями США "Эй-Би-Си", "Си-Би-Эс", "Эн-Би-Си", а также телеслужбой агентства ЮПИ репортажей, информационных сообщений, телепрограмм, посвященных достижениям Советского Союза, жизни советского народа. Подготовить и обеспечить продвижение за рубежом телефильмов "Газета "Правда"", "Верховный Совет", "Секретарь парткома", "Прогресс и защита окружающей среды" и других.

А Госкомитет по кинематографии получает задание:

— разработать конкретные предложения о совместной постановке фильмов советско-американского производства,

Госкомитету же по делам печати предписано:

— систематически осуществлять перевод на русский язык книг прогрессив-

ных американских писателей и публицистов, сборников выступлений видных общественных деятелей и журналистов, объективно показывающих происходящие в США политические и социально-экономические процессы и выступающих за сотрудничество с Советским Союзом,

Академии наук СССР — и того хлеще:

— изучить возможности привлечения новых крупных американских деятелей науки к Пагуошскому движению, предусмотрев возможность индивидуальных обращений со стороны видных советских ученых;

— расширить исследования экономического, политического, социального положения в США, проблем борьбы рабочего, коммунистического, национального и других массовых движений США, усилить изучение современного состояния американской философской, экономической, исторической, социологической, правовой, психологической наук, литературы и литературоведения, а также идеологической борьбы в области науки и искусства;

— подготовить ситуационный анализ по вопросам советско-американских отношений, исходя из нового этапа их развития и влияния на обстановку в мире, а также отношений США с западноевропейскими союзниками в новых условиях;

— активизировать контакты с научными учреждениями Франции, ФРГ, Японии и других стран по проблемам американистики.

То есть уже просто разведывательно-аналитическая роль, как если бы Академия наук была отделом КГБ. Академикам от разведки Арбатову, Примакову (недавний глава разведслужбы России, ныне доросший до поста министра иностранных дел), Иноземцеву, Миллионщикову поручалось регулярно обрабатывать американскую "элиту", для чего периодически устраивались советско-американские "научные" коллоквиумы и симпозиумы по проблемам двусторонних отношений и по иным "различным проблемам обществоведческого и гуманитарного знания".

Словом, это было массированное наступление советской пропаганды и дезинформации, с использованием всех возможных каналов и методов, общественных и государственных структур. Тут и развитие движения "породненных городов", и работа "по созданию широкой общественной организации в США, выступающей за развитие дружественных отношений с Советским Союзом". Задействовано было буквально все: и молодежные организации, и женские, и общества ветеранов войны, и профессиональные союзы — все были брошены на осуществление:

...практических мер по укреплению сотрудничества с демократическими организациями и движениями США, а также по установлению связей с теми общественно-политическими силами страны, которые выступают за дальнейшую нормализацию советско-американских отношений, по проведению двусторонних консультаций, встреч, симпозиумов и других мероприятий, позволяющих расширить наше воздействие на американскую общественность.

Даже Главное управление по туризму обязано было:

...принять меры к широкому разъяснению среди туристов, прибывающих в СССР из США и других стран, успехов советского народа в коммунистическом строительстве и практических шагов ЦК КПСС и Советского правительства по претворению в жизнь Программы мира, активно используя для этого лекционную пропаганду, встречи с советской общественностью, показ кинофильмов,

посещение культурно-зрелищных мероприятий.

И, наоборот, советские туристы в Америке были обязаны участвовать:

...в **информационно-пропагандистской работе среди населения США, имея в виду организацию встреч с американской общественностью, пресс-конференций, выступления с лекциями и докладами, по радио и телевидению**.

А в то же время принимались строжайшие меры, чтобы не допустить никакого влияния Запада на советское население. Любой "культурный обмен" превращался в обман под неусыпным контролем министерства культуры за его "идейным содержанием": "обменивали" советскую пропаганду на "прогрессивную культуру" Запада. Не утихали и репрессии против инакомыслящих. Условия игры, навязанные Москвой, действительно были, по меткому выражению Рональда Рейгана, "улицей с односторонним движением". Советская пропаганда, дезинформация, подрывная деятельность оказывались как бы узаконены под видом "свободного обмена людьми и идеями", являлись вполне правомерными аспектами "идеологической борьбы". Любые же попытки Запада этому противодействовать или вести свою "идеологическую борьбу" были недопустимы как "вмешательство во внутренние дела СССР" и "возврат к практике "холодной войны"".

Можно себе представить, какой сумбур в головах ясноглазых янки производил этот шквал лжи, ураган обмана, санкционированный к тому же их правительством во имя благородного дела защиты мира. И уж никак нельзя отрицать его влияния на американскую "элиту".

7. Капитулянты

В 1980 году, когда "детант" был уже позади, один из его зодчих, бывший президент США Ричард Никсон, писал:

"Сегодня Советский Союз — наиболее мощно вооруженная, экспансионистская держава, которую когда—либо знал мир, и рост вооружений в этой стране в два раза превышает аналогичный рост в Соединенных Штатах. Советские намерения не составляют никакой тайны. Кремлевские вожди не хотят войны, но при этом им необходимо мировое господство. И они быстрыми шагами продвигаются к своей цели.

Впервые в новейшей истории Америка в восьмидесятые годы окажется перед двумя неотвратимыми реальными проблемами. Первая перспектива — возможное поражение в случае разразившейся войны. Вторая перспектива еще более вероятна, чем первая, и столь же сурова. Страшно не столько то, что в конце столетия Запад окажется перед угрозой ядерной гибели, сколько то, что он окажется под угрозой сползания в положение, в котором нам останется выбирать между капитуляцией и самоубийством — стать красными или погибнуть".

Жаль только, что это прозрение пришло к нему слишком поздно, когда заложенная им политика "детанта" уже принесла вышеозначенные плоды. Более того, даже в 1980-м он все еще не хочет признать наличие связи между "детантом" и этими результатами. Если бы не трагичность ситуации, его объяснения звучали бы комично. С одной стороны, он вроде бы понимает, что суть коммунистической системы, идеология и цели ее лидеров не изменились, что, как он

пишет:

"*Ни Брежнев, ни его предшественники не вели переговоры ради истинного достижения мира во всем мире. Скорее им нужен был такой мир, который можно было использовать при отсутствии войн для распространения коммунистического влияния во все сферы земного шара*".

Но, выступая в Конгрессе США по возвращении из Москвы в 1972 году, он — почти как Чемберлен в 1938-м — заявил:

"*...мы не привезли из Москвы обещание немедленного мира, но добились начала процесса, который может привести к установлению мира на земле*".

И после этого он винит в своих неудачах "неоправданную эйфорию" западной общественности. А чего же еще можно было от нее ожидать, если даже президент США, притом с репутацией антикоммуниста, верит в возможность установления прочного мира с СССР путем соглашений? Сдавши все западные позиции, какие только было можно, он пытается оправдываться тем, что его неправильно поняли: "детант", видите ли, вовсе не мыслился как альтернатива "холодной войне", но лишь как дополнение к ней.

"*Смысл разрядки, как она изначально понималась моей администрацией, уже настолько извращен как действиями Советов, так и общим непониманием в Соединенных Штатах, что сам термин утратил свою значимость как отражение сущности советско-американских отношений. Если разрядку понимают как "альтернативу холодной войны", то это попросту противоречит здравой логике*".

И кто же виноват в этом "недоразумении", едва не стоившем человечеству будущего? Советские вожди со своим неверным поведением? Но ведь сам же Никсон пишет буквально на следующей странице:

"*Если русские сочтут, что им сойдет с рук их понимание разрядки как прикрытия их агрессии, явной или тайной, они не преминут сделать попытку. В последние годы они не только делали попытки, но и явно преуспели в своих действиях, так же, как в использовании агрессии в качестве прикрытия сдвига в балансе военной мощи в свою пользу*".

То есть ничего другого от них и ожидать не приходилось. Тогда, выходит, виновато "недоразумение", возникшее в США? Но ведь именно Никсон с Киссинджером и создали это "недоразумение". Вот он пишет:

"*Возникла надежда, что если Соединенные Штаты сократят свое вооружение, то другие державы, в особенности СССР, последуют их примеру. Однако Советский Союз не последовал букве договоренностей. На самом деле в тот период, когда доктрина контроля за вооружением стала завоевывать умы американских теоретиков, а сами эти теоретики стали набирать общественный вес, в советских пятилетних планах наращивалась доля военных ассигнований, что явно отвечало определенным стратегическим целям. Советы оказались выше теорий; они стремились к мировому господству*".

Но кто же, как не Киссинджер с Никсоном, и запустили все эти "теории", эту безумную философию "контроля над вооружением" путем договоров, соглашений и прочей ни к чему советских не обязывающей чуши?

"Прямо или косвенно, но торговля с СССР способствует укреплению его военной мощи. Даже торговля нестратегическими товарами. Нам следует постоянно помнить, что любой бизнес с Советами дорого нам обходится; он только тогда правомерен, когда его результаты превосходят подобные издержки. Торговля с Советским Союзом должна быть для нас орудием воздействия, а не нашим ему подарком".

Но даже в 1980 году он все еще пытается спорить, что его попытка предоставить СССР статус наибольшего благоприятствования в торговле была вполне оправдана, хотя этот статус обеспечил бы Кремлю практически неограниченный доступ к дешевым кредитам. И, видимо, чтобы уж совсем нас запутать, добавляет:

"До тех пор, пока СССР продолжает активно проводить в мире свою агрессивную политику, мы ни в коем случае не должны ему в этом потворствовать".

Парадокс политики Никсона–Киссинджера в том и состоит, что, с одной стороны, они вроде бы понимают всю абсурдность "детанта" и даже догадываются об опасности этих игр, но с другой — как завороженные кролики, лезут в пасть удаву.

"Основная цель контроля за вооружением — уменьшение военной опасности. Однако сам контроль за вооружением не способен уменьшить эту опасность. Не вооружение, а политические разногласия — основная причина всяких войн, и пока разногласия не будут разрешены — сколько бы ни было достигнуто договоренностей по контролю за вооружением, все равно в мире сохранится достаточно оружия для самой разрушительной войны.

Сама по себе торговля не может уменьшить военную опасность. Как показывает опыт Первой и Второй Мировых войн, государства, торговавшие друг с другом, развязали между собой войну именно в силу политических разногласий.

Торговля и контроль над вооружением должны сопрягаться с разрешением политических разногласий, когда опасность войны достаточно велика. Лишь если навести мосты в этом направлении, можно справиться с основными проблемами, ведущими к войне".

С этим, пожалуй, и согласиться можно, если только помнить, что главное "политическое различие" в данном случае — марксистско-ленинская идеология, а ее советские вожди отменять не собирались в обмен ни на какие блага. И, кажется, Никсон это даже понимает: во всяком случае, он об этом постоянно пишет на протяжении всей книги. Так в чем же тогда, по мысли администрации Никсона, состояла выгода детанта, превосходившая "издержки"? Где же *quid pro quo*? Боюсь, реальность была гораздо прозаичней, чем вся та диалектика, которую бывший президент США нагородил в свое оправдание: попросту говоря, попав в трудное положение, Америка попыталась откупиться от советского агрессора.

"Именно в тот переходный период между моим избранием на пост президента в 1968 году и моей первой инаугурацией в 1969 году мы с Генри Киссинджером разработали то, что теперь повсюду именуется "сопряжением". Мы пришли к решению, что все то, чего добивались Советы: добрососедские отношения, укрепляемые встречами на высоком уровне,

экономическое сотрудничество и соглашения по ограничению стратегических вооружений, — они могут получить только на условиях компенсации, quid pro quo. В те годы нам от них требовалось вполне определенное quid pro quo — помощь в достижении соглашения во Вьетнаме, ограничение их деятельности на Ближнем Востоке и резолюция по текущим проблемам в Берлине".

Заметим, что опасность во всех этих местах была вполне сознательно создана советской агрессией, а значит, любая плата за ее устранение была не мудренее платы рэкетирам. Затея тем более самоубийственная, что сама эта плата включала предоставление СССР стратегических преимуществ — военного превосходства, кредитов, технологии, облика миролюбивого, уважаемого партнера Запада. Такая странная сделка, хоть и могла обеспечить Западу недолгую передышку, отдавала будущее человечества в руки кремлевских бандитов.

Но, как водится с рэкетирами, и обещанной передышки они не обеспечили: получив "выкуп", советские вожди и не подумали выполнить свои обещания. США пришлось испить до дна горькую чашу поражения в Юго-Восточной Азии и бежать, практически бросив своих союзников на произвол врага; советское влияние в Европе достигло в те годы своего максимума, а поддерживаемые ими террористические движения грозили политической дестабилизацией. Сказать, чтобы СССР в те годы проявлял какую-то "сдержанность" на Ближнем Востоке, тем более невозможно: достаточно вспомнить массированную советскую помощь Сирии, Ираку, палестинским террористам, ту роль, которую СССР сыграл в разрушении Ливана и в войне против Израиля в 1973 году. Проблема же Берлина, как мы помним, стала просто перманентным источником твердой валюты для ГДР.

Действительно, давайте подсчитаем, чего стоило человечеству это десятилетие "детанта":

— если к концу 60-х установилось примерное равновесие стратегических вооружений между Востоком и Западом, то к концу 70-х СССР достиг чистого преимущества;

— если два послевоенных десятилетия советская империя переживала кризис и была вынуждена подавлять волнения в Восточной Европе (ГДР в 1953-м, Венгрия в 1956-м, Чехословакия и Польша в 1968-м), то за десятилетие детанта она стабилизировалась;

— если за тот же период коммунизм распространился только на два государства — Кубу и Северный Вьетнам, то за десятилетие "детанта" исчезла с лица земли целая дюжина некоммунистических государств (Ангола, Эфиопия, Афганистан, Южный Йемен, Сомали, Мозамбик, Лаос, Камбоджа, Южный Вьетнам, Бирма, Никарагуа), не считая прокоммунистические режимы в мало кому известных странах типа Гренады, Островов Зеленого Мыса или Мадагаскара, а "национально-освободительные" движения активизировались еще в десятке стран (Сальвадор, Гватемала, Ливан, Намибия, Чили и т.д.). Добрая сотня миллионов людей.

Но самым страшным результатом "детанта" был паралич воли к сопротивлению, поразивший страны Запада. Это была, если хотите, эпидемия нравственного СПИДа, из-за которого на вид здоровые страны потеряли иммунную реакцию на враждебные бациллы. И произошло это не в последнюю очередь из-за позиций США — одним бы европейским социал-демократам так не преуспеть.

"У других государств был более длительный, нежели у нас, опыт в использовании силы для поддержания мира. Однако они уже не так сильны, как раньше, — пишет Никсон. — *Поэтому, следовательно, мир смотрит теперь на США. Он смотрит на нас сегодня со страхом и тревогой, по мере того, как страна за страной перестают быть оплотом против советской экспансии, а Соединенные Штаты то ли онемели в нерешительности, то ли закоснели в своей благопристойности и потому либо неспособны, либо не хотят действовать".*

Конечно, при всех их ошибках, винить в этом одних Никсона с Киссинджером было бы несправедливо. Придя к власти в разгар антивоенной истерии, а точнее — в разгар бунта, когда старая "элита" практически уже капитулировала, а новая рвалась занять господствующие позиции любой ценой, администрация Никсона пыталась стабилизировать положение путем компромисса, прежде всего с этой новой "элитой". Советская экспансия даже в Европе, тем более в странах Третьего мира, отошла на второй план. Ими просто пожертвовали. Спасать надо было Америку, буквально раздираемую на части, — отсюда и шизофренический характер внешней политики США того периода. Отсюда же и падение самого Никсона как символ полной победы новой "элиты", и последующее разрушение старых институтов власти: президентства, армии, ЦРУ.

Власть перешла к институтам, традиционно контролируемым левыми: к прессе, телевидению, "общественным организациям" и — в той мере, в какой он контролировался новой "элитой", — Конгрессу.

"Величайшей переменой в положении правящего класса Америки явилась передача громадной, невиданной власти в руки средств массовой информации, — пишет Никсон. — *Однако крах правящего класса сказался и за пределами интеллектуальной и информационной "элиты". Некогда лидеры "большого бизнеса" были бастионом надежности и силы американской нации, поскольку обладали предельной независимостью. Теперь же, за исключением отдельных, достойных восхищения примеров, они имеют жалкий вид (...), громадные корпорации превратились в громадные бюрократические системы, а сами лидеры сделались объявленными бюрократами. Не многих крупных лидеров нынешнего бизнеса я бы выпустил на ринг сразиться с битогом Брежневым!".*

Естественно, рожденная в грехе антиамериканской кампании, а по сути — в грехе предательства интересов Запада вообще и своей страны в частности, эта новая американская "элита" была просоветской (чего и до сих пор сказать вслух в США — упаси Боже: ну как же, опять "маккартизм"!). Даже Никсон, не стесняющийся в выражениях при описании новой "элиты", так далеко не идет:

"Если Америка проиграет Третью Мировую войну, это произойдет по причине несостоятельности ее правящего класса. Это, в частности, произойдет по причине выявления, прославления и утверждения в правах неких "всезнаек" — этих чрезмерно восхваляемых дилетантов, которые провозглашают новейшие идеи, исторгают новомодные протесты и с которыми восторженно носятся средства массовой информации, их же и породившие. Уделяемое им, а также их "деяниям" внимание романтизирует банальщину и обращает в банальность всякую серьезную тему. Сводит

публичную дискуссию до уровня карикатуры. Какую бы тему ни взялись обсуждать эта публика, — антивоенную, антиядерную, антимилитаристскую, антикоммерческую, — практически всегда трактовка оказывается противостоящей интересам Соединенных Штатов в перспективе Третьей Мировой войны.

Подобные всезнайки готовы чуть что громогласно высказывать свое суждение, и каждое их суждение воспринимается как новое слово — не потому, что оно авторитетно, а потому что сказано знаменитостью. Их интеллект глух к возражениям, а собственные аргументы глухи к фактам. Поза — вот что для них самое главное. Кое-кто усматривает в их позе нечто от заговора, подозревая, что все это инсценируется Москвой. Ничего подобного. Какой тут заговор, это чистейший конформизм! Был бы заговор, легче было бы найти на них управу. Всезнайки — легион простаков, путеводной звездой которым сияет мода и которых влечет шум рукоплесканий".

Все вроде бы верно, но только "моды" эти почему-то неизменно соответствовали советским интересам, а часто и основным направлениям массированной советской пропаганды, описанной выше. Называть это "заговором" или нет — не столь существенно: если большинство и следовало данной моде из конформизма, сами "законодатели мод" уж точно ведали, что творят. Слишком очевидна их лживость, слишком упорно и последовательно вбивались в головы американцев просоветские "теории", призванные оправдать любое преступление коммунизма. Возьмите наугад практически любую книгу о "холодной войне" и вообще об отношениях Востока и Запада, и вы в этом убедитесь. Даже начальный период "холода" после войны, когда Сталин не только проглотил шесть европейских стран (не считая прибалтийских государств и трети Германии), но и продолжал активно готовиться к следующему раунду "освобождения" Европы, трактуется ими как "западная паранойя". Видите ли, бедняга Сталин всего лишь оборонялся, а Трумэн с Черчиллем истолковали это превратно.

"Ну и что такого, — говорят они, не моргнув глазом, — что коммунисты фальсифицировали выборы в Польше или Чехословакии? Западные союзники сделали то же самое в Италии и Бельгии".

А уж период "детанта" они и подавно изображают как сплошное советское миролюбие в ответ на паранойю США. В лучшем случае они описывают ситуацию как борьбу двух "сверхдержав" за мировое господство, а вовсе не как противостояние человечества коммунистической заразе, отчего обе "стороны" как бы приравниваются, а пишущий выглядит этаким мудрецом, парящим над конфликтом, словно бесплотный дух над юдолью печалей. Вот, пожалуй, наиболее яркий образчик, взятый наугад:

"*Несмотря на последствия китайско-советских расхождений, война по-прежнему представлялась биполярным конфликтом между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Элита каждой из стран пребывала в шорах общепринятого самомнения о собственной государственной системе. Несмотря на использование разнообразных средств с обеих сторон, таких, как смягчение напряженности и разрядка, цель каждой неизменно состояла в торжестве собственной идеологии. Во имя этой цели обе стороны*

стремились держать под контролем население своей страны, а также других стран, своих сателлитов и приспешников. В пылу идеологического рвения — как по отношению к "свободному миру", так и по отношению к "коммунистическому миру" — обе стороны ничтоже сумняшеся ориентировали в том же направлении своих граждан и манипулировали своими союзниками".

Этот прием лжи, получивший впоследствии название "доктрины морального равновесия", вообще весьма типичен для левых, особенно академических кругов (тот же метод они применяли и в 80-х, приравнивая, например, советскую оккупацию Афганистана к американской операции на Гренаде). Невольно это напоминает мне старый еврейский анекдот о двух приятелях, встретившихся после длительной разлуки:

— Ну, как жизнь? Что нового? — спрашивает один.

— Да так себе, — отвечает другой. — Вот устроился лакеем к барону Ротшильду.

— Так это ж хорошо!

— Да как тебе сказать? Он... ну, в общем, спит с моей женой.

— Так это плохо.

— Да как тебе сказать? Я ведь тоже... того... сплю с его женой.

— Так это хорошо.

— Да как тебе сказать? У моей от него дети...

— Так это плохо.

— Да как тебе сказать? У его жены тоже ведь от меня дети.

— Так это хорошо. Вы — квиты.

— Да как тебе сказать? Не совсем: я-то произвожу ему баронов, а он-то мне — бедных евреев...

Нежелание левых признать уже в наше время тот простой факт, что никакого "морального равновесия" с тоталитарным монстром быть не может, что он в результате только плодит ГУЛАГи и разрушение, само по себе очень показательно. Если в 20-е — 30-е годы еще можно говорить об их наивной вере в идеалы социализма, о чистосердечном заблуждении, то после войны, а уж тем более в 70-е — 80-е годы перед нами сознательная ложь, фальсификация. Разница столь же существенна, как между убийством в состоянии аффекта и хладнокровным убийством с корыстными целями. Думаю, этот водораздел пришелся как раз на годы "детанта", после которых "честных левых" уже не осталось: одни, поумнев, поправели; другие же остались защищать свое место под солнцем, свои небоскребы и лимузины, свое положение и влияние в обществе всеми правдами и неправдами. И то сказать — после Солженицына, после наших процессов и кампаний за права человека просто невозможно было не знать, что представляет из себя советский режим. А уж приравнивать Афганистан к Гренаде мог только совершенно бесчестный человек, которому глубоко наплевать на весь мир и все его страдания — хоть там, хоть здесь.

8. Поправка Джексона

Теперь, вспоминая то время да просматривая документы ЦК, не сомневаешься, что период "детанта" был самым опасным для нашей цивилизации. До полного господства в мире коммунизму оставалось не более полшага. Но, будучи уверены в своей конечной победе и в том, что время работает на них, советские вожди не хотели торопиться, терпеливо выжидая момента и устраняя последние препятствия. И, как ни странно это сознавать, мы со своей кампанией в защиту прав человека оказались в ту пору чуть ли не единственной помехой на их пути. Помехой тем более досадной, что в их глазах она была воистину ничтожной: ведь, по-марксистски рассуждая (а иначе они рассуждать не умели), Запад был уже у них в кармане, коль скоро и "капиталисты", и "подвластные им правящие круги" уже капитулировали.

Игра, однако, была тонкой, требовала осторожности, дабы не пробудить жертву, — нечто вроде гипноза, при котором даже назойливо жужжащая муха может сорвать все усилия. Чем-то наподобие такого овода, кружащего надо лбом задремавшей жертвы, мы и оказались: и пришибить нельзя, и оставить опасно. Более того, мы-таки заставили их из наступления перейти в оборону, что при наших ничтожных силах было просто чудом. Обороняться же коммунисты никогда не умели. Да и какая может быть оборона в идеологической борьбе? Тот, кто обороняется, уже проиграл.

Сказалось, конечно, и их однобокое, "марксистское" понимание западной демократии, практически не учитывающее такую внеклассовую силу, как *общественное мнение* или человеческая совесть. Между тем, как ни странно это звучит в наше циничное или прямо бессовестное время, тогда, в 60-е — 70е годы, еще достаточно находилось людей, для которых выражение "права человека" не было пустым звуком. Причем — что, быть может, еще важнее — такие идеалисты находились и "слева", и "справа", и "сверху", и "снизу", совершенно непредсказуемо ни с классовой, ни с политической точки зрения. И, как бы ни были циничны, скажем, лидеры европейских социал-демократов, а тем более коммунистов, но и в их партиях и особенно среди избирателей таких идеалистов набиралось достаточно, чтобы заставить лидеров на них оглядываться.

Словом, наше тогдашнее движение было на редкость разноцветным, никак не укладывающимся в привычные рамки "левых — правых". И если, например, во Франции "правое" правительство Жискар д'Эстена бросилось в объятия Брежнева, то "левая" интеллигенция оказалась нашим ближайшим союзником. Франция была, пожалуй, первой западной страной, где начался процесс осмысления интеллигенцией ее ответственности за преступления коммунизма, начатый под влиянием "Архипелага ГУЛАГ" группой "новых философов". А летом 1977 года, во время визита Брежнева в Париж, это движение достигло своей кульминации, символически отмеченной "рукопожатием века": на приеме в зале Рекамье, устроенном нам французской интеллигенцией, Жан-Поль Сартр и Раймон Арон впервые за многие десятилетия пожали друг другу руку.

И, наоборот, в Германии или Англии, где правительства были "левыми", нашим союзником была скорее консервативная оппозиция, хотя, конечно, только ею дело не ограничивалось. Всегда находились честные люди любых политиче-

ских убеждений.

Особенно ярко это проявлялось в Италии: там даже коммунисты считали своим долгом демонстрировать Москве свое неудовольствие. И либералы, и социалисты, а позднее радикалы — все внесли свою лепту в наше дело. Общественное мнение Запада было в этой войне на нашей стороне, хотел того истеблишмент или нет.

В США, где, как мы помним, "элита" жаждала дружбы с Москвой, ей, тем не менее, тоже пришлось считаться с этой силой. Вопрос прав человека оказался там катализатором самых различных сил и тенденций, а борьба сконцентрировалась вокруг так называемой "поправки Джексона—Вэника", запрещавшей правительству предоставлять СССР статус наибольшего благоприятствования в торговле именно из-за гражданско-правовой проблемы — эмиграции из Советского Союза. И, хотя проблема была достаточно узкая, касавшаяся ограниченной группы людей, все отлично понимали ее принципиальную важность. С одной стороны, этот статус, дав СССР неограниченный доступ к кредитам, способствовал бы укреплению советской военной мощи, что уже само по себе было крайне нежелательно. С другой — идея как-то связать "детант" с политическими изменениями в СССР носилась в воздухе, а обусловить расширение контактов между Востоком и Западом, особенно в сфере экономики, обязанностью соблюдать права человека подсказывал здравый смысл. И как ни бился истеблишмент, как ни старались советские, а обойти поправку Джексона им так и не удалось.

А старались и те, и другие весьма изрядно: судьба "детанта", казалось, зависела от исхода этих дебатов. В разгар борьбы, незадолго до окончательного голосования в Конгрессе, объявился, как по заказу, наш старый знакомец Жорес Медведев, у которого, как мы помним, по чистой случайности идеи часто совпадали с идеями Андропова, и был тотчас приглашен свидетельствовать в сенатскую комиссию по иностранным делам ее председателем, известным "либералом" сенатором Фулбрайтом. Заявив для начала, что говорит как бы и не сам по себе, а "фактически представляя определенную группу либералов в Советском Союзе" (кого бы это он имел в виду? должно быть, своего брата?), Жорес Александрович поведал сенаторам, что:

— давление на советское руководство из-за рубежа только тогда эффективно, когда исходит от "дружественной" страны, являющейся важным торговым партнером СССР;

— зависимость СССР от иностранной помощи сильно преувеличена, а от ограничений в торговле пострадают в основном простые люди;

— таким образом, поправка Джексона будет расценена советским правительством и большинством населения как умышленное оскорбление.

"Она будет воспринята советским правительством как некая провокация с целью прекращения всяческих благих начинаний, появившихся в результате политики, проводимой США в последние годы.

Таким образом, я считаю, что эта поправка, если она станет законом, не только не подвигнет Советский Союз на дальнейшие уступки, но заставит советское правительство отказаться от позиции, занимаемой им в данный момент, и процесс эмиграции постепенно снизится почти до нулевого уровня. Другие либеральные реформы станут продвигаться с еще

большим трудом, и, на мой взгляд, результат в Советском Союзе будет скорее негативный, чем позитивный".

Более того, уверял сенаторов Жорес Александрович, разговоры о политических репрессиях в СССР тоже сильно преувеличены:

"*...просто в силу того, что в зарубежных странах проявляется гораздо больший интерес к внутренним проблемам советской жизни в желании оказать поддержку репрессируемым и при этом даже самые незначительные факты рассматриваются как примеры тоталитарной политики в Советском Союзе. (...) Ведь то, что Советский Союз — отнюдь не демократическая система, широко известно, а коль скоро это так, советское правительство продолжает применять силу и репрессии против некоторых групп диссидентов. Но нельзя игнорировать и тот факт, что иные диссиденты, которые также критикуют правительство с политических, научных и экономических позиций, что было бы немыслимо несколько лет тому назад, получили возможность свободно высказываться и публиковать свои произведения в зарубежной печати без каких-либо особых серьезных осложнений для себя*". (И кто бы это мог быть, кроме его брата?)

Все это, разумеется, благодаря "детанту", который "*содействовал либерализации взглядов правительства, так что те, кому сейчас нелегко, обнаружат, что отныне в Советском Союзе станет безопаснее критиковать правительство с политических позиций*". Даже цензура, хотя все еще свирепая, "*становится все менее и менее активной, и поскольку возможно улучшение отношений Советского Союза с другими странами, то цензура в дальнейшем еще более ослабнет*". Да и вся цель "детанта" — улучшить уровень жизни простых людей:

"*Правящая верхушка, свергнувшая Хрущева, предприняла более серьезные шаги к улучшению экономического положения Советского Союза и к подъему жизненного уровня в стране. На мой взгляд, прежде всего по этой причине советское правительство стремится улучшить торговые отношения с Соединенными Штатами и другими странами*".

Ну а коммунистическая идеология существует лишь для внутреннего пользования, как средство контроля над населением, "*ею пользуются для внутренних целей, и в настоящее время в международных вопросах коммунистическая идеология выступает не слишком активно*". Так что другим странам бояться нечего, да и внутри страны в будущем "*организованная оппозиция, которая, возможно, возникнет в виде небольшой социалистической партии, также будет встречена с терпимостью (...), и тем самым правительство продемонстрирует, что оно способно лояльно воспринять открытую и узаконенную оппозицию проводимой им политике*".

"*Сама партия — уже не тот монолит, каким была десять лет тому назад или в сталинскую эру. Даже внутри партии можно обнаружить различные подходы к проблемам внешней и внутренней политики. В партии есть либералы, есть консерваторы, есть новые сталинисты. (...)*

Таким образом я считаю, что теперь Советский Союз представляет собой такую страну, в которой политическая ситуация пусть медленно, слишком медленно, но меняется в сторону демократизации, хотя сам

факт неспешности этого процесса весьма огорчителен. Недовольство этим проявляется в гневных протестах Запада, а также русских либералов, которым бы очень хотелось значительно ускорить процесс перемен. Но мне кажется, что ожидать быстрых перемен нереалистично, и следует признать, что даже медленная демократизация Советского Союза — это уже весьма хороший знак, свидетельствующий о прогрессе в международной обстановке, и только это дает нам возможность надеяться, что отношения между Советским Союзом и Америкой могут быть в будущем улучшены.

Надеюсь, что смогу стать свидетелем этого, так как считаю, что хоть все движется медленно, но не безнадежно, и мне кажется, что года через три, четыре или пять мы с вами станем свидетелями более серьезных перемен в Советском Союзе. Мне кажется, что если стороны не будут чинить друг другу препятствий на пути этого развития, препятствий ненужных, чуждых национальным интересам как Америки, так и России, то отношения между нашими странами будут постепенно улучшаться".

Если же такие ненужные препятствия (как, например, поправка Джексона) будут созданы, "*провал этого курса повлечет за собой появление более жестких политиков*" при смене советского руководства.

В своем письменном заявлении, представленном сенатской комиссии, Жорес Александрович еще более откровенен:

"*Ограничения демократии, существующие в Советском Союзе, случаи репрессий и преследований диссидентов, сверхподозрительность цензуры и прочие печальные факты не являются сами по себе непременным свойством социализма как системы — это пережитки прошлого, результат инерции. Патологический страх коммунистической агрессии, порой столь ощутимый в Соединенных Штатах, также является результатом инерции эпохи "холодной войны", когда даже в Америке многие демократические принципы были попраны. (...) Инерция прошлого, в особенности инерция страха перед более тесным сотрудничеством этих двух стран, в будущем ослабеет. Мы не можем в данной связи пренебречь мнением, часто высказываемым критиками естественного развития нормальных торговых отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Они считают, что СССР в результате подобного развития отношений получит большое преимущество и это позволит ему в дальнейшем усилить свой военный потенциал, а в конечном счете приведет к усилению вышедшего из-под контроля военного противника. В частности, эту мысль высказал Андрей Сахаров в своем интервью западным корреспондентам 21 августа 1973 года.*

Идея слишком умозрительна. (...) можно ли назвать нынешнюю политику Запада в отношении Советского Союза "новым Мюнхеном"? Мне кажется, что такое мнение ошибочно.

Безотносительно к Советскому Союзу можно привести множество примеров из истории, демонстрирующих, что в условиях, когда тоталитарное общество сталкивается с экономическими проблемами, "которые са-

мостоятельно разрешить неспособно", подобная ситуация приводит к милитаризации общества и затем к военным конфликтам. Государство, которое способно разрешить свои экономические и прочие внутренние проблемы, не может быть агрессором.

Подобное глобальное сотрудничество между двумя системами сводит возможность военного конфликта между ними к минимуму; к тому же основной целью советской политики является, безусловно, некое равновесие сил, а не мировое господство".

Казалось бы, куда уж яснее? Но сенатору Фулбрайту и этого мало:

"**Председатель**: *Позвольте мне несколько уточнить. Вам представляется, что в целом улучшение отношений между Советским Союзом и нашей страной постепенно приведет к демократизации, как, мне кажется, вы сказали, в рядах коммунистической партии? При том, что нет никакой оппозиции, партия претерпит некие внутренние изменения, которые повлекут за собой менее репрессивную внутреннюю политику, я вас правильно понял?*

Д-р Медведев: *Да, на мой взгляд, если провалится политика детанта, это может вызвать более негативные явления в политике правящей верхушки КПСС. (...) и поэтому я думаю, что улучшение отношений между Советским Союзом и Америкой послужит поддержкой прежде всего либеральных слоев партии. (...)*

Председатель: *Вы сказали: в рядах партии и даже в самых верхних эшелонах этой организации, — неужели партия настолько разнородна? Разве между ними нет единства? Разве советское правительство не представляет собой единого монолита?*

Д-р Медведев: *Да, именно так, правительство не является монолитным! (...) Среди членов политбюро есть люди умеренных взглядов, можно сказать, настроенные проамерикански, стоящие за разрядку, и есть и более жесткие, которые все еще считают, что Советскому Союзу необходим железный вождь и монолитно сплоченная партия...*

Председатель: *Вы хотите убедить меня, что советское правительство не заинтересовано в экспорте революции в другие страны, что это государство не настроено революционно? Им нужна стабильность в других государствах, я правильно понял?*

Д-р Медведев: *Да, я считаю, что им нужна стабильность в других государствах. (...)*

Председатель: *По-моему, не так давно Эрих Фромм говорил, что Советский Союз — государство реакционное, консервативное. Как вы считаете, насколько его оценка соответствует действительности?*

Д-р Медведев: *То, что Советский Союз — реакционное государство?*

Председатель: *Реакционное, консервативное, так он его, по-моему, охарактеризовал. (...) Фромм имел в виду их международную политику. Иными словами, его точка зрения не совпадает с тем, что вы говорите. По-вашему, они не стремятся расшатать международную обстановку. Они предпочитают иметь дело с дружественными государствами и стабильными правительствами. Они не пытаются разжечь революцию в дру-*

гих странах.

Д-р Медведев: *Да, мне все представляется именно так! Советский Союз, по-моему, предпочитает стабильные правительства, но именно стабильные правительства демократической ориентации, такие, как, скажем, в Великобритании или Америке. Не ту стабильность, которая имеет место в Испании или...*

Председатель: *В Португалии?*

Д-р Медведев: *Ну да, или в Уганде, или в какой—либо другой стране, управляемой диктатором. (...)*

Председатель: *Проблема эмиграции стала такой злободневной в нашей стране, а вы так красноречиво описали последствия нашего преувеличенного внимания к этой проблеме. Если я правильно понял, вы утверждаете, что не так важна сама проблема эмиграции, как полная свобода выезжать из страны и особенно возвращаться в нее. Именно это вы считаете наиболее существенным. Из этого я могу заключить, что последнее событие в Конгрессе может сказаться негативно на политике советского правительства, что поправка Джексона возымела провокационное действие и Советы решат, будто этот шаг произведен не в русле улучшения отношений, и он даже не будет содействовать большей свободе эмиграции?*

Я правильно вас понял?

Д-р Медведев: *Да, вы поняли правильно. (...)*

Председатель: *Вы считаете, что именно статус наибольшего благоприятствования так важен для русских? Он важен для них применительно к торговле или это просто вопрос престижа?*

Д-р Медведев: *Мне кажется, это вопрос престижа, и не только для советского правительства, но также и для страны, для советского официального мнения об американском правительстве. (...) Если эта поправка будет принята, она будет расценена не только как экономическая санкция, но как победа консервативных и реакционных сил в американской политике в отношении к СССР. По-моему, это может означать определенный прецедент и явится свидетельством того, что сложившиеся между двумя государствами отношения испорчены всерьез и надолго. (...)*

Председатель: *Вернемся к вопросу, который мы до этого обсуждали: вы считаете, что разрядка, как мы ее понимаем, — нормализация отношений между нашей страной и Россией — не приведет к усилению там репрессий, как полагают некоторые, те, кто выступает против движения к процессу разрядки. Как я понял, вы считаете, что нормализация отношений может привести к расширению свобод в Советском Союзе, например, к более свободному положению с выездом. Я правильно вас понял?*

Д-р Медведев: *Да, вы поняли правильно, это способствовало бы большему положительному влиянию с этой стороны, и тогда Американская академия и прочие организации возымели бы там большее влияние, чем сейчас, когда они протестуют против некоторых репрессий, направленных против интеллигенции в Советском Союзе. На мой взгляд, улучшение отношений между Советским Союзом и Америкой уменьшило бы репрессии в Советском Союзе, в то время как ухудшение может привести к тому;*

что СССР станет более закрытым государством, где средства внутренней политики станут носить скорее репрессивный характер, не говоря уже о вероятности усиления власти за счет более консервативных сил".

Теперь, зная последующие события, смешно читать эти показания — они не более, чем курьез. Однако тогда, в разгар борьбы, было не до смеха: ведь это говорят не Арбатов с Примаковым, а известный "ученый-диссидент", не забывающий время от времени упомянуть о своей дружбе и с Сахаровым, и с Солженицыным. И говорится это не где-нибудь, а в Сенате США, от мнения которого зависит судьба "детанта".

9. Отбились

Словом, это было ровно то, что хотел услышать леволиберальный истеблишмент США. И пошла писать советология о "голубях" и "ястребах" в политбюро, об их борьбе, в которой не дай Бог помешать "голубям". Хотя, разумеется, назвать, кто "голубь", кто "ястреб", не брался и сам д-р Медведев. Но мы-то знаем теперь, прочитав протоколы дебатов в политбюро, что самым большим "голубем" был Андропов. Он же — и самым большим "ястребом".

И если бы не мешали всякие "реакционеры" да "консерваторы", то мудрые американские либералы, рука об руку с КГБ, создали бы новый мир всеобщего счастья, где совершенно одинаковые люди жили бы до 150 лет, катаясь на велосипедах и потребляя витамины. Как в СССР или Китае...

"**Председатель:** *Надо полагать, вы постоянно в курсе положения в Советском Союзе. Кажется, ваш брат сейчас живет в Москве?*

Д-р Медведев: *Да, сэр!*

Председатель: *Вы ведь близнецы?*

Д-р Медведев: *Да, сэр!*

Председатель: *Скажите, улучшается ли экономическое положение в СССР, и как вы считаете: действительно ли там наблюдается некий прогресс в повышении жизненного уровня населения?*

Д-р Медведев: *Разумеется! Не только я, живший там, но и всякий, кто приезжает в Советский Союз, может убедиться, что в стране действительно наблюдается серьезный рост экономики. Возможно, это происходит не так быстро, как хотелось бы, однако уровень жизни все-таки повышается, притом в разных областях. В производстве продуктов питания вследствие нескольких неурожаев у нас были проблемы в 1972 году и в предшествующие годы, но мне кажется, что даже и в этой области ситуация теперь улучшается. Если взять другие жизненные условия, такие, как быт, жилищное строительство, производство автомобилей, дороги и прочее, то и тут положение в последние годы значительно улучшилось. (...)*

Председатель: *Если я правильно информирован, вы проявляете особый интерес к геронтологии? Вы занимаетесь специальными исследованиями в области геронтологии? Это верно?*

Д-р Медведев: *Да, сэр!*

Председатель: *Можете ли вы сказать, что уровень питания в России*

в целом улучшился и что средняя продолжительность жизни там растет так же быстро, как и в других странах мира?

Д-р Медведев: *Я бы сказал, что уровень питания в России не столь высок, как здесь, но все дело в том, что геронтологи высказываются за ограничения в питании, так как это способствует продлению жизни.*

Председатель: *В мире слишком много тучных людей. Продолжительность жизни у тучных короче, чем у худых.*

Д-р Медведев: *Тучные умирают раньше, и, если не ограничивать себя в еде, это плохо скажется на здоровье и на продолжительности жизни. Вот почему некоторые ограничения в этой области необходимы, и согласно геронтологической статистике, у американцев, увы, самый высокий уровень сердечно-сосудистых и склеротических заболеваний. Многие считают, что причина этому — малоподвижность, поскольку у вас привыкли ездить на машине, когда можно пройтись пешком, а также потому, что у вас много едят, что также вовсе делать необязательно.*

Председатель: *В Китае я видел, как многие ездят по улицам на велосипедах. У пекинцев, как мне показалось, более здоровый вид, чем у нью-йоркцев. Это укладывается в вашу теорию?*

Д-р Медведев: *Я думаю, да.*

Председатель: *Езда на велосипеде укрепляет здоровье?*

Д-р Медведев: *Безусловно; кроме того, вы можете убедиться, что население таких районов, как Грузия, также отличается крепким здоровьем. Не думаю, что будет преувеличением сказать, что человек способен прожить до 150-160 лет. (...)*

Председатель: *Согласны ли вы с мнением Лайнуса Полинга по поводу витамина С?*

Д-р Медведев: *Несогласен; я бы сказал, что Полинг весьма преуспел в стимулировании производства витамина С в вашей стране, но в смысле продления жизни ему продвинуться не слишком удалось.*

Председатель: *Вы не считаете, что витамин С весьма полезен?*

Д-р Медведев: *Не думаю, что он может серьезно повредить здоровью, однако...*

Председатель: *А витамин Е?*

Д-р Медведев: *Так же и витамин Е. Хотя с ним стоит обращаться осторожней, чем с витамином С. Если принимать витамин Е в больших количествах, это, пожалуй, может привести к непредсказуемым последствиям в сфере обмена веществ. В этом смысле витамин С менее опасен. (...)*

Председатель: *А какого вы мнения о сахарозе? Раз уж мы, джентльмены, обратились к этой теме, скажу, что меня поразил весьма здоровый вид китайских школьников, в особенности их здоровые зубы, на что мне прямо было сказано, что они совсем не употребляют рафинированного сахара.*

Д-р Медведев: *Что касается сахарозы, то для нормального обмена веществ нам требуется лишь незначительное количество углеводов, и если вы едите больше, чем надо, они просто, не впитываясь, выходят из организма вместе с мочой. (...)*

Председатель: *Надеюсь, вы простите мне мое праздное любопытство.*

Просто мы с женой постоянно спорим на эту тему, и мне захотелось воспользоваться мнением специалиста. Оно послужит нам жизненным подспорьем".

Ну, помечтали о светлом будущем, а наговорившись вдосталь о моче, почках и проблеме перенаселенности планеты (с которой, увы, никто ничего не хочет делать до тех пор, пока не станет слишком поздно), перешли опять к ядерным вооружениям.

"**Председатель:** *Очень многие придерживаются аналогичного мнения по поводу гонки вооружений. Надо, чтобы разразилась атомная война, иначе проблема вооружения нас всерьез не затронет.*

Д-р Медведев: *Да, вы правы, но вся беда в том, что мы привыкли жить в условиях гонки вооружений, а в Советском Союзе никто не сознаёт, каких громадных средств стоит гонка вооружений, так как все это держится в величайшем секрете.*

Председатель: *У нас это сознаётся, но при этом все остается по-прежнему.*

Д-р Медведев: *Да, сами виноваты!*
(Смех)

Председатель: *Что бы вы посоветовали нам в этой связи? Понятно, что это наша проблема, но пока мы никак не можем с ней справиться. Только что, если я не ошибаюсь, на рост вооружения было ассигновано 90 миллиардов долларов.*

Д-р Медведев: *В России люди даже не подозревают, сколько денег идет на вооружение; нам это неизвестно. Как правило, в русле официальной пропаганды советское правительство постоянно заявляет, что с каждым годом военный бюджет постоянно сокращается, и если Верховный Совет выделяет 5, 6 или 8% государственного бюджета на армию, люди не понимают, сколько это на самом деле, и кроме того не отдают себе отчета в том, что эти цифры далеки от действительности.*

Председатель: *У нас та же проблема. Нам постоянно говорят, что эти расходы меньше валового национального продукта, хотя валовой национальный продукт — это совсем не тот критерий, с помощью которого можно оценивать такие вещи. (...) Нас дурят иным методом, только и всего. У нас людей обманывают по-другому.*

Но эту проблему я нахожу крайне насущной. В свете этого трудно быть оптимистом в отношении будущности человечества, верно?

Д-р Медведев: *Вы правы".*

По счастью, были и другие люди в Америке, кроме тех, кто мечтал радикально улучшить человеческую природу в сотрудничестве с Кремлем. Именно благодаря их усилиям поправка Джексона была принята, а кампания в защиту прав человека в СССР только усилилась. Не в последнюю очередь по этой причине Хельсинские соглашения 1975 года включали в качестве неотъемлемой части обязательства соблюдать права человека.

Это, несомненно, была уступка общественному мнению, не более чем лицемерие: и та, и другая сторона отлично понимали, что обещания останутся лишь на бумаге. Ровно в то же время, как мы помним, Андропов информировал политбюро

о том, что без репрессий советский режим существовать не может, а через несколько лет аресты членов Хельсинских групп вызывали лишь "тревогу" западных правительств. Но сила общественного негодования была столь велика, что не включить права человека в эти соглашения было невозможно.

Более того, идея прав человека оказалась для США в послевьетнамский, послеуотергейтский период единственной идеей, объединяющей расколотую страну; по крайней мере, так оценили тогда успех избирательной кампании Картера, объявившего ее своей платформой. Даже новая американская "элита", во многом сложившаяся под влиянием движения за гражданские права негров, не могла ее игнорировать. Получалась, таким образом, парадоксальная ситуация: арест небольшой группы "хельсинцев" оказался вызовом всему миру и поставил под угрозу весь процесс "детанта", все его "достижения".

"*Кремль дал Западу знать, что права человека — это его дело,* — писала "Интернейшнл геральд трибюн". — *Возможно, здесь Кремль сделал ошибку (...) Попросту отменив треть Хельсинских соглашений, Кремль стер все остальное и вырыл пропасть между собою и Западом*".

Тысячи западных ученых объявили о научном бойкоте СССР, посыпались парламентские резолюции, а в американском Конгрессе всерьез обсуждалась возможность выхода США из Хельсинских соглашений, прекращение культурного обмена и даже приостановка переговоров о сокращении ядерных вооружений (ОСВ-2).

"*Я верил, что в Хельсинки стоило попытаться: Советы хотели закрепить установленные силой границы, и мы с неохотой пошли на это, так как считали, что достигнем прогресса в области прав человека,* — заявил сенатор Паквуд. — *СССР ведет себя не так, как обещал, и поэтому США должны взять на себя инициативу и вместе с нашими союзниками признать Хельсинские соглашения такими, какими они всегда и были, — пустыми и недействительными*".

Наконец, американский Сенат по предложению сенатора Джексона выдвинул арестованных "хельсинцев" на Нобелевскую премию мира, что было поддержано парламентами многих стран. Реакция в США была гораздо сильнее, чем в Европе, и американские представители на Белградской встрече практически оказались в изоляции: они единственные требовали открытого осуждения СССР. Включенный в делегацию представитель американских профсоюзов АФТ—КПП Сол Чайкин подвергся даже особым нападкам советских представителей за "попытку отравить атмосферу": он всего лишь передал приглашение Сахарову от главы профсоюзов Джорджа Мини быть гостем предстоящего съезда профсоюзов США и — вот ведь наглость! — потребовал ответа. Европейцы, впрочем, тоже счастливы не были: все ведь шло так гладко, так пристойно без этого янки...

Нет, не капиталисты, не "реакционеры" встали на пути "детанта" в Америке, а люди из народа — профсоюзники типа Джорджа Мини, первым вынесшего свой приговор этой политике капитулянтства и предательства:

"*Детант — это мошенничество*".

Этот мощный старик, начавший свою деятельность простым водопроводчиком, а под конец возглавлявший объединение 16 миллионов американских рабочих, был в моем представлении олицетворением всего того добротного и достойного уважения, что когда-то создало великую страну — лидера свободного мира.

"*Мы живем в странное время. В такое время, когда человек, целиком построивший свою политическую карьеру на яром антикоммунизме, может сегодня стать президентом, а назавтра превратиться в главного адвоката односторонних уступок Советскому Союзу,* — говорил он на тех же слушаниях в сенатской комиссии по иностранным делам, где Жорес Медведев толковал про "голубей" в политбюро. — *Мы живем в эпоху, когда президент компании "Пепси-Кола" приходит в экстаз от Леонида Брежнева и заявляет, что этот человек его необыкновенно поразил "своим чистосердечием и искренностью, а также своей открытой приверженностью не только делу мира, но и (...) стремлению сделать жизнь в своей стране богаче"*".

И, как ни странно, он — без университетских дипломов и ученых степеней — понимал международную политику гораздо лучше, чем все американские профессора вместе взятые.

"*Я не собираюсь возлагать всю вину за мировые проблемы на Генри Киссинджера, но в конечном счете я утверждаю, что вопрос о правах человека на этой земле зависит от силы — экономической, военной, моральной силы Соединенных Штатов Америки. Если мы дрогнем, свобода повсюду пошатнется*".

Конечно, наш успех продолжался недолго: к концу 1979 года и советские, и западный истеблишмент вполне оправились. Не выдержал и Картер такого давления со всех сторон, "смягчил" свой курс.

"*Этот курс был смягчен отчасти из-за увеличившегося в Вашингтоне понимания, что Кремль не откажется от своих намерений расправиться с теми, кому покровительствуют американцы,* — писала "Вашингтон пост". *— необходимо сочетать поддержку прав человека за границей с пониманием условий, в которых они могут быть реализованы. Это требует определенной самодисциплины при разногласиях, вызывающих гнев американцев по поводу злоупотреблений, имеющих место в других странах, особенно в СССР. США не должны помогать создавать мучеников. Единственное, что можно сделать, — это расширить диапазон индивидуальных свобод, а для этого надо добиться сохранения возможности прогресса в других областях*".

Как видим, восторжествовала точка зрения, не слишком отличная от идей Жореса Медведева и его "либеральных" друзей. Но дело, разумеется, было не в идеях, а в совпадении интересов и левого американского истеблишмента, и их социалистических "союзников" в Европе, и советских вождей. Картер просто капитулировал под их совместным натиском.

Даже научный бойкот, беспрецедентный по своему размаху, и то научились обходить к 1979 году: решением ЦК было даже признано "нецелесообразным вступать в полемику с организаторами новой антисоветской кампании", поскольку "многие ведущие американские ученые и научные центры проявляют интерес к советской науке и сотрудничеству с нашими научными учреждениями":

В конце 1978 — начале 1979 гг. Академия наук СССР провела переговоры с руководителями Национальной академии наук США, Американского совета познавательных обществ, Национального бюро стандартов США, фирмы "Филлипс Петролеум". Состоялась сессия советско-американской совместной комис-

сии по Мировому океану. На этих переговорах американская сторона проявила внимание и конструктивный подход к дальнейшему развитию научного сотрудничества. Подписаны новые долгосрочные соглашения.

А тем временем западные "правозащитные" организации, сыгравшие столь важную роль в нашей кампании, постепенно прибрала к рукам здешняя левая "номенклатура", ради пущей объективности занявшаяся правами человека — в основном в несоциалистических странах. Возникла целая "правозащитная" отрасль бюрократии, куда нам пути оказались заказаны в силу нашей "необъективности". Стало невозможно сказать что-либо критическое о Советском Союзе, не сказавши в десять раз больше о Южной Африке, Чили или Иране. И, глядишь, какая-нибудь "Хельсинки уотч" важно, на хорошей бумаге да за хорошие зарплаты, публикует отчет о нарушениях прав человека в мире: три нарушения в СССР и одиннадцать — в США. Только диву даешься: откуда они взялись, эти "правозащитники"?

Истеблишмент приспособился, нашел способ похоронить всю тему, заполонив ее своей фиктивной "деятельностью": какие-то комиссии по правам индейцев, женщин, мексиканцев, микронезийцев и прочих "меньшинств", реальных и вымышленных (в отчете о слушаниях в Хельсинской комиссии Конгресса США за 1979 год я насчитал добрых два десятка таких организаций, лиг, фондов, ассоциаций и союзов). "Права человека" как тема оказалась похищена и надолго сделалась знаменем левых. Нас же туда и пускать перестали.

Легко себе представить, как могли бы сложиться 80-е годы, если бы не наше назойливое жужжание, заставившее советских стратегов потерять столько времени, а главное — хоть и ненадолго, но потерять инициативу в своем "мирном наступлении":

— как, раздираемые внутренним конфликтом, да еще и вынужденные унимать "революции" на своих латиноамериканских "задворках", США оказались бы не в состоянии гарантировать безопасность Европы;

— как нефтяные источники Персидского залива и минеральные ресурсы Южной Африки оказались бы под советским контролем через посредство окружив-ших их просоветских режимов;

— как, наконец, беззащитная Европа, социалистическая и "нейтральная", управляемая коммунистическими квислингами, поневоле оказалась бы индустриальной базой всемирного рая.

В общем, то, что не удалось ни Ленину с его "мировой революцией", ни Сталину с его "освободительной войной", вполне могло выйти у Брежнева с его "детантом". Но было поздно: самые странные времена уже миновали. Последовавшая вскоре оккупация Афганистана, а затем и польские события 1980—1981 гг. встряхнули мир. "Детант" кончился. Наступали новые времена — эпоха Рейгана и Тэтчер с их программой вооружения, активным антикоммунизмом и демонтажем социализма на Западе. Мир выходил на финишную прямую последнего этапа противостояния.

А еще через десяток лет и поверить было трудно, что мы когда-то буквально висели над пропастью и не оборвались лишь благодаря горстке людей, не поступившихся своей совестью.

Глава пятая
Годы ПЕРЕЛОМА

1. Афганистан и конец “детанта”

Советское вторжение в Афганистан в декабре 1979 года вызвало настоящий шок в мире, что, помню, удивило меня до крайности: как будто и не было до того советской экспансии буквально во всех уголках земного шара. В этом изумлении, негодовании, недоумении было что-то подло-притворное, нечто сродни возмущению человека, женившегося на проститутке и обнаружившего, что — ах! — она не девственница. Политики и советологи наперебой предлагали свои “теории”, призванные “объяснить” советское поведение удобным им способом. Левые, как водится, увидели в этом “гиперреакцию на недружественное поведение Запада” — на решение НАТО разместить новые ракеты в Европе. Правые бубнили что-то о “русском империализме”, о “традиционном стремлении России к теплым морям”. Прозябли, бедняги, на сибирском морозе, пошли погреться. Между тем, отлично было известно, что эта оккупация — всего лишь последний (но вовсе не обязательный!) этап в обычном советском сценарии “освобождения”; она лишь свидетельствовала о том, что советские стратеги плохо этот сценарий осуществили и им *пришлось посылать свои войска, чтобы исправить просчет*. К моменту оккупации Афганистан был уже фактически проглочен Советским Союзом, чего Запад упорно не желал замечать. И “не заметил” бы, если б не просчет Кремля, а точнее говоря — не отчаянное сопротивление афганского народа.

История отношений между СССР и Афганистаном служит, пожалуй, лучшей иллюстрацией того факта, что советская система просто не могла мирно сосуществовать с остальным миром, и дает достаточно яркую картину того, что произошло бы в Европе, если бы “детант” восторжествовал. В самом деле, из всех несоциалистических стран на земле Афганистан был, наверное, самым дружественным СССР государством: он чуть ли не первым установил дипломатические отношения с Советской Россией и на протяжении шести десятилетий был своего рода азиатской Финляндией. В Кремле и не торопились экспортировать туда революцию, понимая, что Афганистан от них никуда не уйдет, а лишь “способствовали прогрессу”: строили дороги, создавали промышленность, обучали специалистов. С марксистской точки зрения, нельзя было требовать от отсталого, феодального государства немедленного перехода к социализму — нужно сперва создать соответствующие “социальные предпосылки”: индустриализацию, рост пролетариата и, соответственно, его “авангарда”. Так рачительный хозяин не торопится прирезать поросенка, а старается сперва откормить его, дать нарастить окорока да норовит подгадать к празднику.

А праздник приближался: советское “мирное наступление” 70-х годов, пей-

трализовав сопротивление "сил империализма", привело в лоно социалистического содружества целый ряд стран Третьего мира. Пришла пора и Афганистану вставать на путь прогресса, избавившись от оков монархии. Эта историческая "смена общественных формаций" произошла летом 1973 года путем практически бескровного дворцового переворота, устроенного с одобрения Москвы родственником короля Мухаммедом Даудом. Провозгласивший республику и ставший ее президентом, Дауд не был коммунистом, скорее умеренным социал-демократом, не радикальнее европейских социалистов. Москве он виделся чем-то вроде Керенского: его историческая роль заключалась в подготовке политических условий для дальнейшего прогресса. Опять же стратеги в Кремле не хотели торопить события — Дауд их вполне устраивал как переходный этап, тем более, что коммунистические группировки беспрестанно ссорились и никак не могли объединиться.

Руководители прогрессивных политических организаций Афганистана Кармаль Бабрак ("Парчам") и Нур Тараки ("Хальк"), поддерживающие неофициальные контакты с ЦК КПСС через резидента Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР в Кабуле, вскоре после установления в стране в июле 1973 г. республиканского режима, используя прогрессивно настроенные элементы в ЦК республики, правительстве и армии, повели беспринципную междоусобную борьбу за укрепление позиций и влияния своих группировок, за право "представлять коммунистическую партию" в стране, — сообщал Международный отдел ЦК в июне 1974 года. — **Вместе с тем они, равно как и прокитайские и националистические группировки, развернули активную политическую работу в армии и в государственном аппарате, что вызвало серьезное беспокойство главы государства и премьер-министра Республики Афганистан Мухаммеда Дауда.**

Особое беспокойство М.Дауда вызвала переданная ему органами безопасности информация о якобы вынашиваемых левыми силами планах отстранения его от власти, если он не пойдет на ускорение социально-экономических преобразований и перевода Афганистана на рельсы некапиталистического, а в дальнейшем и социалистического пути развития.

В феврале-марте 1974 г. М.Дауд провел ряд мер, направленных на подавление прогрессивных сил и запретил "Парчам" и "Хальк" заниматься политической деятельностью.

В январе 1974 г. К.Бабраку и Н.Тараки была высказана рекомендация (...) о необходимости прекращения междоусобной борьбы, воссоединения обеих группировок в единой партии и сосредоточению их совместных усилий на всемерной поддержке республиканского режима в стране.

Полагали бы целесообразным вновь высказать им эту рекомендацию, которую можно было бы включить в информацию об итогах недавнего визита М.Дауда в Советский Союз.

В своем послании афганским "друзьям" ЦК писал:

Перед прогрессивными силами Афганистана, объективно являющимися верными и надежными сторонниками республиканского режима, стоят огромной важности задачи. В условиях непрекращающейся борьбы внутренней и внешней реакции, пытающейся реставрировать старые порядки, руководите-

ли прогрессивных организаций должны отбросить в сторону имеющиеся разногласия, так как продолжение междоусобной борьбы между ними лишь ослабляет их и по существу льет воду на мельницу реакционных сил.

Интересам укрепления национальной независимости страны отвечало бы сплочение сил, объединенных сейчас в "Парчам" и "Хальк", с целью защиты интересов рабочих, крестьян, всех трудовых слоев афганского общества на базе сотрудничества с республиканским режимом и правительством республики во главе с Мухаммедом Даудом.

Однако через четыре года "якобы вынашиваемые левыми силами планы" были приведены в исполнение при полной поддержке Советского Союза: свершилась "Апрельская революция". Вопрос же о непрекращающейся междоусобице коммунистических группировок решили просто: ставку сделали на одну из них ("Хальк"), оставив вторую ("Парчам") на милость братьев по классу. Ее лидер Бабрак Кармаль получил назначение послом в Чехословакию и тем спасся от репрессий, которые тут же обрушились на его коллег, но не сдался и, прямо как Троцкий, продолжил свою борьбу в изгнании.

Резидент Комитета госбезопасности СССР в Кабуле информирует о том, что бывший посол Демократическои Республики Афганистан в Праге Кармаль Бабрак, которому чешские товарищи предоставили политическое убежище после смещения с должности посла ДРА и его отказа вернуться на родину, ведет среди парчамистов (членов бывшей группировки "Парчам" во главе с К.Бабраком), находящихся за рубежом (в капиталистических и социалистических странах) и в Афганистане, работу по сплочению их для борьбы против существующего в Афганистане режима, против правящеи Народно-демократическои партии и правительства ДРА, — в тревоге сообщал международный отдел ЦК в конце 1978 года. — **Полагали бы целесообразным обратиться к ЦК КПЧ с предложением провести с К.Бабраком беседу о необходимости прекращения им деятельности, враждебной прогрессивному режиму в Афганистане.**

Но все это были уже как бы мелочи. Главное свершилось — на карте мира появилась еще одна прогрессивная "народно-демократическая республика", подтверждая этим тезис о смещении соотношения сил на мировой арене в пользу сил мира, прогресса и социализма. Последовал "Договор о дружбе", массированная экономическая помощь, военные советники, поставки "специмущества" (то бишь вооружения) — все это или вовсе бесплатно, или за четверть цены. Прогрессивный режим решительно приступил к строительству "новой жизни", уничтожая тысячи "реакционеров", "религиозников", "ревизионистов". И никто, заметьте, не взволновался по поводу продвижения коммунизма к "теплым морям", как, впрочем, не было особых волнений в мире в связи с его продвижением в Южный Йемен, Сомали или Эфиопию.

Оставалась одна маленькая деталь, которую в пылу классовой борьбы забыли уточнить: мнение самих афганцев о прогрессе и социализме. Вдруг, как гром среди ясного неба, в марте 1979 года — известие о том, что Герат, третий по величине город страны с населением в 200 тысяч человек, оказался в руках "мятежников".

2. Переполох в Кремле

Известие явно застало Москву врасплох, никто ничего толком не знал. Брежнев болел, политбюро срочно собралось в субботу 17 марта в его отсутствие под председательством Кириленко. Доложил Громыко:

ГРОМЫКО. Судя по последним сообщениям, которые мы получили из Афганистана как в виде шифротелеграмм, так и в разговоре по телефону с нашим главным военным советником т.Гореловым и временным поверенным в делах т.Алексеевым, обстановка в Афганистане сильно обострилась, центром волнения сейчас стал город Герат.

Там, как известно из предыдущих телеграмм, расположена 17 дивизия афганской армии, которая наводила порядок, но сейчас мы получили сведения о том, что эта дивизия по существу распалась. Артиллерийский полк и один пехотный полк, входящие в состав этой дивизии, перешли на сторону восставших. Банды диверсантов и террористов, просочившиеся с территории Пакистана, которые обучены и вооружены не без участия не только пакистанских властей, но и Китая, а также Соединенных Штатов Америки и Ирана, бесчинствуют в Герате. К мятежникам, которые проникли из Пакистана и Ирана на территорию провинции Герат, примкнула внутренняя контрреволюция. Особенно много ее из числа религиозников. Главари реакционных масс тоже главным образом относятся к религиозным деятелям.

Каково количество восставших, сказать трудно, но наши товарищи говорят, что их тысячи, именно тысячи.

Характерно отметить, что у меня был разговор в 11 часов утра с Амином — министром иностранных дел и заместителем Тараки, и он не высказал каких-либо тревожных мыслей относительно положения в Афганистане, а с олимпийским спокойствием говорил о том, что положение не такое уж сложное, что армия все контролирует и т.д. Одним словом, он выразился так, что положение у них надежное.

КИРИЛЕНКО. Одним словом, судя по докладу Амина, никакой нервозности руководство Афганистана в связи с этими событиями не испытывает.

ГРОМЫКО. Именно так. Амин даже сказал, что обстановка в Афганистане нормальная. Он говорит, что не зарегистрировано ни одного случая неповиновения губернаторов, то есть что все губернаторы на стороне законного правительства. А в действительности, как докладывают наши товарищи, положение в Герате и в ряде других мест тревожное, там орудуют мятежники.

Что касается Кабула, то положение там в основном спокойное. Граница Афганистана с Пакистаном и с Ираном закрыта или, можно точнее сказать, — полузакрыта. Большое количество афганцев, ранее работавших в Иране, сейчас выдворено из Ирана, и, конечно, они испытывают большое недовольство, многие из них тоже примкнули к мятежникам.

Какие меры мы наметили для помощи Афганистану, видно из тех предложений, которые имеются у вас на руках. Хочу сказать, что мы выделили дополнительно Афганистану 10 млн. рублей в валюте для охраны границы.

Поскольку Пакистан по существу является основным местом, откуда проникают на территорию Афганистана террористы, то казалось бы, что следова-

ло афганскому руководству направить Пакистану ноту протеста или сделать заявление, одним словом, выступить с каким-то документом. Но афганское руководство этого не сделало. Конечно, это выглядит очень странно.

Я спросил Амина, какие действия вы считали бы необходимыми принять с нашей стороны? Я ему сказал, какую примерно помощь мы можем оказать. Других просьб он не высказал, только ответил, что он очень оптимально оценивает обстановку в Афганистане, что ваша помощь сослужит большую службу, что все провинции находятся под контролем законных властей. Я спросил, не ждете ли вы каких-то неприятностей со стороны соседних государств или внутренней контрреволюции, религиозников и т.д. Амин ответил твердо, что нет, угрозы для режима не имеется. В конце он передал привет членам Политбюро, лично Л.И.Брежневу. Вот такой был у меня разговор сегодня с Амином.

Через некоторое время, примерно через два-три часа, мы получили от наших товарищей известие о том, что в Герате начались беспорядки. Один полк, как я уже сказал, артиллерийский, ударил по своим, часть второго полка присоединилась к мятежникам. Следовательно, за правительством осталась примерно часть 17-й дивизии (...) Товарищи также говорят, что завтра, послезавтра на территорию Афганистана могут вторгнуться новые массы мятежников, подготовленные на территории Пакистана и Ирана.

Примерно через полчаса от наших товарищей вновь мы получили сообщение о том, что главного военного советника т.Горелова и поверенного в делах т.Алексеева пригласил к себе т.Тараки. О чем шла беседа с Тараки? Прежде всего он обратился за помощью к Советскому Союзу военной техникой, боеприпасами, продовольствием, что у нас предусмотрено уже в тех документах, которые мы представили на рассмотрение Политбюро. Что касается военной помощи, то Тараки сказал как-то мимоходом, что, может быть, потребуется помощь по земле и по воздуху. Это надо понимать так, что потребуется ввод наших войск как сухопутных, так и воздушных.

Я считаю, что нам нужно будет прежде всего исходить из главного при оказании помощи Афганистану, а именно: мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан. Вот уже 60 лет мы живем с ним в мире и добрососедстве. И если сейчас Афганистан мы потеряем, он отойдет от Советского Союза, то это нанесет сильный удар по нашей политике. Конечно, одно дело применить крайнюю меру, если афганская армия на стороне народа, и совершенно другое дело, если армия не будет участвовать в поддержке законного правительства. И, наконец, третье, если армия будет против правительства, а следовательно, и наших войск, тогда дело будет очень сложным. Как сообщили т.т.Горелов и Алексеев, настроение руководства, в том числе у т.Тараки, не особенно из приятных.

УСТИНОВ ...Мы посоветовали т.Тараки, чтобы некоторые части были переброшены в районы возникновения мятежа. Он в свою очередь ответил, что на это пойти трудно, так как и в других местах тоже неспокойно. Одним словом, они ожидают большого выступления со стороны СССР как наземных, так и воздушных сил.

АНДРОПОВ. Они надеются, что мы ударим по мятежникам.

КИРИЛЕНКО. Возникает вопрос, с кем же будут воевать наши войска, если мы их туда пошлем. С мятежниками, а к мятежникам присоединилось большое количество религиозников, это мусульмане и среди них большое количество простого народа. Таким образом, нам придется воевать в значительной степени с народом.

КОСЫГИН. Какая армия в Афганистане, сколько там дивизий?

УСТИНОВ. В афганской армии 10 дивизий, насчитывающих более ста тысяч человек.

АНДРОПОВ. По оперативным данным нам известно, что из Пакистана направляется в Афганистан около трех тысяч мятежников. Это, главным образом, религиозные фанатики из числа народа.

КИРИЛЕНКО. Если народ восстанет, то кроме лиц, прибывших из Пакистана и Ирана, которые в значительной степени относятся к числу террористов и мятежников, среди масс, с которыми придется иметь дело нашим войскам, будут простые люди Афганистана. Правда, это поклонники религии, поклонники ислама.

ГРОМЫКО. Пока что очень неясно соотношение между сторонниками правительства и мятежниками. В Герате события развернулись, судя по всему, довольно бурно, потому что убито свыше тысячи человек. Но и там положение недостаточно ясное.

АНДРОПОВ. Конечно, мятежники, проникшие на территорию Афганистана, займутся прежде всего тем, что будут бунтовать и привлекать афганский народ на свою сторону.

КОСЫГИН. Я считаю, что проект постановления, который представлен, надо серьезно исправить. Прежде всего, не нужно нам растягивать поставку вооружений до апреля, надо дать все сейчас, немедленно, в марте. Это первое.

Второе, надо как-то поддержать морально руководство Афганистана, и я бы предложил провести такие меры: сообщить Тараки, что мы поднимаем цену на газ с 15 до 25 рублей за тысячу кубометров. Это даст возможность за счет повышения цен покрыть издержки, которые у них имеются в связи с приобретением оружия и других материалов. Нужно, по-моему, дать Афганистану бесплатно это оружие и никаких 25 процентов не называть.

ВСЕ. Правильно.

КОСЫГИН. И третье, мы намечаем дать им 75 тысяч тонн хлеба. Я думаю, что надо пересмотреть это и поставить Афганистану 100 тысяч тонн. Вот эти меры, мне кажется, следовало бы внести в проект постановления и, таким образом, мы поддержали бы афганское руководство морально. За Афганистан нам нужно бороться, все-таки 60 лет мы живем душа в душу. Конечно, хотя сильна борьба с французами, пакистанцами, китайцами, но Иран окажет Афганистану помощь, у него есть на это средства, тем более, они единомышленники в религии. Это нужно иметь в виду. Пакистан тоже пойдет на такую меру. О китайцах и говорить нечего. Поэтому я считаю, что нам нужно принять товарищеское постановление и серьезно помочь афганскому руководству. Об оплате, я уже сказал, говорить сейчас не следует, тем более, как здесь записано, — в свободно конвертируемой валюте. Какая у них свободно конвертируемая валюта, мы с них все равно ничего не получим. (...)

Я хочу еще поднять такой вопрос: все-таки, что ни говорите, как Тараки, так и Амин скрывают от нас истинное положение вещей. Мы до сих пор не знаем подробно, что делается в Афганистане. Как они оценивают положение? Ведь они до сих пор рисуют картину в радужном свете, а на самом деле мы видим — вот какие там делаются дела. Люди они, видимо, хорошие, но все-таки многое они от нас утаивают. В чем причина, понять трудно. (...)

Кроме того, я бы считал необходимым направить дополнительное количество квалифицированных военных специалистов, пусть они там подробно узнают, что делается в армии.

Далее, я бы считал необходимым принять более развернутое политическое решение. Может быть, проект такого политического решения подготовят товарищи из МИД, Министерства обороны, КГБ, Международного отдела. Ясно, что Иран, Китай, Пакистан будут выступать против Афганистана, всеми мерами и способами мешать законному правительству и дискредитировать все его действия. Вот здесь-то и потребуется как раз наша политическая поддержка Тараки и его правительству. Конечно, и Картер будет тоже выступать против руководства Афганистана.

С кем нам придется воевать в случае необходимости введения войск, кто выступит против нынешнего руководства Афганистана. Они же все магометане, люди одной веры, а вера у них настолько сильна, религиозный фанатизм настолько бушует, что они могут сплотиться на этой основе. Мне кажется, что надо нам и Тараки, и Амину прямо сказать о тех ошибках, которые они допустили за это время. В самом деле, ведь до сих пор у них продолжаются расстрелы несогласных с ними людей, почти всех руководителей не только высшего, но даже и среднего звена из партии "Парчам" они уничтожили. Конечно, сейчас трудно нам сформулировать политический документ, для этого надо будет поработать товарищам, как я уже сказал, дать срок дня три.

УСТИНОВ. Все это правильно, что говорит Алексей Николаевич, делать это надо быстрее.

ГРОМЫКО. Надо готовить документы быстрее.

КОСЫГИН. Я считаю, что не следует афганское руководство подталкивать на то, чтобы оно обращалось к нам относительно ввода войск. Пусть они у себя создают специальные части, которые могли бы быть переброшены на более острые участки для подавления мятежников.

УСТИНОВ. Я считаю, что нам ни в коем случае нельзя смешивать наши части, в случае, если мы их туда введем, с афганскими.

КОСЫГИН. Нам надо сформировать свои воинские части, разработать положение о них и послать по особой команде.

УСТИНОВ. У нас разработаны два варианта относительно военной акции. Первый состоит в том, что мы в течение одних суток направляем в Афганистан 105 воздушную дивизию и перебросим мехотно-моторизованный полк в Кабул, а к границе будет подтянута 68 моторизованная дивизия, а 5-я мотострелковая дивизия находится у границы. Таким образом, за трое суток мы будем готовы к направлению войск. Но политическое решение, о чем здесь говорили, нам нужно будет принять.

КИРИЛЕНКО. Тов. Устинов правильно ставит вопрос, нам нужно выступить

против мятежников. В политическом документе об этом тоже надо ясно и четко сказать.

Вместе с тем нужно нам повлиять и на Тараки, если уж дело коснется ввода наших войск, то решать этот вопрос требуется обстоятельно. Мы не можем вводить войска без обращения со стороны правительства Афганистана, пусть об этом знает т.Тараки. И в разговоре т.Косыгина с Тараки об этом нужно как-то прямо сказать. Вместе с тем необходимо сказать Тараки, чтобы они изменили тактику. Нельзя применять в массовом масштабе расстрелы, пытки и т.д. Особое значение для них приобретает религиозный вопрос, отношение к религиозным общинам, религии вообще и религиозным деятелям. Это вопрос большой политики. И тут нужно будет Тараки со всей решимостью сказать, чтобы они не допускали никаких недозволенных приемов.

Документы нужно будет подготовить буквально завтра же. Завтра мы посоветуемся с Леонидом Ильичом, как нам лучше это сделать.

УСТИНОВ. У нас имеется и второй вариант, он тоже проработан. Речь идет о вводе двух дивизий в Афганистан. (...)

ПОНОМАРЕВ. Мы должны будем направить около 500 человек в Афганистан в качестве советников и специалистов. Нужно, чтобы эти товарищи все знали, что им делать.

АНДРОПОВ. Под Гератом было 20 тысяч гражданских лиц, которые приняли участие в бунте. Что касается переговоров с Тараки, то нам надо будет это сделать. Но, мне кажется, что лучше, чтобы поговорил с Тараки т.Косыгин.

ВСЕ. Правильно. Лучше, если поговорит т.Косыгин.

АНДРОПОВ. Политическое решение нам нужно разработать и иметь в виду, что на нас наверняка повесят ярлык агрессора, но, несмотря на это, нам ни в коем случае нельзя терять Афганистан.

ПОНОМАРЕВ. К сожалению, мы многого не знаем об Афганистане. Мне кажется, что в разговоре с Тараки надо поставить все вопросы, и, в частности, пусть он скажет, каково положение в армии и в стране в целом. У них ведь стотысячная армия, и при помощи наших советников эта армия могла бы сделать очень многое. А то какие-то 20 тысяч мятежников одерживают победу. Прежде всего надо сделать все необходимое силами афганской армии, а потом уж, когда действительно возникнет необходимость, вводить наши войска.

КОСЫГИН. Я считаю, что оружие нам посылать нужно, но если мы будем убеждены в том, что оно не попадет в руки мятежников. Если их армия развалится, то, следовательно, это оружие заберут мятежники. Затем возникает вопрос о том, как мы будем выступать перед мировым общественным мнением. Все это надо обосновать, то есть если уж мы будем вводить войска, то надо подобрать соответствующие аргументы, все подробно объяснить. (...)

ГРОМЫКО. Нам надо поговорить о том, как быть, если будет худшее положение. Сегодня ситуация в Афганистане пока что неясна для многих из нас. Ясно только одно — мы не можем отдать Афганистан врагу. Как этого добиться, надо подумать. Может быть, нам и не придется вводить войска.

КОСЫГИН. У всех у нас единое мнение — Афганистан отдавать нельзя.

Отсюда — нужно разработать прежде всего политический документ, использовать все политические средства для того, чтобы помочь афганскому руководству укрепиться, оказать помощь, которую мы сейчас уже наметили, и как крайнюю меру оставить за собой применение военной акции. (...)

ПОНОМАРЕВ. Афганская армия совершила революционный переворот, и я думаю, что при умелом руководстве со стороны правительства она твердо могла стоять и стоит на позициях защиты страны.

КИРИЛЕНКО. Дело в том, что многих командиров в армии посадили или расстреляли, что оказало большое негативное влияние на армию.

ГРОМЫКО. Одной из важных задач является укрепление армии, это основное звено. Именно всю ориентировку надо держать на политическое руководство страны и армию. И все же надо сказать, что афганское руководство многое от нас скрывает. Оно как-то не хочет быть откровенным с нами. Это очень печально.

АНДРОПОВ. Мне кажется, что надо нам проинформировать об этих мероприятиях социалистические страны.

КИРИЛЕНКО. Мы много уже говорили, товарищи, мнения у нас ясны, давайте подведем итог.

(Зачитывает постановление: Поручить Косыгину переговорить с Тараки; Громыко, Андропову, Устинову, Пономареву — разработать "политический документ"; оказать помощь афганской армии вооружением, советниками и "силами наших воинских подразделений"; оказать помощь правительству, предложенную Косыгиным; обратиться к Пакистану с предупреждением; разрешить Министерству обороны развернуть две дивизии на границе; подготовить материалы, разоблачающие вмешательство Пакистана, США, Ирана. Китая в дела Афганистан; подготовить аргументы против обвинения в агрессии, проинформировать соцстраны и т.п.).

Есть ли другие предложения у товарищей?

ВСЕ. Здесь все учтено.

КИРИЛЕНКО. Хорошо. Я сейчас постараюсь связаться с Черненко и передать ему наши предложения.

ВСЕ. Правильно. (...)

КИРИЛЕНКО. Я сейчас переговорил с т.Черненко, он считает, что предложения намечены правильные и постарается проинформировать об этом Леонида Ильича.

Давайте на этом заседание сегодня закончим.

* * *

Таким образом, принципиальное решение о вводе советских войск в Афганистан было принято политбюро еще в марте 1979 года, т.е. за девять месяцев до решения НАТО разместить в Европе новые ракеты, и без особых мечтаний о "теплых морях". Если и было у них какое-то геополитическое соображение, то оно вполне исчерпывалось незамысловатой формулой: "не отдать Афганистан врагу" (то бишь афганскому народу). Однако обстановка менялась быстро, приходили все новые сообщения о положении в Афганистане, и "крайняя мера" оказалась отложенной. Особенно на это повлиял телефонный разговор Косыгина с

Тараки, который состоялся по решению политбюро на следующий день, 18 марта через переводчика), и был целиком тут же зачитан Косыгиным на заседании Политбюро:

А.Н.КОСЫГИН. Скажите т.Тараки, что я хочу передать ему большой привет от Леонида Ильича и от всех членов Политбюро.

Н.М.ТАРАКИ. Большое спасибо.

А.Н.КОСЫГИН. Как здоровье т.Тараки, не очень он устает?

Н.М.ТАРАКИ. Не устаю. Сегодня было заседание Революционного совета.

А.Н.КОСЫГИН. Это хорошо, я очень рад. Попросите т.Тараки, может быть, он охарактеризует обстановку в Афганистане.

Н.М.ТАРАКИ. Обстановка нехорошая, ухудшается. В течение полутора последних месяцев с пакистанской стороны было заброшено около 4 тысяч военнослужащих в гражданской одежде, которые проникли в город Герат и в воинские части. Сейчас вся 17-я пехотная дивизия находится в их руках, включая артиллерийский полк и зенитный дивизион, который ведет огонь по нашим самолетам. В городе продолжаются бои.

А.Н.КОСЫГИН. Сколько в дивизии людей?

Н.М.ТАРАКИ. До 5 тыс. человек. Все боеприпасы и склады в их руках. Из Кандагара самолетами возим продукты питания и боеприпасы нашим товарищам, которые сейчас ведут с ними бои.

А.Н.КОСЫГИН. А сколько там людей осталось у вас?

Н.М.ТАРАКИ. 500 человек. Они находятся на гератском аэродроме во главе с командиром дивизии. В подкрепление им мы послали туда из Кабула на самолетах оперативную группу. Она находится с утра на аэродроме Герата.

А.Н.КОСЫГИН. А офицерский состав дивизии тоже изменил или часть находится с командиром дивизии на аэродроме?

Н.М.ТАРАКИ. Небольшая часть на нашей стороне, остальные находятся у противника.

А.Н.КОСЫГИН. Среди рабочих, среди городских мещан и служащих в Герате вы имеете поддержку? Есть еще на вашей стороне кто-то?

Н.М.ТАРАКИ. Активной поддержки со стороны населения нет. Оно почти целиком находится под влиянием шиитских лозунгов. "Не верьте безбожникам, а идите за нами" — пропаганда на этом построена.

А.Н.КОСЫГИН. Сколько населения в Герате?

Н.М.ТАРАКИ. 200-250 тысяч человек. Они ведут себя в зависимости от обстановки. Куда их поведут, туда и пойдут. Сейчас они на стороне противника.

А.Н.КОСЫГИН. А рабочих там много?

Н.М.ТАРАКИ. Мало очень — всего 2 тыс. человек.

А.Н.КОСЫГИН. Какие перспективы, по вашему мнению, в Герате?

Н.М.ТАРАКИ. Мы считаем, что сегодня вечером или завтра утром Герат падет и будет полностью в руках противника.

А.Н.КОСЫГИН. Какие же дальше перспективы?

Н.М.ТАРАКИ. Мы уверены, что противник будет формировать новые части и пойдет дальше в наступление.

А.Н.КОСЫГИН. У вас нет сил нанести им поражение?

Н.М.ТАРАКИ. Если бы были...

А.Н.КОСЫГИН. Какие же ваши предложения по этому вопросу?

Н.М.ТАРАКИ. Мы просим, чтобы вы оказали практическую и техническую помощь людьми и вооружением.

А.Н.КОСЫГИН. Это вопрос очень сложный.

Н.М.ТАРАКИ. В противном случае мятежники пойдут в сторону Кандагара и дальше в сторону Кабула. Они приведут половину Ирана в Афганистан под флагом иратской дивизии.

Вернутся афганцы, которые убежали в Пакистан. Иран и Пакистан работают по одному плану против нас. И поэтому, если вы нанесете сейчас по-настоящему удар по Герату, то можно будет спасти революцию.

А.Н.КОСЫГИН. Об этом сразу узнает весь мир. У мятежников есть рации, они сразу же сообщат.

Н.М.ТАРАКИ. Я прошу, чтобы вы оказали помощь.

А.Н.КОСЫГИН. Мы должны по этому вопросу посоветоваться.

Н.М.ТАРАКИ. Пока будете советоваться, Герат падет, и будут еще большие трудности и для Советского Союза, и для Афганистана.

А.Н.КОСЫГИН. Теперь, может быть, вы мне скажете, какие вы прогнозы даете по Пакистану и потом отдельно по Ирану?

У вас нет связей с передовыми людьми Ирана? Вы не можете им сказать, что у вас главный враг сейчас — Соединенные Штаты. Иранцы очень озлоблены против Соединенных Штатов, и в пропагандистском плане это, очевидно, можно использовать.

Н.М.ТАРАКИ. Мы сегодня сделали заявление иранскому правительству, передали его по радио, указав, что Иран вмешивается во внутренние дела в районе Герата.

А.Н.КОСЫГИН. А Пакистану вы не считаете нужным сделать какое-либо заявление?

Н.М.ТАРАКИ. Завтра или послезавтра сделаем такое же заявление по Пакистану.

А.Н.КОСЫГИН. Вы надеетесь на свою армию? Какова ее надежность? Вы не можете собрать войска, чтобы ударить по Герату?

Н.М.ТАРАКИ. Мы считаем, что армия надежна. Но снять войска из других городов, чтобы направить их в Герат, мы не можем, так как это ослабит наши позиции в других городах.

А.Н.КОСЫГИН. А если мы быстро дадим дополнительно самолеты и оружие, вы не сможете сформировать новые части?

Н.М.ТАРАКИ. Это потребует много времени, и Герат падет.

А.Н.КОСЫГИН. Вы считаете, что если Герат падет, то Пакистан предпримет такие же действия со своей границы?

Н.М.ТАРАКИ. Вероятность этого очень велика. Моральный дух пакистанцев после этого поднимется. Американцы оказывают им соответствующую помощь. После падения Герата пакистанцы также направят в гражданской одежде солдат, которые начнут захватывать города, и иранцы будут активно вмешиваться. Успех в Герате — это ключ ко всем остальным вопросам, связанным с борьбой.

А.Н.КОСЫГИН. Какие бы вы хотели видеть с нашей стороны внешнеполитические акции, заявления? У вас есть какие-либо соображения по этому вопросу в пропагандистском плане?

Н.М.ТАРАКИ. Надо сочетать и пропагандистскую и практическую помощь. Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолетах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Кабула.

А.Н.КОСЫГИН. До Кабула надо еще дойти.

Н.М.ТАРАКИ. От Кушки очень близко до Герата. А в Кабул можно доставить войска на самолетах. Если вы пришлете войска в Кабул, и они пойдут из Кабула на Герат, то никто ничего не узнает, по нашему мнению. Будут думать, что это правительственные войска.

А.Н.КОСЫГИН. Я не хочу Вас огорчать, но скрыть это не удастся. Это будет известно всему миру через 2 часа. Все начнут кричать, что началась интервенция в Афганистане со стороны Советского Союза. Скажите, т.Тараки, если мы на самолетах поставим вам оружие в Кабул, включая танки, то вы найдете танкистов или не найдете?

Н.М.ТАРАКИ. Очень небольшое количество.

А.Н.КОСЫГИН. А сколько?

Н.М.ТАРАКИ. Точных данных не имею.

А.Н.КОСЫГИН. А если на самолетах быстро прислать вам танки, необходимые боеприпасы, дать минометы, то вы найдете специалистов, которые могут использовать это оружие?

Н.М.ТАРАКИ. На этот вопрос ответа я не могу дать. На него могут ответить советские советники.

А.Н.КОСЫГИН. Значит, можно думать так, что в Афганистане хорошо подготовленных военных кадров нет или их очень мало. В Советском Союзе прошли подготовку сотни афганских офицеров. Куда же они все делись?

Н.М.ТАРАКИ. Большая часть их — мусульмане-реакционеры, ахванисты, или, как они еще называются, братья-мусульмане. На них положиться не можем, не уверены в них.

А.Н.КОСЫГИН. В Кабуле сейчас сколько населения?

Н.М.ТАРАКИ. Около 1 млн. человек.

А.Н.КОСЫГИН. Вы не можете еще 50 тыс. солдат набрать, если дать вам оружие быстро по воздуху? Сколько вы можете набрать людей?

Н.М.ТАРАКИ. Мы можем набрать некоторое количество людей, прежде всего из молодежи, но потребуется большое время, чтобы их обучить.

А.Н.КОСЫГИН. А студентов нельзя набрать?

Н.М.ТАРАКИ. Можно говорить о студентах и учащихся 11-12 классов лицеев.

А.Н.КОСЫГИН. А из рабочего класса нельзя набрать?

Н.М.ТАРАКИ. Рабочего класса в Афганистане очень мало.

А.Н.КОСЫГИН. А беднейшее крестьянство?

Н.М.ТАРАКИ. База может быть только из лицеистов старших классов, студентов и немного из рабочих. Но научить их — это долгая история. Но когда нужно будет, пойдем на любые меры.

А.Н.КОСЫГИН. Мы приняли решение срочно поставить вам военное имуще-

ство, принять в ремонт вертолеты и самолеты — все это бесплатно. Приняли также решение поставить вам 100 тыс. тонн зерна, повысить цену на газ с 21 доллара за 1 тыс. куб. метров до 37,82 доллара.

Н.М.ТАРАКИ. Это хорошо, но давайте поговорим о Герате.

А.Н.КОСЫГИН. Давайте. Не можете ли вы сейчас сформировать несколько дивизий в Кабуле из передовых людей, на которых вы можете положиться, и не только в Кабуле, но и в других местах? Мы бы дали соответствующее вооружение.

Н.М.ТАРАКИ. Нет офицерских кадров. Иран посылает в Афганистан военных в гражданской одежде. Пакистан посылает также в афганской одежде своих людей и офицеров. Почему Советский Союз не может послать узбеков, таджиков, туркменов в гражданской одежде? Никто их не узнает.

А.Н.КОСЫГИН. Что вы можете еще сказать по Герату?

Н.М.ТАРАКИ. Хотим, чтобы к нам послали таджиков, узбеков, туркменов для того, чтобы они могли водить танки, так как все эти народности имеются в Афганистане. Пусть оденут афганскую одежду, афганские значки и никто их не узнает. Это очень легкая работа, по нашему мнению. По опыту Ирана и Пакистана видно, что эту работу легко делать. Они дают образец.

А.Н.КОСЫГИН. Конечно, вы упрощаете вопрос. Это сложный политический, международный вопрос. Но независимо от этого, мы еще раз посоветуемся и дадим вам ответ. Мне кажется, что вам нужно было бы попытаться создавать новые части. Ведь нельзя рассчитывать только на силу людей, которые придут со стороны. Вы видите по опыту иранской революции, как народ выбросил всех американцев оттуда и всех других, которые пытались изображать из себя защитников Ирана.

Условимся с Вами так: мы посоветуемся и дадим Вам ответ. А Вы, со своей стороны, посоветуйтесь со своими военными, с нашими советниками. Есть же силы в Афганистане, которые будут вас поддерживать с риском для жизни и будут бороться за вас. Эти силы надо сейчас вооружить.

Н.М.ТАРАКИ. Посылайте боевые машины пехоты самолетами.

А.Н.КОСЫГИН. А у вас есть кому водить эти машины?

Н.М.ТАРАКИ. На 30-35 машин есть водители.

А.Н.КОСЫГИН. Они надежны? Не уйдут к противнику вместе с машинами? Ведь наши водители языка не знают.

Н.М.ТАРАКИ. А вы пришлите машины вместе с водителями, которые знают наш язык, — таджиками, узбеками.

А.Н.КОСЫГИН. Я и ожидал такого ответа от вас. Мы товарищи с вами и ведем совместную борьбу, поэтому стесняться друг друга нечего. Этому надо все и подчинить.

Н.М.ТАРАКИ. Передайте наше уважение и наилучшие пожелания товарищу Брежневу, членам Политбюро.

А.Н.КОСЫГИН. Спасибо. Передайте привет всем своим товарищам. А Вам желаю твердости в решении вопросов, уверенности и благополучия. До свидания.

3. "Какие марксисты нашлись..."

Нужно ли говорить, что эта беседа и еще одна (не поверив своим ушам, Косыгин звонил второй раз) произвели на членов политбюро гнетущее впечатление. Впервые они, кажется, начали соображать, в какую неприятную историю они вляпались в Афганистане. Тем более, что во второй беседе Тараки был еще откровеннее:

КОСЫГИН. ...Он мне сообщил, что на улицах Герата идет братание восставших солдат с теми, которые поддерживают правительство. Обстановка в этом городе очень сложная. Если, говорит т.Тараки, сейчас Советский Союз не поможет, то нам не удержаться. (...) Тов. Тараки даже сказал, что вопрос может решиться за один сутки. Если Герат падет, то считай, что дело кончено. (...) Кто же, спрашиваю я его тогда, поддерживает вас? Почти не задумываясь, т.Тараки отвечает, что почти никто не поддерживает. У нас в Кабуле нет рабочих, а имеются кустари. И опять разговор завел о Герате, говорит, что если Герат падет, тогда революция не будет спасена. И, наоборот, если он выстоит, то обеспечено спасение революции. По его мнению, армия является надежной, они на нее надеются. Но по всей стране возникли восстания, и армии не хватит, чтобы она везде смогла усмирить восставших. Требуется ваша поддержка, опять заявляет т.Тараки.

Если говорить о Кабуле, то, как явствует из сегодняшних телеграмм, там примерно такое же положение, как в Иране: проходят манифестации, имеются скопления людей. Из Пакистана и Ирана в Афганистан проходит большое количество лиц, вооруженных иранским и китайским оружием. (...)

УСТИНОВ. Что касается гаджиков, то у нас нет отдельных таких формирований. Даже сейчас трудно сказать, сколько их служит в танковых частях нашей армии. (...) Амин, когда я с ним говорил, тоже просил ввести войска в Герат и разбить противника. (...)

Афганская революция встретила на своем пути большие трудности, говорит Амин в разговоре со мной, и спасение ее зависит только от Советского Союза.

В чем дело, почему так получилось? Дело в том, что руководство Афганистана недооценило роли исламской религии. Именно под знамена ислама переходят солдаты, а абсолютное большинство, может быть, за редким исключением, верующие. Вот почему они просят от нас помощи отбить атаки мятежников в Герате. Амин сказал, правда очень неуверенно, что у них опора на армию есть. И опять также, как и т.Гаракн, обратился с просьбой о помощи.

КИРИЛЕНКО. Следовательно, у них гарантий нет относительно своей армии. Они надеются только на одно решение, а именно: на наши танки и бронемашины.

КОСЫГИН. Нам, конечно, принимая такое решение относительно помощи, надо серьезно продумать все вытекающие отсюда последствия. Дело очень это серьезное.

АНДРОПОВ. Я, товарищи, внимательно подумал над всем этим вопросом и пришел к такому выводу, что нам нужно очень и очень серьезно продумать

вопрос о том, во имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и т.д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск.

КОСЫГИН. Может быть, нам следует дать указание нашему послу т.Виноградову, чтобы он пошел к премьер-министру Ирана Базаргану и сказал ему о недопустимости вмешательства во внутренние дела Афганистана.

ГРОМЫКО. Я полностью поддерживаю предложение т.Андропова о том, чтобы исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадежная. Таким образом, наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего, и в него надо будет стрелять. Правильно отметил т.Андропов, что именно обстановка в Афганистане для революции не созрела, и все, что мы сделали за последние годы с таким трудом в смысле разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и многое другое, — все это будет отброшено назад. Конечно, Китаю будет этим самым преподнесен хороший подарок. Все неприсоединившиеся страны будут против нас. Одним словом, серьезные последствия от такой акции. Отпадет вопрос о встрече Леонида Ильича с Картером, и приезд Жискар д'Эстена в конце марта встанет под вопрос. Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан с его нынешним правительством, с отсталой экономикой, с незначительным весом в международных делах. С другой стороны, нам надо иметь в виду, что и юридически нам не оправдать ввода войск. Согласно уставу ООН, страна может обратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска в случае, если бы они подверглись агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело, революционная междоусобица, бои одной группы населения с другой. К тому же надо сказать, что афганцы официально не обращаются к нам относительно ввода войск.

Одним словом, мы здесь имеем дело с таким случаем, когда руководство страны в результате допущенных серьезных ошибок оказалось не на высоте, не пользуется должной поддержкой народа.

КИРИЛЕНКО. Вчера в Афганистане была другая обстановка, и мы склонялись к тому, что, может быть, нам пойти на то, чтобы ввести какое-то количество воинских частей. Сегодня обстановка другая, и разговор у нас вполне справедливо идет уже несколько в ином русле, а именно: все мы придерживаемся того, что вводить войска нет никаких оснований.

АНДРОПОВ. Вчера, когда мы обсуждали этот вопрос, афганцы не говорили о вводе войск; сегодня положение там другое. В Герате уже не один полк перешел на сторону противника, а вся дивизия. Как мы видим из сегодняшнего разговора с Амином, народ не поддерживает правительство Тараки. Могут ли тут помочь им наши войска? В этом случае танки и бронемашины

не могут выручить. Я думаю, что мы должны прямо сказать об этом т.Тараки, что мы поддерживаем все их акции, будем оказывать помощь, о которой сегодня и вчера договорились, и ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан.

КОСЫГИН. Может, его пригласить к нам и сказать, что мы помощь вам увеличиваем, но войска вводить не можем, потому что они будут воевать не против армии, которая по существу перешла на сторону противника или отсиживается по углам, а против народа. Минусы у нас будут огромные. Целый букет стран немедленно выступит против нас. А плюсов никаких тут для нас нет.

АНДРОПОВ. Надо сказать прямо т.Тараки, что мы вас будем поддерживать всеми мерами и способами, кроме ввода войск.

КОСЫГИН. Надо пригласить его к нам и сказать, что мы будем поддерживать вас всеми способами и мерами, а войска вводить не будем.

КИРИЛЕНКО. Мы ему дали все. А что из этого? Ничего не пошло на пользу. Это ведь они учинили расстрелы ни в чем неповинных людей и даже говорят нам в свое оправдание, что якобы мы при Ленине тоже расстреливали людей. Видите ли, какие марксисты нашлись.

Со вчерашнего дня дело изменилось. Вчера мы, как я уже говорил, были едины в оказании военной помощи, но обсуждали внимательно, прикидывали разные варианты, искали пути другие, кроме введения войск. Я думаю, что нам нужно будет доложить Леониду Ильичу об этой нашей точке зрения, пригласить в Москву т.Тараки и сказать ему обо всем, о чем мы договорились.

Может быть, нам действительно следует послать в Пакистан и Иран Хомейни и Базаргану специальные письма?

ЧЕРНЕНКО. Если мы введем войска и побьем афганский народ, то будем обязательно обвинены в агрессии. Тут никуда не уйдешь.

АНДРОПОВ. Надо пригласить т.Тараки.

КОСЫГИН. Я думаю, что надо посоветоваться с Леонидом Ильичом сейчас и сегодня же послать самолет в Кабул.

КИРИЛЕНКО. Надо провести беседу т.Косыгина с т.Тараки. Если он пожелает приехать в Москву, а не остановится в Ташкенте, то тогда нам надо посоветоваться, может быть, его примет Леонид Ильич.

ГРОМЫКО. Я думаю, что подготовку политического документа нам лучше начать после бесед с т.Тараки.

АНДРОПОВ. Надо сейчас уже выступить со статьей по Пакистану о его поддержке мятежников.

УСТИНОВ. Меры помощи, я так полагаю, мы будем проводить так, как договорились вчера.

ВСЕ. Правильно.

УСТИНОВ. Только исключить надо относительно ввода войск.

КОСЫГИН. Одним словом, мы ничего не меняем о помощи Афганистану, кроме ввода войск. Они будут сами более ответственно относиться к решению вопросов руководства делами государства. А если мы все за них сделаем, защитим революцию, то что же для них останется? Ничего. В Герате у нас имеется 24 советника. Их надо будет вывезти.

ЗАМЯТИН. Что касается пропагандистского обеспечения этого мероприятия, то у нас подготовлена статья об Афганистане. Затем подготовлена статья относительно Пакистана и помощи афганским мятежникам со стороны Китая. Статьи надо будет сегодня же направить в печать.

ВСЕ. Правильно.

ЧЕРНЕНКО. Надо условиться, товарищи, кто пригласит т.Тараки.

КИРИЛЕНКО. Это надо будет сделать т.Косыгину А.Н. Пусть он позвонит ему и пригласит прибыть в Москву или в Ташкент, как он пожелает.

И закрутилась машина. Уже на следующий день собрали расширенное заседание политбюро, с участием всех секретарей ЦК (включая совсем еще юного секретаря по сельскому хозяйству М.С.Горбачева). Каким-то чудом на время оживили Брежнева, и тот, видимо читая по бумажке, одобрил:

...все те мероприятия, которые были предусмотрены проектом решения ЦК КПСС, внесенным в субботу, все эти меры, которые принимались в течение субботы и воскресенья, – перечислив их по порядку. – **Был поставлен вопрос о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну.**

Громыко, Косыгин, Устинов и Андропов по очереди доложили обстановку и свои соображения. Отметили даже некоторое улучшение положения:

ГРОМЫКО. ...Сегодня получено сообщение о том, что положение в Герате не так уж плохое: два полка все же находятся на стороне правительства. Где, правда, я не знаю, но вот такие сообщения получены. (...) **Есть некоторые ободряющие нотки, заключающиеся в том, что в Кабуле вчера прошла массовая демонстрация в поддержку правительства. Но все же правительство положение в Афганистане как следует не контролирует.**

Нам, конечно, не представится уйти от решения вопросов, связанных с положением в Афганистане. Но я думаю, что мы должны будем придерживаться своей линии, своей политики, идти своей дорогой с учетом всех особенностей. Если мы, например, пойдем на такой риск, как ввод войск, то, конечно, получим плюсов куда меньше, чем минусов. Мы до сих пор не знаем, как поведет себя афганская армия. А если она не поддержит наши мероприятия или останется нейтральной, тогда получится, что мы своими войсками оккупируем Афганистан. Этим самым мы создадим для себя невероятно тяжелую обстановку во внешнеполитическом плане. Мы бы намного назад отбросили все то, что восстанавливали с таким трудом, и прежде всего разрядку, полетели бы и переговоры по СОЛТ-2, не было бы подписания договора (а как-никак это для нас сейчас самая крупная политическая акция), не было бы встречи Леонида Ильича с Картером, и очень сомнительно, приехал бы к нам Жискар д'Эстен, с западными странами и, в частности, с ФРГ у нас отношения были бы испорчены.

Таким образом, несмотря на тяжелое положение в Афганистане, мы не можем пойти на такую акцию, как ввод войск. (...) **Мы оказываем очень большую помощь Афганистану. Как поведет себя дальше афганское правительство, сказать трудно; исправить положение там тоже трудно. Но сказать, что там все погибло, совершенно нет никаких оснований. Я думаю, что если**

афганское руководство найдет в себе силы, правильно скоординирует действия, то дело может оказаться в выигрыше.

КОСЫГИН. ...Конечно, нам нужно сохранить Афганистан как союзное государство. Вместе с тем нужно обратиться, видимо, к Пакистану и серьезно предупредить его о недопустимости интервенции против Афганистана. Такая же мера должна быть предпринята и в отношении Ирана. (...) Если была бы закрыта граница с Пакистаном и Ираном, то это было бы хорошо.

Мне кажется, что имеет смысл нам предпринять и такую меру, как направить в Афганистан хорошего посла. Из разговора с т.Тараки выясняется, что он даже не знает, на кого опираться правительству. Там необходима большая политическая работа, и только в том случае мы сможем сохранить Афганистан в качестве нашего союзника.

БРЕЖНЕВ. Письма Пакистану и Ирану надо направить сегодня.

УСТИНОВ. ...У нас имеется в афганской армии большое количество советников, там есть и переводчики. Я сказал Амину, что мы можем дополнительно направить некоторое количество переводчиков. (...) Мы формируем две дивизии по Туркестанскому военному округу, одну дивизию — по Среднеазиатскому военному округу. Три полка могут быть, буквально, через три часа в Афганистане. Но я, конечно, это говорю лишь только потому, чтобы подчеркнуть нашу готовность. Я так же, как и другие товарищи, не поддерживаю идею ввода войск в Афганистан. Я бы просил разрешения провести нам на границе с Афганистаном тактические учения, развернуть полки и дивизии.

Нужно сказать, что афганское руководство плохо решает очень многие вопросы и работать нашим советникам в таких условиях там очень трудно.

АНДРОПОВ. ...Вместе с тем обстановка все же не безнадежная. В чем суть дела сейчас в Афганистане? Дело в руководстве. Руководство не знает сил, которые поддерживают его и на которые можно было бы опереться. Сегодня, например, прошла довольно солидная демонстрация в Кабуле и Герате, но руководители не использовали в должной мере этих массовых мероприятий. Разъяснительная работа поставлена плохо не только в армии, но и среди населения вообще. Своих политических противников они расстреливают. Радио не прослушивается, потому что передатчики очень слабые. Нам нужно будет помочь им передвижными радиостанциями.

Амин держал в своих руках по существу всю власть, и только вчера они утвердили нового начальника госбезопасности, начальника штаба. Таким образом, несколько расширяется политическая база в руководстве. (...) Я думаю, что относительно ввода войск нам решения принимать не следует. Ввести свои войска — это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры, и мы не можем допустить этого.

Потолковали еще о посылке новых советников, о подготовке афганских кадров. Наконец подытожили:

БРЕЖНЕВ. Я думаю, что нам следует одобрить мероприятия, которые были выработаны в течение этих дней.

ВСЕ. Правильно.

БРЕЖНЕВ. Следует поручить соответствующим товарищам осуществлять их энергично и если возникнут новые вопросы в связи с событиями в Афганиста-

не, то вносить их в Политбюро.

ВСЕ. Правильно.

БРЕЖНЕВ. Таким образом, мы принимаем решение:

Принять в СССР т.Тараки завтра, 20 марта.

Переговоры будут вести т.т.Косыгин, А.П., Громыко А.А. и Устинов Д.Ф., а затем я приму его.

ВСЕ. Это очень хорошо.

4. Дыхание рока

Так закончилась первая фаза афганского кризиса. Ситуация немного стабилизировалась (уже через два дня мятежные полки в Герате были жестоко подавлены танками и авиацией, срочно переброшенными из других городов), а потом, к лету, опять стала ухудшаться. Однако с того момента и до самого дня советского вторжения все усилия советского руководства были направлены ровно на то, чтобы... избежать этого вторжения. Читая теперь их документы, буквально ощущаешь дыхание рока: кремлевские старцы инстинктивно чувствовали, что афганская авантюра будет началом конца их режима и сопротивлялись до последнего. Эта коллективная мудрость была даже зафиксирована в их "политическом документе", анализировавшем причины мартовского кризиса:

Таким образом, наше решение воздержаться от удовлетворения просьбы руководства ДРА о переброске в Герат советских воинских частей было совершенно правильным. Этой линии следует придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений в Афганистане, исключать возможность которых не приходится.

Но ситуация стала ускользать из их старческих рук, и чем больше они упирались, тем ближе сползали к краю пропасти. Словно заклинание, повторяют они друг другу все аргументы против этого вторжения, увязая все глубже и глубже в трясине кризиса. Еще вызванному в марте Тараки и Косыгин, и даже Брежнев сформулировали свою позицию предельно четко:

КОСЫГИН. ...Пути решения возникших у вас проблем могут быть разными, но наилучшим из них является путь, который сохранил бы авторитет вашего правительства в народе, не испортил бы отношения Афганистана с соседними государствами, не нанес бы ущерба международному престижу вашей страны. Нельзя допускать того, чтобы дело выглядело таким образом, будто бы вы не смогли сами справиться со своими собственными проблемами и пригласили на помощь иностранные войска. (...) Свои же задачи на нынешнем этапе мы видим в том, чтобы охранять вас от всяких возможных международных осложнений. Мы будем вам оказывать помощь всеми возможными средствами — поставлять вооружение, боеприпасы, направлять людей, которые могут быть вам полезными в обеспечении руководства военными и хозяйственными делами страны, специалистов для обучения вашего военного персонала обращению с самыми современными видами оружия и боевой техники, которые мы вам направляем. Ввод же наших войск на территорию Афганистана сразу же возбудит международную общественность, повлечет за собой резко отрицательные многоплановые последствия. Это по существу будет конфликт не

только с империалистическими странами, но и конфликт с собственным народом. Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска. Это им даст предлог для ввода на афганскую территорию враждебных вам вооруженных формирований. Хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести наши войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится. Нельзя не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает. Кроме того, как только наши войска пересекут границу, Китай и все другие агрессоры получат реабилитацию.

Брежнев предложил Тараки целый ряд мер по укреплению режима в Афганистане, от создания "единого национального фронта" под руководством НДПА, расширения "политико-массовой работы" до работы с духовенством с целью добиться его "расслоения", чтобы по крайней мере часть духовенства если и не поддерживала бы открыто правительство, то во всяком случае не выступала бы против него. Как старый армейский политработник, он поучал Тараки:

Важно, чтобы у командного состава было чувство уверенности в прочности своего положения. Нельзя многого ожидать от армии, если часто сменяются командные кадры. Это тем более справедливо, если смена кадров сопровождается арестами. Ведь многие командиры, видя, как их коллеги арестовываются и исчезают, сами начинают чувствовать неуверенность в своем будущем.

Наконец, хотел бы еще раз подчеркнуть, что в сложившемся положении главную роль будет играть умение политическими и экономическими средствами привлечь на свою сторону возможно более широкие круги населения. Надо еще раз посмотреть на арсенал используемых средств, исключить те из них, которые могут вызвать законную тревогу у людей, рождать у них чувство протеста.

Однако в вопросе о советских войсках был непреклонен:

Теперь о вопросе, который Вы поставили в телефонном разговоре с тов. Косыгиным и затем здесь, в Москве, — насчет возможности ввода советских воинских частей в Афганистан. Мы этот вопрос всесторонне рассматривали, тщательно взвешивали и, скажу Вам прямо: этого делать не следует. Это сыграло бы лишь на руку врагам — и вашим, и нашим. (...) И хотелось бы надеяться, что Вы с пониманием отнесетесь к нашим соображениям.

Разумеется, заявлять публично — либо вам, либо нам — о том, что мы не намерены этого делать, по понятным причинам нецелесообразно.

Все было впустую: Тараки слушал, благодарил за помощь, за совет и опять начинал клянчить советские войска. Ну, если не войска, то хоть водителей танков или вертолетов. А если не советских — то можно хотя бы из других соцстран? Косыгин не выдержал, и, видимо, просто прикрикнул на него:

Я не могу понять, почему возникает вопрос о пилотах и танкистах. Этот вопрос для нас совершенно неожиданный. И я думаю, что соцстраны вряд ли пойдут на это. Вопрос о направлении людей, которые сели бы в ваши танки и стреляли бы в ваших людей, — это очень острый политический вопрос.

Однако через месяц, при поставке советских боевых вертолетов, вопрос возник опять, и опять политбюро должно было принимать специальное постановление "О нецелесообразности участия советских экипажей боевых вертолетов в подавлении контрреволюционных выступлений в Демократической Республике Афганистан", инструктируя Главного военного советника:

Скажите, что афганскому руководству уже давались разъяснения о нецелесообразности непосредственного участия советских воинских подразделений в мероприятиях по подавлению контрреволюционных выступлений в ДРА, так как подобные акции будут использованы врагами афганской революции и внешними враждебными силами в целях фальсификации советской интернациональной помощи Афганистану и проведения антиправительственной и антисоветской пропаганды среди афганского населения. (...) Убедите Х.Амина, что имеющиеся боевые вертолеты с афганскими экипажами способны совместно с подразделениями сухопутных войск и боевой авиации решать задачи по подавлению контрреволюционных выступлений. Разработайте для афганского командования необходимые рекомендации по этому вопросу.

В мае "в связи с активизацией контрреволюционной деятельности реакционных сил" афганцы опять запросили помощи. И опять им было предложено "специмущество" на сумму 53 млн. рублей (на 1979—1981 гг.):

...в том числе 140 орудий и минометов, 90 бронетранспортеров (из них 50 в порядке ускорения), 48 тысяч единиц стрелкового оружия, около 1000 гранатометов, 680 авиационных бомб, а также направить в порядке ускорения в июне-июле 1979 г. медикаменты и медицинское оборудование на сумму 50 тыс. рублей.

В порядке первоочередной помощи в мае с.г. поставляются 100 зажигательных баков и 150 разовых бомбовых кассет. Поставить газовые бомбы с нетоксичным отравляющим веществом не представляется возможным, — сообщало политбюро через посольство в Кабуле. — Что касается просьбы афганской стороны о направлении в ДРА вертолетов и транспортных самолетов с советскими экипажами и возможной высадки нашего воздушного десанта в Кабул, то вопрос использования советских воинских подразделений был детально и со всех точек зрения обсужден во время посещения Москвы т.Н.Тараки в марте с.г. Такие акции, как мы глубоко убеждены, сопряжены с большими осложнениями не только во внутриполитическом, но и в международном плане, что будет несомненно использовано враждебными силами прежде всего в ущерб интересам ДРА и закрепления завоеваний Апрельской революции.

Тем не менее, к июню какие-то советские подразделения уже находились на территории Афганистана, хотя и не принимали участия в боевых действиях. Обстановка настолько ухудшилась, что Борису Пономареву пришлось туда срочно выезжать. Громыко, Андропов, Устинов, Пономарев докладывали политбюро 28 июня:

Обстановка в Демократической Республике Афганистан (ДРА) продолжает осложняться. Действия мятежных племен приобретают более широкий и организованный характер. Реакционное духовенство усиливает антиправительственную и антисоветскую агитацию, широко проповедуя при этом идею

создания в ДРА "свободной исламской республики" по подобию иранской.

Трудности становления ДРА имеют во многом объективный характер. Они связаны с экономической отсталостью, малочисленностью рабочего класса, слабостью Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Эти трудности усугубляются, однако, и субъективными причинами: в партии и государстве отсутствует коллегиальное руководство, вся власть фактически сосредоточена в руках Н.М.Тараки и Х.Амина, которые нередко допускают ошибки и нарушения законности; в стране отсутствует Народный фронт, до сих пор не созданы местные органы революционной власти. Рекомендации наших советников по этим вопросам афганским руководством практически не реализуются.

За последнее время более активное участие в этой борьбе стали принимать силы безопасности, пограничные войска и создаваемые отряды самообороны. Однако широкие слои населения к борьбе с реакцией привлекаются недостаточно, вследствие чего предпринимаемые правительством ДРА меры по стабилизации обстановки оказываются малоэффективными. В этих условиях контрреволюция сосредотачивает основные усилия на разложении афганской армии. При этом используются разнообразные средства: религиозный фанатизм, подкупы и угрозы. Применяются методы индивидуальной обработки офицеров для склонения их к измене. Такие действия реакции приобретают широкие масштабы и могут привести к опасным для революции последствиям. Основной опорой афганского правительства в борьбе с контрреволюцией продолжает оставаться армия.

В связи с изложенным МИД СССР, КГБ СССР, Министерство обороны и Международный отдел ЦК КПСС считают целесообразным:

1. Направить от имени Политбюро ЦК КПСС письмо Политбюро ЦК НДПА, в котором в товарищеской форме откровенно выразить озабоченность и беспокойство Советского руководства в связи с реальной опасностью потери завоеваний Апрельской революции и высказать рекомендации по усилению борьбы с контрреволюцией и укреплению народной власти. Отметить некоторые ошибки в руководстве партией и государством и рекомендовать меры по их исправлению, обратив особое внимание на коллегиальность в работе ЦК НДПА и правительства ДРА. Рекомендовать политическому руководству ДРА создать эффективную систему местных органов народной власти в форме революционных (народных) комитетов, а также значительно улучшить идеологическую и политико-воспитательную работу среди населения и личного состава вооруженных сил.

2. Принять меры по усилению аппарата партийного советника и расширению его деятельности, а также дать согласие на направление партийных советников в провинциальные и городские органы власти.

3. Направить в Афганистан в помощь главному военному советнику опытного генерала с группой офицеров для работы непосредственно в войсках (в дивизиях и полках). Главной задачей этой группы считать помощь командирам соединений и частей в организации боевых действий против мятежников, улучшении управления частями и подразделениями. Дополнительно командировать в ДРА советских военных советников до батальонного звена включи-

тельно в бригаду охраны правительства и в танковые бригады (40—50 человек, в том числе 20 советников политработников), а также советников военной контрразведки во все полки ДРА.

4. Для обеспечения охраны и обороны самолетов советской авиаэскадрильи на аэродроме "Баграм" направить в ДРА, при согласии афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава. Для охраны совпосольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (125—150 человек) под видом обслуживающего персонала посольства. В начале августа с.г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром "Баграм") спецотряд ГРУ Генерального штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов.

5. По каналам КГБ СССР и ГРУ ГШ доводить до сведения руководства Индии целенаправленную информацию о планах включения индийского Кашмира наряду с Афганистаном в "мировую исламскую республику", с тем, чтобы побудить правительство Индии к активным шагам по противодействию антиафганской деятельности Пакистана.

6. Советским средствам массовой информации усилить пропаганду против попыток вмешательства во внутренние дела Афганистана со стороны Пакистана, Ирана, Китая и США под лозунгом "Руки прочь от Афганистана". Содействовать публикации подобных материалов в печати третьих стран.

Хотели того советские вожди или нет, но Рубикон оказался перейден. Этим решением они брали на себя всю ответственность за жизнь и смерть в Афганистане. После него вопрос о советском вторжении становился скорее академическим

5. Перемена курса

По иронии судьбы, необходимость вторжения возникла совсем не по той причине, что ожидалась. К осени "мятеж" стал стихать, как бы истощив свои силы и отнюдь не грозил свергнуть режим. Наступила даже некоторая стабилизация, но передралось само афганское "руководство". В сентябре Тараки был свергнут своим верным заместителем и министром иностранных дел Хафизуллой Амином и вскоре убит, причем вопреки воле Москвы. Последовали чистки в руководстве, расправы и, как почувствовали в Кремле, перемены в политической ориентации нового руководства.

Обстановка в Афганистане после событий 13—16 сентября с.г., в результате которых Тараки был отстранен от власти и затем физически уничтожен, остается крайне сложной, — докладывали Громыко, Андропов, Устинов и Пономарев в конце октября. — **В стремлении укрепиться у власти Амин, наряду с такими показными жестами, как начало разработки проекта конституции и освобождение части ранее арестованных лиц, на деле расширяет масштабы репрессий в партии, армии, государственном аппарате и общественных организациях. Он явно ведет дело к устранению с политической арены практически всех видных деятелей партии и государства, которых он рассматривает в качестве своих действительных или потенциальных противников.**

По имеющимся данным, в настоящее время Амином готовится расправа над группой членов Политбюро ЦК НДПА (...), которым предъявляются вымышленные обвинения в "антипартийной и контрреволюционной деятельности". На состоявшемся недавно пленуме ЦК НДПА Амин ввел в руководящие органы партии наиболее преданных ему лиц, в том числе ряд своих родственников.

Эти действия Амина ведут к дальнейшему углублению раскола в НДПА, ликвидации здорового ядра в партии и ослаблению ее влияния на социально-политическую жизнь страны. Они отвлекают также руководство страны от решения актуальных задач строительства нового общества и от борьбы с внутренней контрреволюцией. Между тем, хотя в последнее время военное положение в Афганистане несколько стабилизировалось, нет никаких оснований считать, что мятежники отказались от попыток свержения правительства насильственным путем.

Действия Амина вызывают растущее недовольство прогрессивных сил. Если раньше против него выступали члены группы "Парчам", то сейчас к ним присоединяются и сторонники "Хальк", отдельные представители государственного аппарата, армии, интеллигенции, молодежи. Это порождает неуверенность у Амина, который ищет выход на путях усиления репрессий, что в еще большей степени сужает социальную базу режима. Значительная часть населения страны занимает в отношении нового руководства и проводимых им мероприятий настороженную и выжидательную позицию. Это относится и к настроениям личного состава армии.

Настораживают поступающие сигналы о налаживании Амином контактов с представителями правомусульманской оппозиции и вождями враждебных правительству племен, в ходе которых с его стороны проявляется готовность договариваться с ними о прекращении ими вооруженной борьбы против нынешнего правительства на "компромиссных" условиях, фактически в ущерб прогрессивному развитию страны.

В последнее время отмечаются признаки того, что новое руководство Афганистана намерено проводить "более сбалансированную политику" в отношениях с западными державами. Известно, в частности, что представители США на основании своих контактов с афганцами приходят к выводу о возможности изменения политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении.

Поведение Амина в сфере отношений с СССР все более отчетливо обнажает его неискренность и двуличие. На словах он и его приближенные высказываются за дальнейшее расширение сотрудничества с Советским Союзом в различных областях, а на деле допускают действия, идущие вразрез с интересами этого сотрудничества. Внешне соглашаясь с рекомендациями советских представителей, в том числе по вопросу сохранения единства в руководстве НДПА и ДРА, и заявляя о готовности укреплять дружбу с СССР, на практике Амин не только не принимает мер по пресечению антисоветских настроений, но и сам фактически поощряет подобные настроения. В частности, по его инициативе распространяется версия о причастности якобы советских представителей к "попытке покушения" на него во время событий 13—16 сентября

с.г. Амин и его ближайшее окружение не останавливаются перед клеветническими вымыслами об участии советских представителей в репрессивных акциях, проводимых в Афганистане.

Таким образом, в лице Амина нам приходится иметь дело с властолюбивым, отличающимся жестокостью и вероломством деятелем. В условиях организационной слабости НДПА и идейной незакаленности ее членов не исключена опасность того, что ради сохранения личной власти Амин может пойти на изменение политической ориентации режима.

Вместе с тем Амин, судя по всему, понимает, что внутренние и внешние трудности развития афганской революции, географический фактор, зависимость Афганистана в обеспечении повседневных потребностей армии и народного хозяйства обуславливают объективную заинтересованность афганского руководства в поддержке и развитии всесторонних афгано-советских отношений. Понимание Амином того факта, что на данном этапе он не может обойтись без советской поддержки и помощи, дает нам возможность оказывать на него определенное сдерживающее влияние.

В Народно-демократической партии Афганистана и в афганской армии сохраняются здоровые силы, выражающие серьезную озабоченность складывающейся обстановкой в стране, которая может привести к утрате завоеваний апрельской революции. Однако эти силы разобщены и находятся по существу на нелегальном положении.

Трудно теперь сказать, насколько опасения Москвы в отношении "переориентации Амина на Запад" были обоснованными, а их причастность к "попытке покушения" на него — вымышленной. Несомненно одно: Амин не был их кандидатурой, не пользовался их доверием и явно вел себя слишком независимо. Он не только вышел из под контроля, но, кажется, верил, что может диктовать Москве свои условия игры. Уже после вторжения и его убийства советская пропаганда объявила Амина прямо "агентом ЦРУ", что, конечно, всерьез принимать нельзя. Быть может, он просто пытался стабилизировать ситуацию, демонстрируя свою независимость, некоторое отдаление от Москвы, одновременно ведя переговоры с противной стороной, — кто знает? В создавшейся тогда ситуации это было бы вовсе не так уж глупо. Но перспектива "отдать" Афганистан, да еще не просто каким-то "мятежникам", а своим заклятым врагам, слишком испугала советских вождей. Одно дело — проиграть революцию, другое — создать на своей границе плацдарм для идейного врага, источник смертельной опасности для их власти в Средней Азии. Нет сомнения, что с этого момента судьба Амина была решена, а вторжение стало неизбежно. Это видно уже по тем решениям, которые приняло политбюро в октябре по вышеприведенному докладу:

1. Продолжать активно работать с Амином и в целом с нынешним руководством НДПА и ДРА, не давая Амину поводов считать, что мы не доверяем ему и не желаем иметь с ним дело. Использовать контакты с Амином для оказания на него соответствующего влияния и одновременно для дальнейшего раскрытия его истинных намерений.

2. Исходя из этой нашей общей линии в отношении Амина на данном этапе и учитывая неоднократно высказывавшееся им пожелание совершить официальный или рабочий визит в Москву для встречи с Л.И.Брежневым и

другими советскими руководителями, следовало бы дать ему в принципе положительный ответ, не определяя, однако, сейчас конкретных сроков этого визита.

3. Постоянно обращать внимание Амина на необходимость соблюдения коллегиальности руководства, норм партийной жизни и правопорядка, на недопустимость продолжения безосновательных репрессий в отношении партийных, военных и других кадров.

4. По линии всех советских учреждений в Афганистане усилить изучение обстановки в стране, а также руководящих деятелей партийного и государственного аппарата, командного состава армии, органов безопасности. При беседах с лицами, дружественно настроенными к СССР и обеспокоенными судьбой апрельской революции, не создавать впечатления, что нами одобряется все происходящее сейчас в Афганистане, не отталкивать таких лиц. В то же время избегать открытой критики тех или иных действий нынешнего афганского руководства, чтобы не давать повода Амину и его сторонникам обвинить нас во вмешательстве во внутренние дела.

5. Военную помощь Афганистану оказывать сейчас в ограниченных масштабах. С учетом реальной обстановки в стране и необходимости дальнейшего ведения боевых действий против мятежников, продолжать поставки стрелкового оружия, запасных частей, минимально необходимого количества боеприпасов и вспомогательного военного имущества. Положительно рассмотреть просьбу афганского руководства о поставке легкого стрелкового оружия для народной милиции ДРА. От дальнейших поставок тяжелого вооружения и военной техники пока воздержаться, тем более, что реальной необходимости в этом сейчас нет, а создавать излишние запасы такого вооружения и боеприпасов в Афганистане нецелесообразно.

6. Находящимся в Афганистане советским воинским подразделениям (узел связи, парашютно-десантный батальон, транспортные авиационные эскадрильи самолетов и вертолетов), а также отряду по охране советских учреждений продолжать выполнять поставленные задачи. От направления в Кабул по просьбе Амина советского воинского подразделения для его личной охраны воздержаться.

7. В области экономического сотрудничества следует придерживаться линии на выполнение имеющихся обязательств по подписанным соглашениям. Однако к рассмотрению поступающих от Амина все новых просьб об оказании экономической и финансовой помощи, включая поставки нефтепродуктов, продовольственных и промышленных товаров, подходить очень осмотрительно и решать эти вопросы с учетом наших возможностей и действительных потребностей афганской стороны, не допуская создания ею за наш счет резервов на длительный срок.

8. Наши советники, находящиеся в Афганистане по линии Минобороны, КГБ и других советских министерств и ведомств, должны оставаться там и выполнять поставленные перед ними ранее задачи. Принимая, однако, во внимание, что Амин настойчиво проводит тезис о "равной ответственности" афганских должностных лиц и советских представителей за работу соответствующих афганских ведомств, должно быть исключено участие советских

представителей и советников в мероприятиях афганской стороны, которые могли бы бросить тень на Советский Союз.

Просьбы афганской стороны о посылке дополнительно советских советников того или иного профиля тщательно взвешивать и удовлетворять только в тех случаях, когда это будет отвечать нашим интересам.

9. Продолжать практику взаимных консультаций и обменов мнениями с Амином и другими руководителями ДРА по вопросам внешней политики с целью разъяснения нашей позиции по конкретным вопросам, а также выяснения намерений афганской стороны во внешних делах. В необходимых случаях и в соответствующей форме давать понять Амину о нашем неодобрительном отношении к его заигрыванию с Западом.

Одновременно по дипломатическим, а также специальным каналам продолжать принимать меры против вмешательства других стран, в частности соседних с Афганистаном, в его внутренние дела.

10. В советской печати ограничиваться в основном сообщениями фактического порядка о происходящем в Афганистане, положительно характеризуя лишь те мероприятия афганского руководства, которые содействуют углублению советско-афганского сотрудничества, упрочению завоеваний апрельской революции и развитию ДРА по пути прогрессивных социально-экономических преобразований.

11. Совпосольству в Кабуле, Комитету госбезопасности СССР, Министерству обороны и Международному отделу ЦК КПСС изучать политику и практические действия Х.Амина и его окружения в отношении афганских интернационалистов, патриотов, а также кадров, прошедших обучение в Советском Союзе и социалистических странах; реакционного мусульманского духовенства и вождей племен; внешнеполитических связей с Западом и в особенности с США, а также с КНР.

При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Х.Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны.

Словом, Москва приступила к формированию новой команды "руководителей" из "здорового ядра" в партии, армии, госаппарате и, отдадим им должное, делала это мастерски. Достали из нафталина Бабрака Кармаля, все еще интриговавшего из своего убежища в Праге, добились даже примирения остатков "Парчама" и "Хальк", и, глядишь, появились контуры "правительства национального единства". К декабрю, в рекордные сроки, все было готово, включая и разработку военной части операции. Не берусь судить о "вероломстве" Амина, но советские вожди проявили здесь верх вероломства, вполне перещеголяв своих восточных братьев: 6 декабря ему был внезапно направлен тот самый "батальон для охраны резиденции" Амина, который он тщетно вымаливал с лета.

Председатель Революционного Совета, генеральный секретарь ЦК НДПА и премьер-министр ДРА Х.Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции, – не моргнув глазом докладывали ЦК Андропов и Огарков. – **С учетом сложившейся обстановки и просьбы Х.Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей специальный отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 чел. в униформ-**

ме, не раскрывающей его принадлежность к Вооруженным Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29.6.1979 г. NП156/Х.

В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолетами военно-транспортной авиации в первой декаде декабря с.г.

Это был тот самый отряд "спецназа", который в ночь на 28 декабря взял штурмом дворец Амина. Нашлись-таки в советской армии и таджики, и узбеки, переодеть коих в афганскую форму труда не составило.

6. "Шторм-333"

Когда доходило до дел действительно деликатных, советские вожди проявляли невероятную скрытность, не доверяя никому, даже своим ближайшим сотрудникам. Часто и следа нельзя найти в их бумагах от тех деликатных дел. Стоит ли удивляться, что даже в самых сокровенных хранилищах документов политбюро не существует такой бумаги, где черным по белому было бы записано распоряжение о вторжении в Афганистан, тем более — об устранении Амина. Однако эти решения были приняты всем составом политбюро — иначе и быть не могло в советской системе, где каждое преступление скреплялось "кровавой порукой", как в "Бесах" Достоевского. Никто не должен был остаться "чистеньким".

Решение о вторжении советских войск в Афганистан и о государственном перевороте в этой "демократической республике" было принято 12 декабря 1979 года членами политбюро Брежневым, Андроповым, Устиновым, Громыко, Черненко, Пельше, Сусловым, Кириленко, Гришиным, Тихоновым при участии неголосующего кандидата в члены политбюро Пономарева. Но даже те, кто из-за дальности расстояния или по болезни не мог присутствовать, впоследствии должны были подписать это решение: Кунаев — 25-го, Романов и Щербицкий — 26-го. Сам документ, если его можно так назвать, представляет из себя лист обыкновенной бумаги, на котором от руки (видимо, Черненко) написан ничего не значащий текст, в котором нет даже слова "Афганистан". Он озаглавлен:

К положению в "А"

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные т.т.Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т.Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить т.т.Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л.Брежнев

Это и есть историческое решение политбюро П176/125 от 12 декабря 1979 года, в результате которого погибли сотни тысяч афганцев, начиная со злополучного "президента" Хафизуллы Амина, и десятки тысяч ребят из всех уголков многоплеменного Советского Союза.

Впрочем, по поводу Амина, видимо, совещались еще раз 26 декабря на даче Брежнева (он, как всегда, хворал) в более узком кругу. И опять ничего не значащая бумажка, где уже на пишущей машинке напечатано:

26 декабря 1979 г. (на даче — присутствовали т.т.Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громыко А.А., Черненко К.У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС NП176/125 от 12/XII-79 г. доложили т.т.Устинов, Громыко и Андропов.

Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченный товарищами, на ближайшее время.

Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий. По вопросам, которые необходимо принимать решения, своевременно вносить в ЦК КПСС. (Заверено подписью К.Черненко 27.12.79).

Какие детали операции уточняли они накануне переворота в Кабуле — кто знает? Только в 1992 году, когда советский режим рухнул, а языки развязались, в российской печати появились детальные рассказы участников этих событий — оказавшихся не у дел офицеров КГБ, спецназа, бывших "советников".

Теперь мы знаем, что операция носила кодовое название "Шторм-333" и осуществлялась, кроме отряда спецназа, двумя спецгруппами КГБ. По иронии судьбы, просьбы Тараки не прошли бесследно: батальон спецназа, состоящий почти исключительно из среднеазиатов (отчего в обиходе его окрестили "мусульманским"), стали формировать сразу после мартовских событий 1979 года, в начале мая. Отбирали в основном в разведывательных и танковых подразделениях. Главное требование — знание восточных языков и хорошие физические данные. Только руководитель был не азиат — полковник Колесник.

10—12 декабря весь батальон, около 500 человек в афганской форме, был переброшен в Баграм, а 21-го направлен "охранять" резиденцию Амина дворец Тадж-Бек, куда тот перебрался после еще одного неудачного покушения на его жизнь.

"*Надо сказать, что система обороны Тадж-Бека была тщательно организована.* — вспоминали потом участники событий. — *Внутри дворца службу несла личная охрана Х.Амина, состоявшая из его родственников и особо доверенных людей. Они и форму носили специальную, отличную от других афганских военнослужащих: на фуражках белые околыши, белые ремни и кобуры, белые манжеты на рукавах. Жили они в непосредственной близости от дворца в глинобитном строении, рядом с домом, где находился штаб бригады охраны. (...) Вторую линию составляли семь постов, на каждом из которых располагалось по четыре часовых, вооруженных пулеметом, гранатометом и автоматами. Смена их производилась через два часа. Внешнее кольцо охраны образовывали пункты дислокации батальонов бригады охраны (трех мотопехотных и танкового). Они располагались вокруг Тадж-Бека на небольшом удалении. На одной из господствующих высот были вкопаны два танка Т-54, которые могли беспрепятственно прямой наводкой простреливать из пушек и пулеметов местность, прилегающую к дворцу. Всего в бригаде охраны насчитывалось 2,5 тысячи человек. Кроме того, неподалеку располагался зенитный полк*".

"Мусульманский" батальон и присоединившиеся к нему спецчасти КГБ были

размещены в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов. Командиров вызвали в советское посольство, к главному военному советнику генералу Магометову и руководителю аппарата КГБ в Афганистане, некоему генералу Богданову. Только тут они узнали о настоящей цели своей внезапной переброски.

"Богданов поинтересовался планом охраны дворца, а затем как бы между прочим неожиданно предложил подумать над вариантом действий, если вдруг придется не охранять, а захватывать дворец.

Всю ночь разрабатывали план боевых операций. Подсчитывали все очень долго и скрупулезно. Понимали, что это и есть та реальная задача, ради которой они в Кабуле.

Утром 24 декабря полковник Колесник детально изложил план захвата дворца. После долгих обсуждений командованию батальона сказали — ждите. Ждать пришлось довольно долго. Только во второй половине дня сообщили, что решение утверждается. Но подписывать этот план не стали. Сказали — действуйте!

..Вечером Магометов и Колесник приехали на переговорный пункт, (...) зашли в переговорную кабину правительственной связи и стали звонить генералу армии С.Ф.Ахромееву (он в то время находился в Термезе, возглавлял оперативную группу Министерства обороны СССР, которая осуществляла руководство вводом советских войск в Афганистан). (...) Первого заместителя начальника Генерального штаба интересовали мельчайшие детали операции. По ходу разговора давались новые указания. Когда выходили из переговорной кабины, Магометов сказал Колеснику: "Ну, полковник, теперь у тебя или грудь в крестах, или голова в кустах".

..Возвратившись примерно в три часа ночи 25 декабря в расположение батальона, полковник Колесник возглавил подготовку к боевым действиям по захвату дворца. Планом операции предусматривалось в назначенное время тремя ротами занять участки обороны и не допустить выдвижения к дворцу Тадж-Бек афганских батальонов. Против каждого батальона должна была выступить рота спецназа или десантников. Еще одна предназначалась для непосредственного штурма дворца. Вместе с ней должны были действовать две специальные группы КГБ СССР. Частью сил предполагалось захватить и разоружить зенитный полк.

Одной из важнейших задач был захват двух вкопанных танков, которые держали под прицелом все подходы к дворцу. Для этого выделили пятнадцать человек (среди них были и специалисты-танкисты) (...), и двух снайперов из КГБ. От действий этой группы во многом зависел успех всей операции. (...) Руководство батальона хорошо понимало, что задача может быть выполнена только при условии внезапности и военной хитрости".

Между тем, 25 декабря в 15.00 по московскому времени начался ввод советских войск в Афганистан.

Первыми через Амударью переправились разведчики, затем по мосту пошли остальные части 108-й мотострелковой дивизии. Войска выдвигались через Пули-Хумры и Саланг в Кабул. В это же время самолеты военно-транспортной авиации начали переброску по воздуху и высадку основных сил воздушно-десантной дивй-

зии и отдельного парашютно-десантного полка на аэродромы Кабула и Баграма. Для перевозки личного состава и техники было совершено 343 самолетовылета, затрачено 47 часов. В Кабул и Баграм доставлено 7700 человек, 894 единицы боевой техники и 1062 тонны различных грузов. Это было то самое "вторжение", за которым встревоженные американцы следили через свои спутники.

Однако главной части операции из космоса было не разглядеть:

"26 декабря для установления более тесных отношений с командованием афганской бригады и "мусульманского" батальона устроили прием. Приготовили плов, на базаре накупили всевозможной зелени. Правда, со спиртным были трудности. Выручили сотрудники КГБ. Они привезли с собой ящик "Посольской", коньяк, различные деликатесы. В общем, стол получился на славу. Из бригады охраны пришли пятнадцать человек во главе с командиром и замполитом. Во время приема старались разговорить афганцев. Поднимали тосты за советско-афганскую дружбу, за боевое содружество. Сами пили гораздо меньше. Иногда солдаты, которые обслуживали на приеме, вместо водки наливали в рюмки советских офицеров воду. (...) Расставались если не друзьями, то хорошими знакомыми.

С утра 27-го началась непосредственная подготовка к штурму дворца Амина. У сотрудников КГБ был детальный план Тадж-Бека. Поэтому к началу операции "Шторм-333" спецназовцы из "мусульманского" батальона и группы КГБ (...) детально знали объект захвата №1: наиболее удобные пути подхода, режим несения караульной службы, общую численность охраны и телохранителей Амина, расположение пулеметных "гнезд", бронемашин и танков, внутреннюю структуру комнат и лабиринтов дворца, размещение аппаратуры радиотелефонной связи. (...) Личному составу "мусульманского" батальона и спецподразделений КГБ разъясняли: Хафизулла Амин повинен в массовых репрессиях, по его приказу убивают тысячи ни в чем не повинных людей, он предал дело Апрельской революции, вступил в сговор с ЦРУ США и т.д. Правда, эту версию мало кто воспринимал, так как тогда более резонно Амину было пригласить американцев, а не советских".

А что же вероломный Амин? Несмотря на то, что сам в сентябре обманул Брежнева и Андропова (обещал сохранить Тараки жизнь, когда последний был уже задушен, — в итоге советское руководство два-три дня "торговалось" с Амином из-за уже мертвого к тому моменту лидера Апрельской революции), он, как ни странно, им верил. Скорее всего считал, что победителей не судят, с ними дружат. А может быть, не сомневался, что и "русские тоже признают только силу". Так или иначе, но он не только окружил себя советскими военными советниками, но и полностью доверял... лишь врачам из СССР и надеялся в конечном итоге только на советские войска, постоянно обращаясь с просьбами об их вводе в Афганистан. И то сказать, на "своих" афганцев надежды было еще меньше.

"В это время Амин, ничего не подозревая, находился в эйфории от того, что удалось добиться своей цели — советские войска вошли в Афганистан. Днем 27 декабря он устроил обед, принимая в своем роскошном дворце членов Политбюро, министров с семьями.

Амин торжественно говорил присутствующим: "Советские дивизии уже на пути сюда. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону

с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи".

Вечером ожидалось выступление Амина по афганскому телевидению. На съемки во дворец были приглашены высшие военные чины и начальники политорганов.

Неожиданно во время обеда Генсек НДПА и многие его гости почувствовали себя плохо. Некоторые потеряли сознание. Полностью "отключился" и Амин. Его супруга немедленно вызвала командира президентской гвардии (...) который начал звонить в Центральный военный госпиталь (...) и в поликлинику советского посольства, чтобы вызвать помощь. Продукты и гранатовый сок были немедленно направлены на экспертизу. Повара-узбеки — задержаны. Во дворец (...) прибыла группа советских врачей, работавших советниками в Кабуле. Когда врачи (...) входили во дворец, их неожиданно обыскали. Потребовали, чтобы офицеры сдали оружие. Причем в резкой форме. Что-то случилось? Поняли, что именно, когда увидели в вестибюле, на ступеньках лестницы, в комнатах лежащих и сидящих в неестественных позах людей. Те, кто пришел в себя, корчились от боли. Врачи поняли сразу: массовое отравление. Решили оказывать помощь, но тут к ним подбежал афганский медик. (...) Именно он увлек их за собой — к Амину. По его словам, Генсек был в тяжелейшем состоянии. Поднялись по лестнице. Амин лежал в одной из комнат, раздетый до трусов, с отвисшей челюстью и закатившимися глазами. Умер? Прощупали пульс — еле уловимое биение. Умирает?

(Врачи), *не задумываясь, что нарушают чьи-то планы, приступили к спасению главы "дружественной СССР страны". Уколы, промывание желудка, снова уколы, капельницы... Пройдет еще значительное время, прежде чем дрогнут веки Амина и он придет в себя, затем удивленно спросит: "Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал? Случайность или диверсия?""*

Происшествие встревожило охрану: выставили дополнительные внешние посты, подняли по тревоге танковую бригаду.

"Около шести часов вечера полковника Колесника вызвал на связь генерал Магомедов и сказал, что время штурма перенесено и начинать надо как можно скорее. Ведь после отравления Амина охрану стали усиливать, нельзя было терять время.

Буквально через пятнадцать минут группа захвата (...) выехала на машине в направлении высоты, где были закопаны танки. (...) Колесник немедленно дал команды — "Огонь!" и "Вперед!" Одновременно кабульское небо рассекли две красные ракеты — сигнал для солдат и офицеров "мусульманского" батальона и спецгрупп КГБ. На дворец обрушился шквал огня. Это произошло примерно в четверть восьмого вечера.

Первыми по дворцу прямой наводкой (...) открыли огонь зенитные самоходные установки "Шилка". Автоматические гранатометы АГС-17 стали обстреливать танковый батальон, не давая экипажам подойти к танкам. По дороге к дворцу двинулась рота боевых машин пехоты (БМП)...

На десяти БМП в качестве десанта находились две спецгруппы КГБ. Они сбили внешние посты охраны и устремились к Тадж-Беку. Единственная дорога крутым серпантином взбиралась в гору, она усиленно охранялась, а другие подступы были заминированы. Едва первая боевая машина миновала поворот, из здания ударили крупнокалиберные пулеметы. БМП была подбита. Члены экипажа и десант покинули ее и при помощи штурмовых лестниц стали взбираться вверх к дворцу. Шедшая второй БМП столкнула подбитую машину с дороги и освободила путь остальным. Они быстро выскочили на площадку перед Тадж-Беком.

Спецгруппы КГБ ворвались в здание, за ними последовали солдаты из спецназа. Бой перед дворцом и особенно в самом здании сразу же принял ожесточенный характер: был приказ никого из дворца живым не выпускать.

Офицеры и солдаты личной охраны Амина, его телохранители (около 100—150 человек) сопротивлялись отчаянно и в плен не сдавались. Во дворце на втором этаже начался пожар".

Один офицер КГБ впоследствии так вспоминал эти минуты:

"*...Сначала на штурм пошли только сотрудники КГБ. Орали мы со страху ужасно, все больше матом, что, в сущности, помогло нам не только психологически, но и практически. Солдаты из охраны Амина, принявшие нас сперва за собственную мятежную часть, по услышав русскую речь, сдались нам как высшей и справедливой силе. Как потом выяснилось, многие из них прошли обучение в десантной школе в Рязани, где, видимо, и запомнили русский мат на всю жизнь.*

Действия свои внутри дворца я помню смутно, как в кошмарном сне, двигался я чисто механически. Если из комнаты не выходили с поднятыми руками, мы выбивали дверь, бросали гранату и били, не глядя, очередями. Потом бежали дальше. Какой-то человек метнулся к лифту. Пока закрывались створки, я бросил в кабину гранату".

Советские врачи попрятались кто куда. Те, что пытались откачать Амина, спрятались за стойку бара. Они, вероятно, были последними, кто видел его в живых:

"*Взрывы все сильнее сотрясали Тадж-Бек. ...по коридору, весь в отблесках огня, шел (...) Амин. Был он в белых трусах, флаконы с физраствором, словно гранаты, держал в высоко поднятых, обвитых трубками руках. Можно было только представить, каких это усилий ему стоило и как кололи вдетые в вену иглы.*

— Амин?! — увидев, не поверили врачи своим глазам. (Один из них), выбежав из укрытия, первым делом выпацил иглы, довел его до бара. Амин прислонился к стене, но тут же напрягся, прислушиваясь. Врачи тоже услышали детский плач — откуда-то из боковой комнаты шел, размазывая кулачками слезы, пятилетний сынишка Амина. Увидев отца, бросился к нему, обхватил за ноги. Амин прижал его голову к себе, и они вдвоем присели у стены. Это была настолько тягостная, разрывающая душу картина, что (один из врачей), *отвернувшись от отца с сыном, сделал шаг из бара: "Я не могу это видеть, пойдем отсюда"".*

Характерно, что до самого последнего момента Амин не верил в измену своих русских братьев. Рассказывают, что он даже приказал своему адъютанту позвонить и предупредить советских военных советников о нападении на дворец. При этом он якобы сказал: "Советские помогут". Но адъютант доложил, что стреляют именно советские. "Врешь, не может быть!" — заорал Амин и запустил в адъютанта пепельницей. Попытался связаться сам, но связи уже не было. Тогда, как говорят, он тихо сказал: "Я об этом догадывался, все верно".

Труп Амина завернули в ковер и под утро похоронили отдельно, неподалеку от братской могилы, куда свалили всех погибших за ночь афганцев, в том числе и двух его сыновей. Никакого надгробия ему поставлено не было.

А после штурма радиостанция Кабула передала записанное на пленку обращение Бабрака Кармаля к народам Афганистана:

"Сегодня сломана машина пыток Амина и его приспешников — диких палачей, узурпаторов и убийц десятков тысяч наших соотечественников — отцов, матерей, сестер, братьев, сыновей и дочерей, детей и стариков..."

Но это были только слова. Новый режим мало чем отличался от предыдущего. Сам же Кармаль в то время еще находился в Баграме под охраной парашютно-десантного полка. В 0 часов 30 минут 28 декабря ему позвонил Ю.В.Андропов. От себя и "лично" от Л.И.Брежнева он поздравил нового председателя Революционного совета ДРА по случаю победы второго этапа революции.

Вот сколько событий спряталось за невзрачным рукописным листочком с подписями членов политбюро.

7. Временные меры

Но это стало известно только теперь. Комиссия политбюро (все те же Андропов, Громыко, Устинов, Пономарев), коей поручено было "информировать", разумеется, не сообщает в своем отчете того, что произошло, а излагает официальную версию событий.

После государственного переворота и убийства Генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета Афганистана Н.М.Тараки, совершенных Амином в сентябре этого года, ситуация в Афганистане резко обострилась, приобрела кризисный характер, — пишут они 31 декабря. — Х.Амин установил в стране режим личной диктатуры, низведя положение ЦК НДПА и Революционного совета фактически до положения чисто номинальных органов. На руководящие посты в партии и государстве были назначены люди, связанные с Х.Амином родственными отношениями, либо узами личной преданности. Из рядов партии были изгнаны и арестованы многие члены ЦК НДПА, Ревсовета и афганского правительства. Репрессиям и физическому уничтожению в основном подверглись активные участники Апрельской революции, лица, не скрывавшие своих симпатий к СССР, те, кто защищал ленинские нормы внутрипартийной жизни. Х.Амин обманул партию и народ своими заявлениями о том, что Советский Союз якобы одобрил меры по устранению из партии и правительства Тараки.

По прямому указанию Х.Амина в ДРА стали распространяться заведомо сфабрикованные слухи, порочащие Советский Союз и бросающие тень на

деятельность советских работников в Афганистане, для которых были установлены ограничения в поддержании контактов с афганскими представителями.

В то же время имели место попытки наладить контакты с американцами в рамках одобренного Х.Амином "более сбалансированного внешнеполитического курса". Х.Амин ввел в практику проведение конфиденциальных встреч с поверенным в делах США в Кабуле. Правительство ДРА стало создавать благоприятные условия для работы американского культурного центра, по распоряжению Х.Амина спецслужбы ДРА прекратили работу против посольства США.

Х.Амин стремился упрочить свои позиции путем достижения компромисса с главарями внутренней контрреволюции. Через доверенных лиц он вступил в контакт с лидерами правомусульманской оппозиции.

Масштабы политических репрессий приобретали все более массовый характер. Только за период после сентябрьских событий в Афганистане было уничтожено без суда и следствия более 600 членов НДПА, военнослужащих и других лиц, заподозренных в антиаминовских настроениях. Фактически дело шло к ликвидации партии.

Все это в сочетании с объективными трудностями, специфическими афганскими условиями поставило развитие революционного процесса в чрезвычайно тяжкие условия, привело к активизации контрреволюционных сил, которые фактически установили свой контроль во многих провинциях страны. Пользуясь поддержкой извне, которая при Амине стала принимать еще более широкие масштабы, они добивались коренного изменения военно-политической обстановки в стране и ликвидацией завоеваний революции.

Диктаторские методы управления страной, репрессии, массовые расстрелы, несоблюдение норм законности вызвали широкое недовольство в стране. В столице стали появляться многочисленные листовки, в которых разоблачался антинародный характер нынешнего режима, содержались призывы к единству для борьбы с "кликой Амина". Недовольство распространилось и на армию. Значительная часть офицеров высказывала возмущение засильем некомпетентных ставленников Х.Амина. По существу в стране сложился широкий антиаминовский фронт.

Проявляя тревогу за судьбы революции и за независимость страны, чутко реагируя на усиление антиаминовских настроений в Афганистане, находившиеся в эмиграции за рубежом Кармаль Бабрак и Асадулла Сарвари взяли курс на объединение всех антиаминовских групп, находящихся в стране и за рубежом, для спасения родины и революции. При этом учитывалось, что находившаяся в подполье группа "Парчам" под руководством нелегального ЦК провела значительную работу по сплочению всех здоровых сил, включая сторонников Тараки из бывшей группы "Хальк".

Были устранены существенные разногласия и ликвидирован имевший место в прошлом раскол в НДПА. Хальковцы (в лице Сарвари) и парчамисты (в лице Бабрака) объявили об окончательном объединении партии. Бабрак был избран руководителем нового партийного центра, а Сарвари — его заместителем.

В чрезвычайно сложных условиях, которые поставили под угрозу завоевания Апрельской революции и интересы обеспечения безопасности нашей страны, встала необходимость оказания дополнительной военной помощи Афганистану, тем более, что с такой просьбой обратилось и прошлое правительство ДРА. В соответствии с положениями советско-афганского договора 1978 года было принято решение направить в Афганистан необходимый контингент Советской Армии.

На волне патриотических настроений, охвативших довольно широкие массы афганского населения в связи с вводом советских войск, осуществленным в строгом соответствии с положениями советско-афганского договора 1978 года, оппозиционные Х.Амину силы в ночь с 27 на 28 декабря с.г. организовали вооруженное выступление, которое завершилось свержением режима Х.Амина. Это выступление получило широкую поддержку со стороны трудящихся масс, интеллигенции, значительной части афганской армии, госаппарата, которые приветствовали создание нового руководства ДРА и НДПА.

На широкой и представительной основе сформированы новое правительство и Революционный совет, в состав которых вошли представители бывших группировок "Парчам" и "Хальк", представители военных и беспартийные.

В своих программных заявлениях новые власти провозгласили борьбу за полную победу национально-демократической, антифеодальной, антиимпериалистической революции, защиту национальной независимости и суверенитета Афганистана. В области внешней политики провозглашен курс на всемерное укрепление дружбы и сотрудничества с СССР. С учетом ошибок прошлого режима новое руководство в своей практической деятельности намерено уделить серьезное внимание широкой демократизации общественной жизни и обеспечению законности, расширению социальной базы и укреплению власти на местах, проведению гибкой линии в отношении религии, племен и национальных меньшинств.

Одним из первых шагов, привлекших внимание афганской общественности, явилось освобождение большой группы политзаключенных, среди которых находятся видные политические и военные деятели страны. Многие из них (...) активно и с энтузиазмом включились в деятельность нового Революционного совета и правительства.

Широкие народные массы с нескрываемой радостью встретили сообщение о свержении режима Х.Амина и выражают свою готовность поддержать объявленную программу нового правительства. Командование всех основных соединений и частей афганской армии уже заявило о поддержке нового руководства партии и правительства ДРА. Отношение к советским военнослужащим и специалистам продолжает оставаться в целом благожелательным. Обстановка в стране нормализуется.

Точно в таком же духе (иногда в тех же выражениях) составлены все официальные советские заявления и послания (сообщение ТАСС, указание всем совпослам и отдельно — советскому представителю в ООН, закрытое письмо ЦК партийным организациям КПСС, сообщение руководителям соцстран, письмо ЦК КПСС коммунистическим и рабочим партиям несоциалистических стран), подготовленные и одобренные политбюро еще 27 декабря, надо полагать, еще при жизни

Амина (или, быть может, как раз в то время, когда Амин и его гости угощались гранатовым соком). Всем без исключения разъяснялось, что: 1. мера эта "временная" и 2. введенный советский "контингент — ограниченный". Разница была лишь в том, что "не своим" вообще ничего об Амине не сообщалось, как если б его никогда и не существовало. "Своим" же сообщалась версия о "здоровых силах" среди афганских коммунистов, свергнувших узурпатора во имя спасения Апрельской революции. Совсем "своим", то бишь членам ЦК, ЦК союзных республик, крайкомам и обкомам, еще разъяснялось дополнительно:

Осуществляя указанные меры, Политбюро ЦК учитывало стратегическое положение Афганистана. Он находится в непосредственной близости от наших границ, соседствует с советскими республиками Средней Азии, имеет границу большой протяженности, недалеко находится и Китай. Поэтому необходимо проявить заботу о безопасности нашей социалистической Родины и учитывать наш интернациональный долг.

Принимая данное решение, Политбюро учитывало вероятную негативную реакцию империалистических государств и их средств массовой информации, а также возможное непонимание на первых порах со стороны наших друзей — некоторых компартий капиталистических стран и их союзников.

А вся гигантская машина советской пропаганды получила указание:

Давать твердый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям насчет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела. (...) При освещении изменений в руководстве Афганистана подчеркивать, что это является внутренним делом афганского народа, исходить из заявлений, опубликованных Революционным советом Афганистана, из выступлений председателя Революционного совета Афганистана Кармаля Бабрака.

Особенно наглый, даже оскорбительный ответ получил на свое обращение к Брежневу по линии прямой связи президент США Картер: видимо, кремлевские психологи рассчитывали ошеломить, а может, даже напугать противника нарочитой грубостью.

Совершенно неприемлемым и не отвечающим действительности является и содержащееся в Вашем послании утверждение, будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана. Должен со всей определенностью подчеркнуть, что изменения в афганском руководстве произведены самими афганцами, и только ими. Спросите об этом у афганского правительства. (...) Должен далее ясно заявить Вам, что советские воинские контингенты не предпринимали никаких военных действий против афганской стороны, и мы, разумеется, не намерены предпринимать их. (...)

В свете всего этого бросается в глаза неумеренность тона некоторых формулировок Вашего послания. К чему это? Не лучше ли было бы поспокойнее оценивать обстановку, имея в виду высшие интересы мира и не в последнюю очередь взаимоотношения наших двух держав.

Что касается Вашего "совета", мы уже сообщали Вам, и тут я повторяю снова, что, как только отпадут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу, мы намерены полностью вывести советские воинские контингенты с территории Афганистана.

А вот наш Вам совет: американская сторона могла бы внести свой вклад в прекращение вооруженного вторжения извне на территорию Афганистана.

Не случайно Картер говорил потом, что в эти декабрьские дни узнал о Советском Союзе гораздо больше, чем за всю свою жизнь. Последовало эмбарго на продажу зерна СССР, сокращение культурного обмена, а позднее — бойкот Олимпийских игр в Москве, рост военных бюджетов стран НАТО. Реакция Запада была довольно сильной, не в последнюю очередь из-за ареста и высылки Сахарова, поразившей многих никак не меньше самого вторжения. "Детант" 70-х годов с его гнилой атмосферой мечтаний о "социализме с человеческим лицом" и "конвергенции" отходил в прошлое. Новое десятилетие начиналось в гораздо более здоровом климате противостояния и "консервативной революции". Мир стремительно правел, в Европе одно за другим исчезали социалистические правительства, а силы мира, прогресса и социализма неожиданно для себя оказались в обороне.

И только в Москве еще долго не понимали масштабов этой катастрофы, делали вид будто ничего особенного не произошло. Ну, пошумят, повозмущаются, как бывало уже не раз, да успокоятся — и все начнется сначала, вернется к "детанту". В июне созвали пленум ЦК. Опять в Кремлевском дворце звучали бодрые речи о несокрушимой мощи Советского Союза и отзывались в древних сводах бурными, продолжительными аплодисментами. Витийствовал Громыко:

"*...просто невозможно увидеть в правильной перспективе те или иные тенденции, если не учитывать в полной мере решающий фактор мирового развития — неуклонное укрепление позиций социализма, в том числе на международной арене.*

Уже сама география его говорит о многом.

В западном полушарии — это славная Куба.

В юго-восточной Азии строит новую жизнь социалистический Вьетнам.

Пополнили семью братских государств Лаос и Народная Республика Кампучия.

С социалистическим путем развития связывают свое будущее страны разных континентов. Это — Ангола, Эфиопия, Южный Йемен, а теперь и Афганистан. Об этом же говорит пример Никарагуа и некоторых стран, вступивших на путь социалистической ориентации.

Число государств, сделавших выбор в пользу социалистического развития, расширилось в годы разрядки, именно — разрядки.

События последнего времени продемонстрировали, что государства, входящие в блок НАТО, во многом проявляют солидарность. Но касается это прежде всего тех областей отношений между государствами, в которых сама логика событий выдвигает на первый план классовые интересы.

Имеется вместе с тем и другая сторона этого процесса. Не все, что хотели бы сделать империалистические круги США в ущерб Советскому Союзу, они могут сделать. Политика свертывания экономических, научно-технических и иных связей с социалистическими государствами, особенно с Советским Союзом, натолкнулась на сопротивление со стороны других капиталистических стран, например Франции, Западной Германии, Италии. Да и в Англии, несмотря на беду, свалившуюся на ее голову в виде

...

Тэтчер, не во всех отношениях равняются на Вашингтон. (Смех в зале).

Бросается в глаза, что при нынешнем обострении международной обстановки натовская команда действует менее сыгранно, чем прежде в аналогичных ситуациях. (...) Сейчас картина сложнее. Западные государства, почувствовав преимущества политики разрядки, вовсе не спешат выстраиваться в одну шеренгу с Вашингтоном, а если и подстраиваются, то делают оговорки. (...) Все это говорит о том, что разрядка глубоко проникла в сознание людей, в ткань международных отношений и действует как фактор, ведущий к обострению межимпериалистических отношений".

А США — что с них, империалистов, взять?

"Нормальному ходу советско-американских отношений не помогают и президентские выборы в США. Раз в четыре года они, как правило, приводят к антисоветскому набату. Кандидаты, не имея возможности предложить действенные программы исправления серьезных пороков внутренней и внешней политики и прямых ее провалов, соревнуются в нападках и клевете на Советский Союз.

Кстати, выбор кандидатов в президенты небогатый. Выдвинувшиеся вперед Картер и Рейган один другого стоят. Не случайно среди американцев в ходу мрачная шутка: "Одно хорошо — Картер и Рейган не могут одновременно оказаться в Белом доме". (Смех в зале)".

Брежнев резюмировал:

"...Мы и в дальнейшем не пожалеем сил, чтобы сохранить разрядку, все то доброе, что дали нам 70-е годы, добиться поворота к разоружению, поддержать право народов на свободное и независимое развитие, сберечь и упрочить мир. (Продолжительные аплодисменты)".

В конце приняли резолюцию:

"Пленум ЦК полностью одобряет принятые меры по оказанию всесторонней помощи Афганистану в деле отражения вооруженных нападений и вмешательства извне, цель которых — задушить афганскую революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных границах СССР.

Пленум поручает Политбюро ЦК и в нынешней ситуации, когда авантюристические действия США и их пособников вызвали усиление военной опасности, неуклонно продолжать курс XXIV—XXV съездов КПСС на всемерное укрепление братского союза социалистических государств, поддержку справедливой борьбы народов за свободу и независимость, за мирное сосуществование, обуздание гонки вооружений, сохранение и развитие международной разрядки, взаимовыгодное сотрудничество в экономической, научной и культурной областях.

В то же время Пленум считает, что происки империализма и других врагов мира требуют постоянной бдительности и всемерного укрепления обороноспособности нашего государства, с тем чтобы сорвать планы империализма на достижение военного превосходства и осуществление мирового диктата".

Так под бурные, продолжительные аплодисменты в Кремле завершился оче-

редной цикл колебаний от "холодной войны" к "детанту" и обратно: принята была программа последнего этапа "холодной войны", с ее гонкой вооружения и "борьбой за мир".

8. Страницы позора

Однако их немедленной и наиболее срочной заботой было не допустить бойкота Олимпийских игр в Москве, которые открывались уже в июле. Проблема, в сущности, была не новой: принятое в 1974 году в разгар "детанта", решение Международного олимпийского комитета о проведении летних игр 1980 года в Москве уже много лет вызывало на Западе бурные дебаты. Непрекращающаяся советская экспансия в Третьем мире и в особенности усиление политических репрессий в СССР тревожили совесть тех, у кого она еще оставалась. Неизбежно возникала более чем оправданная аналогия с Олимпийскими играми 1936-го в Берлине, придавшими режиму Гитлера столь нужный ему лоск респектабельности и мирового признания. Быть может, поэтому вопрос приобретал несколько символическое значение: повторит ли человечество свою ошибку 44 года спустя, пойдет ли опять путем *умиротворения* тоталитарного режима и предательства его жертв или найдет-таки в себе мужество избрать путь сопротивления?

Обстановка накалилась еще больше в 1978 году, после суда над Юрием Орловым и Хельсинскими группами, когда общественное негодование искало выхода в каком-нибудь символическом жесте. Тогда-то и прозвучал впервые призыв к бойкоту Олимпийских игр, широко подхваченный прессой и общественными организациями. Буквально во всех западных странах стали возникать комитеты и группы в поддержку этой кампании, хотя и не все они требовали непременно бойкота: некоторые выставляли определенные предварительные условия в сфере обеспечения прав человека.

К 1979 году это был уже мощный хор голосов, игнорировать который стало невозможно.

Для дискредитации XXII Олимпийских игр в Москве спецслужбы противника и зарубежные антисоветские центры по-прежнему пытаются использовать различного рода инсинуации "о нарушении прав человека в СССР", – докладывал в ЦК Андропов. **– В отдельных случаях им удается инспирировать провокационные действия со стороны антиобщественных элементов внутри страны, толкнуть некоторых из них на безответственные заявления клеветнического характера, способствующие раздуванию антисоветской истерии на Западе. Так, известный антисоветчик Сахаров рекомендует каждой зарубежной спортивной делегации выставить в качестве условия своего участия в Олимпиаде-80 требование об освобождении одного или двух т.н. "узников совести в СССР". Группа антиобщественных элементов передала на Запад заявление о создании т.н. "Ассоциации олимпийских гарантий в СССР", изобилующее клеветническими измышлениями и провокационными призывами.**

Весь 1979 год прошел у нас, помнится, в организации этой кампании, в бесконечных публичных дебатах и выступлениях, что не осталось незамеченным в Москве. Читать теперь об этом в докладах Андропова довольно забавно: как водится, он видел руку спецслужб "противника" за нашей бурной деятельностью

и никогда бы не поверил, что никого, кроме нас — горстки высланных диссидентов, — к сожалению, не было. Да и среди нас, увы, не было единства: часть считала, что Олимпийские игры надо "использовать", а часть выступала за бойкот. Я был в числе последних, справедливо полагая, что тоталитарное государство располагает достаточными средствами контроля и над населением, и над въездом в страну, и, тем более, над средствами массовой информации, чтобы никакого использования не допустить.

Так оно и было: именно к варианту возможного "использования" КГБ готовился с самого начала. Еще летом 79-го, за год до начала игр, ЦК принял постановление "О введении временных ограничений на въезд в г. Москву в период Олимпиады-80 и направлении граждан г. Москвы и Московской области в строительные отряды, спортивные, пионерские лагеря и другие места отдыха летом 1980 года".

Москва практически делалась закрытым городом: приказано было не проводить никаких конференций, соревнований, экскурсий, не посылать никого в командировки в столицу на время Олимпийских игр. Перекрывались все дороги, создавались специальные объезды для транзитного транспорта и окружные маршруты для транзитных пассажиров. Детей заблаговременно отправляли в летние лагеря, переносились даже сроки вступительных экзаменов в вузах столицы. Стадионы должны были заполняться только проверенной публикой, чаще всего солдатами московского гарнизона в гражданской одежде. Обыкновенный человек и близко не мог подойти к олимпийским "объектам": помимо сил московской милиции и госбезопасности, в Москву командировались еще 37 тысяч человек из других частей страны. Кроме того, более 4 тысяч солдат из войск МВД выделялись для охраны в аэропортах и железнодорожных вокзалах:

В охране Олимпийской деревни будет занято 4100 человек. В том числе: 900 человек — для охраны по периметру; 1086 — для гостиничного и хозяйственного обслуживания; 691 — для обеспечения специального контроля на контрольно-пропускных пунктах; (...) для обеспечения безопасности и охраны общественного порядка на 22 спортивных комплексах — 21758 человек; в 60 местах тренировок спортсменов — 1474 человека; в 9 гостиницах, где будут проживать аккредитованные на Олимпийских играх иностранцы, — 6813 человек; в 120 местах проживания туристов — 3482 человека; в Главном пресс-центре, Олимпийском телерадиокомплексе, здании АСУ и Антидопинговом центре — 972 человека. В местах проведения сессий и конгрессов Международного олимпийского комитета и Международных спортивных федераций — 206 человек; в 5 международных почтамтах — 164 человека; в медицинских учреждениях по обслуживанию участников и гостей игр — 129 человек; в 40 местах ночных стоянок автотранспорта — 536 человек; в 14 автопредприятиях — 253 человека и в местах проведения культурной программы — 627 человек. Для усиления охраны общественного порядка по маршрутам передвижения членов Олимпийской семьи протяженностью 170 км выделяется 3438 человек. При проведении соревнований по марафонскому бегу, спортивной ходьбе, велосипедным гонкам и конному спорту будет привлекаться от 2 до 5 тысяч человек.

Для оперативных заслонов на железнодорожном транспорте и автомобиль-

ных дорогах в целях предупреждения проезда в Москву антиобщественных элементов и ограничения въезда иногородного автотранспорта – 4036 человек.

Даже чистить олимпийские конюшни должны были силами госбезопасности. И, конечно, заблаговременно проводилась другая "чистка", куда более зловещая:

Закрыт въезд в Советский Союз 6 тысячам иностранцев, представляющим опасность с точки зрения возможного осуществления враждебных акций во время Олимпиады. Работа по выявлению иностранцев указанной категории и закрытию им въезда в СССР продолжается, – докладывал Андропов. – **Наряду с этим проводятся оперативно-чекистские и профилактические мероприятия, направленные на укрепление общественного порядка в г. Москве и Московской области и усиление борьбы с антиобщественными элементами.**

Только в г. Москве проживает более 4 тысяч психически больных с агрессивными намерениями, а всего в г. Москве состоит на учете 280 тысяч психически больных.

В целях предупреждения возможных дерзких антиобщественных проявлений со стороны душевнобольных лиц, вынашивающих агрессивные намерения, совместно с органами МВД и здравоохранения принимаются меры к превентивной изоляции таких лиц на период проведения Олимпиады-80.

В сущности, никакого секрета в этом не было и тогда: аресты начались с октября – ноября 1979 года и продолжались до самого лета, о чем на Западе сообщалось довольно широко. Я сам написал об этом добрую дюжину статей, опубликованных тогда практически во всех западных странах. Более того, разослал свое письмо всем спортивным ассоциациям в Англии и многим наиболее известным спортсменам, адреса которых удалось найти. Говорил об этом и по телевизору, и в многочисленных дискуссиях, многие из которых транслировались по радио.

Утверждаю: никто из них не мог не знать о происходящем. Но – или отмалчивались, или отвечали в том духе, что, дескать, от них ничего не зависит, а все решает МОК. Некоторые занимали даже агрессивную позицию, "защищая" спорт от "политики". Считанные единицы среди спортсменов откликнулись на наши просьбы и отказались от участия в этом советском шабаше. Остальные – подавляющее большинство – сделали вид, что ничего не знают. Лишь один сказал мне откровенно, что профессиональная жизнь спортсмена слишком коротка, а Олимпийские игры слишком важны для карьеры, чтобы позволять себе политические жесты. Десятки наших друзей пошли в тюрьмы, лагеря и психушки ради удовольствия этих людей попрыгать и побегать в Москве.

Одним словом, кампания против Олимпийских игр началась задолго до советского вторжения в Афганистан, которое лишь подхлестнуло ажиотаж, а последовавшее решение Картера о бойкоте неожиданным образом предоставило спортивному миру удобную "моральную" позицию "героев", неконформистов, мужественно сопротивляющихся "диктату" политиков. И, конечно, левая пресса не преминула использовать этот момент.

В Англии их главными героями стали два знаменитых бегуна: Стив Овет и Себастьян Ко, борьба за первенство между которыми привлекала в то время внимание всего мира. Бесконечно показывали нам по телевизору их самовлюб-

ленные морды "героев", мужественно готовящихся к состязаниям вопреки давлению реакционных сил. Для Англии, во всяком случае, Олимпийские игры в Москве автоматически становились событием, если эти двое принимали участие.

Разумеется, я обращался и к ним, но ответа не удостоился. Публично же они гордо заявляли о своей аполитичности, как будто это была особая доблесть. Думаю, эти двое не постыдились бы бегать и по Освенциму ради своих медалей. Но вот много лет спустя я с удивлением прочел сообщение о том, что Себастьян Ко выдвинул свою кандидатуру в парламент, да еще и от консервативной партии! Впрочем, что ж удивляться: консерваторы были у власти, и успех на выборах был ему гарантирован. Были бы у власти коммунисты, он, надо полагать, избирался бы от них. Так и сидит теперь в британском парламенте аполитичный консерватор Себастьян Ко, герой Олимпийских игр в Москве.

А с "использованием" получилось как всегда: те, кто больше всего за это ратовал, ничего и не сделали. Единственными, кто проявил неожиданную инициативу, были итальянцы: представитель их радикальной партии демонстрировал на Красной площади за права гомосексуалистов.

А еще одна молодежная группа из Италии решила похулиганить: изготовили подделыный номер газеты "Правда" и распространили в Москве в разгар Олимпийских игр. Газета получилась прекрасно, с первого взгляда не отличишь от центрального органа ЦК КПСС. Только на первой странице, сразу под титулом, помещен был весьма правдоподобно сделанный монтаж головы Суслова и тела уголовника, с татуировкой изображения Сталина на груди.

Итальянская "Правда" вполне пророчески сообщала о военном перевороте, совпавшем с Олимпийскими играми, в результате которого власть КПСС свергнута, РСФСР отделилась от СССР, а "все остальные советские республики немедленно объявили себя автономными и каждая из них начала, наконец, поиск своего пути развития".

* * *

Между тем, бойкот Московской Олимпиады, официально объявленный Картером и поддержанный рядом стран, имел и свои плюсы: проблема становилась межгосударственной, заставляя СССР обороняться всерьез. Многие ассоциации, оказавшись без поддержки своих правительств, вынужденно присоединились к бойкоту в последний момент.

Президент США Картер, используя как предлог оказание Советским Союзом помощи Афганистану, выступил с требованием бойкота летних Олимпийских игр в Москве, — писал ЦК в январе 1980 года. — **По этому вопросу конгресс США принял соответствующую резолюцию. Враждебная акция администрации США нашла на государственном уровне поддержку 9 правительств (Великобритания, Канада, Чили, Саудовская Аравия, Египет, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Голландия). Прямое давление Картера на НОК США вынудило Национальный комитет этой страны принять решение просить МОК о переносе летней Олимпиады 1980 года в другое место, отложить или отменить ее вообще.**

Администрация Картера стремится также побудить другие страны поддержать идею бойкота. С соответствующими личными посланиями президент

США обратился к главам правительств более ста стран.

Единственной организацией в олимпийском движении, которая может принять решение об отмене Игр или их переносе, является Международный олимпийский комитет (МОК). До настоящего времени ни один из его 89 членов не высказался в поддержку предложения Картера. Большинство из них, в том числе президент МОК Килланин, не видят никаких оснований для отмены или переноса Игр из Москвы.

С решительным осуждением нынешней враждебной кампании администрации США выступили Международный олимпийский комитет, руководители 21 международной спортивной федерации, национальные олимпийские комитеты подавляющего большинства стран, в том числе и тех, правительства которых публично заявили о поддержке идеи Картера. Правительство и НОК Франции первыми решительно высказались за участие в Московской Олимпиаде. Правительства ФРГ, Японии и некоторых других стран занимают выжидательную позицию. Вопрос бойкота предлагается обсудить в рамках НАТО и ЕЭС.

А после того, как сессия МОК в феврале еще раз подтвердила неизменность своего решения о сроках и месте проведения игр, политбюро приняло постановление "О мероприятиях в поддержку Олимпиады-80". Вся гигантская машина советской пропаганды и манипулирования, давления и принуждения была пущена в ход.

С целью нейтрализации враждебных олимпийскому движению действий администрации США провести работу в поддержку XXII Олимпийских игр с правительственными и деловыми кругами, общественностью зарубежных стран, международными организациями, уделив особое внимание: в Европе — ФРГ, а также Франции, Великобритании, Италии, Испании; в Африке — ОАЕ, Высшему совету спорта в Африке, а также Танзании, Нигерии, Кении, Замбии, Заиру, Тунису, Алжиру, Марокко; в Азии — Японии, Индии, Филиппинам, Индонезии; в Латинской Америке — Бразилии, Аргентине, Мексике, Колумбии, Венесуэле. (...) Усилить воздействие на НОК США, активизировать разъяснительную работу по Олимпиаде-80 на США и Канаду.

Провести в апреле с.г. совещание представителей ЦК коммунистических и рабочих партий социалистических стран по координации действий, направленных на поддержку Олимпиады-80 и усиление информационно-пропагандистской работы. (...)

Направлять в зарубежные средства массовой информации материалы, разъясняющие позицию прогрессивных сил по вопросам олимпийского движения и разоблачающие организаторов антиолимпийской кампании. (...) Приглашать в СССР известных представителей зарубежных средств массовой информации, мировых и национальных агентств для ознакомления с ходом подготовки к Играм XXII Олимпиады, ее освещения, разъяснения ситуации, сложившейся в международном олимпийском движении. Организовывать льготные поездки журналистских групп из различных регионов мира.

Провести в ряде стран пресс-конференции, телеинтервью, другие мероприятия, направленные на разъяснение через зарубежные средства массовой информации современной ситуации, сложившейся вокруг Олимпиады-80, и на

популяризацию проделанной работы в связи с Играми. Направить в этих целях советских представителей в соответствующие страны, организовать показ фильмов, выставки о подготовке к Играм XXII Олимпиады.

Организовать в марте-мае с.г. приглашения в Советский Союз влиятельных членов МОК, руководителей международных региональных и национальных спортивных организаций (до 40 чел.). (...) Направить в марте—июне с.г. советских представителей для участия в первенствах мира и Европы и других мероприятиях, проводимых международными спортивными федерациями, и проведения разъяснительной работы по актуальным проблемам олимпийского движения...

Использовать мероприятия, предусмотренные планами международных связей с породненными городами, столицами зарубежных стран, для пропаганды готовности Москвы к проведению Олимпиады, разъяснения наших позиций по вопросам олимпийского движения.

ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, ССОД, Комитету советских женщин, Советскому комитету защиты мира, творческим союзам проводить через соответствующие международные и национальные организации работу, направленную на формирование общественного мнения в поддержку проведения Олимпиады-80 в Москве, аргументированное разоблачение позиций американской администрации и ее союзников.

Провести необходимую работу, направленную на организацию поддержки Олимпиады-80 зарубежными религиозными кругами как мероприятия, способствующего сближению народов, упрочению мира.

Детальные указания получили все совпослы в мире, с точными формулировками того, что и кому говорить.

Решение сессии МОК следует расценивать как серьезный успех прогрессивных тенденций в олимпийском и международном спортивном движении, как политическое и моральное поражение американской администрации. (...) Однако позитивные результаты 82-й сессии МОК не дают никаких оснований для успокоения. По всему видно, что администрация США и лично Картер, потерпев поражение, будут продолжать использовать все средства для подрыва Олимпиады-80, — писало политбюро. — В первую очередь следует ожидать нового нажима США на правительства западных стран с целью побудить их оказать воздействие на национальные олимпийские комитеты и не допустить участия в Московской Олимпиаде. Эта работа, как показывают факты, уже активно начата американской стороной (использование турне С.Вэнса по европейским странам, выступление в парламенте М.Тэтчер и др.). Продолжается обработка американцами правительств стран Азии, Африки, Латинской Америки, в первую очередь исламских стран. (...)

В этой обстановке необходимо разоблачать деятельность администрации США и некоторых ее союзников и пособников как:

беспрецедентный политический нажим на международное олимпийское движение, вступающий в прямое противоречие с его правилами и принципами;

попытку не только сорвать Олимпиаду-80, но и подорвать в целом олимпийское движение как позитивное явление современной общественной жизни, способствующее сотрудничеству между странами и народами, созданию атмо-

сферы дружбы и мира;

политическую спекуляцию, затеянную в интересах предвыборной кампании нынешнего президента США;

действия, прямо противоречащие содержанию и конкретным положениям заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки, нарушение прав человека.

Следует поддерживать деятелей спортивного движения, членов МОК, руководителей НОКов, граждан страны пребывания, выступающих за участие в Олимпиаде-80. В случае необходимости вносить аргументированные предложения по вопросам приглашения на Игры XXII Олимпиады общественных деятелей, ученых, других влиятельных лиц страны пребывания, имея в виду, что они окажут реальную поддержку Олимпиаде-80. (...)

ТОЛЬКО ДЛЯ ПАРИЖА. Отрадно отметить, что НОК Франции сохраняет верность заветам своего славного соотечественника Пьера де Кубертена и последовательно отстаивает принципы современного олимпийского движения...

ТОЛЬКО ДЛЯ ЛОНДОНА. В беседах с соответствующими спортивными деятелями скажите: мы понимаем, что надо обладать истинно английским спортивным духом, чтобы в нынешних условиях сохранить верность принципам олимпийского движения и интересам подлинного спорта и устоять перед тем нажимом, который оказывается на НОК Англии...

ТОЛЬКО ДЛЯ БУЭНОС-АЙРЕСА, БРАЗИЛИИ, КАРАКАСА, БОГОТЫ, МЕХИКО, МОНТЕВИДЕО. В беседах с соответствующими деятелями скажите: в Советском Союзе должным образом оценивают позицию страны пребывания в поддержку проведения летних Олимпийских игр в Москве. (...) Выразите надежду, что официальные лица, представители НОКа, спортивных организаций и печати страны пребывания используют свое влияние и традиционные связи, чтобы побудить другие латиноамериканские страны принять участие в Московской Олимпиаде.

ТОЛЬКО ДЛЯ КОНАКРИ, АККРЫ, БРАЗЗАВИЛЯ, ДАР-ЭС-САЛАМА, ЛАГОСА, ЛУСАКИ. В беседах подчеркните, что советские люди радуются успехам народов, ставших на путь подлинной национальной независимости, их достижениям в политической, экономической и социальной областях. Попытки западных кругов сорвать Московскую Олимпиаду есть не что иное, как продолжение их давних происков, нацеленных на разобщение народов и подрыв международного сотрудничества...

Это была фантастическая машина, равной которой не существовало за всю историю человечества. Невозможно даже объяснить, как она работала, человеку, никогда при коммунизме не жившему. Ну, можно ли себе представить, чтобы вся страна, а с нею — почти полмира служили целям, установленным дюжиной престарелых людей, которых никто не выбирал?

Уже через месяц в ЦК докладывали: в 60 странах показано свыше 140 выставок по Олимпиаде-80. Выпущено 20 документальных фильмов. Ведется подготовка международного фотоконкурса, посвященного играм в Москве. Состоялось более 1300 встреч с иностранными журналистами, в СССР и за рубежом проведено 90 пресс-конференций. Срочно отыскали американскую кампанию, пожелавшую

сделать серию документальных фильмов о культурной программе Московской Олимпиады для некоммерческого телевидения США. Да и не только отыскали, а эта кампания ("Форин трансэкшнз корпорейшн") им же еще и деньги заплатила за оказание "производственно-творческих услуг". Право показа самих игр тут же запродали американской телекомпании Эн-Би-Си, опять же за валюту и оборудование (все это, заметьте, при официальном бойкоте игр правительством США и сильном общественном неодобрении таких действий). В то же время совпослам сообщалось:

Для вашей информации сообщаем, что советская сторона оказывает помощь в виде обеспечения льготной (со скидкой 50 процентов и 100 процентов) транспортировки спортсменов значительного количества стран на Игры в Москву и оплаты их содержания в Олимпийской деревне.

Только согласитесь приехать, и самолеты "Аэрофлота" бесплатно доставят вас в Москву, где не придется тратить ни цента. Даже генерального директора ЮНЕСКО А.-М.М'Боу и "сопровождающих его лиц" привезли в Москву и содержали бесплатно.

Генеральный директор ЮНЕСКО М'Боу (гражданин Сенегала) выразил пожелание быть приглашенным на XXII Олимпийские игры на несколько дней, — докладывал МИД. — В связи со складывающейся вокруг XXII Олимпийских игр обстановкой Генеральный директор ЮНЕСКО может оказаться старшим из прибывших на Олимпиаду руководителей специализированных учреждений системы ООН. Учитывая это обстоятельство, а также то, что М'Боу в прошлом неоднократно посещал СССР в качестве гостя Советского правительства, МИД СССР (Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО) считает целесообразным и в этот раз принять Генерального директора ЮНЕСКО в СССР в период Олимпийских игр в качестве гостя Советского правительства. Иное решение, принимая во внимание повышенную чувствительность М'Боу к вопросам протокольного характера, может вызвать нежелательную для нас реакцию. К Советскому Союзу М'Боу относится с симпатией и придерживается — вопреки США — линии на участие ЮНЕСКО в борьбе за мир, разрядку и разоружение.

Вдруг — новая беда: расстроенный всеобщим осуждением, лорд Килланин, президент МОК и главная опора советских во всей кампании, решает уйти в отставку чуть ли не за месяц до начала игр в Москве. Этого допустить никак нельзя!

В связи с решением Килланина уйти в отставку с поста президента МОК настоятельно рекомендовать ему воздержаться до сессии МОК в Москве от каких-либо заявлений по этому поводу, так как намерение Килланина оставить пост президента воспринимается противниками олимпизма как свидетельство развала и деморализации МОК, — срочно распоряжается ЦК.

А чтобы как-то подбодрить расстроенного лорда, решают наградить его орденом "Дружбы народов" "за активную деятельность по развитию международного олимпийского движения и большой вклад в подготовку и проведение Олимпийских игр 1980 года в Москве".

Думаете, он отказался? Никоим образом! Сам Брежнев торжественно приколол ему на грудь эту почетную награду по окончании игр. Не один ведь сенегальцы имеют "повышенную чувствительность к вопросам протокольного характера".

Наконец уже в последний момент, буквально за пару недель до открытия, — еще одна возможность:

В связи с проводимым по согласованию с афганским правительством выводом на территорию СССР некоторых советских воинских частей, пребывание которых в настоящее время в Афганистане не является необходимым, представляется целесообразным использовать эту меру для оказания дополнительного влияния на НОК ряда стран с целью обеспечения широкого представительства на Играх в Москве.

И опять новый "план мероприятий" — указания всем совпослам, всем представителям и делегациям, послания и телеграммы: видите? мы уходим, уходим... Уникальная машина, не знавшая ни устали, ни преград, ни — поражений.

ЦК КПСС с удовлетворением отмечает, что Московская Олимпиада явилась большим морально-политическим успехом Советского Союза, — постановило политбюро после завершения Игр. — **Подготовка и проведение Олимпийских игр — крупная внешнеполитическая акция нашей страны в борьбе за продолжение разрядки в мире. Она с новой силой подтвердила последовательность и плодотворность политики КПСС, советского народа, лично тов. Брежнева Л.И., направленной на упрочение мира, дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами.**

В ходе подготовки и проведения Игр Олимпиады были наглядно продемонстрированы преимущества советского образа жизни, нашей социалистической демократии, политическая сплоченность и идеологическое единство советского общества, дисциплина, высокие моральные качества советских людей, их гостеприимство, интернационализм и дружелюбие. На Олимпиаде было ярко проявлено уважение к гуманным принципам и идеалам олимпийского движения. Все это имеет широкий политический резонанс среди международной общественности, большой идеологический эффект во всем мире.

Успешное проведение Игр нанесло серьезный удар по амбициям администрации США, пытавшейся ради нагнетания международной напряженности сорвать Олимпиаду в Москве, развалить международное олимпийское движение. Важным политическим итогом борьбы вокруг Московской Олимпиады является тот факт, что большинство западноевропейских стран — союзников США по НАТО, вопреки грубому нажиму американской администрации, направили на Игры представительные спортивные делегации.

По общей оценке, идея бойкота Московской Олимпиады, которую пытались навязать администрация США и некоторые их союзники, практически провалилась, — сообщали братским коммунистическим и рабочим партиям. — **В Олимпийских играх приняли участие национальные спортивные делегации из 81 страны, общей численностью более 8,3 тыс. человек. На Олимпиаду прибыли 3,5 тыс. почетных гостей и официальных лиц, а также 200 тыс. зарубежных туристов из 72 стран. Соревнования посетили около 5 млн. зрителей. (...) Олимпийские игры в Москве привлекли широкое внимание мировой общественности. На Играх было аккредитовано 5529 представителей средств массовой информации, в том числе 3,5 тыс. человек из-за рубежа. Телерепортажи об Играх передавались на все континенты мира, ежедневно их смотрело более 1,5 миллиарда человек.**

Можно констатировать, что в целом удалось сбить антиолимпийскую и антисоветскую волну пропаганды Запада, прорвать "информационную блокаду" вокруг Игр. (...) Многие западные журналисты поначалу не жалели сил в поисках "негативных материалов", но вскоре оказались вынужденными говорить о четкой организации соревнований, первоклассном состоянии спортивных сооружений, оперативности советских информационных служб и т.д.

Характерно также, что подавляющее большинство участников и гостей Олимпиады из числа приехавших в СССР с предвзятым отношением к социалистической действительности впоследствии давало резкую отповедь клеветническим измышлениям буржуазной пропаганды.

В общем, в Кремле праздновали победу. Особо отличившихся наградили орденами и медалями: 5 тысяч рабочих и служащих, 300 военнослужащих, 1500 работников МВД и 850 из КГБ. И одного лорда — орденом "Дружбы народов".

9. Спасательные меры

Итак, Афганистан со своими проблемами отошел на задний план. Главной заботой стало "спасти разрядку", выйти из политической изоляции. Разумеется, само по себе это не было неожиданностью для советских вождей: они ведь еще в марте 1979 года вполне реалистически оценивали последствия своей интервенции. Уже в конце января политбюро приняло постановление "О дальнейших мероприятиях по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане", где, помимо мер, направленных на стабилизацию обстановки в самом Афганистане (включая и "мероприятия специального характера по разъединению организаций афганских эмигрантов и дискредитации их лидеров" — источник будущей братоубийственной бойни уже после ухода советских войск), дается общий план политической кампании:

Своевременное оказание Советским Союзом всесторонней, в том числе и военной, помощи Афганистану и приход к власти правительства Бабрака Кармаля создали необходимые условия для стабилизации положения в ДРА и положили конец некоторым опасным для нас тенденциям в развитии обстановки на Среднем Востоке, — писали Громыко, Андропов, Устинов и Пономарев. — **Вместе с тем развитие событий свидетельствует о том, что США, их союзники и КНР ставят перед собой цель максимально использовать события в Афганистане для нагнетания атмосферы антисоветизма и оправдания враждебных Советскому Союзу долгосрочных внешнеполитических акций, направленных на изменение баланса сил в свою пользу. Оказывая нарастающую помощь афганской контрреволюции, Запад и КНР рассчитывают на то, что им удастся раздуть затяжной конфликт в Афганистане, в результате чего, как они считают, Советский Союз увязнет в этой стране, что должно отрицательно сказаться на международном престиже и влиянии СССР.**

Необходимость обеспечения широких внешнеполитических интересов и безопасности СССР требует и в дальнейшем сохранения наступательного характера мероприятий, проводимых нами в связи с афганскими событиями.

Предложенная ими комплексная программа действий охватывает практически все аспекты международной политики:

— В отношениях с США и впредь противопоставлять провокационным шагам администрации Картера уравновешенную и твердую линию в международных делах. Несмотря на то, что Вашингтон будет и в дальнейшем выступать инициатором антисоветской кампании и стремиться придавать действиям своих союзников скоординированный характер, наши контрмеры осуществлять, исходя из нецелесообразности осложнять весь комплекс многоплановых отношений Советского Союза с США.

— Усилить воздействие на позиции отдельных союзников США по НАТО, прежде всего Франции и ФРГ, максимально используя в наших интересах выявившиеся между ними и США различия в подходе к выбору ответных мер на действия Советского Союза в Афганистане.

— Принимая во внимание, что события в Афганистане используются США и КНР как удобный предлог для дальнейшего сближения на антисоветской основе, спланировать долгосрочные мероприятия по осложнению связей между Вашингтоном и Пекином в контексте развития отношений в рамках так называемого тройственного альянса США—КНР—Япония. (...)

— В движении неприсоединения, используя возможности Кубы и СРВ, а также государств прогрессивного крыла ДН, инспирировать выступления в поддержку афганского правительства и предотвращать возможные попытки Запада и Китая спровоцировать движение на осуждение действий Советского Союза, изоляцию Афганистана и использование сложившейся ситуации для ослабления в ДН прогрессивного крыла.

— Основные усилия по противодействию враждебной активности США и их союзников сконцентрировать на исламских странах Ближнего и Среднего Востока, прежде всего Пакистане и Иране, а также таких влиятельных государствах Азии, как Индия. Активно препятствовать линии Вашингтона на сколачивание единого фронта Запада и некоторых мусульманских стран, на переориентацию исламского фанатизма в антисоветское русло.

Исходя из того, что США и Китай наиболее активно пытаются использовать Пакистан и что основные базы афганских бандформирований находятся на территории этой страны, постоянно оказывать сдерживающее воздействие на режим Зия уль-Хака, в том числе и по спецканалам, и подталкивать его к принятию мер по ограничению деятельности мятежников с пакистанской территории.

— Осуществлять мероприятия, направленные на сохранение антиимпериалистических, прежде всего антиамериканских, аспектов во внешней политике Ирана, поскольку продолжение кризиса в ирано-американских отношениях ограничивает потенциальные возможности режима Хомейни по инспирации антиправительственных выступлений в Афганистане на мусульманской почве. (...)

— При проведении внешнеполитических и пропагандистских мероприятий еще более широко использовать тезис о том, что оказание Советским Союзом военной помощи Афганистану нельзя рассматривать в отрыве от предпринимавшихся уже в течение длительного времени провокационных попыток США добиться односторонних военных преимуществ в стратегически важных для СССР районах.

Практически весь дальнейший ход развития советской внешней политики был определен этим документом.

Действительно, вскоре последовала "инициатива Кубы" в движении неприсоединения (где Куба председательствовала в то время) о "политическом урегулировании" проблемы Афганистана путем двусторонних переговоров с Пакистаном и с Ираном (впоследствии — переговоры в Женеве). Усилена была пропаганда на Иран, в том числе радио- и телевещание из Узбекистана и Азербайджана. Развернута кампания "по активизации выступлений международной общественности против агрессивных действий США в районе Персидского залива". Инициатива кампании поручалась Южному Йемену, но "план мероприятий" охватывал практически все страны региона, если не всей Азии и части Африки, а осуществлялся через советские организации типа Комитета солидарности стран Азии и Африки, Всемирного совета мира и их прогрессивных союзников. О размахе кампании можно судить хотя бы по списку мероприятий на ближайшее время:

Советскому комитету защиты мира оказать необходимую помощь Всемирному Совету Мира и Всеиндийской организации мира и солидарности в подготовке и проведении Международной конференции за мир и безопасность в Азии (г. Дели, 23—25 марта с.г.), которая могла бы стать практическим началом кампании протеста. Принять необходимые меры к расширению состава участников конференции за счет представителей стран Персидского залива и близлежащих районов. (...) Соответствующим советским организациям и ведомствам использовать для постановки вопроса и возможного принятия документов об агрессивных действиях США в районе Персидского залива предстоящие международные мероприятия, в частности, Международную конференцию профсоюзов трудящихся нефтяной промышленности стран-производителей и стран-потребителей нефти (г. Триполи, 24—30 марта с.г.), Международную конференцию против военных баз, за безопасность и сотрудничество в Средиземноморье, созываемую Организацией солидарности народов Азии и Африки (Мальта, 28—30 марта с.г.), Международную конференцию солидарности с крестьянами Палестины (г. Багдад, 30 марта — 2 апреля с.г.), Международный семинар женских организаций стран Аравийского полуострова и Персидского залива (НДРЙ, апрель с.г.), сессию Бюро Всемирной федерации профсоюзов (г. Котону, 16—17 апреля с.г.), Конгресс Всеобщего союза арабских студентов (г. Триполи, апрель с.г.), Международную встречу, посвященную 25-летию Бандунгской конференции, созываемую Организацией солидарности стран Азии и Африки (г. Коломбо, 18—24 апреля с.г.), Международную конференцию солидарности с молодежью Палестины и Ливана, организуемую Союзом арабской молодежи при поддержке ВФДМ (Ливан, апрель с.г.), сессию Президиума Организации солидарности стран Азии и Африки и др.

Задействованы были все "прогрессивные" режимы, организации и форумы, все "опорные пункты" социализма в регионе Индийского океана. К апрелю, когда кампания развернулась всерьез, последовало постановление политбюро "О противодействии планам расширения военного присутствия США в районе Ближнего и Среднего Востока и Индийского океана", указания всем совпослам и даже специальное задание "друзьям народа":

Поручить КГБ СССР по специальным каналам содействовать активизации в развивающихся странах, особенно в арабских государствах и в Иране, высту-

плений против американского военного присутствия и интервенционистской угрозы со стороны США.

США продолжают осуществлять практические мероприятия по расширению своего военного присутствия на постоянной основе в районе Ближнего и Среднего Востока и Индийского океана, ведя дело к созданию там новых военных баз и опорных пунктов, — писали все те же неизменные Громыко, Андропов и Устинов. **— Речь, в частности, идет об использовании американцами военных объектов в Омане, Сомали, Кении, а также Египте и Израиле. Для прикрытия своих военных приготовлений американская администрация пытается использовать события в Иране и Афганистане. Считаем целесообразным осуществить с нашей стороны ряд дополнительных шагов по противодействию указанным американским планам.**

По крайней мере два постановления приняло политбюро в отношении Китая, пытаясь "противодействовать американо-китайскому военному сотрудничеству" и "разоблачить проимпериалистический курс Пекина" в глазах стран Третьего мира.

Несмотря на такой размах, все это были действия вспомогательные: основную кампанию "наступательного характера" предстояло развернуть в Европе и США. Именно поэтому первыми, к кому обратилось политбюро после вторжения в Афганистан, были их партнеры по "детанту" — европейские социал-демократы, в частности Вилли Брандт и уже известный нам глава финской социал-демократии, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Калеви Сорса, тот самый, что "доверительно сотрудничал" с Москвой в вопросах разрядки и разоружения. Брандт к тому времени был председателем Социнтерна, а Сорса — одним из вице-председателей, главой специальной группы, координировавшей деятельность Социнтерна в вопросах детанта и разоружения. Смысл этих посланий сводился, во-первых, к утверждению, что никакой причинной связи между советским вторжением в Афганистан и возникшей международной напряженностью не существует: последняя, доказывало политбюро, является следствием агрессивной политики Запада вообще и США в особенности. Тут-то и возникает впервые упоминание "декабрьской сессии совета НАТО" как главного источника всех бедствий, ставшее позднее любимым аргументом "сил мира, прогресса и социализма" на Западе.

За последнее время, особенно в связи с решением декабрьской сессии совета НАТО, произошли события, которые резко осложнили международную обстановку, — пишут они Брандту. **— Как известно, Советский Союз неоднократно предупреждал, что если НАТО примет в декабре свое решение, то это выбьет почву из-под переговоров, разрушит их основу. Наше согласие на переговоры при наличии решения НАТО означало бы вести их о сокращении только советского оборонительного потенциала в то время, как в Соединенных Штатах полным ходом идет изготовление новых ракетно-ядерных систем.**

В коммюнике сессии совета НАТО в жесткой форме выдвигается условие вести переговоры только об американских и советских тактических ракетно-ядерных системах средней дальности с наземным базированием. Тем самым из предлагаемых "переговоров" исключаются и сохраняются в неприкосновенности все остальные средства передового базирования США, ядерные арсеналы

других стран Западной Европы, то есть все то, противовесом чему служат советские средства средней дальности. От Советского Союза требуют резкого уменьшения его наличных оборонительных средств при одновременном сохранении всего имеющегося у НАТО мощного ядерного потенциала, нацеленного против СССР и его союзников.

Все это, пишет политбюро, "выражает курс нынешней американской администрации, который взят не сегодня, — в связи с событиями в Афганистане. Данный курс обнаружился уже давно" и лишь получил свое наиболее четкое выражение в "доктрине Картера".

В ней суммированы предпринятые за последнее время американской администрацией меры по эскалации гонки вооружений и нагнетанию международной напряженности. Речь идет о попытках возрождения доктрин времен "холодной войны" — "сдерживания" и "отбрасывания" социализма, "балансирования на грани войны".

Очевидно, что Картер и Бжезинский делают ставку на запугивание СССР, на изоляцию нашей страны и создание трудностей, где только можно. Эта линия обречена на провал, ибо запугать Советский Союз и поколебать его твердость невозможно.

Во время встреч с рабочей группой Социнтерна в Москве говорилось о том, куда ведет дело президент Картер. Теперь это полностью подтверждается. Речь действительно идет о разрушении того, что было сделано в последние десять лет, сделано усилиями людей доброй воли, в том числе и социал-демократами.

Это — во-первых. А во-вторых, каковы бы ни были причины, главное — "спасти разрядку".

В этой обстановке необходимо подтверждение политики разрядки. Большое значение имеют высказывания о том, что сейчас важно "сохранять холодную голову и продолжать процесс переговоров", что "нервозность не может заменить продуманную политику", что "необходимо остерегаться непродуманной и гипертрофированной реакции, которая не соответствует сути событий и посему привела бы все к еще худшей ситуации".

Наша позиция состоит в том, чтобы серьезно, ответственно и настойчиво отстаивать принципы мирного сосуществования и все то позитивное в развитии нормальных, взаимовыгодных отношений между государствами, что было достигнуто в процессе разрядки.

В этой сложной обстановке руководство КПСС не собирается проводить линию "острие против острия". Мы будем и впредь проявлять максимум хладнокровия и рассудительности. Мы предпримем все необходимое, чтобы не дать администрации Картера втянуть нас в конфронтацию, в дело разрушения разрядки. Мы не пойдем, подобно американской администрации, на скороспалительные действия, которые еще больше обострят обстановку и окажутся на руку сторонникам "холодной войны".

Что же до "событий в Афганистане", не имеющих к этому, разумеется, никакого отношения, то их нужно рассматривать "без предвзятости и нервозности", памятуя о том, что они были вызваны "необъявленной войной" со стороны ЦРУ и Пекина, имевшей очевидную цель:

...ликвидировать апрельскую революцию, восстановить старые, антинародные порядки, превратить Афганистан в плацдарм для агрессии против СССР, с которым у этой страны имеется граница в 2 тысячи километров.

Этим планам подыгрывал прежний руководитель Афганистана Х.Амин, состоявший, как свидетельствуют факты, в тесной связи с ЦРУ. Вступив в контакт с лидерами эмиграции, он готовил контрреволюционный переворот, проводил репрессии против честных патриотов в невиданных масштабах. После захвата власти Амин физически уничтожил Н.М.Тараки — президента ДРА, старейшего борца против афганского деспотизма. Правительство Афганистана во главе с Б.Кармалем обратилось снова, как и Тараки, к Советскому Союзу за помощью.

Все это, однако, лишь повод для администрации США, которая:

...забыв об элементарной выдержке и благоразумии, ведет дело к разрыву тех межгосударственных связей, которые с таким трудом налаживались в последние годы. Более того, и это уже не вызывает сомнений, администрация Картера стремится испортить отношения западноевропейских стран с Советским Союзом, требует от них поддержать ее опасную линию, т.е. подчинить себя той политике, которую считает нужным делать Вашингтон.

...при всей серьезности складывающейся международной обстановки мы считаем, что есть возможность предотвратить то опасное развитие, на которое толкает теперешняя администрация в Вашингтоне. (...) Все эти обстоятельства требуют совместных усилий от всех, кому дорого дело разрядки и мира.

10. Кампания наступательного характера

Послание "доверительному сотруднику" К.Сорса содержало те же идеи, а часто — и выражения, с той лишь разницей, что походило на инструкцию:

Свою роль может здесь сыграть международная социал-демократия. Известно, что на днях в Вене состоится встреча лидеров социал-демократических партий, на которой т.К.Сорса будет выступать с докладом. Учитывая доверие, которое сложилось за последние годы в отношениях с Вами, не сочтете ли Вы возможным использовать в этой связи, разумеется по своему усмотрению некоторые нижеследующие соображения.

И дальше, по пунктам, изложено, чт т.К.Сорса должен сказать своим коллегам:

1. Хотя вряд ли оправданно говорить о "конце десятилетия разрядки" (как это делают ее противники), трудно отрицать, что процесс разрядки застопорился.

2. Особую озабоченность вызывает то, что нет никакого продвижения вперед именно в сфере военной разрядки: переговоры в Вене в тупике, ратификация ОСВ-2 отложена Картером, решение декабрьской сессии совета НАТО делает для СССР продолжение переговоров о сокращении ядерных средств средней дальности в Европе невозможным.

3. Обе сверхдержавы — США и СССР — по-разному объясняют причины обострения международной обстановки, но важно то, что они предлагают. Картер, ссылаясь на несуществующую советскую угрозу, упорно ведет дело к наращива-

нию военной мощи США и НАТО.

Он принял решение об увеличении военного бюджета, о разработке новых систем оружия, о создании корпуса быстрого реагирования. В сочетании с планами размещения американских ракет в Западной Европе и согласием стран НАТО автоматически увеличивать свои военные расходы в течение ближайших пятнадцати лет все это может вызвать ответную реакцию СССР и Варшавского договора.

В результате советско-американские отношения значительно ухудшились, что отражается на общем климате отношений. СССР же —

...воздерживается от драматизации обстановки, подчеркивая, что политика разрядки имеет глубокие корни. Л.И.Брежнев заявил о готовности СССР продолжить политику разрядки, вести честные и равноправные переговоры по разоружению при соблюдении принципов равной безопасности.

4. Как бы по-разному ни оценивали в Европе причины обострения ситуации, "однако преобладающим является мнение о необходимости сохранить разрядку".

5. Необходимо использовать богатый, накопившийся за десятилетие политический потенциал разрядки, чтобы сдвинуть ее с мертвой точки, и уж во всяком случае:

...было бы опрометчивым так или иначе способствовать, а тем более подогревать обострившуюся конфронтацию двух великих держав.

6. Реальной, конструктивной альтернативы разрядке и разоружению нет. Западная Европа могла бы в этот решающий момент внести свой позитивный вклад в "охлаждение страстей" на международной арене. Как представляется, наиболее эффективное средство, к которому она могла бы прибегнуть, состоит в том, чтобы не "выбирать между США и СССР" и не пытаться быть арбитром в их отношениях. Следует выбирать не между ними, а между "холодной войной" и разрядкой, а выбор в этом отношении Европой уже сделан в пользу последней.

Конечно, это потребовало бы проведения более активной политики и в вопросах разоружения, и в иных сферах сотрудничества.

7. Международная практика подтверждает, что линия Социнтерна на более активное участие в рассмотрении и решении проблем разоружения была верной. Эта линия (...) показала, что социал-демократия располагает большими возможностями и для оказания позитивного влияния на правительственные круги тех стран, от которых, прежде всего, зависит успех в продвижении по пути военной разрядки.

В заключение политбюро писало:

Анализ сложившейся ситуации позволяет сделать следующие рекомендации:

Социнтерну было бы целесообразно продолжать вести свою линию в вопросах разоружения. Особо важным представляется завершение разработки позиции по всему комплексу проблем разоружения и принятие ее Социнтерном в качестве его документа;

социал-демократия могла бы активизировать свои действия (используя при этом богатые возможности, которыми она располагает, в том числе в профсоюзах и в средствах массовой информации) для преодоления пассиво-

сти и растерянности части общественного мнения, которое явно обескуражено и обеспокоено резким поворотом событий на международной арене;

наконец, Социнтерну (...) было бы полезно продолжать контакты с Москвой и Вашингтоном. Тем более, что, как известно, в Москве проявляется готовность и впредь продолжать сотрудничество с международной социал-демократией по конкретным вопросам, в первую очередь по вопросам разрядки и разоружения.

Нужно ли говорить, что "доверительный сотрудник" т.К.Сорса добросовестно исполнил поручение своих московских товарищей. Его речь в Вене 5 февраля 1980 года содержит практически все их советы, а иногда и фразы:

"*Товарищи!* — начал он. — *Международное положение самого последнего времени не может не вызывать растущей тревоги. Отношения между сверхдержавами сделались весьма и весьма напряженными. Взаимные обвинения и подозрения стали обычной практикой, подрывая тем самым основы сотрудничества и добрых отношений. С неменьшей тревогой мы стали отмечать признаки нарацивания гонки вооружений, а также явное снижение критериев применения военной силы.*

Всего семь месяцев тому назад здесь, в Вене, состоялась яркая встреча на высшем уровне, и сами участники семинара имели возможность наблюдать одинаковую атмосферу разрядки как в Вашингтоне, так и в Москве. Теперь, спустя всего полгода, вновь задули ветры "холодной войны", и на глазах у человечества надежды, связанные с мирным разрешением международных проблем, перечеркиваются одна за другой.

Пока применение силы остается нормой жизни, а ястребы на нашей земле вскармливают друг дружку, задачей Социалистического Интернационала становится возвысить голос разума и решимости во имя мира.

Необходимо осознать, что ради достижения конкретных результатов в решении всемирных проблем безопасности и социально-экономического развития надо в целом восстановить нормальные контакты и атмосферу разрядки во взаимоотношениях сверхдержав.

Я убежден, что нынешние международные проблемы только укрепят нашу решимость найти социалистический путь выхода, а именно путь мира, из сегодняшней грозной ситуации".

Ну, как тут не вспомнить теплоту и дружелюбие недавней встречи с Брежневым?

"*Нас принимали тепло и сердечно и в то же время строго по-деловому. Президент Брежнев проявил к нам, я бы сказал, необычайно пристальное внимание. У нас состоялась длительная и обстоятельная дискуссия с рядом советских экспертов, обнаруживших глубокие знания, реализм, открытость и явную заинтересованность в вопросах разрядки. (...) Советские лидеры и эксперты подчеркивали свою готовность к дальнейшему обмену мнениями и сотрудничеству ради достижения мира во всем мире, разрядки и разоружения.*

Товарищи! — продолжил он, представляя лидерам социал-демократии "рекомендации" своей группы. — *Мы, финские социал-демократы, разделяем всеобщую озабоченность по поводу международной ситуации. В то же время мы*

подчеркиваем, что сейчас как никогда нам требуется решительная и последовательная политика мира. Мы считаем Социалистический Интернационал одной из весьма немногих международных организаций, которая в нынешних обстоятельствах способна и готова выступить с конструктивной инициативой. Более того, мы видим условия и для новых шагов — надо лишь отчетливо понимать свои позиции и осознавать свои цели.

Когда более десяти лет тому назад перед нами открылась дорога к разрядке, отправной точкой — общей для всех, как на Востоке, так и на Западе и в нейтральных странах, — была необходимость предотвратить войну, в частности кошмарную атомную войну между крупнейшими державами и их союзниками. Это и по сей день остается наивысшей нашей целью. Сегодня как никогда у этой цели нет альтернативы.

Наиболее опасным знамением текущей ситуации является резкое увеличение международной напряженности, трагическая утрата политического доверия и, по сути, провал диалога между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Все это явилось результатом долгой серии политических просчетов, а также растущей с обеих сторон тенденции прибегнуть к военному решению проблем. Положение еще усугубилось за счет того, что международная напряженность используется как средство в борьбе внутренних сил.

Мы оказались в той самой тяжелой ситуации, которой так пытались избежать: политическая разрядка не продвинется вперед без одновременного прогресса в военной области. С точки зрения перспективы разоружения, на сегодня главной для нас темы, эти тенденции представляют для нее явную угрозу. Мы оказались перед вероятностью абсолютно бесконтрольной гонки вооружений в определенных отраслях ***новейшей*** *технологии вооружения. Я имею в виду стратегическое вооружение в Европе. Из-за прекращения переговоров об ограничении стратегических вооружений это вооружение теперь будет в лучшем случае контролироваться посредством односторонних обязательств. А одновременно с этим военные конструкторы будут создавать все новые виды вооружения.*

Будучи реалистами, мы допускаем, что нынешние события являются ярким отражением глубоких разногласий между Востоком и Западом в самой трактовке природы разрядки и методах ее осуществления. Однако американо-советские встречи по обмену мнениями в отношении разрядки так никогда и не вылились в сближение взглядов. Это всегда была четко обозначенная ***реальная политика****, основывавшаяся на общем интересе. Мы, финны, считаем, что настоящая встреча должна стать мощным призывом к великим державам вновь взять на себя ответственность за жизнь международного сообщества.*

Мы, финны, глубоко сожалеем о том, что две мощных державы, несмотря на взаимные заверения в своей заинтересованности в переговорах, не сумели достичь соглашения по вопросу стратегического вооружения в Европе, что могло бы спасти Европу от нового опасного витка гонки вооружений, который, как видно, теперь неизбежен.

В ближайшей перспективе нам представляется жизненно важным, что-

бы предельные уровни ограничения и методы контроля, принятые договорами ОСВ-1 и ОСВ-2, соблюдались обеими сторонами. Что касается более отдаленной перспективы, то этот процесс необходимо продолжать. Следующий рубеж — это 1981 год, когда истечет срок некоторых положений ОСВ-2. Совершенно очевидно, что крайне необходимо учитывать в процессе переговоров и европейское стратегическое вооружение, чтобы в отношении него заинтересованные стороны также пришли к обоюдному соглашению.

В целом мы попытались обозначить кратко-среднесрочную программу Социалистического Интернационала и его членов на 80-е годы. В одиночку социалисты и социал-демократы осуществить ее не сумеют, однако они отражают политическую силу миллионов политически активных людей, которая способна либо впрямую влиять на ход политики, либо действовать как международная или общенациональная группа натиска на правительства, требуя от них принятия необходимых мер.

Товарищи! — завершил он. — *Я считаю, что, собравшись здесь, мы имеем все основания напомнить самим себе и всему миру, что социал-демократия всегда была и будет движением к миру. Теперь широкая деятельность за мир и разоружение требуется гораздо в большей степени, чем при благоприятной международной обстановке. Наше движение стратегически направлено на то, чтобы оказывать влияние как на процессы внутри наших собственных государств и обществ, так и на взаимоотношения между нашими странами. В настоящем положении, отмеченном напряженностью, мы должны действовать так, чтобы это никоим образом не отразилось пагубно на наших интересах в дальнейшем. Прежде всего мы должны действовать в интересах общественности, признающей возможность и необходимость мира и разоружения и не отступающей перед прагматизмом политических актов и демонстрацией политики силы. (...) Мы должны подчеркивать ответственность всех и вся, будь то отдельный человек, политическое движение или государство. Теперь политическая воля должна встать в центре наших усилий разрешить нынешнюю нелегкую ситуацию".*

Нам не дано знать, о чем думали лидеры европейской социал-демократии, слушая страстные речи своего финского коллеги, — догадывались они или нет, чьи пожелания он исполняет с таким жаром. Даже итальянские коммунисты уже осудили к тому времени вторжение в Афганистан, а из социалистов этого не сделал только греческий ПАСОК. К тому же многие из них были тогда в правительствах стран — членов НАТО. Таким образом, резолюции, призывающей к выводу советских войск из Афганистана не удалось избежать и в Вене. Но в чем они были единодушны, так это в стремлении "спасти детант", альтернативы которому — *для них* — действительно уже не было. "Рекомендации" Сорса приняли почти без обсуждения.

"Партии-члены должны создать необходимые организационные и финансовые условия эффективной и продолжительной деятельности по разоружению.

Партии-члены должны сотрудничать с соответствующими организациями, такими, как профсоюзы и прочие родственные организации, в особен-

ности в области просвещения и образования, а также в сфере мобилизации общественности.

Партии-члены должны вести активную работу по пропаганде разоружения также и на общегосударственном уровне, сотрудничая наряду с другими неправительственными организациями в соответствующих институтах своих собственных стран. (...) Организуемая ООН неделя, посвященная разоружению, должна превратиться в широко отмечаемое по всей стране событие с привлечением различных политических, гражданских и научных организаций, охватывающее все стороны жизни. Социалисты и социал-демократы активно работают, чтобы успешно провести это недельное мероприятие".

"Граждане! — говорилось в их воззвании. — *Социалистический Интернационал, свободное объединение социалистических и социал-демократических партий мира, призывает людей всех стран к работе (...) на благо разоружения, мира и прогресса.*

...Мы обращаемся к каждому независимо от его политических убеждений с призывом внести свой вклад в общие усилия на благо разоружения, мира, разрядки и международного сотрудничества".

* * *

Советская кампания "борьбы за мир", захлестнувшая Европу в начале 80-х, не имела бы и половины своего успеха, если бы не участие в ней социал-демократов, социалистов и подчиненных им профсоюзов, молодежных, женских и прочих организаций, пошедших на сотрудничество с "братскими" компартиями в этом вопросе. Да и поражал в ней не столько сам факт ее внезапного, столь своевременного для интересов СССР возникновения и откровенно просоветская ориентация, сколько именно размах: он, в конечном итоге, и был мерилом ее успеха. Если в конце 1979 — начале 1980 гг. их демонстрации собирали не более 10—20 тысяч, то уже к концу 80-го цифры стали подходить к 80—100 тысячам, а к осени 81-го земля дрожала от их маршей: 350 тысяч в Бонне, 250 тысяч в Брюсселе, до 250 тысяч в Лондоне, около полумиллиона в Риме, 400 тысяч в Амстердаме, порядка 100 тысяч в Копенгагене, 30—40 тысяч в Берне и даже в маленькой Норвегии — не менее 10 тысяч. Наконец, кульминация кампании — декабрь 1983 года, когда началось размещение новых ракет в Европе: до миллиона в Западной Германии, 600 тысяч в Риме, 300—400 тысяч в Лондоне, до полумиллиона в Брюсселе и Гааге... Цифры завораживали толпу, как бы утверждая ее в своей правоте, отчего толпы росли все больше и больше. Цифры смущали даже людей искушенных: не может же быть у Москвы столько агентов и "попутчиков"! Цифры пугали: казалось, уже ничто не в состоянии остановить эту эпидемию антиядерной истерии. Еще немного, и какое-нибудь из правительств не выдержит, сдастся, пойдет на компромисс, расколов этим НАТО и обеспечив СССР безграничный диктат в "безъядерной", "нейтрализованной" Европе. А дальше — пропасть, на краю которой не удержаться никакому болтуну-социалисту с его тщеславными надеждами на роль "посредника" между Востоком и Западом, его утопическими мечтами о "социализме с человеческим лицом" и конвергенции; дальше уже Москва будет решать,

какого очередного Керенского в какой европейской стране пришло время заменить стойким ленинцем...

Теперь, когда рухнули декорации и обнажилась во всем своем злобном убожестве суть советского режима, трудно поверить, что всего лишь 10—12 лет назад многие миллионы людей в Европе не видели иного выхода, кроме капитуляции. Трудно представить себе, что рядовое советское "мероприятие наступательного характера", которое не обмануло бы и школьника в СССР, вызвало массовую истерию среди взрослого населения благополучной, свободной, хорошо защищенной Европы и оно, забыв и об Афганистане, и о прочих преступлениях коммунизма, требовало от своих правительств одностороннего разоружения! Да как еще требовало: штурмовали ракетные базы, окружали их живой цепью, а в Голландии даже военнослужащие заявляли о своем отказе принять ядерное оружие. И никакая логика, никакие доводы разума на них не действовали.

"Протестовать и выжить!"

Протестовать — против чего? Против советского вторжения в Афганистан? Против уже размещенных советских ракет средней дальности СС-20? Нет, против *намерения* НАТО разместить в Европе свои "Першинги" и крылатые ракеты.

"Наши средства устрашения не должны больше нигде устрашать!"

Что случилось? Почему? Разве уже началась война?

"Никогда раньше не была так велика опасность всемирного ядерного уничтожения", — взывал просоветский Всемирный совет мира.

"Мы вступаем в самое опасное десятилетие истории человечества", — вторили ему "независимые" западные миролюбцы.

Отчего же? В чем причина этакой внезапной опасности? Не в том ли, что все предыдущее десятилетие играли с Кремлем в "детант", а проще сказать — в поддавки? Страшно подумать, что было бы, продлись эти игры еще лет пять.

Но ни лидеры движения, ни, тем более, их последователи не задавались такими сложными вопросами. Их "аргументы", если можно назвать столь серьезным словом истерические выкрики, были подчас настолько противоречивы, что и не понять, как они уживались в одном движении. Единственное, что их объединяло, был иррациональный страх, готовность капитулировать даже и без всякого требования капитуляции. ***"Лучше быть красным, чем мертвым"***, тем более что большинство из них уже были если и не красными, то сильно розовыми.

Признаться, я не выношу истерик, они вызывают у меня слепую ярость, почти неодолимое желание надавать пощечин (что и есть единственное средство привести в чувства истерика). А видеть массовую просоветскую истерию было совсем нестерпимо. Поневоле охватывало отчаяние: ведь я полжизни потратил на то, чтобы объяснить людям суть советской системы, и, казалось, все уже все поняли. Так нет, дернули из Москвы за веревочку, нагнали немножко страха, и — опять начинай сначала, как будто не было ни ГУЛАГа, ни наших процессов, ни наших книг. Да что мы — вся история XX века куда-то провалилась, исчезла из сознания миллионов людей, и мы, словно в театре, должны были смотреть — в который раз! — повторение уже известной трагедии. Будто опять, как в 17-м году, неудержимая жажда мира, — любой ценой и сию секунду — готова смести государства с лица земли на радость большевикам. Или как в 38-м, когда аналогичный приступ миролюбия открыл дорогу в Европу их коричневым братьям.

Что было делать? За неимением возможности физически надавать им пощечин, я выбрал ближайший ее эквивалент — написал в нарочито оскорбительном духе большую статью в лондонской "Таймс", а затем в расширенном и доработанном виде издал ее отдельной брошюрой ("Пацифисты против мира") практически во всех западных странах.

"В партийном жаргоне существует такое выражение, как "полезный дурак", запущенное в обращение еще Лениным. И вот теперь, несмотря на все свои ошибки, бессмысленные авантюры и экономические катастрофы, польский кризис и упрямое сопротивление афганских крестьян, рейгановские планы перевооружения и резолюции ООН, советские правители одержали внушительную победу: они нашли миллионы полезных дураков для осуществления своей обанкротившейся политику. Они уже не в изоляции, и еще большой вопрос, позволят ли американцам разместить свои ракеты в Европе, — писал я тогда. — *Слов нет, в рядах движения за мир есть огромное количество искренне обеспокоенных, испуганных людей со вполне благими намерениями. Я абсолютно уверен, что подавляющее большинство — искренние, честные люди, Но, как и в 50-х годах, в нем хватает коммунистов, попутчиков, запутавшихся интеллектуалов, лицемеров, жаждущих популярности, профессиональных политических спекулянтов, напуганных буржуа и молодых людей, готовых бунтовать просто ради бунта; в нем, конечно, есть неистребимые католические священники с подозрительной "миссией" и множество глубоко религиозных людей, верящих, что Господь избрал их орудием мира на земле. Но нет также никакого сомнения, что вся эта пестрая толпа успешно манипулируется горсткой негодяев, получающих инструкции непосредственно из Москвы".*

Легко представить, какой поднялся вой возмущения, как возненавидела меня левенькая интеллигенция. Тем более, что никаких прямых доказательств своего тезиса я тогда предложить не мог: в моем распоряжении были только официальные советские публикации, некоторые материалы Всемирного совета мира да хорошее знание любимого отечества. Как всякий человек, выросший в СССР, я знал, что "борьба за мир" является неотъемлемой частью советской идеологической борьбы с внешним миром, точнее, одной из ее ипостасей, ибо настоящий мир, согласно коммунистической идеологии, возможен только при полной победе социализма во всем мире. В коммунистической новоречи эти понятия уже давно стали синонимами, и выражение "борьба за мир" просто означало борьбу СССР за расширение своего влияния. И в этой борьбе обязаны были участвовать все советские люди, все учреждения и организации, многие из которых — комитеты защиты мира, общества "дружбы" со всяческими странами (и их аналоги в этих странах), Комитет ветеранов войны, Комитет советских женщин или отдел внешних сношений Московской Патриархии — для этой цели и были созданы. Их задача, как и задача любой советской организации, общающейся с иностранцами, — этих иностранцев охмурять, внедряться в соответствующие их названию международные организации и движения, находить там "попутчиков", проталкивать "нашу" линию по любому вопросу, в общем — бороться за мир.

Словом, это гигантская машина, работа которой никогда не прекращалась, но лишь видоизменялась согласно требованию момента. Обычные колебания совет-

ской внешней политики от "холодной войны" к "разрядке" и обратно требовали минимальных изменений в ее работе. Так, необходимость преодолеть отставание в ядерных вооружениях, противодействовать созданию НАТО и общему росту тревоги на Западе начала 50-х годов требовала агрессивной кампании за разоружение вообще и против ядерного оружия в частности. Отсюда — взрыв миролюбивой активности того времени, знаменитое Стокгольмское воззвание, "голуби мира" Пикассо и т.п. Однако поворот к "детанту" 70-х вовсе не означал сворачивания этой деятельности: и культивированные ими западные структуры, и личные связи не только не исчезли, а, наоборот, укрепились. Но их активность была переориентирована на текущие проблемы советской политики — кампанию против войны во Вьетнаме, "солидарности с чилийским народом" или народом Палестины, борьбу с апартеидом и т.д. Поворот же к "холодной войне" 80-х означал всего лишь смещение акцентов в этой вечной "борьбе". По существу ничего не менялось: все тот же Всемирный совет мира со своим бессмертным председателем Ромешем Чандрой, с их базой в Финляндии и отделениями по всему миру, тот же закулисный дирижер — глава международного отдела ЦК Борис Пономарев, те же клиенты, большей частью подставные "миротворческие" организации, созданные местными компартиями. Даже финансирование оставалось прежним — в основном, через советский Фонд мира, куда каждый советский гражданин был обязан отчислять часть своего заработка. А финансирование было не малым: по моим очень приблизительным тогда подсчетам, основанным только на официальных советских источниках, Фонд мира собирал порядка 400 млн. рублей в год, из которых как минимум треть (140 миллионов, по тогдашнему неофициальному курсу — 35 млн. долларов) тратилось на Западе, чтобы "*оказывать финансовую поддержку организациям, движениям и отдельным людям, которые борются за мир и разоружение, и финансировать международные конгрессы, симпозиумы, фестивали и выставки, дающие этим организациям и людям возможность координировать свои действия в международном масштабе*".

Все это, повторяю, было известно уже тогда, в начале 80-х и из вполне доступных советских публикаций. Более того, время от времени в западной печати проскальзывали сообщения о скандалах, связанных с советским манипулированием движения за мир: то в Дании местный "активист" Арне Петерсен попался с советскими деньгами, которые он получал для публикации в газетах платных объявлений и петиций своего движения; то в Швейцарии советские дипломаты оказывались замешанными в организацию антиядерных демонстраций; то западногерманские "зеленые", перессорившись со своими союзниками-коммунистами, обвиняли последних в полной манипуляции антиядерных митингов. Да и чрезвычайно высокий процент коммунистов в руководстве большинства антивоенных организаций в Англии, Голландии и Германии, не говоря уж об Италии, был фактом достаточно убедительным.

Однако более прямыми доказательствами я тогда не располагал, а многих аспектов этого "мероприятия наступательного характера" не знал вообще. В частности, помню, ломал себе голову: когда же именно было принято в политбюро решение развернуть кампанию за разоружение? До или после вторжения в Афганистан? Я склонялся к тому, что до, где-то в середине 1979 года, тогда же, что и решение об Афганистане. И оказался не совсем прав: история была гораздо инте-

реснее. Начать с того, что само по себе это решение никакого отношения к Афганистану не имело и принято было еще в 1975 году, на XXV съезде КПСС, как часть общей "Программы дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество". Требовалось закрепить успехи "детанта", Хельсинского соглашения, узаконившего послевоенную советскую экспансию в Европе, закамуфлировать свое стремительное наращивание вооружений и, более всего, не допустить ответных мер западных правительств. А некоторое беспокойство по поводу советского военного превосходства возникало уже тогда.

В последнее время внимание военно-политических кругов стран — членов НАТО привлечено к проблеме так называемого точного тактического оружия, создание которого, согласно прогнозам, может привести к изменению структуры вооруженных сил и оказать в дальнейшем серьезное влияние на развитие международной обстановки, — докладывал ЦК Андропов в декабре 1975 года. — **Главной особенностью точного оружия, обладающего высокой автономностью и мобильностью, является его способность поражать цель практически с одного выстрела независимо от расстояния, при любых погодных условиях и в любое время суток. Примерами оружия такого типа являются: бомбы с лазерным или телевизионным наведением, применявшиеся уже в ходе войны в Юго-Восточной Азии; различные виды ракет и снарядов, наводимые по лазерному лучу (разрабатываемые в США противотанковая ракета "Хеллфаер" и артиллерийский самонаводящийся 155-миллиметровый снаряд), по рельефу местности (тактическая ракета "Першинг-2" с вероятным отклонением от цели 20—40 м, беспилотные самолеты) и т.д.**

Все это, продолжал Андропов, внесет в международную обстановку ряд как стабилизирующих, так и дестабилизирующих факторов. С одной стороны:

...появление подобного оружия может привести к отказу от некоторых видов современной дорогостоящей авиационной и бронетанковой техники, к возрастанию роли дешевых танков, бронетранспортеров, беспилотных самолетов, к ведению в будущем боевых действий небольшими высокомобильными подразделениями.

Однако с другой:

...как полагают в военных кругах НАТО, угроза гарантированного поражения целей новым оружием потребует проведения целого ряда мероприятий по рассредоточению военно-промышленных объектов, складов оружия, крупных военных баз. К стабилизирующим факторам относят высокую эффективность нового оружия, что уменьшает вероятность применения ядерных средств поражения и повышает способность обороняющейся стороны противостоять даже превосходящим силам противника.

...военно-политические круги НАТО считают целесообразным оснастить точное оружие ядерными боеголовками малой мощности. По их мнению, подобные системы оружия смогут поражать крупные цели, не причиняя практически ущерба гражданским объектам и не приводя к значительным потерям среди мирного населения. Эти свойства нового оружия используются руководящими деятелями НАТО в качестве аргумента для обоснования необходимости упрощения процедуры принятия решения о боевом применении тактического ядерного оружия.

Соединенные Штаты пытаются использовать новые возможности, связанные с появлением точного тактического оружия, для укрепления блока НАТО и "повышения уверенности у своих западноевропейских союзников в их способности противостоять силам Варшавского договора".

Этого Москва допустить никак не могла: весь смысл "мирного наступления" как раз к тому и сводился, чтобы сделать Европу уязвимой, зависимой от советского диктата, т.е. совершенно неспособной противостоять силам Варшавского договора. Можно сказать, что к этому всегда сводились и все их маневры с вооружением еще со сталинских времен, но появление ядерного оружия в конце войны сильно спутало их планы. При том колоссальном численном преимуществе, которое было на стороне соцлагеря, Москву вполне устроило бы и полное разоружение: коммунистические полчища смели бы Европу даже голыми руками. А уж ядерное разоружение было пределом их мечтаний: угнаться за тоталитарным монстром в обычных вооружениях демократической Европе было не под силу. Для этого пришлось бы милитаризовать всю жизнь континента, мобилизовать все ресурсы, т.е. превратиться в такое же тоталитарное государство, как и Советский Союз. Именно поэтому Трумэн и Эттли с самого момента создания НАТО полагались как раз на ядерное оружие: оно позволяло Европе наслаждаться демократией, процветать экономически и оставаться независимой. Но оно имело известные минусы: его нельзя было применить, не разрушив пол-Европы в процессе отражения советской атаки. Оставалось лишь уповать на его сдерживающую силу, т.е. постоянно жить под угрозой ядерной катастрофы, что и служило источником беззастенчивой советской эксплуатации страха. Решится на это Запад в критический момент или нет, было основной проблемой европейской безопасности, возникавшей вновь при каждом изменении политической ситуации. В том-то и была подлость "детанта" с его соблазном мира и сотрудничества (а особенно — подлость его западных адвокатов, отлично понимавших, с чем они играют), что поставленные перед невозможным выбором между капитуляцией и ядерным самоубийством, т.е. буквально между тем, чтобы стать "красными" или "мертвыми", люди начинали склоняться к первому, не желая даже задуматься о кошмаре коммунистического рабства. Тем более, что говорить об этом кошмаре в разгар "детанта" считалось неприлично — это же "риторика холодной войны"!

Появление "точного оружия", нейтронной бомбы, а позднее — идея стратегической оборонной инициативы (СОИ, более известной как "звездные войны") были ответом на эту проблему. Но потому это и вызывало такую ярость в Москве, что обезвреживало СССР, делая его грандиозное численное преимущество (к концу 70-х почти 3:1 по сравнению с НАТО в численности наземных войск, танков и авиации) совершенно бессмысленным, отнимая самое главное — возможность угрожать. Осуществись такое, и не нужно будет Европе мучительно выбирать между рабством и смертью. Способность Запада обеспечить свою полную безопасность односторонне, без участия СССР и каких-либо "коллективных договоров" (которые потом можно было бы толковать в свою пользу), была источником постоянного страха в Кремле. На этом кончились бы все их мечты заполучить Европу с ее промышленным потенциалом, притом без единого выстрела.

А именно так видели они будущее: ни оккупировать Европу, ни сжигать ее ядерным оружием они не планировали. Тем более, как мы видели из доклада

Андропова, нисколько не опасались они за свою безопасность в результате размещения нового оружия странами НАТО: в Кремле отлично понимали, что оно имеет чисто оборонительную функцию. Разумеется, демонстративное размещение сотен ракет СС-20 в конце 70-х было прямым ответом на это новое оружие НАТО, но лишь в том смысле, что лишало Запад новых преимуществ *обороны*, упомянутых в докладе Андропова. Москва как бы говорила Западу: "Ни о какой "чистой" ядерной обороне, сводящей к минимуму гражданские потери, и не мечтайте, ибо на применение вашего нового тактического оружия мы ответим ракетами СС-20 с ядерным зарядом". Ничем иным, кроме стремления вновь поставить Европу перед мучительным выбором между самоубийством и капитуляцией, и не объяснить назначения этих ракет. Тем более не объяснить вызывающе неприкрытого их размещения, без малейшей попытки камуфляжа, со скоростью примерно одной в неделю к 1979 году. Ведь при желании СССР умел прятать от американских сателлитов, например, постоянную модернизацию своих ракет, проводившуюся по крайней мере с 1974 года. В Генеральном штабе советской армии даже существовало специальное управление для этой цели — Главное управление стратегической маскировки (ГУСМ), вполне со своей работой справлявшееся.

Словом, пресловутая "советская паранойя" была хорошо разыгранной советской дезинформацией, охотно подхваченной и лидерами движения за мир, и всякими прочими "советологами". И правда, при мощной системе советской разведки да при самой мощной в мире армии — чего ж им было бояться? Но, будучи прекрасными игроками, советские вожди вполне трезво рассчитали: внезапный поворот к враждебности после десятилетия деморализации, внезапное осознание Западом колоссальных военных преимуществ Востока, не оставляющих НАТО ни малейшего шанса на оборону, сделает выбор Европы в пользу "покрасневшей" неизбежным. Так я и писал тогда в своей брошюре:

"***...с этого самого момента вы постепенно начнете утрачивать свою свободу, оказавшись под постоянным и ничем не сдерживаемым советским шантажом.***

Вы можете любить или не любить свои профсоюзы, но хотите ли вы, чтобы они опасались советского вторжения каждый раз, как возникает возможность большой забастовки (как это было в Польше на протяжении шестнадцати месяцев)? Можно любить или не любить свою прессу, но хотели бы вы соблюдения ею строжайшей самоцензуры, дабы избежать гневной реакции могучего соседа (как это происходит в Финляндии)? Можно любить или не любить парламентскую систему, но, по крайней мере, вы свободны выбирать кого вам хочется, не принимая во внимание желаний иностранной державы. Никто не угрожает прийти и навязать вам правительство со стороны (как в Афганистане). Природа же советской системы такова, что она не успокоится, пока вы не станете полностью ей подобны".

11. Машина в действии

Таким образом, кампания за разоружение была запланирована уже в 1975 году, хотя считалась не срочной, а рассчитанной на будущее. Размещение ракет

среднего действия СС-20 намечалось лишь на конец 70-х, да и американские ракеты не ожидались раньше:

В настоящее время работы по созданию точного оружия находятся на стадии внедрения уже испытанных образцов, изучения накопленного опыта их практического применения, а также разработок новых опытных систем, – завершал свой доклад Андропов. – **На неофициальной встрече представителей военных и промышленных кругов стран НАТО, состоявшейся в марте 1975 года в ФРГ, был сделан вывод о реальности широкого распространения и возможности боевого применения точного тактического оружия уже к началу 80-х годов.**

К началу 80-х и предполагалось развернуть "борьбу за мир" во всю ее мощь. Готовились не спеша, но обстоятельно. Летом 75-го Всемирный совет мира выпустил свой призыв к разоружению, приуроченный к 25-й годовщине Стокгольмского воззвания. Только в мае 76-го приняли, наконец, постановление ЦК "О порядке проведения в СССР кампании за прекращение гонки вооружений, за разоружение" и утвердили план основных мероприятий.

Проведение всемирной кампании за прекращение гонки вооружений, за разоружение представляет собой важную общественно-политическую акцию, способствующую разъяснению среди зарубежной общественности миролюбивой внешней политики СССР и стран социалистического содружества, созданию широкого общественного фронта поддержки советским инициативам в области прекращения гонки вооружений и разоружения, изоляции милитаристских сил империализма и маоизма, стремящихся к подрыву процесса разрядки международной напряженности, – писал ЦК.

Основным мероприятием был массовый сбор подписей под призывом Всемирного совета мира, выпущенным год назад якобы в честь 25-летия знаменитого Стокгольмского воззвания.

Сбор подписей под Призывом ВСМ проводится на строго добровольной основе среди граждан СССР, начиная с 16-летнего возраста. Иностранные граждане, находящиеся на территории СССР, по собственному желанию могут поставить подпись под Призывом...

К этому же приурочивались вечера, встречи, выставки, фестивали, выпуск специальных плакатов, брошюр, фотовитражей и даже специальной почтовой марки – всё "за прекращение гонки вооружений, за разоружение". Только в конце программы скромно добавлялось:

ТАСС, АПН, Гостелерадио, редакциям центральных газет и журналов широко и регулярно освещать ход кампании в СССР и за рубежом. В работе на зарубежные страны уделять особое внимание пропаганде существа советских позиций по вопросам разоружения, показу массового характера проводимой в стране кампании.

Специальное сообщение было разослано всем коммунистическим и рабочим партиям мира:

Судя по имеющейся у нас информации, Призыв ВСМ находит поддержку широких кругов миролюбивых сил. Во многих странах начался сбор подписей под ним, организуются митинги, конференции, манифестации и другие мероприятия в поддержку его требований, соответствующие конкретным услови-

ям, в которых действуют сторонники мира. Все это говорит о том, что существуют благоприятные возможности для развертывания активных массовых действий за углубление разрядки международной напряженности путем сдерживания и прекращения гонки вооружений, сокращения военных расходов, принятия мер по разоружению. В условиях, когда наиболее реакционные, агрессивные силы империализма активизируют подрывные действия против разрядки, требуя наращивания военных расходов, объявленная кампания представляется особенно актуальной и своевременной. (...) Информируя вас о мерах, предпринимаемых в СССР, мы исходим из того, что коммунисты всех стран могут внести большой вклад в обеспечение успеха всемирной кампании за прекращение гонки вооружений, за разоружение.

А руководству соцстран еще добавлялось доверительно:

Массовый характер кампании в поддержку Призыва ВСМ в социалистических странах послужит дополнительным стимулом активизации участия в этой кампании общественности капиталистических и развивающихся стран.

Просто чувствуешь, как медленно и тяжело, точно мельничные жернова, задвигались колеса этой гигантской машины "братских" стран и партий, их ассоциаций и филиалов, друзей и попутчиков на всех континентах, кроме разве что Антарктиды. Перестраивалась их работа, увеличивалась финансовая "помощь" различным зарубежным структурам (в частности, в Скандинавии), укреплялись позиции в международных организациях, проводились координационные встречи и брифинги. О размахе планируемой кампании и ее предполагаемых сроках можно судить хотя бы по тому факту, что СССР и его клиенты заблаговременно добились проведения специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в 1978 г. (а потом еще и в 1982-м), заключительный документ которой гласил:

"***Обеспокоенные*** *угрозой самому выживанию человечества, возникшей в связи с существованием ядерного оружия и непрекращающейся гонкой вооружений, и памятуя разруху, приносимую всеми войнами,*

Убежденные, *что разоружение и ограничение вооружения, в особенности ядерного, необходимо для предотвращения опасности ядерной войны и укрепления мира и безопасности во всем мире, для развития экономики и социального процветания всех народов, что это открывает путь развитию нового международного экономического порядка...".*

Не забудем: дело происходит в 1978 году, в разгар "детанта", когда вроде бы никакой прямой угрозы ядерной войны еще нет. Зато есть стремительная советская экспансия в Третьем мире, есть вооруженные до зубов коммунистические орды в центре Европы, единственной защитой от которых осталось ядерное оружие, да и то неясно, решатся ли его применить в крайнем случае. И в чем же видит угрозу миру ООН, чем встревожена Генеральная Ассамблея? А вот как раз самим существованием этого последнего средства обороны от коммунизма. И что же предлагает ООН? Ядерное разоружение, в результате которого восторжествует в мире "новый международный экономический порядок", то бишь социализм.

"*Более того, необходимо подчеркнуть, что эта специальная сессия знаменует собой не окончание, а начало новой фазы усилий ООН в области разоружения*".

И действительно, принятая политбюро Программа действий делала ООН со всеми ее бесконечными структурами придатком советской "борьбы за мир", хотя существовало все это в основном на западные деньги.

80-е годы были объявлены "Десятилетием разоружения", а целые государства и отдельные регионы были открыто призваны провозгласить себя "безъядерными".

"*Чтобы мобилизовать мировое общественное мнение вокруг необходимости разоружения, следует принять перечисленные ниже меры, разработанные для роста распространения информации о вооружении и усилий по его приостановке и отмене:*

Правительственные и неправительственные органы информации, а также органы информации ООН и ее специализированных агентств должны отдавать приоритет подготовке и распространению печатных и аудиовизуальных материалов, подтверждающих опасность, связанную с гонкой вооружений, а также рассказывающих об усилиях по разоружению и переговорах о мерах, направленных на разоружение...

Генеральная Ассамблея объявляет неделю, начинающуюся 24 октября, в день основания ООН, неделей, посвященной определению задач движения за разоружение...

Генеральная Ассамблея приветствует инициативу Организации ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), планирующей провести всемирный конгресс по вопросам образования в области разоружения, и в этой связи предлагает ЮНЕСКО начать разрабатывать свою программу образования в области разоружения в качестве полноправной отрасли знаний, требующей специальной подготовки и, в частности, педагогических пособий, учебников, хрестоматий, а также аудиовизуальных материалов. Государства-члены должны принять все необходимые меры, чтобы организовать включение соответствующих материалов в программу своих учебных заведений".

А в это же время ЦК распоряжается "принять меры к повышению роли Советского Союза в ЮНЕСКО, увеличению числа и активности советских работников в секретариате этой организации" и сообщает об уже достигнутых успехах в разработке по инициативе СССР Декларации ЮНЕСКО об основных принципах использования средств массовой информации для укрепления мира и международного взаимопонимания, для борьбы с пропагандой войны. Достижения, и правда, немалые: в специальном постановлении ЦК "О дальнейшем повышении активности СССР в деятельности ЮНЕСКО" подведен итог этой работы за 25 лет:

Эти годы ознаменовались важными идеологическими, политическими и практическими результатами в использовании этой организации системы ООН в интересах советской внешней политики, пропаганды достижений СССР в области науки, культуры, образования и социалистической демократии, в применении мирового научного опыта для нужд нашего народного хозяйства.

В результате принципиальной линии СССР и братских социалистических стран в ЮНЕСКО утвердился курс на ее активное участие в решении актуальных международных проблем, в первую очередь в борьбе за мир, разрядку, разоружение, против колониализма и расизма. Организацией были приняты

выгодные для нас решения против агрессии США во Вьетнаме, в поддержку национально-освободительных движений, об участии в реализации договоренностей Общеевропейского совещания, резолюции, осуждающие политику Израиля, преступления фашистской хунты в Чили и апартеид на юге Африки. ЮНЕСКО первой в системе ООН приняла в свои члены ГДР, СРВ, КНДР, МНР и Намибию.

Несмотря на противодействие западных держав, в ЮНЕСКО были проведены и получили широкое международное звучание мероприятия, посвященные 150-летию со дня рождения К.Маркса, 100-летию со дня рождения В.И.Ленина, 50-летию и 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 50-летию образования СССР и др.

Важные политические решения, принятые на 20 сессии Генеральной конференции (октябрь—ноябрь 1978 г.), создают благоприятные условия для ориентации ЮНЕСКО на более активную поддержку усилий Советского Союза и других социалистических стран по оздоровлению международной обстановки, противодействию происках милитаристских сил и противников разрядки, включая маоистов.

Участие СССР в деятельности ЮНЕСКО дает не только внешнеполитический и идеологический, но и немалый народнохозяйственный эффект. Советские ученые получают через ЮНЕСКО доступ к ценной для нашей науки, экономики и обороны информации.

Вместе с тем возможности для усиления наших позиций в ЮНЕСКО и повышения научной и народнохозяйственной отдачи используются далеко не полностью. Имеются в виду как научно-технические программы ЮНЕСКО и получение соответствующей информации, так и пропагандистские каналы и издательская деятельность Организации (ее публикации распространяются в 140 странах).

Все это, заметьте, осуществлялось на западные деньги, и немалые: годовой бюджет ЮНЕСКО составлял в 1979 году 151,6 млн. долларов! Пройдут годы, прежде чем США и Англия прекратят свое участие в финансировании, поняв наконец, что ЮНЕСКО превратилась просто в инструмент советской политики и рассадник шпионажа. Но ведь примерно такое же положение существовало тогда в большинстве международных организаций, включая самое ООН. Одно только их перечисление заняло бы несколько страниц, и в каждой сидели советские со своими клиентами да попутчиками, пользуясь их "возможностями": каналами, финансами, престижем. В сочетании с развернутым "движением за мир" всех левых сил это становилось мощным орудием воздействия на общественное мнение, позволявшим использовать практически любую тему, любой повод для расширения их кампании, создания ее инфраструктур. Например, 1979 год был объявлен ООН Международным годом ребенка, что, казалось бы, не имеет никакого отношения к советской кампании за ядерное разоружение Запада. Но это только кажется несведущему, наивному западному обывателю.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР N139-44 от 5 февраля 1979 г. Комитету советских женщин, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ разрешено провести в сентябре 1979 г. в Москве Всемирную конференцию "За мирное и счастливое будущее для всех детей" с участием в ней до 700 зарубежных представителей.

Подготовку к Всемирной конференции осуществляет Международный подготовительный комитет (МПК), в состав которого входят представители 20 международных и региональных неправительственных организаций различной политической ориентации, а также представители принимающей стороны — Комитета советских женщин и ЦК ВЛКСМ. Возглавляет МПК президент Международной демократической федерации женщин, лауреат международной Ленинской премии "За укрепление мира между народами" Фрида Браун (Австралия).

Проведение конференции поддерживается ООН и ее специализированными учреждениями. Конференция будет носить широкопредставительный характер. В ее работе примут участие представители более 120 стран всех континентов и около 70 международных и региональных организаций (женских, профсоюзных, молодежных, профессиональных объединений педагогов, врачей, юристов, психологов), а также движений за мир и солидарность.

На Конференции будут представлены международные, региональные и национальные организации различных политических, идеологических, религиозных и философских тенденций. Большое внимание участию в Конференции придают социал-демократические и социалистические организации и движения. Дали согласие участвовать в Конференции Международное движение "Соколы", Международный союз молодых социалистов. Бюро организации "Женщины Социнтерна" приняло решение о направлении на Конференцию делегации в составе двух вице-президентов: представителей Финляндии и Израиля. Представители социал-демократических организаций ряда стран войдут в состав национальных делегаций.

В качестве почетных гостей приглашаются видные политические и общественные деятели, известные писатели, художники, ученые. От Организации Объединенных Наций будет участвовать специальный представитель Генерального секретаря ООН по проведению Международного года ребенка — Эстефания Алдаба-Лим (Филиппины). Приглашения также направлены ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Международной организации труда (МОТ). (...)

В рамках Конференции будет проведен форум по вопросам сотрудничества молодежных, студенческих, детских и юношеских организаций в интересах защиты подрастающего поколения, а также "круглый стол" детских писателей.

В заключение работы Конференции предполагается принять обращение к правительствам, парламентам и общественности в связи с Международным годом ребенка и документ для представления на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, которая подведет итоги проведения Года.

Если сильно не приглядываться, то выглядит вполне невинно. Ну, дети, цветы жизни. Кто же не хочет мирного и счастливого будущего для детей? Можно только сказать спасибо Советскому Союзу за все хлопоты и расходы, связанные с таким благородным делом. И расходы немалые: 1,5 млн. рублей да 80 тыс. инвалютных рублей. Все ради детей?

Организация Всемирной конференции в Москве открывает новые возможности для разъяснения миролюбивой политики Советского Союза, его усилий

в борьбе за разоружение и разрядку международной напряженности, для пропаганды преимуществ социализма в создании условий для обеспечения счастливого детства. Конференция даст новый импульс развитию сотрудничества широких сил мировой общественности в борьбе за права детей.

Главным правом детей оказалось право "жить в мире".

* * *

В сущности, афганская авантюра скорее помешала советской кампании за одностороннее разоружение Запада, смешав им все карты и планы. Во всяком случае, до вторжения в Афганистан политическая атмосфера в мире была гораздо благоприятней для их целей. И, кто знает, удержал бы Запад свои позиции, продлись она еще несколько лет? Первой реальной пробой их сил была кампания против идеи Картера оснастить НАТО нейтронным оружием — одной из тех технических новинок, рассчитанных именно на укрепление обороны Европы против превосходящих сил Варшавского пакта (особенно в танках), о которых говорилось в докладе Андропова. И хотя оружие это было явно оборонительным, никак миру в Европе не угрожавшим, а кампания против него — откровенно просоветской, она оказалась на редкость успешной. Всего-то и потребовалось несколько протестов в Голландии, Дании и Норвегии между 1977 и 1978 гг., чтобы напугать Картера и заставить его пересмотреть свое отношение к нейтронному оружию. Без сомнения, это было поражением НАТО и победой Москвы, причем победой легкой и сильно их ободрившей.

Значительная активизация деятельности Всемирного Совета Мира (ВСМ), особенно в области борьбы за прекращение гонки вооружений, против нейтронного оружия позволила в последнее время поднять уровень мобилизации масс и расширить социально-политическую базу антимилитаристских выступлений прежде всего в капиталистических странах, включая США и государства Западной Европы, — докладывал с гордостью международный отдел ЦК.

По инициативе ВСМ и ряда миролюбивых движений США в Вашингтоне был проведен широкий диалог по проблемам разоружения, в котором приняли участие десятки конгрессменов, многие сенаторы и другие видные политические и общественные деятели США; в Женеве состоялась Всемирная конференция неправительственных организаций по разоружению. Во многих странах были проведены крупные национальные и международные акции. Так, в Амстердаме состоялся международный форум "Нет — нейтронной бомбе!", а во время проведения спецсессии Генеральной ассамблеи ООН по разоружению во многих городах США, включая Нью-Йорк, прошли массовые митинги и марши протеста против нейтронной бомбы за прекращение гонки вооружений и разоружение. В ходе подготовки и проведения всех этих мероприятий издавались на многих языках массовыми тиражами брошюры, в том числе две брошюры по нейтронной бомбе, плакаты, листовки и т.д. Для проведения этих акций и мероприятий потребовались значительные финансовые затраты, превысившие запланированные.

В связи со сложившейся международной обстановкой Всемирный Совет Мира ставит своей целью дальнейшее широкое развертывание практических выступлений общественности в странах против активизировавшихся контр-

атак противников разрядки. Среди мероприятий массового характера, намечаемых на вторую половину текущего года, можно отметить массовый митинг против вашингтонских решений НАТО в Штутгарте (ФРГ), митинги и марши протеста против нейтронной бомбы в Бельгии, Австралии, Европейскую конференцию "Роль общественности в борьбе за разрядку и сотрудничество" в Бухаресте и другие. Все это потребует издания большого количества пропагандистских материалов, направления представительных делегаций для выступлений перед общественностью различных стран, оказания помощи некоторым национальным комитетам в подготовке крупных общественно-политических акций (в том числе аренда залов, транспортировка участников манифестаций, издание листовок и плакатов и т.д.). Потребуется организация интенсивной оперативной связи секретариата ВСМ как с национальными комитетами мира, так и с политическими партиями различных стран. Опыт первой половины этого года показал также возможности развертывания активной работы ВСМ непосредственно в США и создания там для этих целей определенной организационной основы. Все это, естественно, также потребует дополнительных расходов.

"Борьба за мир" продолжала расти и расширяться весь конец 70-х в соответствии с планом и вне всякой зависимости от мировой конъюнктуры. Даже подписание Брежневым и Картером в Вене в 1979 году договора об ограничении ядерных вооружений (ОСВ-2) и встреча в верхах никак не замедлили ее темпов. Напротив, СССР продолжал ее нагнетать, помимо всего прочего — путем выдвижения бесконечных "мирных инициатив" и предложений, явно односторонне им выгодных и заведомо неприемлемых для Запада (неприменение ядерного оружия, меры по укреплению "доверия" путем одностороннего сокращения небольшой части советских войск в Германии и т.п.). Таким образом искусственно (и не без успеха) создавалось впечатление неустанной заботы о мире советских вождей и, по меньшей мере, безразличия НАТО и правительства США, вынужденных эти "инициативы" отвергать. Словом, организационно, психологически, стратегически Советский Союз к концу 1979 года уже выигрывал кампанию и, надо полагать, выиграл бы окончательно через несколько лет, если бы не Афганистан.

Пожалуй, самый важный аспект этой авантюры — даже не конкретная советская агрессия (они случались и в прошлом), а ее удивительная несвоевременность, приведшая к изменению общей обстановки в мире, всего политического контекста. Трудно было придумать более красочную иллюстрацию того, к чему приводит "мирное сосуществование" с советским режимом, особенно для маленькой нейтральной страны. Тем более впечатляла такая иллюстрация в разгар советской кампании за разоружение, за мирное сосуществование, основанное на доверии. Не придумать лучшей рекламы для НАТО — даже Швейцария засомневалась в пользе своего традиционного нейтралитета. И уж как минимум все это не могло помочь "расширению социально-политической базы" советского движения за мир. Напротив, с этого-то момента резко обострилось расслоение на левых и правых в западной политике, особенно в вопросах обороны, а последние получили четкую и хорошо обоснованную позицию. Не в последнюю очередь потому и началось поправение Запада 80-х, приведшее к власти в США Рональда Рейгана, а позднее в ФРГ — Гельмута Коля. Обострилась поляризация в социалистических

и социал-демократических партиях Европы, где более умеренное, проатлантическое крыло в руководстве или просто откололось (как в лейбористской партии Англии), или удерживало свои партии от более радикальной позиции (канцлер Гельмут Шмидт в ФРГ, премьер-министр Беттино Кракси в Италии).

С другой стороны, советским вождям пришлось форсировать свою кампанию, нарушать свои планы и сроки, перенапрягать свои ресурсы, пытаясь преодолеть возникшую политическую изоляцию. Даже сокращение "культурного обмена" из-за бойкотов и протестов против их политики серьезно подрывало их возможности, особенно в США. А сама необходимость преодолевать эту изоляцию вызывала подозрения в отношении любых их кампаний. Не случайно даже у меня создалось впечатление, что столь бурно проводимая "борьба за мир" связана с событиями в Афганистане гораздо теснее, чем это было на самом деле.

Тем более ошеломляет успех их кампании. Принятое в апреле 1980 года постановление ЦК "О дополнительных мероприятиях по активизации выступлений общественности против решения НАТО о производстве и размещении новых американских ракет в Западной Европе" утверждает новый план действий в создавшейся обстановке. Все средства информации получают инструкцию:

...усилить аргументированную критику принятых под нажимом США решений брюссельской сессии совета НАТО как одной из главных причин обострения международной обстановки, разъяснять значение предложений Советского Союза о сокращении средств средней дальности в Европе и в целом по военной разрядке на континенте для радикального смягчения напряженности в отношениях между государствами.

Советским общественным организациям полностью использовать запланированные связи и обмены со странами Западной Европы, а также дополнительные предложения советских посольств в этих странах с тем, чтобы кампания против милитаристских планов НАТО постоянно нарастала и приобрела наибольшую интенсивность к моменту весенней сессии руководящих органов этого блока (май—июнь с.г.).

И, глядишь, к июню действительно начались демонстрации в Европе. Задача сильно облегчалась тем, что многие мероприятия были уже запланированы и подготовлены, требовалось лишь усилить их, расширить, увеличить финансирование, а не начинать с нуля. Скажем, Международная конференция парламентариев за мир, разоружение и международную безопасность в Хельсинки в мае 1980 года, Международная конференция за запрещение ядерного оружия в Японии в августе или тот же Всемирный парламент народов за мир в сентябре в Софии, о котором я писал в 1982 году, — все были запланированы чуть ли не за год вперед. Последний, как я правильно угадал в своей брошюре, стал действительно центральным мероприятием 1980 года, призванным:

...активизировать выступления против авантюристической политики империалистических кругов США, НАТО и пекинских гегемонистов, за сохранение и продолжение в 80-е годы процесса разрядки международной напряженности.

Изначально этот "парламент" планировался гораздо скромнее, как рядовое мероприятие ВСМ, да и назывался всего лишь "Всемирным конгрессом движения сторонников мира". Но потребовалась активизация "борьбы", резко увеличилось финансирование, усилилась подготовительная работа (особенно по вовлечению

некоммунистических организаций), подсобили, руководствуясь рекомендациями Сорса, социалисты да социал-демократы, и он превратился в "парламент народов". Роль его была многоплановой: во-первых, он должен был покрыть своим авторитетом решения Москвы (точно так же, как подставные банки отмывают "грязные деньги"):

Политическая подготовка к этому центральному мероприятию общественного движения за мир, призванному определить основные направления усилий миролюбивой общественности на ближайшие годы, проводится в сотрудничестве с международными и национальными организациями различной политической ориентации. Ожидается участие в работе Всемирного парламента 1500—2000 делегатов и гостей из более чем 100 стран, от ООН, ЮНЕСКО, ЮНКТАД и других международных правительственных и неправительственных организаций, — докладывал в ЦК советский Комитет защиты мира.

Действительность, однако, превзошла ожидания: приехало 2260 миролюбцев из 137 стран, представлявших 330 политических партий, 100 международных и более 3000 национальных неправительственных организаций, 200 членов различных парламентов, около 200 профсоюзных лидеров, 129 ведущих социал-демократов (из них 33 — члены исполкомов своих партий), 150 писателей и поэтов, представители 33 освободительных движений, 83 коммунистических и рабочих партий, женских, молодежных, религиозных организаций, 18 представителей различных комиссий и специализированных служб ООН, и т.п. И, конечно, этот "парламент" *единогласно* принял советскую Программу действий, Воззвание и прочие документы.

Во-вторых, же это сборище было удобно для решения массы организационных вопросов в отношении будущих акций, укрепления связей с различными западными организациями нужного толка, т.е. для дальнейшей отстройки инфраструктуры. Для этой цели, например, часть делегатов (около 600 человек!) по дороге домой из Софии даже завезли в Москву и там еще неделю отстраивали с ними "двусторонние отношения", а заодно "знакомили с советской действительностью".

Наконец нужно было обеспечить "выполнение решений Парламента народов": проследить, чтобы его участники, возвратясь домой, провели в своих организациях соответствующие резолюции, приняли Программу действий и неуклонно ее выполняли. В специальном постановлении секретариата ЦК "О мерах по дальнейшей активизации выступлений миролюбивой общественности в свете итогов Всемирного парламента народов за мир" были обозначены основные направления этой работы и главные мероприятия. Всем советским учреждениям и общественным организациям, например, предписывалось:

...координируя свои действия с соответствующими организациями братских социалистических стран и прогрессивными организациями несоциалистической части мира, добиваться активной антивоенной направленности предстоящих наиболее крупных международных мероприятий:

Встречи участников брюссельского движения общественности по проблемам безопасности, сотрудничества и разоружения (г. Брюссель, ноябрь 1980 года), Конгресса Международного союза студентов (г. Берлин, ноябрь 1980 года), Всемирного форума молодежи и студентов за мир, разрядку и разоруже-

ние (г. Хельсинки, январь 1981 года), сессии Генерального совета Организации солидарности народов Азии и Африки (г. Аден, март 1981 года), Конгресса Международной демократической федерации женщин (г. Прага, октябрь 1981 года).

Уделить особое внимание предстоящей в январе 1981 года в г. Вене расширенной встрече руководства Международного форума по связям миролюбивых сил, добиваясь закрепления и развития установившегося сотрудничества между различными политическими партиями и массовыми организациями на антивоенной платформе и ведя дело, в частности, к принятию решения о созыве в одной из капиталистических стран представительной всемирной конференции по вопросам разоружения и разрядки. (...)

— в дальнейшем осуществлении связей с зарубежной общественностью исходить из постановлений ЦК КПСС по международным вопросам за 1980 год, выступлений тов. Брежнева Л.И., из широкой платформы сотрудничества миролюбивых сил, нашедшей выражение в итогах Всемирного парламента народов за мир, добиваясь на этой основе достижения в 1981 году нового подъема массовых выступлений для решительного отпора происках милитаристских сил; эту работу проводить в тесном контакте с соответствующими организациями социалистических стран и международными демократическими организациями;

— усилить сотрудничество с миролюбивыми и антивоенными организациями США, содействуя, в частности, активизации деятельности и расширению массовой базы Совета мира США;

— содействовать проведению до конца 1980 года встречи представителей руководства международных демократических организаций с целью усиления координации их деятельности в области борьбы против гонки вооружений, за разрядку и мир.

ВЦСПС принять меры к созыву в 1981 году, в соответствии с решением IX Конгресса ВФП, Международной конференции по социально-экономическим проблемам разоружения, а также оказать содействие реализации предложения профсоюза горняков Великобритании о проведении всемирной конференции горняков против гонки вооружений.

ЦК ВЛКСМ и Комитету молодежных организаций СССР принять участие в деятельности рабочих органов учрежденной в октябре 1980 года на встрече в г. Будапеште Общеевропейской структуры сотрудничества молодежи и студентов в целях усиления антивоенной направленности проводимых в ее рамках мероприятий.

Советскому комитету за европейскую безопасность и сотрудничество совместно с Советским комитетом защиты мира, Парламентской группой СССР, Ассоциацией по связям советских и зарубежных городов и другими советскими общественными организациями сконцентрировать в ближайший период внимание на достижении следующих целей:

дальнейшее усиление борьбы населения западноевропейских стран против осуществления решения НАТО о размещении в Западной Европе новых американских ракет, за проведение конструктивных переговоров по вопросу о ядерном оружии средней дальности, в частности, стимулирование выступле-

ний парламентариев, муниципальных советов, мэров городов против размещения новых американских ракет на территории их стран и соответствующих административных единиц;

обеспечение поддержки международной общественностью позиций СССР и стран социалистического содружества на мадридской встрече представителей государств — участников Общеевропейского совещания.

Научному совету по исследованию проблем мира и разоружения, Советскому Пагуошскому комитету активизировать установление и развитие связей с авторитетными научными центрами и отдельными учеными западных стран, в частности США, побуждая их к публичным выступлениям против гонки вооружений, за предотвращение угрозы ядерной войны.

Совету по делам религий при Совете Министров СССР предусмотреть в плане международных связей религиозных организаций СССР на 1981 год активизацию деятельности русской православной церкви и других религиозных организаций, действующих на территории Советского Союза, для дальнейшего вовлечения прогрессивных зарубежных религиозных сил в борьбу за мир и разоружение.

Отделу внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС ориентировать советские средства массовой информации на необходимость существенно расширить и разнообразить освещение антивоенных выступлений миролюбивой общественности и деятельности ее организаций.

Гигантские маховики этой дьявольской машины стали стремительно набирать обороты, завертелись шестеренки и колесики, засуетились шатуны с кривошипами, и пошла она подминать страны и континенты, только пыль столбом. Конгрессы и форумы, марши и протесты, "безъядерные зоны" и письма ученых — все было исполнено почти буквально. А впереди — целые десять лет, заблаговременно объявленные ООН "Десятилетием разоружения". Казалось, уже ничто не в состоянии остановить эту эпидемию миролюбия, пока весь мир окончательно не покраснеет. Словом, как говаривал мудрый раввин из советского анекдота 50-х годов:

"Войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется".

12. Птички мира

Даже теперь, когда передо мной лежат сотни документов о советской манипуляции западными миротворческими движениями и, казалось бы, есть ответы на все вопросы, я все еще не могу ответить на один из них, более всего меня мучивший: что же все-таки двигало этими миролюбцами — глупость или подлость? А если и то, и другое — то в какой пропорции? Помню, на одной из тогдашних пресс-конференций меня спросили: что должен человек делать, чтобы не оказаться "полезным дураком"? И я ответил: прежде всего не быть дураком. Но если это обстоятельство изменить невозможно в силу причин чисто биологических, то следовать очень простому правилу: никогда не быть полезным СССР и его политике. Если же и в этом человеку трудно разобраться, то лучше, видимо, не заниматься общественной деятельностью вообще. И уж точно не сле-

дует участвовать в каких-либо мероприятиях вместе с советскими и их явными друзьями.

Казалось бы, простое, вполне доступное даже дураку правило. Так нет же, наши миротворцы загнали себя в ловушку, провозгласив свою готовность сотрудничать *со всеми* "антивоенными" силами: как, мол, мы сможем требовать от своих правительств сотрудничества с СССР в вопросах разоружения, если мы сами на это не готовы? Мы должны показать всем пример "диалога". Ну, и показали, конечно. Спрашивается, что же это было: наивность или притворство, глупость или удобное самооправдание? Я не знаю. Помню только, какое благородное негодование вызвала моя брошюра у лидеров миротворцев: разве нельзя иметь дело с советскими или местными коммунистами, оставаясь при том "независимыми"?

"*Нет ни малейшего доказательства, что движения за мир получали советские деньги*", — писал один из них с видом оскорбленной невинности, как будто все дело в деньгах и нельзя быть советским прихвостнем бесплатно. Некоторые даже демонстративно отказывались участвовать в любых мероприятиях Всемирного совета мира, отлично понимая, насколько одиозна эта советская структура. Смотрите: мы независимые!

Но и это было предусмотрено мудрым ЦК. Тема возникла на специальной координационной встрече секретарей ЦК всех братских соцстран в Будапеште 14—16 июля 1980 года, созванной по инициативе Хонеккера и обсуждавшей в числе прочих вопросов международной политики "вопросы координации международных массовых общественных движений за мир". Еще до встречи немцы настаивали:

Реализация наших общих целей помимо средств дипломатии требует поддержки со стороны широкого массового движения. Широта и действенность этого движения, однако, в значительной мере зависит от того, как нам удастся добиться выступления широчайших миролюбивых сил — далеко за рамки направляемого Всемирным Советом Мира движения, — направленных на решение коренной задачи, т.е. продолжение разрядки, ликвидацию угрозы ядерной войны. (...) Нам представляется уместным прийти к согласованию между нашими партиями коренных вопросов стратегии и тактики всемирного движения за мир и договориться о важнейших международных акциях.

Мы, конечно, исходим из того, что Всемирный Совет Мира должен сохранять свою важную роль и дальше повышать ее. Однако фактом, признанным всеми, является то, что Всемирный Совет Мира достигает далеко не все политические силы, готовые бороться за мир, разрядку и разоружение. Многочисленные реформистские профсоюзные организации, религиозные группы христианского, исламского и буддийского вероисповедания, многие национальные комитеты действий, представляющие миллионы людей, не готовы присоединиться к Всемирному Совету Мира или сотрудничать с ним. (...) Фактом является, что целый ряд важных акций (нидерландское движение "Нет — нейтронной бомбе!", брюссельская демонстрация против натовских ракет, международная эстафета мира) осуществлен без участия Всемирного Совета Мира и часто даже вопреки начальному сопротивлению его отдельных руководящих представителей. Крайне проблематичными мы в этой связи считаем случаи, когда ряду таких движений, как например, Международному бюро мира или

американскому движению "Мобилизация за выживание" публично без всякой дифференциации наклеивают ярлык "агентов империализма", как это имело место в нескольких статьях Ромеша Чандры.

Безусловно, пишут немцы, такие мероприятия, как Всемирный парламент народов в Софии, очень важны, но:

Подготовительный комитет (...) в основном состоит из представителей Всемирного Совета Мира. Тот факт, что нидерландское движение "Нет — нейтронной бомбе!", британская лейбористская кампания за ядерное разоружение, бельгийский "Комитет действий за мир и сотрудничество", а также датский "Комитет за сотрудничество" до сих пор не вовлечены в подготовку, очевидно связан с известной позицией этих организаций, отклоняющих непосредственное сотрудничество со Всемирным Советом Мира, а Всемирный парламент до сих пор недвусмысленно декларируется как мероприятие Всемирного Совета Мира.

Как можно понять, предложение СЕПГ о более гибкой тактике, большей координации с социал-демократами и социалистами получило в Будапеште полную поддержку. И в Софию удалось притащить гораздо больше "умеренных", чем рассчитывали, и отдельная с ними работа стала приносить свои плоды.

Видный бельгийский общественный деятель, бывший министр, член социалистическом партии А. Де Смаль, активно участвующий в брюссельском движении за европейскую безопасность, информировал советских представителей о намерении выступить с идеей, направленной на укрепление безопасности неядерных стран Европы, — докладывал международный отдел ЦК в августе 1980 г. — **При этом он подчеркнул, что главным мотивом выдвижения этой инициативы является глубокая тревога европейской общественности перед лицом навязанного милитаристскими силам США и НАТО наращивания в Европе ракетно-ядерного оружия.**

Занятно, не правда ли? Ни трехкратное превосходство войск Варшавского пакта, ни уже размещенные советские ракеты СС-20, нацеленные на его страну, никак не вызывают тревогу у этого "бывшего министра". Более того, о своей предполагаемой инициативе он почему-то спешит сообщить Москве даже прежде, чем объявить публично. И в чем же "инициатива"? Как она "укрепит безопасность неядерных стран Европы"?

Предложение Де Смаля состоит в том, чтобы общественность европейских стран, не располагающих ядерным оружием, добивалась для своих стран укрепления статуса неядерных государств. Первоочередное значение он придает тому, чтобы те страны, на территории которых уже имеются ядерные средства, отказались от их увеличения и от размещения у себя новых видов ракетно-ядерного оружия, а в дальнейшем повели дело к сокращению и полному выводу уже имеющихся ядерных вооружений.

В ближайшее время бельгийцы намерены обсудить его с представителями общественности других социалистических стран, а также нейтральных и неприсоединившихся стран Европы.

Разумеется, в Москве "инициатива бельгийских общественных кругов" вызвала полный восторг:

Такое обсуждение на общественном уровне способствовало бы сейчас уси-

лению борьбы против размещения в Западной Европе новых видов американских ракет средней дальности.

Правда, есть маленькое несоответствие:

...в этом проекте в его нынешнем виде предложение о гарантиях безопасности неядерных стран расходится с согласованной между социалистическими странами позицией.

Попросту говоря, он неприемлем для стран Варшавского блока, но зато вполне годится для Западной Европы. А стало быть, следует:

...использовать обсуждение выдвинутых Де Смалем идей для продвижения в политические круги Запада наших известных предложений...

Дальше — больше. Окрыленный могучей поддержкой советского блока, "бывший министр" развил кипучую деятельность, в результате которой его "инициатива" оказалась целиком и полностью "направленной на усиление отпора со стороны общественности неядерных стран наращиванию в Европе ракетно-ядерного оружия, которое навязывается милитаристскими силами США и НАТО" и получила полную "поддержку в руководстве обеих социалистических партий и в католических кругах Бельгии, а также в Голландии и других соседних странах". В таком виде, подхваченная и усиленная советской машиной, она становится общеевропейским движением.

Имеется в виду акцентировать внимание общественности неядерных стран Европы на опасности, вытекающей для них из американских стратегических планов, которые допускают "ограниченную" ядерную войну, на необходимости решительных действий в пользу скорейшего достижения соглашения об ограничении ядерных вооружений в Европе, — информирует ЦК КПСС руководство братских соцстран уже в ноябре. — **В этих целях общественные деятели Бельгии и Голландии предполагают организовать в ближайшее время ряд встреч представителей общественности неядерных стран Европы, включая социалистические страны. Одна из встреч по названной тематике созывается 22—23 ноября 1980 года в г. Амстердаме по инициативе Объединенного нидерландского комитета "Остановить нейтронную бомбу, остановить гонку ядерных вооружений". Руководство Компартии Нидерландов, играющей ведущую роль в голландском антивоенном движении, информирует, что во встрече примут участие представители различных политических сил Голландии, Бельгии и других стран Запада, и просит поддержать предложение об участии в этом мероприятии представителей общественности социалистических стран, в частности Болгарии, ГДР и Польши.**

ЦК всех братских компартий соответственно инструктируются всемерно поддержать кампанию, "использовать" ее для:

...продвижения в политические круги Запада предложений Л.И.Брежнева рассматривать на начавшихся советско-американских переговорах вопрос о ядерном оружии средней дальности в Европе одновременно и в органической связи с вопросом об американских ядерных средствах передового базирования...

— и содержащихся:

...в выступлении т.Громыко А.А. на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложений о гарантиях неприменения ядерного оружия против тех

европейских государств, которые не обладают таким оружием и не имеют на своей территории иностранного ядерного оружия.

И рассказывайте мне теперь о "независимых" движениях за "безъядерную Европу", "безъядерные зоны", города, муниципалитеты или деревни. Поразительная вещь: западные миротворцы упрямо не желали видеть, как их использует советская машина в своих целях. Главное, не желали увидеть, что это машина, что никаких "договоров", "соглашений", а тем более сотрудничества на равных с ней иметь невозможно. И как тут разобраться, что это было — притворная наивность или природная глупость?

Вот хотя бы те же "безъядерные зоны" и муниципалитеты — еще одно "независимое движение", запущенное советскими через систему породненных городов. Решение его развернуть ЦК КПСС принял 15 января 1980 года в специальном постановлении. Сама по себе система "породненных городов" существовала еще со времен войны, а использовалась советским режимом для "пропаганды советской действительности, достижений коммунистического строительства, миролюбивой внешней политики КПСС и Советского государства". С годами все это свелось к пустой формальности: время от времени обменивались делегациями, выставками, коллективами художественной самодеятельности, проведением "дней" и "недель" дружбы. Обострение отношений сказывалось, конечно, и на этих связях:

Правящие круги ряда западных стран препятствуют дружественным связям городов. Под жестким контролем, вплоть до запрещения, держит связи английское правительство; прекратили контакты с советскими городами города Египта; препятствуют установлению связей сионистские круги США, — докладывал в ЦК председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. — **В последние два месяца имеют место попытки реакционных, антисоветских сил внести разлад в дружественные связи советских и зарубежных городов. Так, от муниципалитетов отдельных городов США, Норвегии, Англии поступили письма с извещением о принятых ими решениях прекратить или прервать связи с советскими городами в связи "со вторжением советских войск в Афганистан". Муниципалитеты некоторых итальянских городов, в том числе и возглавляемые коммунистами, избрали Сахарова почетным гражданином своих городов и прислали протесты против "ссылки" этого "правозащитника" в Горький. Следует отметить, что бурную активность по установлению связей с городами Японии, США и Италии и по использованию этих связей в своих гегемонистских целях развили китайцы.**

Но ЦК не собирался отдать врагу такие "каналы нашего влияния на различные слои населения зарубежных городов":

В настоящее время более 130 советских городов, а также несколько областей и городских районов осуществляют связи и контакты с 280 городами 57 несоциалистических стран; 22 советских города и Ассоциация по связям советских и зарубежных городов являются членами Всемирной федерации породненных городов.

По этой линии ежегодно на безвалютной основе принимаются более 220 делегаций, художественных коллективов, спортивных команд и туристских групп (2,5 тыс. человек) и направляется до 160 делегаций и групп (1,6 тыс.

человек). В 1979 году советские города направили своим зарубежным партнерам 220 выставок, 35 тысяч различных книг и другие информационно-пропагандистские материалы.

...Наибольшее число породненных городов наши города имеют во Франции (56), Финляндии (54), Италии (23), Японии (21), Великобритании (18), Норвегии (12), ФРГ (9), США (7), Швеции (7).

И ЦК постановил:

Партийным и советским органам, ССОД принять меры к упорядочению связей советских городов с городами капиталистических и развивающихся стран, повышению их политической эффективности и идеологической направленности, используя контакты с зарубежной общественностью для пропаганды миролюбивой внешней политики Советского Союза, разоблачения антисоветских клеветнических кампаний империалистических сил и пекинской пропаганды. Добиваться широкого вовлечения жителей зарубежных городов в борьбу за укрепление мира и безопасности народов, дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, против курса империалистических кругов на нагнетание международной напряженности и продолжение гонки вооружений.

Принять меры по активизации работы Всемирной федерации породненных городов с учетом современной международной обстановки и внешнеполитических задач Советского государства.

Разработан был специальный план мероприятий по активизации этой деятельности, увеличено финансирование, улучшен партийный контроль, подбор кадров, снабжение пропагандистскими материалами, координация с братскими соцстранами, запланирована "конференция мэров столиц Европы, посвященная сотрудничеству и разоружению". Срочно увеличили число таких городов. Словом, машина взревела.

По призыву советских городов ряд их зарубежных партнеров выступил с протестами против размещения нового американского ракетно-ядерного оружия в Европе.

Первым, в ноябре 1980 года, объявил себя "безъядерным" город Манчестер (побратим Ленинграда), затем Шеффилд (побратим Донецка). Удивляться ли, что к середине 1980-х в одной только Великобритании 180 муниципалитетов объявили себя "безъядерными зонами", в Норвегии — 17, почти 400 городов в Испании и Португалии, вся провинция Квебек в Канаде, а в порты Японии и Новой Зеландии был практически запрещен заход военным судам с ядерным оружием на борту. Первая международная конференция "безъядерных" муниципалитетов прошла в Манчестере в 1984 году, а через год — в испанском городе Кордове (побратим Бухары).

Неужто все эти мэры и муниципальные советники не поняли за столько десятилетий пусть и не очень частого общения, что у их "побратимов" жизнь сильно отличается от жизни на Западе; что они, например, полностью подконтрольны, а их "призывы" отнюдь не стихийны? Наконец, неужто не показалось им странно, что, несмотря на свои братские призывы, ни один советский город сам не стал "безъядерным"? Да ведь и один раз побывать в каком-нибудь Донецке или Бухаре было вполне достаточно для человека средних умственных способностей, чтобы уж больше никогда не заблуждаться.

13. Оплата натурой

Между тем, даже и материальная помощь Москвы этим движениям была весьма значительной. Правда, она редко была чисто денежной — эпизод в Дании был скорее исключением из общего правила. Причина тут крылась в том, что ГРУ и КГБ играли в кампании "борьбы за мир" лишь вспомогательную роль, а главным дирижером был международный отдел ЦК, которому не было нужды прямо пересылать банкноты миротворческим организациям Запада — это делалось через местные компартии по уже давно установленным каналам. Такой порядок имел не только чисто технические преимущества, уменьшая вероятность провала, но и диктовался организационной нуждой: таким образом закреплялось влияние компартий в миротворческих движениях. Да и лидеры миротворцев получали возможность вполне "искренне" отрицать свою денежную зависимость от Москвы. Трудно поверить, однако, чтобы они "не знали", какая доля расходов их организаций покрывается из партийной кассы их союзников-коммунистов. Догадаться же, откуда приходят поступления в эти кассы, было совсем несложно.

А кроме того, материальная помощь заключалась, например, в бесплатных перевозках самолетами "Аэрофлота" (и авиалиниями "братских" стран) сотен "делегатов" на международные форумы (особенно из стран Третьего мира), оплатой их содержания (особенно если форумы проводились в соцстранах) или, скажем, предоставлением своих синхронных переводчиков. Такая форма помощи оказывалась регулярно, иногда даже в том случае, если советские организации и организации их союзников не были устроителями данного мероприятия на Западе, и уж точно — если они были в числе организаторов. Это, по меньшей мере, обеспечивало им нужное "большинство" при голосовании, помогая избежать нежелательных решений.

В Копенгагене с 14 по 24 июля с.г. состоится Форум неправительственных организаций, который будет проходить параллельно со Всемирной конференцией в рамках Десятилетия женщины ООН. Предполагается, что в Форуме примут участие около 10 тысяч человек, — докладывала, например, в ЦК Николаева-Терешкова, первая женщина-космонавт, председатель Комитета советских женщин в июле 1980 года. — **Ход подготовки к Форуму показывает, что реакционные силы пытаются использовать его в своих целях. (...) Планирующий комитет, ответственный за подготовку Форума (в его состав входят 34 организации, из них только 6 — демократических) получил от фонда Форда и других источников значительные средства, которые в основном используются прозападными силами для обеспечения соответствующего состава участников Форума. По имеющимся сведениям, ими предпринимаются попытки организовать в рамках Форума ряд акций антисоциалистического характера, таких, например, как слет сионистов. Можно ожидать, что во враждебных целях будут использованы также проблемы Афганистана, Кампучии, беженцев, прав человека и др.**

Международная демократическая федерация женщин, а также другие международные демократические организации (ВСМ, ВФП, ВФДМ, ОСПАА) предприняли ряд мер для обеспечения участия в Форуме представителей демократических сил. По просьбе МДФЖ женские организации социалистических стран оказывают ей в этом определенную помощь.

Чехословацкий союз женщин в плане подготовки к Форуму организует в Праге семинар для представительниц женских организаций стран Азии и Африки, общим числом до 50 человек. Он оплачивает проезд этих делегаций в Прагу, из Праги в Копенгаген и обратно на родину. Федерация кубинских женщин обеспечивает проезд в Копенгаген и обратно на родину представительниц женских организаций ряда латиноамериканских стран. ГДР обеспечивает проезд в Копенгаген и обратно членов Секретариата МДФЖ.

Комитет советских женщин по просьбе МДФЖ оплачивает в советских рублях проезд в Копенгаген и обратно на родину до 40 представительниц ряда стран Азии и Африки (Афганистан, Вьетнам, Кампучия, Лаос, Ангола, Южная Африка, Эфиопия и др.), а также прогрессивных сил США. Однако для проживания в Копенгагене этих делегаций потребуется некоторая финансовая помощь в иностранной валюте.

Торжественно открытая королевой Дании конференция была просто сорвана: дело дошло даже до драки, до вмешательства полиции. Нужно ли добавлять, что нежелательные темы оказались надежно заблокированы, хотя это, заметьте, было не советское мероприятие. Легко себе представить, что происходило, когда организаторами были они. Вот, например, упоминавшийся выше как одно из важнейших событий Всемирный форум молодежи и студентов за мир, разрядку и разоружение в Хельсинки 19—23 января 1981 года, проводившийся по инициативе комсомола. Подготовка к нему шла замечательно, как докладывал секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов:

Весь процесс подготовки способствовал активизации совместных выступлений молодежи и студентов в деле борьбы за мир на национальном и международном уровнях. Подготовительная работа в Финляндии проводится Национальным комитетом молодежных организаций (СИТ) при поддержке президента Финляндской Республики У.К.Кекконена.

Действительно, мероприятие не ординарное: ожидалось до 600 делегатов из более чем 100 стран, в том числе от международных объединений молодых социал-демократов, либералов, центристов, демохристиан и других политических тенденций, представители ООН, ЮНЕСКО, ЮНКТАД и т.д.

Вместе с тем, следствием широкого спектра политических сил, участвующих в подготовке к Форуму, стали попытки отдельных организаций, и прежде всего консервативных, навязать обсуждение в ходе Форума вопроса о "нарушении" прав человека в социалистических странах, о положении в Афганистане, Польше и т.д., включить в состав его участников ряд реакционных молодежных организаций. Данные попытки не встретили поддержки у подавляющего большинства организаций.

Однако шутить с такими вещами не следует, и лучше заранее обеспечить "позитивный политический баланс сил за счет участия прогрессивных союзов молодежи из освободившихся стран". К сожалению, "учитывая сложное материальное положение" многих из них, потребуются дополнительные расходы: доставить Аэрофлотом 110 делегатов в Москву и обратно, до 150 делегатов поездом из Москвы в Хельсинки и обратно, "до 18 тысяч инвалютных рублей на оплату проезда группы делегатов на отрезках, не обслуживаемых рейсами "Аэрофлота"", а также "направить в Финляндию группу советских синхронных переводчиков

для работы на Форуме в количестве до 15 человек". Результат не замедлил сказаться:

Созыв Форума, — докладывал Пастухов через месяц, — стал возможным благодаря развитию сотрудничества молодежи различной политической ориентации на платформе борьбы за мир и разрядку международной напряженности в 70-е годы; организационному закреплению его в рамках Общеевропейской структуры сотрудничества молодежи и студентов и в соответствии с хельсинским Заключительным актом.

Это позволило при активном участии более 30 международных и региональных молодежных и студенческих организаций успешно вести подготовительную работу, нейтрализовав попытки правых сил добиться участия в нем молодежных организаций Китая, реакционных объединений из США, Израиля и других стран.

Форум явился мероприятием, на которое для обсуждения вопросов борьбы за мир, разрядку и разоружение прибыли представители практически всех политических сил — молодые коммунисты, социал-демократы, социалисты, либералы и радикалы, католики, демохристиане и консерваторы. Проблематика Форума вызвала большой интерес молодежных организаций стран Азии, Африки и Латинской Америки, широко представленных на нем.

С большим интересом и глубоким вниманием участники Форума встретили приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Л.И.Брежнева. Слова приветствия о необходимости консолидации совместных усилий молодежи в борьбе за мирное будущее человечества, за прекращение гонки вооружений и разоружение нашли широкий отклик среди делегатов.

Приветствия в адрес участников Форума поступили также от ряда видных государственных и политических деятелей, руководителей коммунистических и рабочих, революционно-демократических партий, от ряда органов ООН. Форум патронировался Президентом Финляндии У.К.Кекконеном. (...)

Подавляющее большинство выступавших, в том числе представители социал-демократических, центристских, либеральных организаций, высказывались за продолжение политики разрядки, за дальнейшее развитие процесса ограничения стратегических вооружений, положительно оценивали вклад Советского Союза и других социалистических стран в обеспечении мира и безопасности. Они осудили планы НАТО по размещению на территории ряда западноевропейских государств новых американских ядерных ракет средней дальности, подвергли резкой критике концепции "ограниченной" ядерной войны. Многие делегаты заявляли об угрозе миру со стороны гегемонистской политики пекинского руководства.

Вместе с тем отдельные участники, прежде всего представители демохристианских и консервативных организаций, попытались представить в ложном свете причины обострения международной обстановки, возложить на Советский Союз ответственность за гонку вооружений. В ходе Форума отчетливо проявилось намерение представителей организаций правой ориентации (впервые принявших участие в мероприятии со столь политически заостренной тематикой) принизить его значимость, свести обмен мнениями по широкому

кругу актуальных проблем к дискуссии по так называемому "афганскому вопросу". Для нагнетания обстановки ими использовались методы шантажа и давления на финские организации, публикации в буржуазной печати. Этим попыткам был дан должный отпор со стороны хозяев Форума и подавляющего большинства его делегатов.

Поведение на Форуме представителей правого крыла молодежного движения выявило их намерение подорвать сложившееся в минувшее десятилетие сотрудничество различных политических сил и прежде всего — оторвать социал-демократов и социалистов от совместных действий с ВФДМ и МСС.

Выступления большинства социал-демократов (Швеция, ФРГ, Австрия, Дания) носили в этой обстановке в целом конструктивный характер. Однако в достаточной степени проявилась двойственность некоторых руководителей Международного союза молодых социалистов, пошедших в определенный момент на поводу у консервативных сил.

Советская делегация, опираясь на ВФДМ и МСС, предприняла меры по изоляции правых и консолидации Форума на антимилитаристской основе. Эту работу усложняли комсомолы "еврокоммунистической" тенденции (Италия, Япония, Швеция, Испания), выступавшие с осуждением советской военной помощи Афганистану. Позитивную роль в дискуссии сыграли членские организации ВФДМ и МСС из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Словом, этот Форум действительно отражал весь тогдашний политический спектр, но не в пропорциях, тогда существовавших в мире. А потому все усилия "правых сил", не имевших к тому же и десятой доли советского опыта в таких делах, пошли впустую:

В заключительном документе, единодушно принятом участниками Форума, нашли свое отражение важнейшие внешнеполитические инициативы Советского Союза и братских стран социализма. В нем, в частности, содержится требование скорейшей ратификации договора ОСВ-2 и продолжения процесса ограничения стратегических вооружений, осуждается стратегия "ограниченной" ядерной войны, подчеркивается необходимость предотвратить размещение на европейском континенте новых ядерных ракет средней дальности и высказывается поддержка проведению Конференции по военной разрядке и разоружению в Европе.

Форум высказался за превращение Индийского океана в зону мира, за политическое урегулирование ситуации, сложившейся в отношении Афганистана, в поддержку справедливой борьбы народов за социальное и национальное освобождение. Консерваторы и демохристиане, а также комсомол Японии высказали резерв по параграфу, касающемуся Афганистана.

На базе рекомендаций специальной комиссии Форума по разработке совместных антивоенных действий молодежи и студентов мира в документе зафиксирована договоренность организаций различной политической ориентации активизировать борьбу молодежи за мир, разрядку, разоружение, вовлекать в нее все более широкие массы молодежи. В нем содержится призыв к проведению антивоенных митингов и маршей, сбора подписей под антивоенными воззваниями, организации национальных и региональных мероприятий.

На основе этих договоренностей будут развертываться на всех континен-

тах массовые выступления молодежи за мир, разрядку и разоружение. Направлять эту Всемирную кампанию будут прежде всего ВФДМ, МСС, а также созданная в 1980 году Общеевропейская структура сотрудничества молодежи и студентов. (...)

Проведение Форума в условиях сложной международной обстановки свидетельствует о преобладании в международном молодежном движении правильного понимания причин ухудшения международной обстановки и истинных виновников такого ее развития, что особенно важно в свете усиливающихся антисоветских тенденций в американских правящих кругах.

Можно только гадать, сколько же стоила Москве вся эта борьба за мир, включая прямое и косвенное финансирование западных миролюбцев. Одних только бесплатных перевозок самолетами "Аэрофлота" запланировано на 1981 год было не менее 2000 человек. А ведь еще приезжали целыми толпами "на отдых и лечение", "для ознакомления с советской действительностью" — все больше на курорты. Да бесконечная помощь обществам "дружбы", комитетам "солидарности"... Конца им не было. Иные напрашивались, кажется, только чтобы развлечься на дармовщинку.

В Советский комитет защиты мира, ЦК ВЛКСМ и Комитет молодежных организаций СССР обратилось руководство Французского движения за мир с просьбой принять в СССР для проведения семинара по вопросам борьбы за мир, разрядку и разоружение группу в составе до 50 активистов молодежной комиссии Движения. В молодежную комиссию Французского движения за мир входят представители различных прогрессивных молодежных организаций Франции, таких, как Движение коммунистической молодежи Франции, молодежь Всеобщей конфедерации труда, Рабочая христианская молодежь и др. Прием в СССР представителей молодежной комиссии Движения позволит активизировать деятельность комиссии, повысить ее авторитет и даст возможность расширить наше сотрудничество с различными силами Франции, выступающими за мир, разрядку и разоружение.

Расходы по проезду — 12 тысяч инвалютных рублей — и по содержанию — 30 тысяч рублей — оплачены Советским фондом мира. Сумма по тем временам совсем не малая. Средний заработок по стране был 150 рублей в месяц, пятерка в день. Каждый гражданин СССР был обязан отработать один день в году в пользу этого фонда, хочет он того или нет. Примечательно, что сам этот факт ни от кого не скрывался; напротив, широко освещался прессой, сообщался многими советскими миротворческими публикациями, а стало быть, и западные миротворцы не могли не знать, что их "борьба" оплачена подневольным трудом советского населения. Но разве их это волновало?

14. Древнейшая профессия

Человек вообще, а интеллигент в особенности — животное крайне высокомерное, самовлюбленное, считающее себя умнее всех на свете и уж наверняка умнее своего правительства. Я не помню случая, чтобы интеллигенция признала себя неправой, а тем паче — в споре с законной властью. Причины тому, видимо, кроются в интеллигентском комплексе невостребованности, ощущении неосуще-

ствленности своих реальных способностей. Еще бы! Ведь они — "элита", а значит, именно они должны управлять миром или, по меньшей мере, властвовать умами. Но жизнь, этот судия неправедный, обрекает их на занятия более чем скромные: учить детишек грамоте, исцелять наши болячки, разглядывать в микроскоп бактерий, скучать в провинциальном суде да причащать прихожан и слушать их бесконечные жалобы на несправедливость мира сего. А вокруг, в большом мире, совсем другие люди принимают важные решения, определяющие судьбы человечества. Причем отнюдь не более умные, образованные или достойные в моральном отношении. Как с этим примириться? И — не может интеллигент заставить себя просто заниматься своим делом без затей и претензий. Не может просто учить детишек читать и писать — нет, он должен "воспитывать поколения будущего"; не может просто прописать пилюли пациенту и облегчить его недуги — нет, ему надо печься о здоровье всего человечества. А уж священник и не сомневается в том, что сам Господь Бог поставил его на кафедру для спасения рода людского.

Словом, интеллигенция — самая неудовлетворенная часть любого общества, отчего именно она есть источник бесконечных ересей: социализмов, коммунизмов, феминизмов, экологизмов и прочих утопических идей о всеобщем счастье, осуществить которые можно только под их руководством (о чем обычно скромно умалчивается). Отсюда же и наиболее характерная общая их черта — *лживость*. Ни один интеллигент никогда не признается, что основной мотив его бурной общественной деятельности — стремление властвовать. Куда там! Он будет отрицать это до посинения, неизменно выпячивая самые благородные, самые альтруистические мотивы. Причем так себя разгорячит, так разойдется, что и впрямь верит в отсутствие у себя всякой корысти.

А уж в чем он действительно подлинный мастер, так это в искусстве *интерпретации*, т.е. в способности одни факты перетасовать и скомбинировать, другие же — опустить и "не заметить" или, наоборот, отвергнуть как недостоверные, даже с негодованием заклеймить как злостную ложь. Он — непревзойденный мастер *контекста*, сменив который незаметно для окружающих, он, словно фокусник, извлекающий кролика из цилиндра, извлечет вам любой самый неожиданный вывод из самых неподходящих фактов. И, сколько с ним ни спорь, сколько ни старайся прижать его к стенке, он вечно выскользнет, точно кусок мыла в бане. Ведь самое главное доказательство — реальный, практический результат его идей — чаще всего отнесено далеко в будущее, да и не интересует его совершенно, ибо он все равно никакой ответственности за него не понесет. Расплачиваться будут совсем другие люди, возможно даже в другую эпоху, а он в любом случае окажется ни при чем: его идеи и благородны, и замечательны, и не его вина, что природа оказалась несовершенна, непригодна для его блестящих идей. Как легендарный Франкенштейн, он не чувствует ни малейшей вины за деяния сотворенного им монстра, ибо важен для него не столько *результат*, сколько *процесс*, позволивший хоть ненадолго ощутить себя Богом.

Таковы были и наши миролюбцы, в большинстве своем состоявшие из учителей начальных школ, медсестер, приходских священников и прочих полуинтеллигентов, в общем, всего того, что Солженицын метко окрестил словом *образованщина*. Таковы же были и их лидеры, многим из которых сам процесс их

"лидерства" был гораздо важнее существа дела. И как тут определишь, дураки они или подлецы? Понимали они, что играют на руку Москве, или не понимали? Да их это просто не интересовало, они о том и знать не хотели. Даже их пресловутый страх перед ядерной катастрофой был изначально надуманный, скорее самовнушенный, чем стихийный. Что тут скажешь? Конечно, спасать человечество — куда как более лестное занятие, чем год за годом долбить детям таблицу умножения. Появляется некая значимость в движениях и нотки яростного благородства в голосе. У толпы появляется *власть* решать глобальные проблемы, у лидеров — *власть* над толпой. А там, в туманном будущем, хоть трава не расти. Там — не их ответственность: ведь даже если окажется все не так, как мечталось, кто ж с них спросит? Намерения их были благородны, а мир наш — несовершенен.

Таковы были эти, с позволения сказать, "ядерные дебаты" 80-х на Западе: логика, аргументы, факты не играли в них никакой роли. Разве кто-то не понимал, что нельзя "попробовать" односторонне разоружиться? Разве кто-то не знал, что это необратимо? Напрасно западные правительства пытались объяснить публике всю сложность положения, напрасно сыпали цифрами ракет и боеголовок, танков и самолетов — их цифрам все равно не верили, потому что не хотели верить, а общая тема дебатов только еще больше пугала обывателя, как если бы все эти ракеты и танки уже начали стрелять по Европе.

Даже на мою брошюру-пощечину реакция была гораздо слабее, чем мне бы хотелось. Этих людей ничто не интересовало, кроме собственной благородной роли спасителей человечества, и ради возможности покрасоваться они готовы были предать кого угодно. Разве могла привести их в чувства простая пощечина?

Истеричными ведь были толпы, но отнюдь не их лидеры. В этих же последних поражало сочетание наглости и невежества, и чем больше невежества — тем больше наглости. Большинство из них, например, не имели даже нужного образования, чтобы разобраться в сложнейших технических проблемах ракетно-ядерного вооружения, в вопросах стратегии или геополитики. Тем не менее, данные и выкладки официальных экспертов, таковое образование имевших, они отвергались с негодованием как "пропаганду". Взамен они создавали "своих экспертов", говоривших то, что они хотели слышать. Создано было бесконечное множество каких-то сомнительных "институтов", "исследовательских групп", "комиссий", многие из которых имели, разумеется, в своем составе просоветских "экспертов" или просто советских представителей. Вот им почему-то полагалось верить.

Скажем, подавляющее большинство тогдашних "лидеров" антивоенных движений не имело ни малейшего представления о советском режиме, реалиях советской жизни, истории, даже о коммунистической идеологии, хотя, казалось бы, вопрос был не праздный. Как минимум наполовину (в действительности почти на 100%) все зависело от СССР, его намерений и поведения. И что же? Большинство просто объявило это "несущественным", открыто полагаясь на официальные заявления СССР или таких "экспертов", как Арбатов. Некоторые же завели "своих экспертов" по СССР, как правило, из числа своих же сторонников, посетивших Советский Союз три-четыре раза. Даже мнение работника международного отдела ЦК Загладина считалось у них достаточно объективным, чтобы ссылаться на него в западной печати как на источник непредвзятой информации об СССР,

притом в качестве авторитетного опровержения моего предвзятого мнения. И, наоборот, наше мнение, как и любая негативная информация об СССР, объявлялось "пропагандой", "стереотипами холодной войны".

В основном же, как ни абсурдно это звучит, "другая сторона" — Советский Союз с его сателлитами, его вооружениями и намерениями — совершенно никого не волновала в этих "дебатах". Угроза ядерной войны и необходимость от нее спасаться объявлялись существующими как бы вне контекста реальной жизни, возникшими ниоткуда — от Бога или от случая. Например, от сумасшедшего генерала (всегда почему-то американского). В США, где "борьбой за мир" заправлял левый истеблишмент (занявший свое положение в процессе кампании против войны во Вьетнаме и достигший власти в период "детанта"), массовое промывание мозгов велось особенно нагло, откровенно и в гигантском масштабе. Это была кампания сознательного раздувания массовой истерии, сосредоточенная исключительно на одной стороне вопроса — на ужасах ядерной войны. "Либеральные" фонды (Форда, Рокфеллера, Карнеги, Макартура, Джорджа Гэлла) ассигновали на нее буквально *миллиарды долларов*, чтобы сделать, по выражению президента Рокфеллеровского фонда, "*предупреждение ядерной войны в 80-е гг. чем было в 60-е движение за гражданские права*".

Голливуд и телевидение произвели в то время десятки, а то и сотни документальных и художественных фильмов о последствиях ядерного взрыва, о конце цивилизации. Вдруг все американские "интеллектуалы" сделались "озабоченными". "озабоченные ученые", "озабоченные преподаватели", "озабоченные врачи"

Начало положили врачи своим широко разрекламированным письмом-обращением к советским коллегам, под красноречивым заголовком: "Опасность — ядерная война". Сами ли они додумались до такой глубокой идеи или им подсказали через какой-нибудь Пагуошский комитет, как предлагал мудрый ЦК, — сказать не берусь. Но и ни за что не поверю, будто они не понимали, что обращаются на самом деле не к "коллегам" в СССР, а к ЦК и советскому правительству, давая им прекрасную возможность для пропаганды.

В соответствии с решением ЦК КПСС от 20 марта 1980 г. Министерство здравоохранения СССР представляет проект ответного письма ведущих советских ученых-медиков американским ученым-медикам, составленный с учетом предложений АН СССР, МИД СССР, Министерства обороны и КГБ СССР, — докладывал в ЦК министр здравоохранения Петровский. — **Одновременно докладываем, что состоялась встреча с одним из организаторов движения медиков США "Врачи за социальную ответственность" Б.Лауном, который сообщил о том, что американские ученые намерены организовать широкое международное движение медицинской общественности против ядерной войны и, в частности, планируют провести в США в конце 1980 г. конференцию с участием советских и японских медиков. Окончательное место проведения и программа конференции пока не определены.**

Разумеется, ЦК принял эту игру с благодарностью: не каждый же день представляется возможность пропагандировать свои позиции через независимые научные организации США, тем более через врачей, которые в помешанном на здоровье американском обществе имеют особое влияние.

Что касается подписей под ответным письмом советских ученых, — решает

ЦК, — **то представляется целесообразным организовать сбор значительного количества этих подписей, а ограничиться подписями следующих товарищей, представляющих наиболее крупные научные организации.**

Конечно, в их числе неизбежный Овчинников, академик Блохин (поскольку он директор онкологического центра), но еще нужен и кардиолог: ведь зачинщик всего дела — американский кардиолог Б.Лаун. Так появился на сцене академик Е.И.Чазов, председатель Всесоюзного научного общества кардиологов.

В соответствии с решением секретариата ЦК КПСС в декабре с.г. в Женеву выезжала советская делегация во главе с академиком Е.И. Чазовым, в составе академиков АМН СССР Л.А.Ильина и М.И.Кузина, — докладывал в ЦК Чазов. — **Делегация приняла участие во встрече с американскими учеными, которые представляют движение "Врачи мира за предотвращение ядерной войны". Американскую делегацию возглавлял Бернард Лаун — известный профессор-кардиолог Гарвардской школы (г. Бостон), президент американского движения "Врачи за предотвращение ядерной войны". В состав делегации входили доктор Эрик Чивиан, психиатр Массачусетского университета (г. Бостон) и Джим Мюллер — секретарь общества.**

Встреча носила консультативный характер и была посвящена обсуждению возможности создания международного движения "Врачи за ядерное разоружение". На встрече был разработан меморандум о принципах этого движения, который в основном приемлем для нас, поскольку исходит из концепции запрещения ядерной войны.

На встрече была достигнута договоренность о проведении 19—26 марта 1981 года советско-американской конференции ученых-медиков и врачей, борющихся за предотвращение ядерной войны. Организатором встречи на этот раз выступает американская сторона, которая приглашает для участия в конференции десять видных советских медиков, а также трех экспертов-специалистов в области ядерного вооружения и проблемы разоружения.

Имеется в виду, что в конце конференции будут приняты обращения ко всем врачам мира, правительствам и народам различных стран, а также к главам государств Советского Союза и Соединенных Штатов, в которых будут подчеркнуты тяжелые последствия для народов мира в случае возникновения ядерной войны, а также призыв к ограничению и запрещению ядерного вооружения.

Для подготовки проектов наших документов просим дать соответствующее поручение Министерству иностранных дел СССР, Министерству здравоохранения СССР, Академии наук СССР и Министерству обороны СССР. Имеется в виду, что делегации заблаговременно обменяются указанными проектами документов, проведут их предварительное обсуждение с тем, чтобы на самой встрече уже иметь согласованные тексты.

Чем не находка? Практически призывы "озабоченных" врачей заранее составлены советскими генералами и дипломатами — ведь американская сторона слишком "независима", чтобы даже спросить совета в Пентагоне или Госдепартаменте, не то что следовать указаниям своего правительства. Советские "эксперты по ядерному вооружению и разоружению" все, разумеется, объяснят как надо и на самой конференции. А средний американец, коли доктор прописал, что курение,

холестерин и ядерная война вредны для здоровья, будет требовать от своих конгрессменов и сенаторов немедленного ядерного разоружения. Удивляться ли, что "борьба за мир" в США, этой и без того склонной к истерикам стране, имела еще более истерический характер, чем в Европе? Наиболее массовой там стала кампания, подхватившая "мирные инициативы" Брежнева 1979 года: "Ядерное замораживание", "Нет — первому ядерному удару" и т.п., а наиболее активными — толпы людей, врывавшихся на военные базы или оружейные заводы и бившихся там в истерике. Одна такая группа даже попыталась буквально осуществить библейский завет "перековать мечи на орала": ворвались в цех, где производились ракеты, и бились о них до крови. Вот где "психиатрам из Массачусетского университета" и кардиологам следовало применить свои способности. Так нет, их это не касалось, они в это время получали в Осло Нобелевскую премию мира вместе со своим коллегой Е.Чазовым, хотя, по совести, ее надо было бы дать мудрому ЦК.

* * *

Да ведь не одни врачи — мобилизовался практически весь американский "образованный класс". Как же им было отстать от своих предприимчивых коллег. Даже епископы поднатужились и выдали "Пастырское послание о войне и мире в ядерный век", где от лица Господа Бога объявили ядерное оружие "абсолютно аморальным", оставляя нас гадать, насколько аморальными были танки и пушки, например, времен Второй Мировой войны. Не отставали и ученые мужи иных профессий. У них, однако, была проблема: высылка почетного члена американской Национальной академии наук Сахарова из Москвы в Горький привела практически к бойкоту учеными США советской стороны. Но и это не беда: благородное дело спасения человечества все спишет, даже предательство.

Как мы уже докладывали, Национальная академия наук (НАН) США на встрече с АН СССР в Москве в июне с.г. и в США в августе с.г. обращалась к нам с предложением об организации двусторонних обменов мнениями по вопросам укрепления мира, международной безопасности и разоружения. При этом секретарь НАН по иностранным делам Т.Мэлоун полагает, что такие обмены явятся одним из путей восстановления двусторонних встреч ученых, прерванных в начале этого года американской стороной, — докладывал в ЦК президент Академии наук СССР А.П.Александров. — **В мае 1980 года Национальная академия наук США создала в рамках своей Академии Комитет по международной безопасности и контролю над вооружениями в составе 16 человек, который возглавляет президент Калифорнийского технологического института Марвин Л. Голдбергер. Комитет намерен установить и поддерживать контакты с советскими учеными, а также с академическими кругами стран Западной Европы и Японии. Члены Комитета считают, что проблемы международной безопасности должны рассматриваться не только в сфере правительственных каналов, но также и по линии связей ученых в целях поиска подходов к урегулированию проблем в области безопасности и доведения до своего правительства соответствующих рекомендаций, не придавая им излишней гласности.**

АН СССР не может в полной мере согласиться с предложенной американ-

ской стороной тематикой, тем более, что ряд указанных ею проблем не относится к компетенции Академии. Но, учитывая сложность взаимоотношений академий в настоящее время, желательность поддержать стремление НАН США к восстановлению двусторонних связей, а также имея в виду цель закрепления связей с теми американскими кругами, которые стоят на позициях ограничения гонки вооружений, АН СССР полагает, что можно было бы пойти на предварительные контакты с упомянутым Комитетом. В процессе этих контактов АН СССР намерена предложить более выгодный для нашей стороны перечень вопросов, чтобы с учетом реакции на это делегации НАН в дальнейшем поставить вопрос о регулярных контактах.

Разумеется, ЦК с радостью принимает эту инициативу: ведь объявить "право жить в мире" *основным правом человека* — главный лозунг их "борьбы за мир". Избавиться же от бойкотов и эмбарго, вызванных их репрессивной политикой, — одна из задач кампании за возвращение "детанта". Но, скажите, откуда этот зуд у академиков? Разве не ясно, что, коли твоему законно избранному правительству понадобится твоя помощь в вопросах безопасности государства, оно тебя само позовет? Так нет же, интеллигент всегда умнее правительства, без него ничто происходить не должно. Ну а как же коллега Сахаров?

"*Несмотря на наш постоянный глубокий интерес к Сахарову, есть, тем не менее, настолько важные для будущего всего человечества проблемы, что мы считаем необходимым продолжать обсуждение их с советской стороной. В этом смысле наивысшее предпочтение отдается проблемам контроля за вооружением и международной безопасности. Наши члены считают эту тему весьма насущной*", — заявил президент НАН США Франк Пресс журналистам в то самое время, как Сахаров, по сообщениям западных газет, был на грани смерти в результате голодовки. Опять, скажете, ученые мужи США не понимают, что они делают?

Как хотите, но не могу я поверить в наивность этих людей. Пожалуй, единственным исключением был лидер небольшой, но влиятельной, "элитарной" организации END ("Европейское ядерное разоружение") историк-марксист Э.П.Томпсон. При всей своей левоинтеллигентской запутанности он хотя бы не отрицал, что, скажем, процесс разоружения требует изменений в политике обеих сторон, а общественное движение за разоружение имеет смысл, только если аналогичное (т.е. независимое от своего правительства) движение существует и по другую сторону "железного занавеса". Более того, его искренне возмущала советская манипуляция западными движениями, о чем он открыто писал, именуя своих менее разборчивых коллег по движению "лунатиками". Но даже и он не мог понять до конца, что с советской машиной просто нельзя иметь дело.

"*Мы готовы принять участие в дискуссиях с официальными организациями в Советском Союзе, если эти дискуссии будут проводиться на честных и равных условиях, а не на таких, которые втянут нас в некое действо просоветской пропаганды,* — писал он весьма наивно, хотя всего несколькими абзацами выше вроде бы сам определил полную невозможность "честных" и "равных" отношений с Москвой. — *Для русских наши голоса — не более чем фоновый аккомпанемент, да и то недостаточно звучный, чтобы повлиять на выборы в Германии*".

Словом, это был, видимо, человек искренний, но сильно запутавшийся. К тому же, у него тоже был свой домашний "эксперт по советской жизни" — наш старинный знакомец Жорес Медведев, тот самый д-р Медведев, у которого, как мы помним, случались удивительные совпадения идей с Ю.В.Андроповым. Натурально, Жорес Александрович был одним из соавторов воззвания END за "безъядерную Европу от Польши до Португалии" в апреле 1980 года, которое как бы от имени "советских диссидентов" подписал в Москве и его братец-близнец Рой Александрович. Они же, видимо, и объяснили проф. Томпсону, что диссиденты бывают разные: а) плохие, б) хорошие. Плохие не верят в социализм и служат реакции, а хорошие в социализм верят и вполне могут поддержать воззвание. Безуспешными поисками "хороших диссидентов" и занимался потом несколько лет проф. Томпсон. Увы! К кому он только ни обращался, все оказывались "плохими". И чешская "Хартия-77". и польский КОС дружно отвергали любые идеи одностороннего разоружения Запада как просоветские. Лукавый Яцек Куронь, будучи сам первоклассным манипулятором, ухитрился аж из тюрьмы написать письмо в 1984 году на конференцию END, где предлагал им совместную борьбу за отмену военного положения в Польше и полную демилитаризацию Центральной Европы. Годом позже вежливый Вацлав Гавел крайне интеллигентно пытался объяснить западным миротворцам, что их утопизм не может найти понимания у поневоле скептической восточноевропейской публики. Все напрасно. Наконец стали-таки появляться маленькие, скорее символические группки миротворцев в ГДР и даже в СССР. Но — вот ведь незадача! — не успели они появиться, как их членов или высылали на Запад, или сажали. Так и не нашел Э.П.Томпсон хороших диссидентов на Востоке вплоть до самого крушения коммунизма.

Поразительно, не правда ли? Казалось бы, человек и не глупый, и честный, но понять простую истину о том, что (как ему и писал Яцек Куронь) вся угроза миру в Европе исходит от советского блока, что, стало быть, не *за мир* надо бороться, а *против советского режима*, — он так и не смог. Запутавшись в социалистических бреднях, он, как и тысячи западноевропейских социалистов, не мог постигнуть, что *сама идея мира и разоружения, вырванная из общего политического контекста Европы, была уже просоветской.* И если была нужда в массовом движении на Востоке, то она уже реализовалась в движении за права человека, без которых ни о каком мире, ни о каком ином независимом общественном движении и мечтать нельзя. Разве это так сложно? Разве не о том же писали мы все: и Амальрик, и Солженицын, и Сахаров? Разве не о том же твердили Хельсинские группы, подчеркивая связь между первой и третьей корзиной Соглашений: между безопасностью в Европе и правами человека? Не о том ли и я писал в своей брошюре 1982 года:

"Две стороны советского режима — внутреннее угнетение и внешняя агрессивность — неразрывно взаимосвязаны..."

Характерно, однако, что, даже столкнувшись со столь единодушным откликом восточноевропейских диссидентов, он ни на минуту не усомнился в своей правоте, не сделал ни малейшего усилия пересмотреть свои взгляды, а все искал других, "хороших" диссидентов, которые бы с ним согласились. И это еще один из лучших лидеров западных миротворцев, думающий, искренний человек. Чего же было ждать от остальных, часто циничных политиканов, приспособленцев и крас-

нобаев (если не сказать хуже), таких, как членов вышеупомянутой "комиссии Пальме"? А на публике они держались героями, с благородной дрожью в голосе рассуждали о спасении человечества.

Примечательно, что деятельность "комиссии Пальме" осуществлялась на западные деньги: из трех миллионов долларов, собранных участниками комиссии на ее работу, СССР внес всего 10 тысяч. Уже по одному этому можно судить, насколько советские контролировали ситуацию в Европе, где их главной опорой были партнеры по "детанту" — социалисты и социал-демократы.

Но именно в этом, как ни парадоксально, заключалась слабость их кампании: превратившись в вопрос партийной политики, проблема разоружения Запада стала разрешима путем стандартного механизма демократии — выборов. Москва и ее союзники могли добиться успеха лишь при помощи манипуляций, махинаций, истерической пропаганды и шантажа. Стоило, однако, вынести вопрос на суд избирателя, и вся их хитроумная кампания оказалась обречена. Исчезли истерические толпы, оказались фальшивыми "опросы общественного мнения", регулярно показывавшие растущую поддержку идеи одностороннего разоружения. В Англии лейбористская партия, сделавшая ядерное разоружение основой своей платформы на выборах 1983 года, именно оттого и была так сокрушительно разгромлена. В ФРГ, несмотря на все усилия канцлера Шмидта сдержать радикализм своей партии, в сознании избирателей она твердо ассоциировалась с антиядерной кампанией и потерпела, как и ее английские коллеги, поражение на выборах 1983 года. Только в Голландии и Бельгии, где пропорциональная избирательная система обрекала любое правительство на существование в виде громоздкой и неустойчивой коалиции, зависящей от диктата даже крошечных политических групп, размещение новых ракет оказалось отложено на несколько лет. По всей остальной Европе размещение было начато точно по графику, что еще больше подорвало кампанию миротворцев: ведь, вопреки их пророчествам, это отнюдь не привело к ядерной войне. Несомненно, это был переломный момент — после 1983 года кампания сильно пошла под уклон, а к середине 80-х и совсем задохнулась.

Так завершилась эта позорная страница общественной жизни Запада. Разумеется, как мы и говорили, угроза новой мировой войны и "ядерного всесожжения" исчезла с крушением советского режима. Сегодня ядерные бомбы, ракеты и боеголовки лежат себе по складам, никого не тревожа, и в России, и в США, и даже в Казахстане с Украиной. Казалось бы, самое время "озабоченной" интеллигенции потребовать их уничтожения, тем более, что добиться этого теперь совсем не трудно. Вот они, "абсолютно аморальные", — бери да демонтируй. Но нет негодующих миротворцев на улицах европейских столиц, нет бесноватых баб вокруг ракетных баз. Где ж они? Куда делись?

Да вот и они, никуда не делись. Сегодня ровно те же вечно "озабоченные" проповедуют ложь о неизбежной экологической катастрофе, о "парниковом эффекте" и "озоновых дырах" с тем же апломбом и благородной страстью в голосе, с какой когда-то пугали слабонервных буржуа ужасами ядерной войны. А вот и бабы, столь же истеричные и злобные, как прежде, — борются теперь за всемирное "освобождение" от извергов-мужчин, то бишь за установление матриархата. Вот и левенькая интеллигенция, сильно, правда, траченная молью, но столь же

самоуверенная и все с той же страстью в пламенных сердцах. В глазах — ни стыда, ни сомнения. Только зазевайся — враз осчастливят. Их "борьба" никогда не кончается: не удалось навязать миру одну утопию — навяжут другую. Им ведь не результат важен, а процесс, дающий в руки необъятную власть над людскими душами.

15. Польша и начало кризиса

Однако еще до выборов 1983 года и размещения новых ракет самым серьезным ударом по кампании миротворцев оказались события в Польше. Причем эффект был немедленный и вполне зримый: как отмечал, например, Э.П.Томпсон, толпы демонстрантов нарастали, будто снежный ком, в октябре и ноябре 1981 года, достигая в сумме по Европе более двух миллионов человек.

"И почему же весной или осенью 82-го не вышли демонстрировать три—четыре миллиона человек? Ответ — введение военного положения в Польше и расправа с "Солидарностью"".

Трудно сказать, какой именно аспект польского кризиса произвел большее впечатление на миротворцев: угроза советского вторжения, висевшая над Польшей почти полтора года, подавление армией мирного народного движения или само это движение, охватившее практически все работающее население страны. Думаю, однако, что для наших миротворцев, по большей части принадлежавших к различным левым партиям и организациям Запада, последнее было не менее важно. Многие из них, быть может, впервые задумались о реальной жизни в социалистическом раю, и уж никак не могли они — хотя бы внешне, для вида — не сочувствовать профсоюзному движению. Сама необходимость дать политическую оценку этому событию неизбежно вносила разлад в их ряды: с одной стороны, коммунисты (например, итальянские) вроде бы поддерживали "Солидарность", с другой — социалисты (например, греческий ПАСОК) поддерживали режим Ярузельского и военное положение.

И правда, трудно было придумать более убийственную ситуацию для коммунистических демагогов, чем единодушный бунт рабочих против "пролетарского государства". Даже советская пропаганда не решалась именовать "Солидарность" реакционной организацией, а предпочитала толковать об "отдельных антисоциалистических элементах" внутри нее. Да и весь этот кризис пришелся им на редкость некстати: как раз в разгар "борьбы за мир", когда они только-только начали выбираться из политической изоляции после вторжения в Афганистан. На все кризисы и кампании, совпавшие в один год, просто уже не хватало сил кремлевским старичкам.

В сущности, Польша всегда была слабым звеном в их социалистической цепи. Основное не успели доделать еще при Сталине: осталась несломленной Католическая Церковь, осталось единоличное крестьянство, а с ними — польский бунтарский дух, благодаря которому в прошлом Польша пережила три раздела, Вторую Мировую войну, нацистскую оккупацию и советское "освобождение". Бунт — самое что ни на есть польское занятие; он случался каждые три—пять лет, начиная с 68-го: и в 70-м, и в 76-м, — и каждый раз, хоть не без крови, но каких-то уступок от властей добивались. (Москва на все смотрела сквозь пальцы — лишь бы не

взбунтовались всерьез). Оттого Польша и была — как тогда шутили — самым веселым бараком социалистического лагеря. Чуть ли не треть работающих были заняты в частном секторе — мелкой торговле, сфере обслуживания. Уже одно это давало гораздо больше личной свободы, чем любые другие реформы правительства (что вряд ли может оценить человек, не живший при реальном социализме). А уж реформ было в Польше столько, сколько было бунтов. К 1980 году там перепробовали все мыслимые и немыслимые модели социализма, но ни одна не работала.

Последний кризис возник по самой прозаической, но весьма характерной для социализма причине: запутавшись во внешних долгах, правительство было вынуждено поднять цены на продукты, в частности на мясо, отлично зная, что аналогичная попытка вызвала бунт 1976 года. А что делать? Страна была банкротом, неспособным выплачивать даже проценты западным банкам...

С другой стороны, прежние бунты не прошли даром и для польского общества: накапливался опыт, отстраивались диссидентские структуры, чему способствовала сравнительная мягкость режима. После событий 1976 года возник и действовал Комитет защиты рабочих (КОР) — своего рода координационный центр диссидентской активности, обеспечивавший связь рабочего движения с интеллигенцией, так же, как и независимую систему коммуникаций между различными группами и частями страны. В кризисе 1980 года КОР сыграл ключевую роль: он содействовал превращению стихийных, разрозненных забастовок во всеобщую забастовку, мобилизовав всю страну.

Да и рабочие кое-чему научились и вместо привычного бунта, демонстраций, кровавых стычек с полицией прибегли к новой, весьма своеобразной форме протеста — оккупации своих заводов, шахт, верфей и фабрик. Эта новинка явно застала врасплох власти и в Варшаве, и в Москве: только так можно объяснить необычную уступчивость польских властей, фактически санкционировавших создание независимого профсоюза "Солидарность" и сделавших еще ряд уступок рабочим. Оказавшись перед невозможностью использовать свое единственное оружие — полицейскую силу, они предпочли на все согласиться ради успокоения страны (с тем, конечно, чтобы потом все опять потихоньку отобрать).

Но и советские власти кое-чему учились. Сам по себе кризис в Польше не был для них неожиданным. Напротив, к нему готовились по крайней мере с апреля 1979 года, отлично понимая, что повышения цен не избежать. Положение неоднократно обсуждалось и при встречах Брежнева с Гереком, последний раз в июле 80-го, т.е. уже после повышения цен и начала забастовок, когда Брежнев обоснованно опасался перерастания экономического кризиса в чисто политическое движение. Его рекомендации Гереку:

...решительно пресекать все попытки использовать национализм для насаждения антисоциалистических, антисоветских настроений, исказить историю советско-польских отношений и характер сотрудничества между СССР и ПНР;

развернуть непримиримую контрпропаганду против стремлений смазать классовое содержание социалистического патриотизма под лозунгом "все поляки в мире — братья", а также идеализировать дореволюционное прошлое Польши;

в политической борьбе с антисоциалистическими элементами не уходить в оборону, а вести против них последовательное наступление.

Что действительно было неожиданностью для Кремля, так это слабость их клиентов, польских коммунистов, явно неспособных с кризисом справиться. Понять же, насколько *общенародным* является противостоящее им движение, в Москве не могли и через много лет. Казалось, они и вправду верили, что речь идет всего лишь о каких-то "элементах", с которыми польские товарищи слишком либеральны.

Срочно назначенная комиссия политбюро ЦК по Польше первым делом приступила к разработке указаний польскому руководству о мерах по "укреплению роли партии в обществе", как если бы речь шла об одной из областей СССР, где слишком расшалились школьники. Гданьские соглашения политбюро оценивало совершенно бескомпромиссно:

Соглашение правительства ПНР, одобренное пленумом ЦК ПОРП, — большая политическая и экономическая цена за достигнутое "урегулирование". Мы, конечно, понимаем, в каких условиях вам пришлось принимать это тяжелое решение, — писали они польскому руководству 3 сентября 1980 года. — **Соглашение по существу означает легализацию антисоциалистической оппозиции. Возникает организация, которая претендует на распространение своего политического влияния на всю страну. Сложность борьбы с нею состоит, в частности, в том, что оппозиционеры маскируются под защитников рабочего класса, трудящихся.**

Соглашение не устраняет коренных причин кризисных событий; больше того, теперь решение насущных проблем польской экономики и польского общества осложняется.

Поскольку оппозиция намерена продолжать борьбу за достижение своих целей, а здоровые силы партии и общества не могут согласиться с движением польского общества вспять, достигнутый компромисс будет носить скорее всего временный характер. Приходится учитывать и то, что оппозиция рассчитывает, и не без оснований, на помощь извне.

Под напором антисоциалистических сил, сумевших ввести в заблуждение значительные слои рабочего класса, ПОРП пришлось перейти в оборону. Теперь ЗАДАЧА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ ГОТОВИТЬ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ И ВЕРНУТЬ УТРАЧЕННЫЕ ПОЗИЦИИ В РАБОЧЕМ КЛАССЕ, В НАРОДЕ.

В этом контрнаступлении, проявляя политическую гибкость, следовало бы использовать все возможности правящей партии, ее крепкого, здорового ядра, государственной власти, массовых общественных организаций при обязательной опоре на передовые слои рабочего класса, а при необходимости использовать взвешенные административные средства.

Партия должна дать принципиальную политическую оценку августовским событиям, а также ускорить выдвижение собственной программы действий, включающей и вопросы улучшения жизни трудящихся.

Особенно важным считали в Москве усиление партийного контроля над средствами массовой информации, прежде всего радио и телевидения, куда в результате Гданьских соглашений впервые проникла Церковь.

В этих условиях, — писали они, — **следует четко определить рамки допусти-**

мого, открыто заявив, что законом о печати исключаются любые выступления против социализма. (...) Средствам массовой информации показывать, что события в Польше вызваны не недостатками социалистической системы, а ошибками и просчетами, а также некоторыми объективными причинами (стихийные бедствия и др.).

Герека отправили в отставку, новым генсеком ПОРП стал Каня, но легче от этого не стало. В октябре решили пригласить поляков в Москву, потолковать.

БРЕЖНЕВ. Завтра к нам прибывают Первый секретарь ЦК ПОРП т.Каня и Председатель Совета Министров ПНР т.Пиньковский. Комиссия в составе т.т.Суслова, Громыко, Андропова, Устинова, Черненко, Зимянина и Русакова подготовила материалы для беседы с польскими руководителями. Я внимательно прочел эти материалы. Считаю, что все основные вопросы товарищи осветили. Может быть, у кого-то какие-либо будут замечания, пожалуйста, давайте обсудим.

УСТИНОВ. Я также внимательно прочитал подготовленные материалы. Считаю, что они являются добротными, охватывают все вопросы. Самое главное, что все вопросы здесь ставятся очень остро, именно так, как нужно поставить их перед польским руководством.

БРЕЖНЕВ. В Польше действительно сейчас идет полный разгул контрреволюции, а в выступлениях польской печати и польских товарищей ничего не говорится об этом, не говорится о врагах народа. А ведь это же враги народа, прямые пособники контрреволюции и сами контрреволюционеры выступают против народа. Как же это так?

(пропуск в тексте, АНДРОПОВ?) **...А то они сейчас критикуют Герека, ЦК, партию, а с другого конца антисоциалистические элементы, которые буквально распоясались, дают им свободу.**

Что касается т.Ярузельского, то, конечно, он человек надежный, но все-таки сейчас начинает как-то говорить без особого пыла. Он даже так высказывается, что войска не пойдут против рабочих. В общем, я думаю, что полякам надо сказать обо всем и очень резко.

БРЕЖНЕВ. Когда Ярузельский разговаривал с Каней, кто же должен быть на первой роли, то он наотрез отказался быть первым секретарем и посоветовал, чтобы Каня был первым. Это тоже о чем-то говорит.

ГРОМЫКО. Я считаю, что в подготовленных материалах правильно поставлены все основные вопросы. Что касается введения чрезвычайного положения в Польше, то это нужно иметь в виду как меру для спасения революционных завоеваний. Конечно, может быть, не сразу его вводить, и тем более не сразу после возвращения т.т.Кани и Пиньковского из Москвы, какое-то время подождать, но их надо направить на это и следует их подкрепить. Нам нельзя терять Польшу. Советский Союз в битве с гитлеровцами, освобождая Польшу, положил 600 тысяч своих солдат и офицеров, и мы не можем допустить контрреволюции.

Конечно, т.т.Каня, Ярузельский, Пиньковский — честные и преданные товарищи. Когда я беседовал с ними в Варшаве, то они очень переживали все то, о чем шла речь. Каня даже был буквально потрясен до крайности. В то же время он пользуется большим доверием в партии.

БРЕЖНЕВ. Антисоциалистические элементы настолько распоясались, что они отвергают решения Варшавского воеводского суда относительно тех замечаний, которые он внес при регистрации "Профсоюза солидарности", а дальше они уже замахиваются на отзыв депутатов сейма. Что же будет дальше?

СУСЛОВ. По-моему, материалы подготовлены хорошо, здесь все взвешено. Нынешние руководители ПНР недостаточно сильные люди, но они честные, лучшие среди руководящего ядра. (...) Им нужно идти в контрнаступление, а не занимать оборонительную позицию. Эта позиция как раз и отображена в материалах, которые мы сегодня рассматриваем.

БРЕЖНЕВ. Им нужно иметь отряды самообороны.

АНДРОПОВ, СУСЛОВ, УСТИНОВ говорят, что эта мера необходима. Отряды обороны должны быть созданы и должны находиться даже на казарменном положении, а может быть, и вооружены заблаговременно.

СУСЛОВ. Мы в свое время писали письмо Гомулке о том, чтобы он не применял оружие против рабочих, а в действительности к нашему голосу тогда не прислушались, тогда польским руководством было применено оружие.

ПОНОМАРЕВ. Документы, подготовленные для бесед с польскими руководителями, являются последовательными, здесь все реально. В материалах сильно выражена наша тревога. Эту тревогу мы должны довести до польских руководителей.

ГРОМЫКО. Может быть, нам дать польским руководителям эти материалы.

АНДРОПОВ. Если мы их передадим, то не исключено, что они могут попасть к американцам.

БРЕЖНЕВ. Это действительно может быть.

РУСАКОВ. Пусть они внимательно слушают Леонида Ильича и записывают.

ГРИШИН. Леонид Ильич, надо Вам начать беседу и высказать наше беспокойство. Пусть они потом отвечают. Документы подготовлены хорошо.

ТИХОНОВ. Конечно, Леонид Ильич, Вам надо начать выступление по этому материалу и все изложить, что здесь написано. Мы их приглашаем к нам, чтобы высказать нашу тревогу за положение, создавшееся в Польше. В материалах по всем вопросам сказано очень хорошо. Сейчас в Польше налицо действия контрреволюционных элементов. Пусть они скажут, в чем же дело, почему допустили это, пусть объяснят. Коммунисты выходят из партии, боясь антисоциалистических элементов. Вот до чего уже дело дошло.

РУСАКОВ. Я считаю, что в документе действительно все учтено, но Каня может поставить некоторые другие вопросы, не учтенные в этих материалах. Одним из таких вопросов является кадровый. (...) Второй вопрос, который может поставить т.Каня, — это о многосторонней помощи социалистических стран Польше. Дело в том, что Каня против такой помощи. Это я говорю к тому, что у т.Байбакова в материалах значится об интернациональной помощи Польше, а польские товарищи говорят, что у них не такое положение, какое было в Венгрии или в Чехословакии. (...)

ЧЕРНЕНКО. Материалы, которые подготовлены комиссией, носят всесторонний характер. Определяют главные, основные вопросы, на которые следует обратить внимание польских товарищей, причем вопросы ставятся очень

остро. Прямо говорится о создавшейся острой ситуации и о необходимости принятия решительных мер против антисоциалистических элементов.

КИРИЛЕНКО. Три месяца, как начались забастовки и нисколько не снижаются. Мы делали очень многое для Польши, все давали и советовали, чтобы правильно решить возникшие вопросы. Пока военных они не привлекают к борьбе с антисоциалистическими элементами, да, собственно, и не разоблачают их, как здесь правильно говорили товарищи. Теперь у них плохо дело с молодежью. Комсомола как такового фактически нет. Отрядов из молодежи тоже нет. Может быть, следует военных переодеть и пустить в рабочую массу.

Постановили: одобрить материалы к дружественному рабочему визиту в СССР польских руководителей.

* * *

Все это, быть может, и звучит комично, однако постоянное давление из Москвы на польское руководство имело свое значение. Как ни было ослаблено влияние ПОРП, аппарат ее был огромен, а структуры тоталитарного государства давали ей в руки мощные средства контроля и подавления. По существу, кремлевские стратеги были правы: тоталитарная система на то и рассчитана, чтобы вечно воевать с народом, а стало быть, все зависит от ее умелого использования. Пристальное внимание Москвы заставляло приунывшее польское руководство действовать более энергично, оставив в стороне сомнения и колебания. А внимание было более чем пристальным: почти каждую неделю Брежнев говорил по телефону с Каней, а другие члены политбюро опекали соответствующих их профилю польских коллег; периодически выезжали в Польшу для проверки на месте высокопоставленные советские делегации. Москва фактически взяла на себя все руководство ситуацией, до мельчайших деталей: почти как в Афганистан, в Польшу были посланы специальные советники и группы экспертов по всем вопросам, без согласования с которыми (или хотя бы с послом Аристовым) ничто не делалось. Даже экономическая программа ПОРП, принятая на съезде, сначала изучалась и разрабатывалась в Москве. Использовалось все, вплоть до малейших разногласий в руководстве "Солидарности", малейших их просчетов. Усиливалось присутствие КГБ в Польше.

Наконец, мощным фактором психологического воздействия на население была умышленно создаваемая угроза советского вторжения в Польшу, хотя никакого реального приготовления к этому варианту не проводилось. Например, проводились военные маневры на польской территории, сознательно раздувавшиеся как демонстрация готовности "оказать интернациональную помощь". Однако с самого начала кризиса это был только блеф: от поляков требовали "решительных действий", репрессивных мер и прямо введения военного положения, а вариант вторжения даже не рассматривался.

Так или иначе, но к началу 1981 года ситуацию удалось стабилизировать. Сказалось, видимо, и то, что лидеры "Солидарности" сами не ожидали своего успеха, готовясь в основном к репрессиям, и не очень понимали, что с этим успехом делать.

Страна находится в состоянии перманентной дискуссии как в партийных организациях, так и на предприятиях, — докладывал один из высокопоставленных

визитеров. – **Эта дискуссия ведется и в средствах массовой информации, где нередко идут споры о польской модели социалистического общества, о либерализации, ревизии марксизма-ленинизма, о плюрализме в политической жизни и т.д.**

Однако и такое положение Москву не устраивало — не было "перелома", кризис не проходил, а его негативные последствия стали чувствоваться и на Западе, и даже внутри СССР.

БРЕЖНЕВ. У всех у нас большая тревога за дальнейший ход событий в Польше. Хуже всего то, что друзья слушают, соглашаются с нашими рекомендациями, но практически ничего не делают. А контрреволюция наступает по всему фронту.

Члены политбюро знакомы с содержанием всех предыдущих бесед с польскими руководителями. Скажу коротко о последнем телефонном разговоре с Каней, который состоялся 30 марта.

Каня докладывал о прошедшем пленуме ЦК ПОРП и при этом жаловался, что их на пленуме здорово критиковали. Я ему тут же сказал: "Правильно сделали. Вас не просто надо было критиковать, а брать в руки дубинку. Тогда, может быть, вы поняли бы". Это буквально мои слова.

Тов. Каня признал, что действуют они мягко, надо было бы пожестче.

Я ему на это сказал: "А сколько раз мы вас убеждали, что надо принимать решительные меры, что нельзя без конца уступать "Солидарности". Вы же все твердите о мирном пути, не понимая или не желая понять, что такой "мирный путь", какого вы придерживаетесь, может стоить вам крови. Так что важно сделать правильные выводы из критики на пленуме".

Всеобщую забастовку друзьям удалось предотвратить. По какой цене? Ценой очередной капитуляции перед оппозицией. Сам Каня признал в беседе с послом, что новый компромисс — это большая ошибка.

Сейчас многое зависит от того, как развернутся события в ближайшие дни. В частности, проведут ли друзья согласованные с нами меры через Сейм, который, как сегодня сообщили, перенесен со 2 на 6 апреля? Будут ли приняты эти меры в полном объеме? Хватит ли решимости и сил осуществить эти меры на практике?

Нам, конечно, надо продолжать работу с друзьями, изыскивать новые пути воздействия на обстановку в Польше.

Думается, в частности, что стоило бы пойти навстречу пожеланиям друзей и разрешить тт. Андропову и Устинову выехать в Брест для встречи с тт. Каней и Ярузельским. Это позволит детальнее разобраться в положении в стране, оценить намерения друзей и еще раз изложить им нашу позицию.

В резерве у нас остается такая мера, как новая встреча семерки по польскому вопросу на высшем уровне.

У нас есть комиссия по Польше. Может быть, товарищи из комиссии, которая следит за событиями в этой стране, желали бы выступить?

АНДРОПОВ. Я считаю, что предложения, которые высказаны Леонидом Ильичом относительно дальнейших шагов в отношении Польши, и оценка положения там совершенно правильные. Действительно, сейчас речь идет о том, чтобы нам как-то оказать большее влияние, больший нажим на руково-

дство друзей. Я считаю, что предложение о моей поездке и т.Устинова для встречи с Каней и Ярузельским является правильным. Мы в соответствии с состоявшимся обменом мнениями на Политбюро и с теми решениями, которые были приняты Политбюро ранее, а также беседами, которые имел Леонид Ильич с Каней, проведем необходимую работу и выскажем тт. Кане и Ярузельскому все наши претензии, предложения, советы и т.д.

(УСТИНОВ поддерживает предложения в тех же выражениях).

ГРОМЫКО. Позвольте мне кратко проинформировать о том, что получаем мы по линии Министерства иностранных дел. Информация о Польше идет большая. Однако следует сказать, что как в США, в ФРГ и других странах внимательно смотрят за положением в Польше и очень искажают истинное положение дел. Конечно, как американская, так и западноевропейская информация относительно положения дел в Польше подается в тенденциозном аспекте. Она показывает "справедливость" требований "Солидарности" и антисоциалистических сил Польши и неспособность польского руководства решить внутренний вопрос. Вместе с тем очень много говорится в адрес Советского Союза как бы в предостерегающем нас тоне о том, что Советский Союз не должен вмешиваться своими вооруженными силами в дела Польши. Но это ясное дело, буржуазная пропаганда всегда выступала с враждебных позиций в отношении Советского Союза и сейчас подает эту информацию, как я уже сказал, в тенденциозном духе.

Хочу сказать, что состояние Кани и Ярузельского не из хороших. Есть даже такие намеки, что Ярузельский совсем сник и не знает, что дальше делать. Это, конечно, совсем плохо. То, что руководство ПНР в переговорах с "Солидарностью" пошло на понятную, — это очень плохо. Даже сами польские руководители говорят о том, что последнее соглашение с "Солидарностью" является ошибкой польского руководства.

Что касается отношения к сельской "Солидарности", то по существу она уже легализирована. (...) Как можно оценивать положение в Польше после пленума ЦК? Я думаю, что мы не ошибемся, если скажем, что улучшения никакого не произошло. Наоборот, дальнейшее ухудшение, потому что руководство пятится назад. Но, как уже говорил Леонид Ильич, Каня ставит вопрос о том, чтобы приехали наши товарищи Андропов и Устинов в Брест для обмена мнениями с тт. Каней и Ярузельским. Я считаю, что это надо принять, тем более, что представляется возможность все высказать польским друзьям на личной встрече. Эта встреча, по-моему, явится как бы промежуточной ступенью, и ее надо использовать полностью. Если они пойдут, как говорится, на частичное введение чрезвычайных мер, то нужно спросить их, будут ли они уверены в том, что армия, МВД и органы госбезопасности будут на их стороне. Я думаю, что было бы правильно сделать глубокий анализ со стороны наших военных, как обстоит дело в вооруженных силах ПНР и является ли армия основной силой и можно ли опираться на нее.

Политбюро ЦК КПСС должно иметь ясное представление о расстановке сил в ПНР. Нам это необходимо знать. Польское командование заявляет, что армия выполнит свой долг. Так ли это на самом деле? При любом положении нам нужно идти на то, чтобы высказать польским товарищам необходимость

принятия более жестких, я бы сказал, чрезвычайных мер для наведения порядка и что дальнейшее отступление для них совершенно неприемлемо, дальше отступать уже совершенно нельзя.

УСТИНОВ. По линии военных дело обстоит следующим образом. Сегодня в 20 часов собирается военное руководство вместе с тт. Куликовым, Крючковым и другими нашими товарищами. Что касается польской армии, то, как заявляет т.Ярузельский, она готова выполнить свой долг. Но если уж говорить откровенно, то нам нужно иметь в виду, что едва ли Каня и Ярузельский пойдут на конфронтацию, имея в виду конфликт в Быдгоще. Итоги этого конфликта показали, что стоило как-то задеть двух человек из состава "Солидарности", как сразу буквально поднялась вся страна, то есть "Солидарность" сумела мобилизовать быстро свои силы. Конечно, сейчас пока еще есть какая-то надежда на то, что армия, органы безопасности и милиция выступят единым фронтом, но чем дальше, тем будет хуже. Я думаю, что кровопролития не избежать, оно будет. И если этого бояться, то, конечно, тогда надо сдавать позицию за позицией. А так можно утратить все завоевания социализма.

Я думаю также и над таким вопросом, не следует ли нам принять и некоторые меры экономического характера. Как сейчас смотрят польские друзья? Мы им помогаем, мы отрываем от себя и у наших друзей и даем Польше, а об этом польский народ не знает. Никто из поляков не знает толком, что Польша полностью получает от нас нефть, хлопок и т.д. Действительно, если все это посчитать и хорошо посмотреть, какую помощь Советский Союз оказывает полякам, если бы об этой помощи рассказать по телевидению, радио, печати, то польский народ, я думаю, понял бы, от кого они получают самую основную экономическую помощь. А ни один польский руководитель не выступил среди рабочих и не рассказал об этом.

Что касается польских руководителей, то я считаю, что трудно ответить на вопрос, кто из них лучше. Раньше мы считали т.Ярузельского стоящим деятелем, а он на самом деле оказался слабым

БРЕЖНЕВ. Вот поэтому и нужно будет выяснить нам все: и положение в Политбюро у них, кто на что способен.

АНДРОПОВ. Я полностью согласен с Вами, Леонид Ильич, относительно того анализа, который Вы дали о положении в Польше. Действительно, "Солидарность" сейчас начинает прибирать к своим рукам одну позицию за другой. Если соберется чрезвычайный съезд, то не исключено, что он будет полностью в руках представителей "Солидарности", и тогда без крови они захватят власть в свои руки. Нам нужно действительно польским руководителям еще раз на личной встрече, о которой здесь говорил Леонид Ильич, сказать о принятии строгих мер, не бояться того, что это вызовет, может быть, и кровопролитие. Они ведь вместо строгих мер суют нам так называемое "политическое урегулирование". Мы говорим им о принятии военных мер, административных, судебных, но они постоянно ограничиваются политическими мерами.

Вместе с тем нам нужно серьезно поставить вопрос перед польскими друзьями о том, чтобы они заставили "Солидарность" отвечать за дела в

Польше. А то ведь сейчас как складываются дела? Экономический хаос, неразбериха и все недостатки в снабжении продовольствием и другими делами вызваны по вине "Солидарности" забастовками, а отвечает за это правительство. Получается совершенно нелепое положение. И никто из членов Политбюро, из руководства ПНР не выступили и не рассказали рабочим, что в экономических недостатках и разрухе повинны прежде всего руководители "Солидарности". В Политбюро ПОРП т.Кане надо посоветовать объединить твердых членов Политбюро и опираться на них.

БРЕЖНЕВ. Надо будет им сказать, что значит введение военного положения, и разъяснить все толком.

АНДРОПОВ. Правильно, надо именно рассказать, что введение военного положения — это означает установление комендантского часа, ограничение движение по улицам городов, усиление охраны государственных, партийных учреждений, предприятий и т.д. Под влиянием давления лидеров "Солидарности" Ярузельский окончательно раскис, а Каня начал за последнее время все больше и больше выпивать. Это очень печальное явление. Я думаю, что доводов в беседе с Каней и Ярузельским у нас хватит. Надо выслушать, очевидно, их.

Вместе с тем я хочу сказать относительно того, что польские события влияют и на положение дел западных областей нашей страны. В частности, в Белоруссии во многих селах прослушивается хорошо радио на польском языке и телевидение. Надо сказать вместе с тем, что и в некоторых других районах, в частности в Грузии, у нас возникают стихийно демонстрации, группы крикунов собираются на улицах, как это недавно было в Тбилиси, высказываются антисоветские лозунги и т.д. Здесь нам тоже и внутри надо принять строгие меры.

И правда, с самого начала кризиса в Москве принимались самые радикальные меры, чтобы не допустить распространения польской заразы. Резко, почти вдвое, сократили туристический обмен с Польшей, приняли меры к дополнительному ограничению и цензуре польской печати, поступавшей в СССР по подписке или в продажу, усилили пропаганду. Предпринимались попытки подорвать авторитет "Солидарности" за рубежом, особенно среди дружественных организаций и партий.

С 14 по 18 января 1981 г. в Италии по приглашению местных профсоюзов будет находиться делегация "Солидарности" (18 человек) во главе с Л.Валенсой, в состав которой входят также представители политической оппозиции антисоциалистической направленности, — докладывал Пономарев. — **По имеющимся сведениям, буржуазные партии, средства массовой информации намерены широко использовать пребывание этой делегации в Италии для дискредитации социалистического строя в Польской Народной Республике (ПНР), для поддержки линии, направленной на распатывание и, в конечном итоге, на ликвидацию социалистических завоеваний в Польше. В этих целях планируется организация приема членов делегации на достаточно высоком профсоюзном и политическом уровне. Помимо встречи с папой в Ватикане, имеется в виду принять Л.Валенсу и его делегацию в руководстве Объединенной профсоюзной федерации ВПКТ–ИКПТ–ИСТ, организовать встречи с коллективами**

рабочих. Несмотря на первоначальное решение отказаться от встреч с Л.Валенсой, руководство Итальянской компартии до сих пор занимает колеблющуюся позицию и не исключает возможности тех или иных контактов с ним.

Считали бы целесообразным обратиться к руководству Итальянской компартии, имеющей сильные позиции в итальянском профсоюзном движении и оказывающей значительное влияние на политические круги своей страны.

В этой связи можно было бы дать указания совпослу в Италии о встрече с Э.Берлингуэром или лицом, его замещающим, в ходе которой обратить внимание руководства ИКП на необходимость предпринять все возможные шаги для того, чтобы поездка Л.Валенсы в Италию не привела к поддержке линии политической оппозиции антисоциалистической направленности.

Крайнее беспокойство по поводу возможного распространения инфекции выражали руководители Восточной Европы (особенно Хонеккер), собравшись в Москве по случаю XXVI съезда КПСС.

К сожалению, сами лидеры "Солидарности" так, кажется, и не поняли всей важности экспорта своего опыта в другие "бараки". Только много позже, на I съезде "Солидарности" в сентябре 1981 года, было принято знаменитое "Обращение к трудящимся Восточной Европы", да и то, как говорят, почти случайно, по инициативе рядовых делегатов. Однако именно оно привлекло всеобщее внимание как наиболее политически зрелый акт. Не случайно в Кремле были просто в ярости.

БРЕЖНЕВ. Вчера я познакомился с "Обращением к народам Восточной Европы", которое принял съезд польской "Солидарности". Опасный и провокационный документ. Слов в нем немного, но все они бьют в одну точку. Его авторы хотели бы вызвать смуту в социалистических странах, взбудоражить группки разного рода отщепенцев. Думаю, нельзя ограничиться критикой в печати этой наглой выходки. Что если отпор этим демагогам дадут коллективы наших крупных предприятий, таких, скажем, как Кировский завод, Магнитка, КамАЗ и др.? Их письма в адрес съезда "Солидарности", наверное, трудно будет там замолчать. Тем более, что в своих средствах массовой информации мы отведем им достойное место.

Если товарищи согласны, то давайте поручим польской комиссии подобрать три-четыре производственных коллектива и помочь им квалифицированно подготовить отповедь "Солидарности". (...)

ЗИМЯНИН. Я хочу сказать Политбюро, какие намечаются публикации в связи со съездом "Солидарности". Можно сказать, что съезд демонстрирует дальнейшее ухудшение обстановки в Польше. Как известно, они обратились к парламентам, народам некоторых стран, в том числе и социалистических, со своей программой "обновления". Поэтому сейчас готовятся соответствующие выступления по линии нашей печати и ТАСС. В этих материалах будут разоблачены действия профсоюза "Солидарности". Я считаю совершенно правильным предложение Леонида Ильича относительно того, чтобы дать возможность выступить нескольким коллективам крупных ведущих предприятий. Это также мы постараемся подготовить.

ТИХОНОВ. Нам нужно будет все же как-то реагировать и реагировать конкретно на те выходки хулиганствующих элементов, которые имеют место

в Польше, против которых правительство не принимает никаких мер. Ведь там, помимо того, что оскверняются памятники нашим воинам, они рисуют разного рода карикатуры на руководителей нашей партии и правительства, всячески оскорбляют Советский Союз и т.д. То есть, иначе говоря, смеются над нами. Мне кажется, что нам нельзя дальше отмалчиваться, и надо или по государственной линии, или по другой линии заявить польскому правительству протест в связи с этим. Не реагировать, по-моему, совершенно нельзя.

ГРОМЫКО. Это надо внимательно обдумать. Речь идет о дружественной нам стране.

ГОРБАЧЕВ. Я считаю, что Леонид Ильич внес совершенно правильное предложение относительно того, чтобы выступили коллективы крупных предприятий на страницах печати и разоблачили действия "Солидарности".

ГРИШИН. Надо и в "Правде" и других газетах организовать такие выступления. Мы сделаем так, чтобы выступили такие коллективы, как "ЗИЛ", "Серп и Молот" и др. крупные заводы.

И пошло-поехало по всем заводам да фабрикам страны: собрания рабочих, гневные речи, резолюции осуждения. Но, каковы бы ни были намерения мудрых вождей, информационная блокада вокруг событий в Польше оказалась таким образом отменена, людей заставили говорить, думать, и кто знает, до чего бы они додумались, начнись этот процесс пораньше? К сожалению, лидеры "Солидарности" слишком осторожничали, боясь "спровоцировать" могучего соседа, хотя, казалось бы, ясно, что "старший брат" и без дополнительных провокаций сделает все, что только сможет.

16. Миф о вторжении

Вернемся к апрельской тайной встрече тт. Андропова и Устинова с тт.Каней и Ярузельским в г. Бресте. По сути дела, именно на ней и решался вопрос о будущем военном положении. Возвратясь, вышеозначенные тт. доложили политбюро о проделанной работе.

АНДРОПОВ. Мы с т.Устиновым Д.Ф. в соответствии с договоренностью с польскими товарищами выехали в Брест и там, вблизи Бреста, в вагоне состоялась наша встреча. Встреча началась в 9 часов вечера и закончилась в 3 часа ночи с таким расчетом, чтобы польские товарищи не обнаружили себя, что они куда-то выезжали.

Задача, которая была поставлена перед нами, состояла в том, чтобы внимательно выслушать польских товарищей и дать наши соответствующие разъяснения, как мы условились на заседании Политбюро.

Общее впечатление от нашей встречи с товарищами таково, что они были в очень напряженном состоянии, нервничали, было видно, что они задерганы. Тов. Кания прямо сказал, что им очень тяжело вести дела, на них наседает "Солидарность" и антисоциалистические силы. Но вместе с тем, они заявили, что после XXVI съезда КПСС обстановка в Польше идет по пути стабилизации. Кания сказал, что они провели отчетно-выборные собрания в большинстве первичных партийных организаций и характерно отметить, что в число

делегатов не попал ни один человек, принадлежащий к "Солидарности", то есть на съезд прошли наши кандидаты. Затем т.Каня вынужден был сказать, что последующие события, в частности, предупредительная забастовка, события в Быдгоще показали, что контрреволюция сильнее нас. Они особенно боялись предупредительной забастовки и еще больше всеобщей забастовки, делали все, чтобы не допустить всеобщей. (...)

Какие задачи стоят перед нами, сказал т.Каня. Прежде всего это восстановление доверия народа к партии, налаживание экономической жизни, ликвидация забастовок и простоев на предприятиях. Конечно, опыта борьбы у польских товарищей с этими негативными явлениями нет, поэтому они сейчас не знают, какие методы применить и шарахаются из стороны в сторону. Что касается ввода войск, то они прямо сказали, что это совершенно невозможно, точно также нельзя вводить военное положение. Говорят, что их не поймут и они будут бессильны что-либо сделать. Товарищи подчеркнули в беседе, что они наведут порядок своими силами. Имеется в виду, что IX съезд, к которому они сейчас готовятся, не даст возможности "Солидарности" провести своих кандидатов в качестве делегатов. В партийных организациях выбирают на съезд в качестве делегатов хороших рабочих.

В беседе т.Каня отметил также, что польский народ очень чувствителен к правдивым сообщениям. Например, они объявили о съезде, затем стали дело вести к тому, чтобы съезд отложить, а потом снова сказали, что съезд будет проходить. И вот такая заминка в сроках проведения съезда очень сильно сказалась на положении дел в стране в том смысле, что доверие к партии еще больше пошатнулось. Мы в свою очередь сказали твердо польским товарищам, что противник на вас наступает, у него имеются преимущества, вы же отступаете, причем упустили время. Можно было в сентябре 1980 года дать серьезный бой противнику. Но вы ничего не сделали, не приняли никаких мер — ни политического, ни тем более административного характера. Мы особо подчеркнули, что нельзя противопоставлять меры военно-административного характера политическим мерам. Надо все сочетать разумно.

Что касается военного положения, то можно было бы его ввести давно. Ведь что значит ввести военное положение. Оно бы помогло вам сломить напор контрреволюционных элементов, всякого рода дебоширов, раз и навсегда покончить с забастовками, с анархией хозяйственной жизни. Проект документов о введении военного положения с помощью наших товарищей подготовлен, и надо эти документы подписать. Польские товарищи говорят: как же мы будем подписывать эти документы, когда их надо проводить через сейм и т.д. Мы говорим, что никакого проведения через сейм не нужно, это документ, по которому вы будете действовать, когда будете вводить военное положение, а сейчас надо вам лично — т.т.Каня и Ярузельскому подписать с тем, чтобы мы знали, что вы с этим документом согласны и будете знать, что надо делать во время военного положения. Если придется вводить военное положение, то уже некогда будет заниматься разработкой мероприятий по введению военного положения, их надо заранее готовить. Вот о чем идет речь

Тогда после нашего разъяснения т.т.Каня и Ярузельский сказали, что они 11 апреля просмотрят и подпишут этот документ.

Далее мы спросили, что будет содержаться в выступлении т.Ярузельского на сейме. Ярузельский говорил много и невнятно. Он объяснил, что скажет о запрещении забастовок на два месяца. Мы спрашиваем, что значит на два месяца, а что же после двух месяцев? Два месяца пройдут быстро, и потом снова начнутся забастовки. Вы даете много обещаний своим рабочим, но потом их не выполняете, и тем самым дается лишняя почва для недоверия правительству и к ПОРП.

Сейчас особенно серьезно вопрос стоит о проведении широких политических мер. Взять хотя бы разъяснение того вопроса, что у вас нехватка хлеба и других продуктов. Почему это происходит? Да потому, что действительно сплошные забастовки дезорганизуют все хозяйство, потому и нет. Теряется от каждой забастовки колоссальное количество миллиардов злотых, а рабочий не знает об этом, и все это валится на правительство, виновникам становятся правительство, ЦК партии, Политбюро, а зачинщики, организаторы забастовок стоят в стороне, и они, видите ли, выглядят как защитники интересов рабочих. А ведь если, говорим мы, разобраться по существу, то основными виновниками всех экономических трудностей являются "Солидарность" и организаторы забастовок. Вот в чем дело. Почему нельзя это все довести до сведения рабочих?

У вас много говорят о создании национального фронта спасения Польши. Такие разговоры идут в ряде районов. В этот фронт национального спасения Польши имеется в виду включить ветеранов революционного движения, военачальников, например таких, как Роля-Жимерский, и других. Можно было бы и это записать. Или возьмите, например, сейчас в ФРГ идут разговоры о том, чтобы Силезию и Гданьск как территории, присоединенные к Польше, обратно передать ФРГ. Почему не обыграть как следует и этот вопрос. Я думаю, что народ можно было бы сплотить вокруг таких вопросов. Надо поднимать народ.

Мы сказали, что у нас нет возражений против создания национального фронта спасения Польши. Но этот фронт не должен подменять партию и правительство. (...)

Польские товарищи говорили о том, чтобы ввести в Политбюро трех рабочих. Они ссылались на Ленина, который предлагал ввести в Политбюро рабочих. Мы сказали, что у нас не было такого, чтобы в Политбюро были рабочие. Но если действительно сейчас у вас есть такая потребность, можно ввести в Политбюро, но не обязательно трех, а может быть, одного рабочего. В ЦК, может быть, избрать дополнительно какое-то количество рабочих, то есть это все меры, которые будут содействовать сплочению и единству партии. Например, вот вы говорите о введении рабочих в состав народного контроля. Неплохая мера. (...)

Далее мы сказали, что не нужно вам брать на себя, товарищи, пышных программ, а взять умеренные программы, но выполнить их. Все члены Политбюро должны выступать на крупных предприятиях. Вот сейчас т.Каня едет в Гданьск. И не только т.Каня, но т.Ярузельский и все другие члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро поедут в другие города, чтобы выступить на предприятиях среди рабочих, то есть надо против организован-

ной "Солидарности" выступать, противопоставляя свою солидарность. Чем сильна "Солидарность"? Она сильна своей демагогией. Она демагогически обещает рабочим повышение зарплаты, она этого, как видите, добилась. Защиты рабочих она тоже добивается, своего авторитета добивается тем, что объявляет забастовки, когда вы арестуете нескольких рабочих или других деятелей "Солидарности". Мы прямо сказали Кане, что вы каждый день все отступаете и отступаете, а надо действовать, надо утвердить военные меры, утвердить чрезвычайные меры. (...)

Относительно опоры Политбюро. На кого оно может опираться. Армия у них составляет 400 тыс. человек, МВД — 100 тысяч и резервистов 300 тысяч, таким образом 800 тысяч человек. Каня сказал, что сейчас напряжение несколько снизилось, им удалось предотвратить всеобщую забастовку. Но насколько хватит этого успокоения, сказать трудно.

Что они делают после нашей встречи? Надо сказать, кое-что делают. Например, Каня выезжает в Гданьск. Перерабатывает свое выступление в сейме т.Ярузельский. Но надо сказать, что между Каней и Ярузельским существует много различий во взглядах по отдельным вопросам. Тов. Ярузельский вновь высказал просьбу об освобождении его с поста премьера. Мы ему популярно разъяснили, что необходимо остаться на этом посту и с достоинством выполнять возложенные на него обязанности. Подчеркнули, что противник готовит силы, чтобы захватить власть.

С другой стороны, другие члены Политбюро — т.т.Ольшовский, Грабский занимают несколько отличную позицию, более твердую, чем руководство. С ними надо вести работу. В частности, они предлагают организовать подпольное Политбюро и проводить работу. Оказывается, такая мысль у них возникла в результате рекомендаций, которые им дал тов. Живков. Не знаю, правда это или нет, но они говорят, что тов. Живков дал им такую рекомендацию. Нам тоже надо сделать из этого вывод, что если руководители братских партий будут давать польским друзьям такие рекомендации, то мы, конечно, от этого ничего не выиграем, а только проиграем.

СУСЛОВ. Может быть нам следует подготовить информацию для братских партий.

ГРОМЫКО. Но ни в коем случае нельзя ссылаться, что состоялась встреча.

АНДРОПОВ. О встрече говорить совершенно невозможно.

УСТИНОВ. Ю.В.Андропов очень хорошо все рассказал, поэтому мне кратко хочется сказать о следующем. Первое, что действительно бросается в глаза, это подавленное состояние наших собеседников. Но мне кажется, что несмотря на это, нам нужно эту двойку — Каню и Ярузельского сохранить и отношения между ними укреплять. Дело в том, что у них в Политбюро имеются расхождения. Их, конечно, потрясают прежде всего забастовки, они их очень боятся. Мы спрашиваем, зачем вы изменили свое решение относительно Быдгоща. Как известно, они не хотели уступать по быдгощскому конфликту, затем уступили. Они уверяют, что над ними нависла угроза всеобщей забастовки. Далее мы говорим им, зачем вы платите рабочим за время забастовок. Они говорят, что этого требует "Солидарность". Таким образом вы идете на поводу у "Солидарности", ответили мы им. По сельской

"Солидарности" они решения не приняли, но фактически уже признали существование этой организации. (...)

Чтобы рассеять их боязнь относительно введения чрезвычайного или военного положения, мы привели пример, что во многих странах, чуть только вспыхнет восстание или начинается какая-то неразбериха, вводится чрезвычайное или военное положение. Возьмите Югославию, появились демонстрации в Косово, они ввели военное положение, и никто об этом ни слова не сказал. Почему поляки боятся ввести чрезвычайное положение, нам непонятно.

О планах введения чрезвычайного положения Юрий Владимирович говорил хорошо. Мы сказали, что надо подписать план, составленный нашими товарищами.

Далее я им прямо сказал, как мы условились на Политбюро, что будет в Польше, если заварится каша там, и в каком экономическом положении она окажется. Ведь сейчас Польша получает полностью всю нефть за почти половинную цену из Советского Союза. Она получает также хлопок, железную руду и многие другие товары. А если она этого не получит, что же тогда? Почему такой факт не разъясняется, не доводится до ума рабочих? Это же сильное оружие. Надо говорить об этом рабочим, надо говорить и "Солидарности". Сейчас "Солидарность" окопалась на самых крупных заводах. Надо эти заводы отобрать у "Солидарности". У вас имеются хорошие заводы, где рабочие стоят за руководство. Например, завод по производству телевизоров. Вы можете и должны поддержать отраслевые профсоюзы, проводить с ними активную работу. Ярузельский потом мне одному еще раз сказал, что работать не может, нет сил, и очень просил освободить его.

* * *

Вопрос о том, насколько реальна была угроза советского вторжения, — ключевой вопрос польского кризиса. От него зависело и поведение лидеров "Солидарности", и реакция поляков на введение военного положения, и поведение Запада. Продолжал он оставаться предметом острых дебатов и после крушения режима, в период "круглого стола" лидеров "Солидарности" с партийной верхушкой весной 1989 года, определившего нынешнее положение в Польше. Даже теперь, когда часть приведенных здесь протоколов политбюро уже опубликована в Польше, общественное мнение склоняется к тому, что Ярузельский был этаким героем, спасшим страну от ужасов советской оккупации и связанного с ней кровопролития, национального унижения, а то и потери государственности. Даже после того, как выяснилось, что Москва никакого вторжения не готовила, поляки по-прежнему склонны верить, что Ярузельский об этом не знал, а значит, все равно был героем, субъективно "спасавшим Польшу". Нужно ли говорить, что это типичная ложь самооправдания, оказавшаяся удобной большинству: и бывшим коммунистическим деятелям, и огромному числу поляков, так или иначе принявших военное положение как "меньшее зло", и даже бывшим лидерам "Солидарности" — для оправдания своего сговора с партийной верхушкой за "круглым столом". Так и живет в Варшаве "спаситель отечества", отец народа генерал Войцех Ярузельский.

Не знаю, все ли документы политбюро были опубликованы в Польше, но те, что лежат передо мной, не оставляют ни малейших сомнений: и Москва никакого

вторжения не готовила, и Ярузельский отлично об этом знал. Более того, не слишком доверяя польской армии, *он сам к концу 1981 года неоднократно просил о вводе советских войск, но получил решительный отказ Кремля*. И ввел военное положение, только убедившись, что "военной помощи" от Москвы не получит.

Подробный анализ обстановки в Польше и советской стратегии в связи с ней был сделан комиссией политбюро ЦК КПСС по польскому вопросу еще в апреле 81-го, вскоре после тайной встречи в Бресте.

Внутриполитический кризис в Польше принял затяжной хронический характер, – писали они. – **ПОРП в значительной мере утратила контроль над процессами, проходящими в обществе. В то же время "Солидарность" превратилась в организованную политическую силу, которая способна парализовать деятельность партийных и государственных органов и фактически взять в свои руки власть. Если оппозиция пока не идет на это, то прежде всего из опасения ввода советских войск и надежд добиться своих целей без кровопролития, путем ползучей контрреволюции.**

Вместе с тем для всех очевидно, что затишье, возникшее после заседания сейма, кратковременно. Противник пошел на него из тактических соображений, продолжая накапливать силы для нанесения новых ударов по партии. (...) "Солидарность" в целом и отдельные ее звенья готовятся к очередному шантажу властей путем выдвижения различных требований преимущественно политического характера. Появившиеся признаки расслоения в руководстве этого профобъединения пока не дают оснований рассчитывать на существенные изменения в его общей ориентации. Даже если бы дело дошло до раскола между Валенсой и экстремистами из КОР—КОС, сам Валенса и стоящее за его спиной католическое духовенство отнюдь не намерены ослаблять нажим на ПОРП. Нельзя исключать и того, что экстремисты могут захватить контроль над "Солидарностью" со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В последнее время все более определенно проявляется новая тактическая установка, вокруг которой фактически объединяется разношерстная оппозиция. Отдавая себе отчет, что геополитическое положение Польши лишает ее возможности посягнуть на участие страны в Организации Варшавского договора и принципи руководящей роли компартии, эти силы явно решили разложить ПОРП изнутри, повести дело к ее перерождению и, таким образом, захватить власть "на законной основе". (...) В этих условиях возникает необходимость еще раз взвесить наше отношение к политике польского руководства, четче определить, на какие силы можно опираться, чтобы в конечном счете отстоять завоевания социализма в Польше.

С одной стороны, "на правом фланге" находятся "деятели ревизионистского толка", близкие к социал-демократическим идеям и фактически смыкающиеся с "Солидарностью". С другой – "на левом фланге": товарищи, "наиболее близкие к нашим позициям", в основном старые члены партии.

К сожалению, представители этого направления отнюдь не составляют большинства. Создается впечатление, что они видят выход из кризиса путем лобовой атаки на "Солидарность", не считаясь с нынешним соотношением сил. При этом они не видят возможности оздоровления обстановки без ввода

советских войск. Такая позиция объективно ведет ко все большей их изоляции в партии и в стране.

Выход в создавшейся ситуации политбюро видит в поддержке Кани и Ярузельского, занимающих "центристскую позицию". Хотя они и проявляют "недостаточную стойкость и закалку в борьбе против контрреволюционных сил", идут на неоправданные уступки "Солидарности" и даже испытывают "панический страх перед конфронтацией с ней" — это лучшее, что есть.

Оба они, особенно Ярузельский, пользуются авторитетом в стране. В настоящий момент фактически нет других деятелей, которые могли бы осуществлять партийно-государственное руководство.

Посему политбюро решает:

Продолжать оказывать политическую поддержку т.т.Кане и Ярузельскому, которые, несмотря на известные колебания, выступают в защиту социализма. В то же время постоянно добиваться от них более последовательных и решительных действий в интересах преодоления кризиса на основах сохранения Польши как социалистической страны, дружественной Советскому Союзу.

А кроме этого и прочих рекомендаций об укреплении единства ПОРП, связи с рабочим классом, экономических мерах и т.п.:

Активней использовать наметившееся расслоение среди лидеров "Солидарности", разоблачать антисоциалистическую, антинациональную деятельность КОС–КОР и их лидеров, добиваться изоляции этих контрреволюционеров. Принять решительные меры против попыток поднять в стране волну антисоветизма.

Побуждать польское руководство постоянно заботиться о состоянии армии и органов МВД, их морально-политической устойчивости и готовности выполнить свой долг по защите социализма. (...)

Максимально использовать сдерживающий контрреволюцию фактор, связанный с опасениями внутренней реакции и международного империализма по поводу того, что Советский Союз может ввести в Польшу свои войска. Во внешнеполитических заявлениях подчеркивать высказанную товарищем Л.И.Брежневым на XXVI съезде КПСС нашу решимость не оставлять Польшу в беде и не давать ее в обиду.

Словом, ясно, что советская угроза была блефом, возведенным в ранг государственной политики. Реально подготавливалось с самого начала военное положение, на него (и на возможный раскол в руководстве "Солидарности") делалась вся ставка. Более того, это решение никогда не изменялось, в него только вносились небольшие коррективы. Так, к сентябрю 1981 года стало понятно, что Каня не справляется со своей задачей, несмотря на прямые угрозы Брежнева его снять. Дошло до того, что Хонеккер даже предлагал собрать в Москве руководителей братских партий, пригласить Каню и сказать ему, чтобы он ушел в отставку, а вместо поставить Ольшовского. Однако и тут политбюро решило свою линию не менять: назначили Ярузельского. Тот, конечно, отлично знал, зачем его поставили первым секретарем вдобавок к постам премьер-министра и министра обороны. Да Брежнев ему это тут же напомнил, позвонив в день "избрания".

Л.И.БРЕЖНЕВ. Здравствуй, Войцех.

В.ЯРУЗЕЛЬСКИЙ. Здравствуйте, глубокоуважаемый, дорогой Леонид Ильич.

Л.И.БРЕЖНЕВ. Дорогой Войцех, мы уже направили тебе официальное приветствие, но мне хотелось и непосредственно поздравить тебя с избранием на пост первого секретаря ЦК ПОРП.

Ты правильно поступил, дав согласие на такое решение. В ПОРП сейчас нет деятеля, который пользовался бы авторитетом, равным твоему, — об этом говорят и итоги голосования на пленуме. Мы понимаем, что перед тобой стоят очень нелегкие задачи. Но убеждены, что ты их осилишь, сделаешь все для преодоления поразившего вашу страну тяжелого недуга.

Думаю, сейчас, как мне кажется, для тебя самое главное — подобрать себе надежных помощников из числа преданных и стойких коммунистов, сплотить их, привести в движение всю партию, вдохнуть в нее дух борьбы. Это, в буквальном смысле, ключ к успеху.

И, конечно, важно, не теряя времени, переходить к намеченным вами решительным действиям против контрреволюции. Мы надеемся, что теперь все — и в Польше, и за рубежом — почувствуют, что дела в стране пойдут по-иному.

Желаю тебе доброго здоровья и успеха!

В.ЯРУЗЕЛЬСКИЙ. Большое спасибо Вам, дорогой Леонид Ильич, за приветствие и прежде всего за доверие, которое Вы мне оказали. Я хочу откровенно Вам сказать, что я согласился на этот пост с большой внутренней борьбой и только потому, что знал, что Вы поддерживаете меня и что Вы за такое решение. Если бы это было не так, я бы никогда не согласился на это. Это очень тяжелая, очень трудная задача в той сложной обстановке в стране, в которой я сейчас нахожусь как премьер-министр и как министр обороны. Но я понял, что это правильно и необходимо, если Вы лично так считаете.

Л.И.БРЕЖНЕВ. Войцех, мы давно так считали. Мы давно об этом говорили друзьям.

В.ЯРУЗЕЛЬСКИЙ. И поэтому я согласился. Я сделаю, Леонид Ильич, все как коммунист и как солдат, чтобы стало лучше, чтобы добиться перелома обстановки в стране и нашей партии. Я понимаю и вполне с Вами согласен, что сейчас один из решающих моментов -это подбор руководства и в партии, и в правительстве. И поэтому я специально отложил решение вопроса о кадрах на следующий пленум, который мы проведем через несколько дней, для того, чтобы хорошо продумать, проконсультироваться, чтобы это было комплексное решение, а не просто отдельные кадровые шаги.

Л.И.БРЕЖНЕВ. Кадры очень важны и в центре и на местах.

В.ЯРУЗЕЛЬСКИЙ. И на местах надо будет решать этот вопрос. Конечно, это должно проходить параллельно с укреплением партии в духе активизации борьбы. В соответствующей обстановке надо применять решительные действия, чтобы давать бой там, где будет уверенность в успехе.

Я сейчас еду на заседание Военного совета Вооруженных Сил в Министерство обороны. Я поставлю там соответствующие задачи. Мы будем широко включать армию во все области жизни страны.

Вчера, после пленума, я имел встречу с первыми секретарями областных комитетов и сказал, чтобы они не обижались на то, что мы будем включать людей из вооруженных сил в осуществление некоторых процессов, будем

расширять встречи офицерского состава с рабочим классом, чтобы непосредственно влиять на рабочих, чтобы изолировать их от влияния "Солидарности". Конечно, мы не меняем нашего генерального направления в том смысле, что, борясь за здоровые силы народа, которые заблуждаются и вошли в "Солидарность", привлекая их на нашу сторону, одиовременно мы будем бить противника и, конечно, так бить, чтобы это приносило результаты.

Я сегодня встречаюсь с вашим послом. С ним я постараюсь более детально обсудить некоторые вопросы и буду просить Вашего совета по вопросам, которые он Вам, наверное, доложит.

Информируя Вас обо всех решениях, которые мы принимаем, мы будем сообщать одновременно чем мы руководствуемся при принятии того или иного решения.

Сейчас у нас самое сложное в положении на рынке. В связи с этим здесь много забастовок, протестов, причем есть такие, которые организует "Солидарность", а есть просто стихийные. Это очень осложняет проведение тех мер, которые придется применять, осложняет нашу работу, так как настроение в обществе неважное. Но мы будем стараться делать все, что возможно, чтобы положение улучшить.

Вот об этом я хотел на первых порах доложить Вам, проинформировать. Еще раз большое спасибо за хорошие слова.

Л.И.БРЕЖНЕВ. Я еще раз желаю тебе, Войцех, доброго здоровья и успехов.

В.ЯРУЗЕЛЬСКИЙ. Спасибо. До свидания.

Скажете, этот человек не понимает, о чем идет речь? Все и всё прекрасно понимают. И политбюро напряженно ждет результатов. Проходит всего десять дней после назначения Ярузельского, а в Кремле уже нервничают, что сдвигов не заметно.

ГРОМЫКО. Я бы хотел сказать относительно Польши, я только что имел разговор с послом т.Аристовым. Он сообщил, что забастовка одночасовая была весьма внушительной. На многих предприятиях по существу хозяйничает "Солидарность". Даже тот кто хочет работать, он не может работать, так как экстремисты "Солидарности" блокируют желающих работать, угрожают им всячески и т.д.

Что касается пленума, то, как сообщил т.Аристов, он прошел нормально, избрали дополнительно двух секретарей. На сейме, который начинает работу 30 октября, они поставят вопрос об ограничении забастовок. Во что выльется этот закон, пока сказать трудно, но во всяком случае делаются попытки путем закона ограничить забастовки. Речь т.Ярузельского на пленуме была, я бы сказал, неплохой.

БРЕЖНЕВ. Я не верю, чтобы т.Ярузельский сделал что-то конструктивное. Мне кажется, что он недостаточно смелый человек.

АНДРОПОВ. Ярузельский ничего нового по существу не сделал, хотя прошло уже некоторое время. Большой помехой в Политбюро являются Барчиковский и Кубяк. Были разговоры о том и советы даже давались такие, чтобы Барчиковского и Кубяка вывести из состава Политбюро. Однако Ярузельский по существу отказался от такой меры. Причем объясняет он это тем, что у него нет кадров, которые могли бы заменить этих лиц.

Очень настораживает вопрос о том, кто будет премьером Польши. Ярузельский явно благоволит Ольшовскому и Раковскому. И тот и другой, конечно, в премьеры не подходят.

БРЕЖНЕВ. Шмидт даже в одной из бесед проговорился о том, что очень опасная обстановка создается в Польше и что эта обстановка может усложниться и повлиять на мой визит в ФРГ, который может не состояться.

АНДРОПОВ. Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии — наши войска в Польшу не вводить.

УСТИНОВ. Вообще надо сказать, что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска. Сейчас в Польше проходит демобилизация лиц, отслуживших свой срок. Причем демобилизованных отпускают домой, чтобы взять гражданскую одежду, а потом снова вернуться и дослужить еще два месяца на работах. Но в это время они подвергаются обработке со стороны "Солидарности". Ярузельский, как мы знаем, организовал оперативные группы, состоящие примерно из 3 человек. Но эти группы пока что ничего не сделали. Очевидно нужна встреча с руководством Польши, в частности с Ярузельским. Но кто будет встречаться, это тоже вопрос.

РУСАКОВ. Завтра открывается сейм, на котором стоит вопрос о предоставлении правительству своего рода чрезвычайных полномочий в решении ряда вопросов. Ярузельский, действительно, хотел бы приехать в Москву.

Приехать Ярузельскому, однако, так и не удалось, но Брежнев направил ему "устное послание" через посла, где, в частности, говорилось:

Во многих беседах с нашей стороны постоянно подчеркивалась одна и та же мысль: мы не против соглашений. Но они не должны содержать уступок противникам социализма. А главное — дело не должно сводиться только к соглашениям: наряду с мерами по завоеванию на свою сторону широких народных масс и различных политических сил, необходимы решительные действия против открытых врагов народного строя. Вы согласились с такой постановкой вопроса и сами говорили о своем намерении бороться за трудящихся, а одновременно бить классового противника. (...) Но сейчас создается впечатление, что ставка делается только на первую часть этой двуединой формулы. Мы знаем, что у вас в партийном руководстве есть люди, которые все свои упования возлагают на продолжение обанкротившегося курса Каня. Было бы опасно поддаться на их уговоры. Сейчас уже абсолютно ясно, что без решительной борьбы с классовым противником спасти социализм в Польше невозможно. Вопрос в сущности не в том, будет конфронтация или нет, а в том, кто ее начнет, какими средствами она будет вестись, за кем останется инициатива.

Как видим, и речи нет о советских войсках.

17. "Никакого ввода войск в Польшу быть не может"

Наконец уже 10 декабря, то есть за три дня до введения военного положения в Польше, политбюро все еще не знало точно, что же предпримет Ярузельский. Это, пожалуй, самый интересный и убедительный из документов.

РУСАКОВ. Позавчера у них было совещание секретарей воеводских комите-

тов. Как докладывал т.Аристов, секретари воеводских комитетов совершенно не понимают выступление т.Ярузельского, который не дал ясной, четкой линии. Никто не знает, что же все-таки будет в ближайшие дни. Шел разговор об операции "Х". Сначала речь шла, что она будет в ночь с 11 на 12, затем с 12 на 13. А теперь уже поговаривают, что это будет около 20. Имеется в виду, что по радио и телевидению выступит председатель Госсовета Ябловский и объявит о введении военного положения. В то же время Ярузельский заявил, что закон о введении военного положения можно будет вводить только после того, как он будет обсужден в сейме, а заседание сейма назначено на 15 декабря. Таким образом, все очень усложняется. Повестка заседания сейма обнародована. В ней вопроса о введении военного положения не значится. Но во всяком случае о том, что правительство собирается вводить военное положение, "Солидарность" хорошо знает и в свою очередь предпринимает все необходимые меры к тому, чтобы ввести военное положение.

Сам Ярузельский говорит, что он предполагает выступить с обращением к польскому народу. Но он не будет в своем обращении говорить о партии, а обратится к народу с упором на их патриотические чувства. Ярузельский говорит о необходимости провозглашения военной диктатуры, как это было при Пилсудском, указывая при этом, что польский народ поймет это лучше, чем что-либо другое.

Что касается таких деятелей, как Ольшовский, то за последнее время он выступает более решительно, и надо сказать, что на заседании Политбюро решение о введении военного положения, о принятии более решительных мер против экстремистских деятелей "Солидарности" было принято единогласно, никто никаких возражений не высказал. Вместе с тем Ярузельский имеет в виду связаться по этому вопросу с союзниками. Он говорит, что если польские силы не справятся с сопротивлением "Солидарности", то польские товарищи надеются на помощь других стран, вплоть до введения вооруженных сил на территорию Польши. При этом Ярузельский ссылается на выступление т.Куликова, который будто бы сказал, что помощь СССР и союзных государств военными силами Польше будет оказана. Однако, насколько мне известно, т.Куликов сказал не прямо, он просто повторил слова, которые в свое время были высказаны Л.И.Брежневым о том, что мы ПНР в беде не оставим.

Если говорить о том, что делается в воеводствах, то нужно прямо сказать, что там сила партийных организаций совершенно не чувствуется. В какой-то мере еще чувствуется административная власть. По существу вся власть находится в руках "Солидарности". То, что говорит Ярузельский, похоже он водит нас за нос, так как в его словах не чувствуется правильного анализа. Если они сейчас быстро не организуются, не соберутся и не выступят против натиска "Солидарности", то никакого успеха в улучшении положения в Польше не будет.

АНДРОПОВ. Из бесед с Ярузельским видно, что они пока не имеют твердого решения о введении военного положения, и, несмотря даже на единодушное решение Политбюро ЦК ПОРП о введении военного положения, конкретных мер пока мы не видим со стороны руководства. Экстремисты "Солидарности" наступают руководству ПНР на горло. Костел за последние дни также выска-

зал свою ясную позицию. Он по существу перешел на сторону "Солидариости".

Конечно, в этих условиях польским товарищам надо быстро готовиться к движению "Х" и проводить эту операцию. В то же время Ярузельский заявляет, что мы пойдем на операцию "Х" тогда, когда ее нам навяжет "Солидарность". Это очень тревожный симптом. Тем более, что последнее заседание Политбюро ЦК ПОРП и принятое на нем решение о введении военного положения свидетельствует о том, что Политбюро поступает более решительно. Все члены Политбюро высказались за решительные действия. Это решение прижало Ярузельского, и он вынужден сейчас как-то выкручиваться. Я вчера говорил с Милевским и спросил его, какие и когда намечаются меры. Он ответил мне, что об операции "Х" и о конкретном сроке ее проведения не знает. Таким образом, получается, что или Ярузельский скрывает от своих товарищей план конкретных действий, или он просто уходит от проведения этого мероприятия.

Теперь мне хотелось бы отметить, что Ярузельский довольно настойчиво выдвигает перед нами экономические требования и обуславливает проведение операции "Х" нашей экономической помощью и, я сказал бы даже более того, он ставит вопрос, хотя и не прямо, о военной помощи.

Теперь если посмотреть на список товаров, которые запрашивают польские товарищи, то, прямо скажем, возникают серьезные сомнения в необходимости поставки этих продуктов. Например, какое отношение к успеху проведения операции "Х" имеет поставка удобрений и некоторых других товаров? В связи с этим я хотел бы высказать, что наша позиция, как была она сформулирована раньше на прошлом заседании Политбюро и ранее неоднократно ее высказывал Леонид Ильич, является совершенно правильной и отступать от нее мы не должны. Иначе говоря, мы занимаем позицию интернациональной помощи, мы озабочены сложившейся в Польше обстановкой, но что касается проведения операции "Х", то это целиком и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и оговаривать не будем.

Что касается экономической помощи, то, конечно, в том размере, в каком они запросили, нам будет трудно это сделать. Видимо, кое-что следует дать. Но еще раз хочу сказать, что постановка вопроса о выделении товаров в качестве экономической помощи носит нахальный характер, и все это делается для того, чтобы, если потом мы что-то не поставим, им можно было бы вину свалить на нас. Если т.Куликов действительно сказал о вводе войск, то я считаю, он сделал это неправильно. Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Это правильная позиция, и нам нужно ее соблюдать до конца. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью "Солидарности", то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия.

В общем, мне кажется, что наша позиция в отношении положения в

Польше сформулирована Леонидом Ильичом в его неоднократных выступлениях, в решениях, которые зафиксированы, сегодня на заседании Политбюро проходит очень обстоятельный обмен мнениями. Все это и должно составлять основу той политики, которой мы должны придерживаться в отношениях с Польшей.

Что касается коммуникаций, которые ведутся из Советского Союза в ГДР через Польшу, то мы должны, конечно, что-то сделать и предпринять для их охраны.

ГРОМЫКО. Сегодня мы обсуждаем вопрос о положении в Польше очень остро. Пожалуй, раньше так остро мы его не обсуждали. Это объясняется тем, что сейчас сами не знаем того, в каком направлении повернутся события в ПНР. Руководство Польши само чувствует, что власть ускользает из его рук. Каня и Ярузельский делали, как известно, ставку на то, чтобы опираться на нейтралов. А теперь по существу этого нет, нейтралов нет. Позиция определилась довольно ясно: "Солидарность" объявила себя как явная контрреволюционная организация, претендующая на власть и объявившая открыто о захвате этой власти. Польское руководство должно решить вопрос: или оно сдает позиции, если не предпримет решительных мер, или предпримет решительные меры, введет военное положение, изолирует экстремистов из "Солидарности" и наведет должный порядок. Другого пути нет.

Каково наше отношение к польским событиям? Я полностью согласен с тем, что здесь высказывалось товарищами. Мы можем сказать полякам, что относимся к польским событиям с пониманием. Это чеканная формулировка, и менять нам ее нет никаких оснований. В то же время мы должны будем как-то стараться погасить настроение Ярузельского и других руководителей Польши относительно ввода войск. Никакого ввода войск в Польшу быть не может. Я думаю, что мы можем дать поручение нашему послу посетить Ярузельского и сообщить ему об этом.

Несмотря на довольно единодушное решение Политбюро ЦК ПОРП о введении военного положения, Ярузельский сейчас снова занимает колеблющуюся позицию. Вначале несколько ободрился, а сейчас опять смяк. Все остается в силе, что было когда-то сказано им. Если они в борьбе с контрреволюцией и дальше будут проявлять колебания, то у них ничего от социалистической Польши не останется. Введение военного положения, конечно, внушило бы контрреволюции в Польше о твердых намерениях польского руководства. И если те меры, которые они намерены провести, будут осуществлены, то, я думаю, можно было бы ожидать положительных результатов. (...) Я считаю, что нам не следует сейчас допускать каких-либо резких указаний, которые бы вынуждали их к тем или иным действиям. Я думаю, что мы займем здесь правильную позицию: наведение порядка в Польше — дело Польской объединенной рабочей партии, ее Центрального Комитета, Политбюро. Мы говорили, польским друзьям и впредь будем говорить о том, что надо занимать твердые позиции и расхолаживаться совершенно нельзя.

Конечно, если поляки нанесут удар по "Солидарности", то Запад, по всей вероятности, не даст им кредитов и не окажет никакой помощи. Это они имеют в виду, и это, очевидно, надо принять во внимание и нам. Поэтому

правильно предложение Леонида Ильича о том, чтобы поручить группе товарищей посмотреть этот вопрос и с учетом наших возможностей оказать определенную экономическую помощь ПНР.

УСТИНОВ. Положение в ПНР, конечно, очень плохое. Положение усложняется день ото дня. В руководстве, в частности в Политбюро, нет твердости, нет единства. И все это сказалось на положении дел. Только на последнем заседании Политбюро было единогласно вынесено решение относительно введения военного положения. Сейчас все упирается в Ярузельского. Как он сумеет реализовать это решение. Но откровенно говорить о действиях Ярузельского пока что никто не может. И мы не знаем. У меня был разговор с Сивицким. Он прямо сказал, что мы даже не знаем, что думает генерал. Таким образом, человек, выполняющий сейчас по существу обязанности министра обороны ПНР, не знает, что будет дальше, какие действия предпримет председатель Совмина и министр.

Что касается того, что якобы т.Куликов сказал относительно введения войск в Польшу, то могу со всей ответственностью сказать что этого Куликов не говорил. Он просто повторил то, что было сказано нами и Леонидом Ильичом о том, что Польшу в беде мы не оставим. И он прекрасно знает, что поляки сами просили не вводить войска.

Что касается наших гарнизонов в Польше, то мы их укрепляем. Я, пожалуй, тоже склонен думать о том, что поляки на конфронтацию не пойдут и только лишь, может быть, когда "Солидарность" их возьмет за горло, тогда они выступят.

Беда в том, что польские руководители не проявляют решимости Как здесь правильно высказывались товарищи, нам не надо навязывать им каких-либо своих решений, проводить ту политику, о которой мы условились. В свою очередь надо быть готовым самим и не проявлять каких-то не предусмотренных нашими решениями действий.

СУСЛОВ. Я считаю, что у нас, как это видно из выступлений товарищей, у всех единая точка зрения на положение в Польше. На протяжении всего периода событий в Польше мы проявляли выдержку, хладнокровие. Об этом говорил на Пленуме Леонид Ильич Брежнев. Об этом мы сказали во всеуслышание народу, и наш народ поддержал такую политику Коммунистической партии.

Мы проводим большую работу за мир, и теперь нам нельзя менять свою позицию. Мировое общественное мнение не поймет нас. Мы провели через ООН такие крупные акции по укреплению мира. Какой эффект мы имеем от визита Л.И.Брежнева в ФРГ и много других мирных акций, которые мы провели. Это дало возможность понять всем миролюбивым странам, что Советский Союз твердо и последовательно отстаивает политику мира. Вот поэтому нам нельзя менять свою позицию в отношении Польши, которую мы заняли с самого начала польских событий. Пусть сами польские товарищи определяют, какие действия им предпринимать. Толкать их на какие-то более решительные действия нам не следует. Но мы будем, как и раньше, говорить полякам, что с пониманием относимся к их действиям.

Как мне кажется, Ярузельский проявляет некоторую хитрость. Он хочет

отгородить себя просьбами, которые предъявляет к Советскому Союзу. Эти просьбы, естественно, мы выполнить физически не имеем возможности, а Ярузельский потом скажет, что вот-де я обращался к Советскому Союзу, просил помощи, а этой помощи не получил.

В то же время поляки заявляют прямо, что они против ввода войск. Если войска будут введены, то это будет означать катастрофу. Я думаю, у нас у всех здесь единодушное мнение, что ни о каком вводе войск речи быть не может.

Что касается оказания помощи Польше, то мы оказали ее больше, чем на миллиард рублей. Мы недавно приняли решение о поставке в Польшу 30 тыс. тонн мяса, 16 тыс. тонн уже поставлено. Я не знаю, сумеем ли мы полностью поставить 30 тыс. тонн, но во всяком случае нам, видимо, следует по этому решению дать еще определенное количество тонн мяса в качестве помощи. (...)

ГРИШИН. Положение в Польше идет по пути дальнейшего ухудшения. Линия нашей партии по отношению к польским событиям совершенно правильная. (...) О вводе войск не может быть и речи. Экономические вопросы надо будет посмотреть и то, что можно, дать полякам.

СУСЛОВ. Надо в печати нам разоблачать происки "Солидарности" и других контрреволюционных сил.

ЧЕРНЕНКО. Я полностью согласен с тем, что здесь говорили товарищи. Действительно линия нашей партии, Политбюро ЦК в отношении польских событий, сформулированная в выступлениях Леонида Ильича Брежнева, в решениях Политбюро, совершенно правильная и менять ее не следует.

Я считаю, что сегодня можно было бы принять такое решение:

1. Принять к сведению информацию т.Байбакова.

2. В наших отношениях с ПНР в дальнейшем исходить из определенной по этому вопросу общеполитической линии ЦК КПСС, а также указаний Политбюро ЦК КПСС от 8 декабря 1981 года и обмена мнениями, состоявшегося на заседании Политбюро ЦК 10 декабря 1981 года.

3. Поручить т.т.Тихонову, Кириленко, Долгих, Архипову, Байбакову продолжить изучение вопросов экономической помощи Польше с учетом обмена мнениями, состоявшегося на заседании Политбюро ЦК.

БРЕЖНЕВ. Какое мнение у товарищей?

ВСЕ. Очень правильно сформулировал т.Черненко все предложения, их надо принять.

Постановление принимается.

18. Операция "Х"

Да, советские вожди были первоклассными игроками. Даже я вздохнул с некоторым облегчением, узнав о военном положении в Польше: вполне реальным в тот момент казалось советское вторжение, кровавые последствия которого и вообразить было трудно. Прекрасно оснащенная и тренированная полумиллионная польская армия, в отличие от своих чешских коллег двенадцатью годами раньше, вероятно, не осталась бы нейтральной. О реакции же населения и гадать не нужно было. Таким образом, речь шла о войне в центре Европы с 35-миллион-

ным народом, известным своим упорством, о партизанщине на десятилетия, о сотнях тысяч жертв. Словом, о европейском Афганистане. "Неужто в Кремле этого не понимают? — думал я с тоской. — Неужто решатся на это безумие?"

Но, с другой стороны, влезли же они в Афганистан, давили же они Венгрию. А уж "отдать Польшу" они и тем более не могли. К тому же, дело не ограничивалось одними угрозами или словами Брежнева о том, что они "не оставят Польшу в беде", — ни много ни мало, а 44 советских дивизии были стянуты к польской границе. Каково же должно было жить полякам под этой постоянной угрозой! Не удивительно, что и для них военное положение было своего рода облегчением — меньшим злом, а свою армию да и Ярузельского они склонны были оправдывать (теперь даже превозносить как спасителей отечества). Колоссальное напряжение тех дней, пожалуй, лучше всего выразил польский анекдот о человеке, который тонет в Висле и, естественно, кричит во все горло:

— Помогите! Помогите!

Толпа же, сгрудившись на мосту, кричит ему в ответ:

— Тсс! Тише! Хочешь, чтобы услышали советские и пришли оказать "интернациональную помощь"?

Только этой чисто невротической реакцией и можно объяснить поразительный успех военного положения, введение которого прошло почти бескровно. Что тут скажешь? Умение делать нужную им ситуацию "меньшим злом" было доведено советским режимом до совершенства. Они всегда были "меньшим злом" — меньшим, чем тиф и голод гражданской войны, чем Гитлер, чем ядерная война и даже чем собственное вторжение. А уж коли ничего "хуже" не находилось, придумывали "ястребов" или "консерваторов" в Политбюро, якобы угрожающих "голубям" да "реформаторам". При Горбачеве так стали даже создавать такие пугала: общество "Память", Жириновского... Десятки раз повторялся этот трюк и, что поразительно, всегда срабатывал.

Нужно сказать, что и лидеры "Солидарности" оказались не готовы к военному положению. угроза репрессий висела над ними слишком долго, к ней успели привыкнуть, перестали готовиться. За малым исключением, все их структуры оказались захвачены практически в первые несколько дней, а большинство лидеров арестовано. Психологически это понятно: то, чего больше всего ждешь обычно застает врасплох. Забавно вспоминать теперь, что ровно в ночь введения военного положения, 13 декабря, я говорил по телефону с Адамом Михником. Я как раз пошутил, сказав Адаму, что он, судя по фотографиям, сильно растолстел и не пора ли, мол, похудеть, — как линия прервалась. Мне и в голову не пришло, что в тот момент отключили телефоны по всей Польше и ему, бедняге, предстояло здорово похудеть в следующие полгода.

Все же нельзя не помянуть извечную польскую беспечность: никаких параллельных "теневых" структур не позаботились отстроить за полтора года кризиса. Многомиллионная "Солидарность" просто перестала существовать в одну ночь.

В общем, советский расчет оправдался. А сделав свое дело, они с видом посторонних наблюдателей сообщали братским партиям:

Как друзьям известно, польское руководство ввело в стране военное положение, объявило о создании Военного Совета национального спасения и изолировало наиболее экстремистские элементы из "Солидарности", "Конфедерации

независимой Польши" и других антисоциалистических групп.

Оставляет положительное впечатление Обращение В.Ярузельского к народу, в котором, на наш взгляд, правильно расставлены акценты по основным вопросам. В частности, что особенно важно, подтверждены руководящая роль ПОРП, верность ПНР союзническим обязательствам по Варшавскому Договору.

Условием успешного проведения акции польские товарищи рассматривали строгую секретность. О ней было известно лишь в узком кругу окружения В.Ярузельского. Благодаря этому друзьям удалось застигнуть противника врасплох, и операция пока проходит удовлетворительно.

В самый канун осуществления намеченного плана В.Ярузельский сообщил об этом в Москву. Ему передали, что советское руководство относится к такому решению польских товарищей с пониманием. При этом мы исходим из того, что польские друзья будут решать эти вопросы внутренними силами.

По нашей предварительной оценке, действия польских друзей являются активным шагом отпора контрреволюции и отвечают в этом смысле общей линии братских стран.

В этих условиях возникает вопрос и об оказании политической и моральной поддержки польским товарищам, а также дополнительной экономической помощи. Советское руководство, как и прежде, будет действовать в польском вопросе в контакте с братскими странами.

Бесспорно, это был успех советского режима, но никак не победа. Праздновать было рано: загнанная в подполье Польша продолжала сопротивляться; реакция на Западе, хоть и меньшая, чем была бы в случае вторжения, все же сильно подорвала их позиции. Но, пожалуй, самое главное заключалось в том, что военное положение никак не способствовало устранению причин кризиса в Польше — напротив, экономический кризис только усилился, стал еще безнадежнее. "Спасенная Польша" превращалась в непосильную ношу для советского режима. Любопытно, что именно в это время Политбюро начинает понимать всю безнадежность своего положения.

БРЕЖНЕВ. ...Военное положение в ПНР длится уже месяц. Первые результаты налицо. Как говорит Ярузельский, хребет контрреволюции надломлен. Однако впереди задачи посложнее.

Наведя относительный порядок в стране, польские товарищи теперь должны решать проблемы, можно сказать, стратегического характера — что делать с профсоюзами, как поставить на ноги экономику, как добиться поворота в сознании масс и т.д.

Самый важный вопрос — это положение в ПОРП. Друзья ищут подходы к его решению. Похоже, намерения у Ярузельского партию не распускать, название не менять, но воспользоваться военным положением, чтобы основательно ее почистить. Может быть, это даст результаты.

Вообще складывается впечатление, что генерал как политический деятель окреп и находит, как правило, верные решения. Иногда кажется, что он слишком осторожен, чаще, чем надо, действует с оглядкой на Запад, на церковь. Но в нынешней обстановке лобовыми приемами можно только погубить дело. Наряду с твердыми, жесткими мерами в принципиальных вопросах нужны и гибкость, и осмотрительность. Неплохо, что Ярузельский изучает

венгерский опыт борьбы с контрреволюцией.

Все мы хорошо понимаем, что решающим условием полной стабилизации обстановки в Польше должно стать возрождение экономики. В Чехословакии после 1968 года политическое выздоровление пошло быстро именно потому, что контрреволюция там фактически не затронула эту сферу. Здесь наоборот.

В этой связи перед нами встает тяжелый вопрос — мы и так находимся на пределе своих возможностей в смысле помощи полякам, а они шлют все новые просьбы. Может быть, кое-что сделать и придется, однако больших авансов давать мы уже не можем.

Но, конечно, на письмо Ярузельского надо ответить, по-товарищески объяснив, чего мы можем, чего нет. При всех условиях надо точно выдержать график наших поставок в первом квартале, в самые тяжелые для поляков зимние месяцы.

Другое дело — проекты престижно-политического характера, не вызывающие дополнительного напряжения для нашей экономики. Например, оказание содействия в сооружении варшавского метро. На эту просьбу стоит откликнуться, сделав наше участие предметом гласности.

Кстати, у поляков положение с продовольствием не столь уж безнадежно. В стране достаточно хлеба, и нужно лишь найти подход к крестьянству, заинтересовать его, наладить, как когда-то у нас говорили, смычку между городом и деревней.

Польское руководство продолжает рассчитывать и на помощь с Запада. Что ж, в принципе мы не можем быть против этого, хотя, честно говоря, сомнительно, чтобы западники стали материально поддерживать военную власть. Они будут, безусловно, домогаться уступок, и здесь понадобится особая бдительность.

Ярузельский ставит еще такой вопрос — можно ли принимать помощь от китайцев. А почему, собственно говоря, не принимать? Ведь в этом случае Китай отмежевывается от США с их экономическими санкциями.

Заканчивая, можно сказать, что польский вопрос еще долго будет в центре международной политики. Поэтому и нашей польской Комиссии следует работать так же активно, как до сих пор.

ТИХОНОВ. Относительно строительства метро Совет Министров уже подготовил соответствующие предложения и они внесены в Политбюро.

ЧЕРНЕНКО. Предложение относительно нашего участия в строительстве метро в Варшаве голосуется в Политбюро. (...)

БРЕЖНЕВ. ...В письме, как вы видите, т.Ярузельский выражает глубокую благодарность за братскую помощь, оказываемую Советским Союзом Польской Народной Республике. Одновременно он обращается с просьбой, чтобы советская сторона подтвердила размеры поставок на 1982 год, содержащиеся в проекте протокола о координации планов обеих стран на 1981–1985 г.г. по нефти, бензину, нефтепродуктам. Сохраняются размеры поставок нефти в 1982 году на уровне 13 млн. тонн, нефтепродуктов — 2,94 млн. тонн, обеспечить максимальные размеры поставок горючего в первом квартале 1982 г.

Далее т.Ярузельский информирует, что он обратился к Генеральным секретарям ЦК Компартий Венгрии, ГДР, Болгарии, Румынии и Чехословакии с

просьбой оказать Польше необходимую экономическую помощь, в частности по снабжению внутреннего рынка основными сельскохозяйственными и промышленными товарами.

Мы не раз возвращались к вопросу о дополнительных мерах помощи Польской Народной Республике. Сейчас я поставил этот вопрос просто в порядке обмена мнениями. Очевидно, мы и на этот раз полностью отказать полякам во всем не можем, что-то надо изыскать и чем-то помочь. Поэтому, с одной стороны, я прошу ускорить рассмотрение этих вопросов товарищами, которым поручено, и внести соответствующий материал в Политбюро. С другой стороны, постараться решить некоторые позиции положительно.

ТИХОНОВ. Конечно, нам, очевидно, придется еще посмотреть, чем мы можем помочь Польше, хотя есть и трудности.

БАЙБАКОВ. Я бы хотел, Леонид Ильич, поставить два вопроса. Первый — это относительно дополнительных поставок нефти. Я очень внимательно просмотрел все наши фонды по нефти и никак не представляется возможным найти дополнительную поставку топлива в ПНР. Мне кажется, что мы поставляем Польше достаточное количество нефтепродуктов и они могут обойтись тем, что им выделяется.

Второй вопрос касается поставок зерна на выпечку хлеба. Хлеб в ПНР имеется. У них в этом году был неплохой урожай, а заготовки при лучшем урожае оказались значительно ниже прошлогодних.

АНДРОПОВ. Они просят сейчас некоторое количество зерновых с тем, чтобы возвратить во втором квартале.

СУСЛОВ. Иначе говоря, они не дополнительно просят зерновые, а с возвратом.

ЧЕРНЕНКО. Речь идет о том, чтобы дать полякам взаимообразно 0,5 млн. тонн в первом квартале с тем, чтобы в следующем квартале это возвратить обратно.

РУСАКОВ. Следует внимательно отнестись к этой просьбе и посмотреть, может, и будет возможность.

КИРИЛЕНКО. Сейчас, конечно, им очень трудно получить какое-то количество зерна в других странах, хотя в Канаде они закупили некоторое количество зерновых.

БРЕЖНЕВ. Если не будет возражений, то можно было бы принять следующее постановление:

поручить Совету Министров СССР, Госплану СССР и Министерству внешней торговли рассмотреть просьбы, изложенные в письме т.Ярузельского, с учетом состоявшегося на заседании Политбюро обмена мнениями и соответствующие предложения внести в ЦК КПСС.

Предложение принимается.

19. Где взять 30 тысяч тонн мяса?

В сущности, польский кризис был просто первым ярким проявлением общего экономического краха социализма, как бы предвестником их общего будущего. В конце концов, дело было не в "Солидарности", а в неспособности системы обеспечить страну необходимыми товарами и, как все больше убеждалось политбюро, в

неспособности всего социалистического лагеря создать хотя бы временный достаток полякам. Польский кризис лишь обострил эти проблемы, сделав их политическими: вопрос о том, быть или не быть Польше подсоветской, сводился, грубо говоря, к тому, сможет или не сможет СССР поставить в Польшу нужное количество нефти, мяса, зерна, хлопка и т.д.

Поначалу ситуация эта сильно раздражала советских вождей, вызывала трения между теми, кто отвечал за экономику, и теми, кто отвечал за политику, безопасность, идеологию. Разумеется, причина была не в различии убеждений, не в том, что одни были догматичнее других, но в том, что одни говорили о *политической необходимости*, в то время как другие — об *экономической возможности*. Расслоение было чисто функциональным, по роду ответственности.

Однако по мере развития кризиса эти трения должны были смениться осознанием того простого факта, что без радикальной реформы советской экономики Советскому Союзу не удержать свою империю. Уж если Польша становилась им не по карману, что же было делать со всеми этими Кубами, Анголами, Афганистанами? Как же быть с основной задачей советского государства — освобождением всего человечества от оков капитализма?

А Польша была явно не по карману уже до начала событий: иначе и событий бы не было. К марту 1981 года, наконец, стали подсчитывать — сколько же она стоит?

ЧЕРНЕНКО. Т.т.Байбаков, Гарбузов, Архипов и Алхимов провели переговоры с зам. председателя Совмина ПНР т.Ягельским. Польская сторона обратилась с просьбами о поставках сырья для легкой промышленности, о дополнительной поставке нефти, металла, целлюлозы и других товаров. Вносится предложение дать согласие ПНР на дополнительную поставку в 1981 году хромовой руды, древесно-стружечных плит, асбеста и других материалов, а также некоторое количество хлопка и ячменя.

АРХИПОВ. Мы даем Польше ограниченное количество сырьевых материалов, потому что другого количества мы дать просто не можем. Особенно мы не можем пока дать положительного ответа относительно переработки в Польше советского сырья.

Что касается положения с хозяйственными делами в Польше, то т.Ягельский сообщил, что план 1981 года по уровню ниже на 20 процентов, чем план предыдущего 1980 года. Особенно плохо обстоит дело у поляков с углем. А уголь, как известно, у них идет на экспорт и является средством получения твердой валюты. Вместо 180 млн. тонн, предусмотренных по плану, они добудут 170 млн. тонн при хороших условиях. Производство мяса снижается на 25 процентов, сахара — в полтора раза. Вместо 1,5 млн. тонн они соберут максимально 950 тыс. тонн.

Сейчас в Польше стоит вопрос о нормировании снабжения хлебом и мукой.

Что касается финансового положения, то кредиторская задолженность Польши, главным образом капиталистическим странам, составляет 23 млрд. долларов, из них 9 млрд. получено под гарантию соответствующих государств. Остальные кредиты поляки взяли у частных банков. Таких банков насчитывается 400. Сейчас польские друзья стоят перед фактом закупки за границей различных товаров примерно на 9,5 млрд. долларов. Все это пойдет за счет

кредита. Экспорт составит всего 8,5 миллиарда. Западные страны всячески оттягивают решение вопроса о предоставлении кредитов Польше. Сейчас им нужно заплатить 1,5 млрд. долларов. Это главным образом проценты за кредиты. Они просят у нас 700 млн. долларов. Конечно, мы не можем изыскать такой суммы. Сейчас мы поставляем без промедления Польше нефть, газ, железную руду и т.д.

Во время беседы польские друзья спрашивали, объявлять ли им мораторий на кредиты или вступить в Международный валютный фонд и просить дополнительные кредиты у западных стран. Конечно, и в том, и в другом случае будет уступка западным странам. Она не даст никакого экономического эффекта. В этих вопросах у поляков нет единого мнения. У нас они просят дополнительно дать хлопок, искусственное волокно. Мы решили пойти на некоторое увеличение поставок хлопка и искусственного волокна.

ГРОМЫКО. Польские товарищи подчеркивали остроту вопроса с импортом товаров, потому что им нечем рассчитываться за эти товары. Но характерно отметить, что поставки сырья из Советского Союза они всерьез не оценивают. Считают этот вопрос как бы пустяковым. А в действительности ведь получается, хлопок целиком и полностью у них наш, руда полностью наша, нефть тоже наша.

АРХИПОВ. Мы поставляем Польше 13 млн. тонн нефти по 90 рублей за тонну. Если учесть, что мировая цена за тонну составляет 170 рублей, то мы недополучаем с поляков за каждую тонну 80 рублей. Всю эту нефть мы могли бы продать за твердую валюту, и выручка составила бы колоссальные средства.

Между тем, с нефтью становилось все хуже, а это был основной источник твердой валюты у СССР, как у поляков — уголь. Чтобы как-то выручить Польшу, пришлось сокращать поставки всем восточноевропейским братьям, а это воспринялось весьма болезненно.

РУСАКОВ. В ходе переговоров руководители братских стран затрагивали также и экономические вопросы. Главным из них был вопрос о сокращении поставок энергоносителей, прежде всего нефти. Если т.т.Кадар, Гусак и Живков, хотя и говорили, что это для них будет тяжело, все же с пониманием отнеслись к нашему предложению, к нашей просьбе и сказали, что они будут находить выход из положения и принимают то, что мы предложили. Для большей ясности я задавал товарищам следующий вопрос: могу ли я доложить Политбюро, что вы согласны с этой точкой зрения, которую я высказал. Товарищи отвечали, что да, можно сообщить.

По-другому сложился разговор с т.Хонеккером. Он сразу же сказал, что для ГДР такое сокращение поставок нефти неприемлемо, что это нанесет серьезный ущерб народному хозяйству и в целом ГДР, что это ударит сильно по экономике ГДР и нам никак не свести концы с концами. Он даже заявил таким образом, что они не могут это принять и просят письменного ответа т.Брежнева на два их письма, которые они направили. Таким образом, вопрос оказался очень сложным, и он по существу не был решен. Причем т.Хонеккер вновь приводил в доказательство то, что они нам поставляли висмут, уран, что они содержат группу войск, что особенно у них осложняется дело в связи

с тем, что Польская Народная Республика не поставляет уголь, который должеи идти по нашей линии. В связи с этим, как выразился Хонеккер, жизненный уровень немецкого населения сильно понизится, и мы не зиаем, чем это объясинть. Все плановые наметки им придется пересматривать.

БРЕЖНЕВ. ...Как известно, мы решили сократить поставки нефти нашим друзьям. Все они восприияли это тяжело, и до сих пор тов. Хонеккер, например, как вы видите, ждет ответа иа письма, которые он направлял нам. Другие не ждут ответа, но в душе, конечно, думают о том, чтобы мы как-то изменили свое решение.

Может быть, следует каким-то образом при очередиой встрече с друзьями по этому вопросу сказать, что мы будем приимать все меры к тому, чтобы выполнить и перевыполнить план по нефти, и надеемся, что это нам удастся. В таком случае мы смогли бы внести коррективы в намеченные планы поставок энергоносителей, ии в коем случае, конечно, не давая сейчас понять, что мы отступаем от своего решения.

Тов. Тихонову, очевидно, надо будет еще раз внимательно посмотреть на этот вопрос и если появится малейшая возможность смягчить напряженность, то внести соответствующие предложения в ЦК. (...) Что касается бесед относительно поставок нефти, то меня особенно волнует ГДР. Вообще хочу сказать, что социалистические страны тяжело приняли это наше предложение. Если не прямо, то в душе они недовольны этим решением. А некоторые. как видно из выступления т.Русакова, прямо высказывают недовольство. Особенно недоволен т.Хонеккер. Он открыто говорит о том, что это решение для них неприемлемо, и он даже просит письменный ответ. Какое будем приимать реше-ние, я просто не знаю.

АНДРОПОВ, СУСЛОВ, КИРИЛЕНКО говорят о том, что надо согласиться с Ваним высказыванием, которое Вы сейчас сделали.

АРХИПОВ. У нас еще возникают трудности с топливом. Угольщики недодадут 30 млн. тонн угля. Как покрыть? Нефтяная промышленность не перевыполнит план, поэтому придется как-то эти 30 млн. тонн покрывать. Кроме того, у нас недостает 1,5 млн. тонн сахара, его надо также покупать, и 800 тыс. тонн растительного масла, без этого жить пока нельзя.

Что касается ответа т.Хонеккеру, то я думаю, что предложение которое внес т.Русаков, оно правильное. Надо подтвердить, что мы не можем изменить решение, которое сообщено т.Хонеккеру.

Что касается поставок урана, на которые ссылается т.Хонеккер, то этот уран, поставляемый из ГДР, не решает задачи, он составляет всего лишь 20 процентов общего количества расходуемого нами урана. Тов. Хонеккер не учитывает также, что мы строим для ГДР атомные станции, это большое дело.

РУСАКОВ. Я хочу сказать также, что поляки просят сохранить уровень поставок нефти и газа, который имеют в этом году.

АРХИПОВ. Мы ведем с поляками переговоры и считаем, что надо вести нам с ними экономические отношения по принципу сбалансирования планов. Конечно, это приведет к значительному снижению поставок нефти, поскольку они нам не поставляют уголь и другие продукты. Однако если все будет

хорошо, то в расчетах мы закладываем поставки нефти в том размере, в каком даем ее сейчас.

БАЙБАКОВ. Все социалистические страны нас сейчас прощупывают, причем ориентируются на ГДР, смотрят, как мы поступим с ГДР. Если Хонеккеру удастся пробить брешь, то и они будут добиваться. Во всяком случае письменных ответов никто еще не дал. Я беседовал за последние дни с председателями Госпланов всех социалистических стран. Все они хотят сохранить общее количество поставок нефти с разбивкой по годам. Некоторые высказывают предложение, чтобы заменить нефть другими энергоносителями.

Да и не только с нефтью, на которой держалась вся империя, были проблемы. Уж что, казалось бы, проще — мясо. Из-за этого мяса вся заваруха началась в Польше, и через год после ее начала можно же было поднатужиться, завалить Польшу мясом. Так нет, негде взять мяса, и все тут. Огромная тоталитарная империя, где слово вождей — закон, тужится, но не может родить 30 тысяч тонн мяса.

БРЕЖНЕВ. Направили ли мы в Польшу мясо, о котором приняли решение и сообщили ли об этом Ярузельскому?

РУСАКОВ. Ярузельскому об этом сообщили, он назвал и цифру — 30 тыс. тонн.

АРХИПОВ. Мясо в Польшу мы будем направлять из нашего госрезерва.

БРЕЖНЕВ. Имеются какие-либо сдвиги о поступлении мяса в союзный фонд из республик после моей телеграммы.

АРХИПОВ. Пока что сдвигов каких-либо, Леонид Ильич, в поступлении мяса нет. Правда, и времени прошло недостаточно. Но я переговорил со всеми республиками и могу доложить, что повсеместно принимаются меры, которые позволили бы выполнить план поставки мяса государству. В частности, такие меры разработаны в Эстонии, Белоруссии, Казахстане. Украинцы пока что указания в области не дали.

ЧЕРНЕНКО. Но мы разослали нашу телеграмму во все области Украины.

АРХИПОВ. Данные у нас будут к понедельнику, тогда мы доложим, как у нас будет обстоять дело.

ГОРБАЧЕВ. Леонид Ильич, Ваша телеграмма сыграла большую роль. Прежде всего все республики и области серьезно рассматривают мероприятия, которые бы обеспечили выполнение плана. Во всяком случае по данным, которые мы имеем в результате телефонных разговоров с обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик, повсеместно этот вопрос обсужден на бюро. Мы на 1 января дадим сводку о поступлении мяса.

БРЕЖНЕВ. Я все думаю о том, хотя мы Польше и дали 30 тыс. тонн мяса, но едва ли поможет полякам наше мясо. Во всяком случае у нас нет ясности, что же будет дальше с Польшей...

Эти 30 тыс. тонн мяса политбюро обсуждает потом несколько месяцев: то они вроде бы будут, то — нет. Летят телеграммы, скачут порученцы, гудят телефонные провода от начальничьего мата, а мяса все нет. Да, что, скажите, такое эти 30 тыс. тонн мяса по сравнению с мировой революцией? Даже по рыночным ценам на Западе оно вряд ли тогда стоило больше 30 млн. долларов. Не пропадать же целой Польше из-за такой мелочи. Однако уже 10 декабря, за три дня до

военного положения, вернувшийся из Варшавы председатель Госплана Байбаков докладывал:

Как известно, по решению Политбюро и по просьбе польских товарищей мы оказываем им помощь поставкой 30 тыс. тонн мяса. Из этих 30 тыс. тонн уже переправлено за границу 16 тыс. тонн. Следует сказать, что продукция, в данном случае мясо, поставляется в грязных, неочищенных вагонах из-под руды, в очень неприглядном виде. При выгрузке этой продукции на польских станциях имеет место настоящий саботаж. В адрес Советского Союза, советских людей поляки высказывают самые непристойные слова, отказываются очищать вагоны и т.д. Всех оскорблений, которые сыплются в наш адрес, просто не перечислить.

Новые просьбы Ярузельского в канун военного положения, и правда, как выразился Андропов, звучали "нахально". Но разве Польша того не стоила? Москва бы дала и больше, не пикнув, если б только было что давать.

БАЙБАКОВ. ...Надо сказать, что список товаров, которые они включают в качестве помощи с нашей стороны ПНР, составляет 350 позиций на сумму 1,4 млрд. рублей. Сюда входят такие товары, как 2 млн. тонн зерновых, 25 тыс. тонн мяса, 625 тыс. тонн железной руды и много других товаров. С учетом того, что мы имели в виду дать Польше в 1982 году, общая сумма помощи Польской Народной Республике составит примерно 4,4 млрд. рублей с учетом высказанных польскими товарищами просьб.

Сейчас подходит время выплачивать Польше кредиты западноевропейским странам. На это Польше потребуется минимум 2,8 миллиона инвалютных рублей. Когда я выслушивал польских товарищей о том, что они просят и в какой сумме вся эта помощь выражается, то я поставил вопрос о том, чтобы вести нам экономические взаимоотношения на сбалансированной основе. Причем при этом я отметил, что польская промышленность не выполняет плана и в довольно значительных размерах. Угольная промышленность, которая является основным источником поступления валюты, по существу дезорганизована, и должных мер не принимается, забастовки продолжаются. А сейчас, хотя нет забастовок, добыча угля также ведется на очень низком уровне.

Или, например, скажем, у крестьян имеется продукция, есть зерно, мясопродукты, овощи и т.д. Но они государству ничего не дают, занимают выжидательную позицию. На частных рынках торговля ведется довольно активно и по очень повышенным ценам.

Я прямо сказал польским товарищам, что надо принимать более решительные меры раз создалось такое положение. Может быть, вводить что-то вроде продразверстки.

Если говорить, например, о запасах зерна, то Польша собрала в этом году 2 млн. тонн. Народ не голодает. Городские жители ездят на рынки, в деревни, закупают все продукты, какие им необходимы. И эти продукты имеются.

...Чувствуя такое положение с состоянием платежного баланса, поляки хотят ввести мораторий на выплату задолженности западным странам. Если они объявят мораторий, то все польские суда, находящиеся в водах каких-либо государств или у пристаней, и все другое имущество в странах, которым Польша имеет задолженность, будут арестованы. Поэтому сейчас поляки дали

указание капитанам судов покинуть порты и находиться в нейтральных водах. (...)

РУСАКОВ. Тов. Байбаков правильно обрисовал положение относительно состояния польской экономики. Что нам сейчас следовало бы сделать? Мне представляется, что надо поставить в Польшу те товары, которые предусмотрены экономическим соглашением, и эта поставка не должна превышать того количества товаров, которые мы поставляли в 1 квартале прошлого года.

БРЕЖНЕВ. А можем мы это дать сейчас?

БАЙБАКОВ. Леонид Ильич, это можно дать только из госрезерва или за счет сокращения поставок на внутренний рынок.

Так сколько же стоил СССР "польский кризис"? Подсчитать все затраты, разумеется, невозможно, но только экономическая помощь, включая кредиты для закупки товаров и для расчетов по западным долгам, отсроченные платежи и безвозмездную помощь, составили в 1980–1981 гг. 2,934 *миллиарда* долларов. А ведь каждый последующий год стоил не многим меньше.

В Польше же и через четыре года ничего не изменилось: по-прежнему политбюро ломало голову, как восстановить руководящую роль ПОРП да как окончательно подавить "контрреволюцию". Летали в Варшаву высокопоставленные советские делегации, давали ценные советы об "усилении работы с массами"; периодически наведывался в Москву Ярузельский – просить дополнительной помощи. К 1984 году даже самый твердокаменный член политбюро знал, что ситуация безнадежна. Как сказал один из них:

Надо учитывать, что Польша, называясь социалистической страной, никогда не была социалистической в полном смысле этого слова.

20. Всемирный кризис социализма

Однако вряд ли кто из советских вождей мог твердо сказать, что это значит "в полном смысле слова" – быть социалистической страной и, тем более, какая из "братских" стран таковой является. Любой из них мог, как попугай, отрапортовать без запинки, что это значит теоретически, но практическая сторона вопроса путала все схемы. Можно лишь гадать, в какие моменты истории разные вожди должны были сообразить, что созданная ими "модель" не работает. Ленин, надо полагать, понял это к 1921 году, когда стало ясно, что мировой социалистической революции не произойдет. Сталин уж точно в этом убедился в 1941-м, увидев полный крах своей империи под ударами германской армии. Хрущев, возможно, и не задумывался над такими вопросами вплоть до своей отставки, но вынужденное безделье последних лет жизни сильно помогло ему увидеть реальность. Что же до Брежнева, Андропова, Громыко, Черненко, Устинова, Суслова и пр., польский кризис стал для них тем, чем 1941 год был для Сталина.

В самом деле, начало 1980-х обнажило всю гнилость системы. Афганистан – с одной стороны, Польша – с другой, растущая враждебность Запада и неудача кампании за разоружение – с третьей, а в центре – все более буксующая экономика, массовое недовольство, техническое отставание, неистребимая коррупция аппарата управления. В сумме это все означало *кризис системы*. После Польши и на свою страну взглянули другими глазами.

В соответствии с поручением отделы ЦК КПСС проанализировали поступающую в Центральный Комитет информацию о недоразумениях и конфликтах между рабочими и администрацией отдельных предприятий, которые в ряде случаев сопровождались прекращением работы и другими негативными проявлениями.

Считаем необходимым доложить, что количество подобного рода отрицательных проявлений за последнее время несколько увеличилось, что вызывает серьезную озабоченность. Подавляющее большинство из них, как показывает анализ, непосредственно связано с нарушениями установленного порядка пересмотра норм и оплаты труда, неправильным начислением и несвоевременной выплатой заработной платы, особенно премий, плохими условиями труда, невнимательным отношением к жалобам трудящихся.

Симптом был зловещим, хотя забастовки и не стали массовыми. Как правило, речь шла о локальных конфликтах, с участием одного цеха или смены, чаще всего вызванных довольно наглыми нарушениями администрацией трудового законодательства. За весь 1979 год таких случаев насчитали около 300, однако события в Польше явно повлияли на настроение рабочих.

Нельзя не отметить, что за последние недели случаи отказа от работы стали более частыми. Причем в ряде мест случаи отказа от выполнения производственных заданий не ограничивались коллективом одной смены, а распространялись на последующие со значительным числом работающих.

Разумеется, дали нагоняй профсоюзникам, чтобы лучше защищали своих членов. Но разве это могло помочь, если и профсоюзы, и администрация, и местные партийные власти уже давно спаялись в один аппарат, ответственный прежде всего за выполнение плана? К тому же, сами по себе забастовки были лишь кульминацией растущего недовольства, причины которого к конкретному трудовому спору и отношения не имели. Прежде всего — постоянная нехватка самых элементарных продуктов. Вольно полякам бунтовать из-за нехватки мяса — советские работяги о мясе и не мечтали, им даже хлеба не хватало.

...из ряда мест поступают письма граждан, в которых подчас в острой форме сообщается о временных перебоях в обеспечении населения хлебом и хлебопродуктами, о сужении ассортимента хлебобулочных изделий, низком их качестве, — докладывал Черненко. А как не бастовать рабочим, если "**на их настроении отрицательно сказываются перебои в снабжении хлебом, его, бывает, не завозят по четыре дня. Дети редко видят белый хлеб, булки. Муки в продаже нет**", — цитирует он.

Конечно, он винит прежде всего нерадивых местных начальников, а также крестьян, якобы скупающих хлеб на корм личного скота. Но даже Черненко начинает понимать: что-то не так в самой системе, хотя бы уже потому, что это явление повсеместно. К тому же, и начальников меняли, и кое-где стали продавать хлеб по талонам и спискам (чтобы прекратить его скупку на корм скота), а хлеба не прибавилось. Как же так?

"**На страницах газет публикуются рапорты об успешном выполнении республиками и областями социалистических обязательств последнего года заданий десятой пятилетки по продаже зерна государству, а в нашем рабочем городе вот уже второй день невозможно купить буханку хлеба. К двум-трем**

часам дня полки магазинов пусты. По этому поводу ходят нездоровые слухи", – цитирует он другого жалобщика.

И правда, загадочно: планы перевыполняются да еще десятки миллионов тонн зерна закупаются в Канаде, в США – а хлеба нет. Одной нерадивостью проблему не объяснишь, тем более что хлеб – лишь один из примеров.

Следует отметить, что наряду с сигналами о перебоях в торговле хлебом и некоторыми другими продуктами массового спроса из отдельных республик и областей поступают жалобы на случаи перебоев в торговле солью и столовым уксусом.

История с солью была еще более мистическая, чем исчезновение хлеба. Соли в России – целые озера, да и выращивать ее не нужно, добывается она просто экскаваторами, грузится прямо в вагоны. Что же, казалось бы, проще? Таинственным исчезновением соли ЦК занимался отдельно, но загадку так до конца и не решил.

Среди поступающих в Центральный Комитет партии писем трудящихся по вопросам обеспечения населения продовольственными товарами, все чаще встречаются полученные из некоторых районов страны жалобы на трудности в приобретении поваренной соли, ограниченный ее ассортимент и низкое качество, – доложил отдел писем ЦК. – **В письме т. ..., поступившем из г. ..., говорится: "в последнее время в нашем городе постоянно "лихорадит" торговлю. Притом речь идет о предметах повседневного спроса. Недавно в продаже не стало поваренной соли. Все это вызывает всевозможные неверные суждения".**

"В нашей области добывается соль, пишет т. ... из ... Чем же тогда объяснить, что у нас длительное время наблюдаются перебои в торговле этим продуктом? Дошло до того, что воспитанники детского дома ходят по дворам, выпрашивая щепотку соли. Разумеется, эти недостатки сказываются на результатах нашего труда, на настроении".

Любопытно, что об этих явлениях ЦК узнавал не от своего аппарата, не от контрольных органов, и даже не от всеведущего КГБ, а из жалоб рядовых граждан. Разъяренный ЦК проводил расследования, виновных чиновников привлекали "к строгой партийной ответственности", а то и сажали, но лучше не становилось. Местное начальство лишь стало более жестко следить, чтобы жалобы не доходили до Москвы, а особо злостных жалобщиков прятали по дурдомам, сажали, сживали со света. Что же до партийно-хозяйственного аппарата, то он на всех уровнях докладывал только о перевыполнении планов, и сколько ни боролись в ЦК с приписками, а искоренить их не могли. Ввели даже специальную статью в уголовный кодекс с наказанием до трех лет тюрьмы, все без толку. В итоге, вожди просто не имели понятия, что производит страна, в каком количестве, какого качества...

К началу 80-х коррупция аппарата управления стала достигать зловещих размеров, хотя еще со времен Хрущева за нее полагались самые крутые меры наказания, вплоть до расстрела. Лишь время от времени вскрывались самые фантастические дела: целые отрасли хозяйства оказывались пронизаны коррупцией, а размеры хищений достигали сотен миллионов рублей. С другой стороны, возникала целая теневая индустрия: система подпольных предприятий и произ-

водств, никак не связанных с государственным хозяйством. Неистребимая частная инициатива всегда оказывалась оперативней неуклюжей государственной машины. Но узнавалось об этом не часто: как правило, местные партийные власти оказывались в доле с махинаторами, и даже КГБ становилось не под силу найти концы. Целые регионы, а иногда и республики управлялись этой новой "мафией", точно удельные княжества (наиболее известный пример тому — нашумевшее впоследствии "узбекское дело"). Но часто ниточка тянулась в Москву, в окружение Брежнева, и дело прикрывалось. Вообще же бороться с коррупцией вождям становилось со временем все труднее и труднее: ведь их единственный инструмент власти — партийно-управленческий аппарат — был одновременно и главным источником коррупции. Получался порочный круг. Впоследствии этот процесс способствовал распаду СССР гораздо больше, чем этнические конфликты: раздробление СССР было вызвано в первую очередь раздроблением партийно-управленческого аппарата, а местный "национализм" лишь использовался региональными властями. Не случайно в 1992 году почти все откололвшиеся "независимые" республики оказались под властью местной партийной номенклатуры.

Сам же по себе национализм, "этнические конфликты" все это было делом обыденным; искоренить их в советской империи не удавалось ни пропагандой "дружбы народов", ни репрессиями. К 80-м годам, с ослаблением контроля центра над местным аппаратом, ситуация стала заметно обостряться.

Поступающие в КГБ СССР материалы свидетельствуют о том, что в последнее время среди отдельных категорий коренного населения Карачаево-Черкесской автономной области усилились негативные процессы националистической направленности, увеличилось количество совершаемых на их основе общеуголовных преступлений, — докладывал Андропов в декабре 1980 года. — **На характер этих процессов, наряду с другими причинами, оказывают влияние враждебные элементы из числа лиц старшего поколения, принимавшие ранее участие в вооруженной борьбе с советским строем. Идеализируя прошлое, отжившие традиции и обычаи своего народа, они всячески подогревают среди окружения чувство "обиды" на советскую власть за якобы чинимые "гонения на карачаевцев", спекулируют в этих целях фактом их выселения в годы Великой Отечественной войны в республики Средней Азии.**

На обстановке среди коренного населения автономной области отрицательно сказываются сохранившиеся здесь устойчивые родовые и религиозные пережитки. Самозваные муллы (их установлено более 100 человек) стремятся к укреплению позиций ислама. (...)

Бытующие среди молодежи подобные настроения зачастую переходят в открытую неприязнь к русским, на этой основе допускаются дерзкие хулиганские выходки, изнасилования и групповые драки, подчас грозящие вылиться в массовые беспорядки. Так, только в 1979 году правоохранительными органами области зафиксировано 33 случая изнасилования женщин русской и других неместных национальностей; за 9 месяцев с.г. совершено 22 аналогичных преступления, 36 избиений. Эти действия довольно часто сопровождаются циничными заявлениями и выкриками: "...Так будет со всеми русскими!", "Бей русских!", "Вон с нашей земли!" и т.п.

На обстановку в области негативно влияют и часто встречающиеся круго-

вая порука, местничество. Известны многочисленные факты, когда отдельные руководители-карачаевцы всяческими способами стремятся избавиться от работников другой национальности и укомплектовать кадры родственниками или иными близкими им людьми. Такое положение порождает часто встречающиеся злоупотребления служебным положением и другие негативные социальные явления, что создает представление о безнаказанности.

Натурально, ЦК распорядился "улучшить организационно-партийную и воспитательную работу среди населения". А что еще они могли сделать?

Удивительная это была система: им было легче оккупировать соседнюю страну, подавить всенародный бунт у соседей или, наоборот, вызвать революцию на другой стороне земного шара, чем обеспечить собственное население солью. По их тайному приказу миллионы западных дурачков шли громить свои правительства, но собственный аппарат управления они уже не контролировали. А уж регулировать экономику своей страны они не научились и за 70 лет. Все, что они умели, — это приказать, распорядиться "усилить", "повысить", "расширить", единодушно проголосовав "за". Ну, еще можно было повысить цены, а если эти "целесообразные мероприятия" к нужным результатам не приводили, то отыскивались виновные и "строго наказывались".

Секретариат ЦК КПСС информирует, что принято решение повысить с 1 июля 1979 г. розничные цены (в среднем):

на изделия из золота — на 50 процентов
на изделия из серебра — на 95 процентов
на изделия из натурального меха — на 50 процентов
на ковры и ковровые изделия — на 50 процентов
на легковые автомобили — на 18 процентов
на импортную гарнитурную мебель — на 30 процентов

Одновременно советам министров союзных республик, Министерству торговли СССР, министерствам и ведомствам, имеющим предприятия общественного питания, поручено увеличить в среднем на 100 процентов размер наценок в ресторанах, кафе и других аналогичных предприятиях в вечернее время, а также повысить цены на пиво, продаваемое в ресторанах, кафе и других предприятиях общественного питания, в среднем на 45 процентов.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР пошли на эти вынужденные меры в связи с трудностями в сбалансировании роста денежных доходов населения с объемом производства товаров народного потребления и услуг, а также необходимостью упорядочения торговли дефицитными товарами и усиления борьбы со спекуляцией и взяточничеством.

Как известно, несмотря на ранее произведенное повышение цен на изделия из золота и серебра, ковры, меховые изделия, автомобили, импортную мебель, спрос на них не удовлетворяется. Торговля этими товарами осуществляется с большими очередями, часто с нарушением правил торговли. Перекупщики и спекулянты используют сложившуюся обстановку для обогащения, развращают работников торговли взятками. В своих письмах в ЦК КПСС и Совет Министров СССР трудящиеся резко критикуют эти явления и просят навести порядок. Наиболее эффективным средством решения вопроса является увеличение производства и продажи дефицитных товаров. В этом направ-

лении прилагаются значительные усилия. Например, производство ковров с 1970 г. выросло с 30 до 67 млн. кв. метров или в 2,2 раза. Продажа населению автомобилей за этот период увеличилась в 9,5 раза. Однако выпуск ряда изделий еще не успевает за ростом спроса, а по некоторым товарам рыночные фонды нельзя увеличить в необходимых размерах из-за недостатка валютных средств (импортные товары) или природных ресурсов (натуральные меха, изделия из драгоценных металлов).

Поэтому в качестве нежелательной, но необходимой меры для упорядочения торговли приходится использовать повышение цен. При этом, чтобы в меньшей мере затрагивать жизненные интересы трудящихся, цены повышаются только на товары не первой необходимости. Кроме того, предусмотрено сохранить старые цены на золотые диски для зубных протезов и увеличить для компенсации удорожания дотацию на обручальные кольца (до 70 рублей на человека) лицам, впервые вступающим в брак. При повышении цен на изделия из натурального меха сохраняются без изменения розничные цены на меховые изделия для детей, на изделия из кроличьего меха и овчины (за исключением меховых пальто).

Следует также иметь в виду, что Минлеспром СССР и Госкомцен СССР сейчас перерабатывают прейскурант на мебель отечественного производства с учетом новых оптовых цен на лесоматериалы. Перемещение лесозаготовок в восточные районы страны привело к значительному росту издержек. В результате этого лесозаготовительная промышленность стала убыточной. Новые оптовые цены создадут этой отрасли нормальные условия для хозрасчетной деятельности. В связи с повышением оптовых цен на лес произойдет относительно небольшое (в среднем до 10 процентов) увеличение розничных цен на мебель.

Сообщение Госкомцен СССР об изменении цен будет опубликовано в печати 1 июля 1979 года. Партийным комитетам следует своевременно проинформировать партийный актив, установить контроль за осуществлением мероприятий по пересмотру цен и организовать необходимую разъяснительную работу среди населения. При возникновении, как это имело место в прошлом, различных домыслов и слухов о массовом повышении розничных цен — решительно пресекать их. Необходимо твердо ориентировать актив и разъяснять населению, что другого повышения цен, кроме объявленного в сообщении Госкомцен, не будет.

В связи с предстоящим изменением розничных цен ЦК КПСС считает необходимым еще раз подчеркнуть чрезвычайную важность всемерного развертывания производства товаров народного потребления, обеспечения безусловного выполнения утвержденных планов их выпуска и повышения качества, своевременного ввода новых мощностей, расширения сферы бытовых услуг, улучшения организации торговли.

Эти вопросы должны находиться постоянно в центре внимания всех партийных организаций и партийных комитетов, так как обеспечение платежеспособного спроса населения — одна из важнейших экономических и социально-политических задач.

Не знаю, как насчет "всемерного развертывания", но весь заблаговременно

предупрежденный таким образом "партийный актив" бросился срочно скупать золото, меховые изделия, ковры и прочие дефицитные товары. Свой платежеспособный спрос они обеспечили тотчас же. Да разве могло быть иначе?

А уж потом, после объявления, пошла вполне предсказуемая спекуляция золотыми дисками для зубных протезов и переделка детских шубок во взрослые изделия. Забота ЦК о стариках, детях и молодоженах даже трогательна, но неужто они не понимали, какую безграничную возможность для злоупотреблений властью открывает их забота? Какую благодатную почву создает для черного рынка?

И это только один, сравнительно небольшой пример того, насколько несовместимо партийное государство с экономикой.

21. Банкротство

О советской экономике теперь написано столько, что нет нужды этим здесь опять заниматься, тем более, что я сам посвятил этой теме достаточно много страниц в своей предыдущей книге ("USSR: from Utopia to Disaster". Вышла в 1990 г. во Франции, в 91-м — в Германии и Италии, в 92-м — в Мексике). Суть дела достаточно проста: или партия руководит экономическими процессами, или рынок. Третьего не дано, ибо эти два начала несовместимы: или благополучие людей зависит от упорства в труде и спроса на их продукцию, а продвижение в карьере — от их способностей (но тогда нет места для партии), или это зависит от их лояльности к партии и связей с начальством (но тогда нет места экономическому развитию). Однако даже и теперь, когда столь простая истина получила неопровержимое подтверждение в крахе советской экономики, находятся люди, не желающие ее видеть. Например, толкуют о какой-то "китайской модели". Да нет никакой "китайской модели", а есть период распада партийной власти в Китае. Посмотрите, сколько тысяч партийных чиновников в год расстреливают в Китае за коррупцию. А как же может быть иначе: чем большее влияние имеет в жизни людей рыночный механизм, тем меньше власти у партии. Коррупция есть единственная возможность участия партии в экономической жизни, рыночное выражение ее власти. Но это — начало распада партии, а с нею и всей системы. Поэтому, не зная практически ничего о Китае, могу твердо предсказать: коммунистическая система исчезнет там точно так же, как она исчезла в СССР и его сателлитах. Причем очень скоро.

И уж совсем не пожелала западная интеллектуальная "элита" понять, что кризис советской системы 80-х годов был прежде всего *кризисом социализма*. Наоборот, левенькая интеллигенция даже приободрилась, а просоциалистические силы бросились в наступление после советского краха: видите ли, "плохая" советская модель им только мешала, бросая и на них тень тоталитарных преступлений, а вот теперь настало время для "хорошей" модели. Да нет никаких "моделей" социализма, есть лишь различные сценарии распада экономики. Разорить свою страну можно быстро и радикально или медленно и бесповоротно (со всем возможным спектром "моделей" между этими крайностями). В сущности, выражение "социалистическая экономика" абсурдно, это противоречие в терминах. Основная идея социализма — идея "справедливого распределения" продук-

та, а не создания его, отчего любая "модель" работает на истощение: она "распределяет", пока есть что распределять. Когда же все веками накопленные богатства оказываются "распределены", а все способные производить прибыль так или иначе разорены, начинается истощение природных ресурсов, накопление внешнего долга, вплоть до полного банкротства.

Советская "модель социализма" была радикальной: принцип "распределения" в ней был доведен до своего логического предела, когда государство централизованно планировало и спрос, и предложение. Она просуществовала так долго просто потому, что Россия — сказочно богатая страна. Даже теперь, после 75 лет самого фантастического разграбления ее ресурсов, она все еще несметно богата нефтью, газом, углем, рудой, золотом, алмазами, лесом и черт его знает чем. Любой, самый нерадивый правитель мог править ею беззаботно, бескризисно. Нужна была "идея", чтобы вызвать там экономический крах. Такой глубокой идеей и был социализм; он не столько истощил, сколько обанкротил страну, вызвав дикое отставание в развитии. Ведь чем "справедливей" распределение доходов и чем меньше конкуренции, тем менее интенсивно производство, меньше нужды в модернизации. Возникшее на таком принципе хозяйство было крайне экстенсивным: оно росло только путем распространения вширь, пожирая непропорционально огромные ресурсы. В результате, оно оказалось неспособным интенсифицировать эксплуатацию этих ресурсов. Так, уже к 60-м годам стало нехватать рабочей силы, в 70-е — пахотной земли, к 80-м — топлива, энергии, нефти, хоть все это и существовало в природе. Даже эффективно разграбить свои естественные богатства система оказалась неспособна.

Прибавьте фантастические военные расходы (по нынешним российским данным, более половины экономики работало на военные нужды), растущую стоимость империи, внешнеполитических авантюр, и станет ясно, что крах советской системы был лишь вопросом времени. Зная, насколько вся отчетность в СССР была построена на приписках, смешно цитировать официальную советскую статистику. Однако даже и она к началу 80-х стала давать тревожные сигналы. Сколько ни мудрил аппарат управления, а все равно получалось, что рост экономики и производительности труда упал до нуля, в то время как инвестиции стали даже приносить убыток (к 1978 году один рубль инвестиции давал только 83 копейки прибыли).

А в то же время на Западе 80-е годы стали годами бурного экономического роста, так называемой "консервативной революции". Впервые за послевоенную историю появились политики резко антисоциалистического направления (Рейган, Тэтчер), сделавшие демонтаж социализма основой своей программы. Сокращение налогов и расходов государственного сектора, приватизация некогда национализированных социалистами предприятий и целых отраслей промышленности, демонтаж системы социального обеспечения, жесткий монетаризм — все это вкупе привело к интенсификации производства и росту экономики. Более того, после этих реформ и другим странам пришлось им следовать, хотели они того или нет. Иначе им грозило отставание. В те годы, заметим, обанкротился не только СССР со своими клиентами — обанкротились все страны социалистической ориентации, и в Европе, и в Третьем мире. Даже в тех странах, где у власти были социалисты, им пришлось отказаться от своей традиционной политики и

следовать примеру ненавистной Тэтчер.

Любопытно, что, несмотря на бешеную, просто патологическую ненависть интеллигенции, подавляющее большинство населения в США и Англии упорно голосовало за Рейгана и Тэтчер, хотя их реформы и проходили отнюдь не гладко. Люди поняли, что эти перемены — в их интересах, ибо освобождают их от власти "распределяющей элиты", от государственной уравниловки. Социализм как идея кончился, он уже не привлекал даже безработных.

Соответственно начала терять свое положение "властителей дум" и интеллигенция. Помимо общей перемены в настроениях и дискредитации интеллектуальной "элиты", тому немало способствовал взрыв коммуникационной техники, особенно появление кабельного и спутникового телевидения, частных теле- и радиостанций. Если контролировать три-четыре канала телевидения (в особенности государственных) левая "элита" еще могла, то появление сотен коммерческих каналов сделало невозможным их идеологический контроль над информацией. А чем еще сильна была интеллигенция, кроме как умением манипулировать общественным мнением?

Быть может, это звучит и парадоксально, однако невозможно спорить с тем фактом, что "консервативная революция" расширила демократию, давши "низам" общества больше свободы выбора, а с нею — и власти. Конечно, в этом были свои минусы, свои издержки. Например, прямым следствием коммерциализации жизни стало падение культуры, даже ее банкротство. Слов нет, это грустно, но винить тут некого, кроме самих себя: слишком уж лжив и эгоистичен был ее "носитель". Зато вместе с упадком культуры и ее "носителя" теряет силу и неизбежный ее паразит — левый утопизм, эта эрзац-религия интеллигенции. Он пока что не умер окончательно, он агонизирует, вырождаясь во все больший абсурд типа экологизма или феминизма. Он еще причинит много зла людям, но ему нет места в следующем столетии, как не осталось места для социализма в конце нынешнего. Похоже, кончился период нашей истории, в котором царила "элита", ибо в сфере идей, культуры, информации произошло то же самое, что и в экономике: диктатура производителя сменилась диктатурой потребителя.

Нужно ли объяснять, что эти перемены были для советских вождей как похоронный звон. Их клиенты обанкротились, их идейные союзники теряли влияние, а мировое развитие, словно в насмешку над Марксом, привело к кризису социализма вместо кризиса капитализма. Даже сам технический прогресс превращался из союзника в противника их системы: мало им было хлопот с глушением западных радиостанций, так появилась реальная угроза прямой трансляции спутникового телевидения. А распространение видеомагнитофонов создало новый вид "идеологической диверсии" — контрабанду кассет с западными фильмами. Для всего мира появление личных компьютеров было шагом вперед; для советского режима — новой головной болью: сдерживать поток информации из внешнего мира, пресекать распространение самиздата стало еще труднее. Но и остановить прогресс было невозможно. Помню бурную дискуссию в советской печати где-то в 1985—1986 годах: нужен ли советскому человеку личный компьютер? Идеологи были против, а военные — за. Современная военная техника вся основана на компьютерном управлении, доказывали они, но если западный новобранец владеет им уже с детства, то советский — нет. Победили военные.

В сущности, угроза военного отставания, возникшая в 80-е как следствие программ перевооружения Рейгана, была главным аргументом в пользу необходимости реформ. Ничто иное и не заставило бы советских вождей отважиться на реформы, кроме угрозы потерять свой статус сверхдержавы, а с ним — и все свое влияние в мире. Угроза эта возникала, главным образом, благодаря самой природе социализма: его экономическая база не соответствовала его глобальным амбициям. Ввязавшись же в "гонку вооружений" при уже хрипящей экономике, надорвались окончательно. И только тогда, когда уже ничего другого не оставалось, когда гибель была неизбежна, — в отчаянии решились на "реформы". Помнится, так я и писал в своей брошюре 1982 года:

"*Оседлав однажды тигра, почти невозможно потом спрыгнуть с него. Попытка внутренней либерализации может оказаться роковой. Само количество ненависти, накопившейся в стране за 65 лет социалистического эксперимента, огромно, результаты любой реформы настолько непредсказуемы, а, пуще всего, уничтожение самой власти этой клики и их сказочных привилегий (а то и физическое их уничтожение) настолько вероятны при ослаблении центральной власти, что трудно ожидать от властей заигрывания с либеральными идеями. Только угроза неизбежной и скорой гибели может заставить советских правителей провести серьезные внутренние реформы*".

Факт этот неоспорим, он открыто признан теперь бывшими советскими руководителями, работниками аппарата ЦК, КГБ, ведущими экономистами, генералами. Но он никогда не будет признан западным истеблишментом, ибо признать, что ненавистная и проклинаемая ими "гонка вооружения" привела к полному устранению угрозы мировой войны, глобальной конфронтации да и самого разделения мира на враждующие лагеря, — равносильно для него политическому самоубийству.

Складывается парадоксальное положение: если раньше всячески блокировалась информация, идущая с Запада на Восток, то теперь столь же рьяно блокируется идущая с Востока на Запад информация. Российские книги, статьи, сообщения газет, подтверждающие сказанное выше, не печатаются на Западе. Даже заявление последнего министра иностранных дел СССР коммунистического времени Бессмертных, сделанное, между прочим, в США, в Принстонском университете, о том, что "стратегическая оборонная инициатива" президента Рейгана ускорила конец СССР, не было подхвачено ни одной американской газетой. А ведь сколько было шума, сколько воплей в той же американской прессе, когда эта программа была предложена! Научный истеблишмент объявил бойкот любых разработок этой программы, а те немногие ученые-неконформисты, кто все же соглашался в ней участвовать, сами подвергались остракизму коллег. И вот теперь — тишина. Молчит "свободная" пресса, ученый мир делает вид, что ничего не случилось. Истеблишмент остался истеблишментом, а неконформисты — неконформистами, "отщепенцами". Казалось бы, если и есть какой-то смысл в Нобелевской премии мира, ее нужно бы теперь дать тем, кто придумал СОИ, кто не побоялся в ней участвовать. Так нет же, лауреатами Нобелевской премии останутся "озабоченные" врачи, вся заслуга которых состоит в том, что под руководством мудрого ЦК они пугали население ужасами ядерной войны.

Между тем, СОИ — это лишь наиболее яркий, наиболее известный пример политики Рейгана первой половины 80-х годов. Недавно опубликованная в США книга Питера Швейцера "Victory. The Reagan Administration's secret strategy that hastened the collapse of the Soviet Union" впервые позволила нам заглянуть в стратегические планы его администрации тех лет и убедиться, что "гонка вооружений", "звездные войны" и т.п. были лишь частью общей стратегии, вполне сознательно направленной на банкротство советского режима. Тут и кампания против западного финансирования советского газопровода в Европу, и ужесточение контроля за утечкой научно-технической информации на Восток (КОКОМ), и финансовые меры против получения СССР западных кредитов. В общем, той же цели служили программы массивной помощи афганским моджахедам, подпольной "Солидарности", никарагуанским "контрас" и прочим антикоммунистическим движениям по всему миру: помимо чисто нравственных или политических соображений, "доктрина Рейгана" (как это тогда называлось) имела своей задачей сделать "стоимость империи" непереносимой для СССР.

Да и сама "гонка вооружений", запущенная администрацией Рейгана, умышленно концентрировалась на вооружениях, требующих все более высокого технологического уровня, т.е. на том, в чем советское отставание было особенно безнадежным. СОИ была лишь кульминацией этого процесса, его наиболее ярким выражением, символом, если хотите. Никто даже не мог сказать с уверенностью, осуществима эта программа или нет с чисто технической точки зрения; но обе стороны — и США и СССР — уперлись в нее, отлично понимая, что если США начнут, то СССР придется включиться в эту непосильную для него гонку.

Наконец, самым важным аспектом этой необъявленной экономической войны — по крайней мере, с моей точки зрения — были манипуляции нефтяным рынком, осуществленные США через Саудовскую Аравию. Нефть и природный газ были экономической основой советской империи, ее главным источником твердой валюты. Проблемы с их добычей начались в СССР, по-видимому, уже к концу 70-х, а в 80-х падение добычи стало весьма заметным. Причины тому были чисто "внутренние": недостаточность инвестиций в инфраструктуру и оборудование при завышенных темпах добычи привели к снижению отдачи нефтяных полей, особенно в Тюмени. Катастрофа, однако, пришлась как раз на 1985—1986 годы, когда резкое падение добычи нефти в СССР совпало с не менее резким падением цен на мировом рынке. В результате Советский Союз за год потерял *более трети своего дохода в твердой валюте* — шок, которого не пережила бы и вполне здоровая экономика вполне процветающей западной страны.

Между тем, как явствует из вышеназванной книги, падение цен на нефть было отнюдь не случайностью, а результатом длительных и целенаправленных усилий администрации Рейгана. Еще в 1983 году казначейство США представило президенту доклад, рекомендуя добиваться понижения мировых цен:

""Падение цен на нефть на международном рынке до 20 долларов за баррель могло бы снизить энергетические расходы в США на 71,5 млрд. долларов в год. Это чистый доход для американского потребителя и составляет в сумме до 1% валового национального продукта", — говорилось в докладе казначейства.

Снижение цен на нефть повлечет за собой либо падение спроса (что

маловероятно), либо фантастический рост производства. С учетом последнего обстоятельства в докладе отмечалось, что, если Саудовская Аравия и другие страны "со значительными нефтяными запасами поднимут производство нефти и увеличат мировые поставки (...) примерно на 2,7—5,4 млн. баррелей в день, чем вызовут падение мировых цен почти на 40%, для Соединенных Штатов это будет крайне выгодно"".

А для Москвы это означало бы катастрофу:

"*В докладе отмечалось, что Москва крайне заинтересована в экспорте энергетических ресурсов с целью получения твердой валюты. По подсчету казначейства, уже подъем цены на один доллар приносил Кремлю дополнительно от 500 миллионов до 1 миллиарда долларов. Оборотная сторона дела была также ясна: падение цен означает резкое снижение доходов. А Москва, в отличие от других производителей нефти, не смогла бы увеличить добычу нефти, чтобы компенсировать прибыль*".

Все последующие годы задачей администрации Рейгана было убедить саудовцев сделать именно это: резко увеличить производство и сбить цену до нужного уровня. Интенсивное лоббирование саудовской королевской семьи включало такие меры, как усиление их обороны путем продажи самого новейшего военного оборудования (часто даже вопреки воле Конгресса), американские гарантии безопасности, экономические привилегии. Надо сказать, что саудовцы не слишком упирались: увеличение производства было в их интересах. Оно пополняло их казну, помогало друзьям и разоряло врагов — Иран, Ливию, СССР.

"*Август 1985: советская экономика без шума поражена в самое сердце. (...) Уже в первый месяц от начала саудовского броска ежедневная добыча нефти подскочила с менее миллиона баррелей почти до шести миллионов.*

Для Соединенных Штатов ожидаемое падение цен на нефть явилось величайшим благом. Для Кремля всякое падение цен на нефть грозило ущербом экономике. Но 1985 год принес катастрофу. Советские запасы твердой валюты оказались на минимуме. Пришлось вдвое увеличить продажу золота, чтобы удержать запасы твердой валюты на необходимом уровне. Энергетические ресурсы, являясь основным двигателем советской машины, кующей твердую валюту (на них приходилось почти 80%), как ничто другое были важны для здоровья экономики. (...) Почти сразу после повышения добычи нефти в Саудовской Аравии цена на нефть на международном рынке упала со стремительностью камня, брошенного в пруд. В ноябре 1985 года нефть-сырец шла по 30 долл. за баррель; примерно через пять месяцев баррель стоил уже 12 долларов. Москва в мгновение ока лишилась более 10 млрд. долларов, почти половины средств, вырученных за нефть".

Этот удар, от которого советская экономика так и не оправилась, пришелся к тому же в самый неприятный момент: на нефтяной доход рассчитана была вся начальная фаза "реформ" Горбачева, так называемое "ускорение", то есть интенсификация экономики за счет закупки за границей и внедрения нового оборудования. Только такая массивная программа модернизации могла помочь советским вождям сохранить статус сверхдержавы, справиться с гонкой вооружения, с растущей стоимостью империи, спастись от "польской болезни" дома. Экономи-

ческий крах в одночасье сделал их "реформаторами", "либералами", "демократами". Им нужен был нэп — как Ленину в 1921-м, альянс с Западом — как Сталину в 1941-м, разрядка — как Брежневу в 70-е. Проще говоря, им срочно нужна была передышка в "холодной войне", без которой не получить было западных кредитов, технологии. А для достижения всего этого нельзя было обойтись без помощи старых союзников: левого истеблишмента США, европейских "меньшевиков", — чтобы опять, в который уже раз, заставить Запад поверить во внезапную метаморфозу советского режима.

Но ведь и западным его "друзьям" тоже позарез нужны были "реформы" режима, новый "либеральный облик" СССР. Что бы ни толковали они теперь о "плохих" и "хороших" моделях, крах социализма на Востоке был и для них катастрофой, разоблачавшей их предательскую роль в полувековой борьбе человечества с угрозой тоталитарного рабства. Точно так же, как разгром нацистской Германии разоблачил "миротворцев" и коллаборантов того времени, крах СССР уничтожал все лукавые самооправдания его апологетов и попутчиков, все теории "умеренных" и "благоразумных":

— Так, значит, не было нужды "сосуществовать" со злом, если при весьма незначительном усилии его можно было победить?

— Значит, не нужно было "бороться за мир", за разоружение, за "взаимопонимание", коли можно победить без единого выстрела?

— Выходит, стоило лишь отбросить демагогию и начать всерьез *сопротивление* злу, как оно и рухнуло.

— А если так, почему же это не сделали на двадцать лет раньше? Сколько стран можно было спасти от разрухи, сколько миллионов человеческих жизней сохранить, скольких несчастий избежать?

Нужно ли добавлять, что те круги Запада, которым пришлось бы отвечать на эти неприятные вопросы, были отнюдь не в восторге от такой перспективы. Для них, как и для советских вождей, выход был только один: не допустить полного краха коммунистического режима. Иначе и не объяснить абсурда последующих пяти лет, когда коммунизм агонизировал у всех на глазах, а весь мир старался продлить ему жизнь. Кажущаяся эта абсурдность: раздуваемая прессой "горбомания", массовая эйфория по поводу "гласности и перестройки", многомиллиардные кредиты — была отнюдь не глупостью, не наивностью, а вполне продуманной кампанией. В результате достигнуто было почти невозможное: преступный режим, державший в страхе всю планету более полувека, утопивший в крови целые народы, исчез бесследно, но те, кто ему служил — и на Востоке, и на Западе, — остались у власти.

Режим несомненно был обречен, он не пережил бы конца века прежде всего потому, что основная его идея была абсурдной, противоестественной, "интеллигентской". Но рухнул он все же благодаря тем, кто бросил ему вызов, кто отказался подчиниться его диктату, будь то в афганских горах или в Белом Доме, на Гданьских судоверфях или в Ватикане, в джунглях Африки или в советских тюрьмах. В конечном итоге — благодаря простым людям, отвергнувшим власть гнилой "элиты" и на Востоке, и на Западе.

Но, покуда они остаются у власти, не станет общепризнанной эта простая истина. Будут прятаться архивы и фальсифицироваться история. Будет ходить в

спасителях отечества генерал Ярузельский, советские выкормыши-террористы будут получать Нобелевские премии мира, а военные преступники, затопившие кровью Афганистан, будут командовать российской армией. Пуще же всего будет поддерживаться "миф Горбачева" — миф о "мужественных реформаторах" в Кремле, избавивших человечество от самих себя. Нечто наподобие сказочки о добром короле Людовике XVI, избавившем Францию от монархии.

Глава шестая
РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРОЙ ТАК И НЕ БЫЛО

1. “Ускорение”

Деятельность Комитета государственной безопасности СССР была полностью подчинена выполнению требований Коммунистической партии по надежному обеспечению безопасности Советского государства и общества.

Органами госбезопасности проводился комплекс мероприятий по оказанию чекистскими средствами всестороннего содействия реализации решений апрельского и октябрьского (1985 года) Пленумов ЦК КПСС по ускоренно социально-экономического развития СССР, всемерному прогрессу советского общества, упрочению позиций СССР на международной арене, противодействию агрессивной политике империализма.

Такие годовые отчеты о проделанной работе КГБ представлял генеральному секретарю с незапамятных времен. В сущности, это была пустая формальность — о сообщавшихся мероприятиях генсек информировался и по мере их разработки, и по мере осуществления. Для нас же удобство его в том, что по нему можно точно сказать, каковы в тот момент были основные направления советской политики.

Вокруг Горбачева и его “реформ” наворочено столько лжи (не в последнюю очередь — им самим), притом лжи такой фантастической, что верить можно только документам. Да и то нужно помнить, что документы его периода управления подверглись существенной чистке: после провала августовского путча 1991 года его сообщники уничтожили все, что успели. Но даже и то немногое, что уцелело, никак не соответствует мифу о смелом реформаторе, либерале и демократе, повернувшем ход истории вопреки сопротивлению реакционеров и догматиков. Давайте, например, посмотрим, какие приоритеты были заданы КГБ на 1985 год новым генсеком, и мы точно увидим, каковы были его действительные намерения. Первой по важности стоит в докладе Чебрикова разведка, что и само по себе уже показательно.

Разведка главные усилия направляла на повышение качества и оперативности добываемой информации о политике правящих кругов США, других стран НАТО, Японии и КНР в отношении Советского Союза, их практических действий по подрыву международных позиций нашей страны, мирных инициатив Советского государства.

Первостепенное внимание уделялось информации о военно-стратегических планах противника, его замыслах по достижению военного превосходства над СССР, признаках подготовки к возможному внезапному развязыванию ракет-

но-ядерной войны, по другим проблемам, затрагивающим жизненно важные интересы Советского Союза, социалистических и дружественных нам стран.

...Исходя из требований партии по вопросам ускорения научно-технического прогресса и развития советской экономики были приняты меры по повышению эффективности научно-технической разведки. Ею добыт значительный объем документальной информации о новейших достижениях и открытиях в области науки, техники и технологии ведущих капиталистических стран. Большое внимание уделялось приобретению новых материалов и типов образцов, в том числе приоритетного прикладного характера. Реализовано более 40 тысяч информаций и 12 тысяч типов образцов. С учетом главных задач и по заданиям Государственной комиссии Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам добыто свыше 15 тысяч материалов и более 6500 типов образцов. В Министерство обороны и Генеральный штаб Вооруженных сил СССР направлено 1610 материалов и 309 типов образцов. (...)

Разведка систематически осуществляла активные мероприятия по содействию реализации внешнеполитических инициатив Советского государства, разоблачению агрессивной политики США и их союзников. Осуществлены активные мероприятия, направленные на дискредитацию американского плана "звездных войн", обострение и углубление межимпериалистических противоречий, активизацию антивоенного движения в странах Запада.

Как видим, ставка делается на более энергичное проведение прежней политики научно-технического шпионажа, кампаний дезинформации, "борьбы за мир". Это вполне соответствует тому курсу, который предложил Горбачев своим коллегам при избрании его генеральным секретарем:

ГОРБАЧЕВ. Прежде всего я хочу сказать, что самое главное и самое важное состоит в том, что наше сегодняшнее заседание Политбюро проходит в духе единства. Мы переживаем очень сложное переломное время. Нашей экономике нужен больший динамизм. Этот динамизм нужен нашей демократии, развитию нашей внешней политики. (...) Вижу свою задачу прежде всего в том, чтобы вместе с вами искать новые решения, пути дальнейшего движения нашей страны вперед, пути повышения экономического и оборонного могущества Родины, улучшения жизни нашего народа.

Я глубоко привержен идее коллективной работы и думаю, что в ней заключен потенциал, который нами еще далеко не полностью используется. Наш коллективистский потенциал должен работать еще активнее, давать еще большую отдачу.

Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее. (Курсив мой. — *В.Б.*)

Словом, "ускорение", как и объявила партия через месяц на апрельском пленуме. Соответственно, в вопросах идеологии и внешней политики оно означало скорее ужесточение старого курса, а отнюдь не его либерализацию.

Контрразведка направляла свои усилия на своевременное выявление и срыв разведывательно-подрывных замыслов и акций спецслужб противника против СССР. Проведены успешные мероприятия по расширению оперативных

позиций в его органах и зарубежных антисоветских формированиях.

Вскрыты опасные агентурные акции спецслужб противника, их попытки проникновения к государственным и военным секретам СССР. Пресечена шпионская деятельность ряда сотрудников резидентур, действующих под прикрытием дипломатических представительств США, Англии, Франции, восемь из них выдворены из СССР. Сорваны 113 разведывательных поездок по стране военных дипломатов и попытки 29 разведчиков проникнуть в зоны особо важных оборонных и других объектов.

Разоблачена шпионская деятельность девяти советских граждан, передававших противнику важные государственные секреты. Упреждены намерения нескольких десятков враждебно настроенных и морально неустойчивых лиц инициативно установить связь с иностранными разведками.

Большое значение придавалось мерам по защите от подрывных происков спецслужб противника советской экономики и науки. Осуществлен ряд успешных мероприятий по срыву усилий США и их партнеров блокировать внешнеэкономические и научно-технические связи СССР. Выявлено значительное число иностранцев, причастных к спецслужбам противника. За шпионскую и иную подрывную деятельность четверо из них привлечены к уголовной ответственности, 22 выдворены из СССР, многим закрыт въезд в нашу страну. Пресечена преступная деятельность нескольких должностных лиц из внешнеторговых организаций, подкупленных иностранными фирмами, которым они выдавали служебные секреты, чем нанесли ущерб экономике страны.

...Органы военной контрразведки оказывали всестороннюю помощь командованию и политорганам в поддержании постоянной боеготовности Вооруженных Сил СССР, обеспечении сохранности военной тайны. В армии разоблачены два агента ЦРУ США. Во взаимодействии с органами безопасности друзей обезврежено одиннадцать шпионов из числа иностранцев, действовавших в окружении советских войск в странах Варшавского Договора. Совместно с органами безопасности Афганистана разоблачено семь агентов спецслужб противника и 132 агента контрреволюционных формирований. (...) КГБ СССР последовательно проводил линию на укрепление интернационального сотрудничества с органами безопасности братских социалистических стран, что способствовало успешному решению разведывательных и контрразведывательных задач. Большая помощь оказывалась Афганистану в подавлении вооруженной контрреволюции и стабилизации обстановки в стране, а также Никарагуа — в повышении эффективности борьбы с американскими наемниками. Получило дальнейшее развитие взаимодействие в работе со спецслужбами ряда других развивающихся стран.

Особенно резко усилились политические репрессии, или "борьба с идеологическими диверсиями классового противника", как ее именует Чебриков. Тут и усиление охраны границ (задержано 1646 "нарушителей"), и "пресечение подрывных идеологических акций эмиссаров зарубежных антисоветских националистических, сионистских и клерикальных организаций" (выслано 300, 322-м закрыт въезд в СССР), и ликвидация нелегальных националистических организаций на Украине и в Прибалтике (25), и "предупреждение формирования на идейно ущербной основе 93 молодежных группирований". Одних только "авторов и

распространителей анонимных и антисоветских материалов" разыскано 1275 человек, из коих 97 посажены. Вообще же урожай 1985 года необыкновенно высок:

Привлечено к уголовной ответственности: за особо опасные государственные преступления — *57* человек, иные государственные преступления — *417*, другие преступления — *61*. (...) Осуществлены предупредительно-профилактические меры в отношении *15274* человек.

Это нарочитое "ужесточение" имело много целей, в том числе и подготовку общественного мнения к более благодарному восприятию последующей "либерализации" (коли она потребуется), и очистку страны от тех, кто может ею воспользоваться. А кроме того, режим как бы "повышал ставки" перед началом диалога с Западом, рассчитывая "уступить" несущественное в обмен на жизненно важное. Прежде чем пуститься в опасные игры, вожди, видимо, последний раз прощупывали Запад на слабость: а вдруг и не потребуется слишком рисковать?

Но то, что для достижения их цели — возрождения "детанта" — скорее всего потребуется игра гораздо более тонкая, они, без сомнения, понимали. Не случайно параллельно и как бы вовсе независимо от "ужесточения" проводился, по выражению Чебрикова, "комплекс мероприятий по оказанию чекистскими средствами всестороннего содействия" планам кремлевских стратегов. Так, еще за несколько месяцев до избрания Горбачева генсеком западная пресса стала наводняться материалами, восхваляющими его как "молодого", "энергичного", "либерального", "прозападного" и т.п. А уж после его избрания этим восхвалениям и вовсе не стало удержу. Горбачев подавался Западу как лучший, если не последний шанс "договориться", а весь его облик был рассчитан на западного потребителя, особенно — умеренно-левой ориентации.

Нужно ли удивляться, что эта кампания была тут же подхвачена левой прессой, социалистами и социал-демократами. Одной из самых первых встреч новоизбранного генсека была встреча с делегацией Социнтерна, а в апреле разведуправление КГБ инструктировало всех своих резидентов в Европе срочно возобновить несколько увядшее за последние годы сотрудничество с бывшими партнерами по "детанту".

Серьезное обострение международной обстановки и усиление военной опасности, вызванные резко возросшей агрессивностью политики империализма — и прежде всего американского, последовательный миролюбивый курс Советского Союза и развернувшееся особенно в странах Западной Европы широкое антивоенное движение поставили Социалистический Интернационал (СИ) перед необходимостью выступить с собственной программой борьбы за мир и разоружение.

В наиболее полном виде такая программа была декларирована на состоявшемся в 1983 году XVI конгрессе СИ, провозгласившем "самой основной" из задач социал-демократии — "обеспечить выживание человеческого рода". Но сформулирована эта задача как обращение к двум "сверхдержавам" — США и СССР.

Конгресс призвал СССР и США к достижению соглашений по проблемам прекращения гонки вооружений, практически повторив при этом многие конкретные предложения, неоднократно выдвигавшиеся ранее Советским Союзом: об ограничении и сокращении стратегических вооружений, о ядерном оружии

в Европе, прекращении производства новых видов оружия массового уничтожения, запрещении химического и бактериологического оружия, демилитаризации морского дна и космоса, создании безъядерных зон и т.д. (Приводится здесь и далее по книге К.Эндрю и О.Гордиевского в обратном переводе).

Именно об этом и просило политбюро в 80-м году лидеров Социнтерна — Вилли Брандта и Калеви Сорса. Но тогда "винить обе сверхдержавы" было приемлемо как удобная форма прикрытия по существу просоветской позиции Социнтерна. Теперь же эти тонкости больше не требовались. Тем более что камуфляж "беспристрастности" не уберег Социнтерн от раскола на северное "радикальное" крыло (британские лейбористы, германские и скандинавские социал-демократы) и более проатлантическую "романскую группу" (французские, итальянские, португальские социалисты).

В то время как американцы ускоряют гонку вооружений и проведение в жизнь своих ракетных планов в Европе, разногласия между партиями-членами Социалистического Интернационала по вопросам войны и мира становятся все более и более заметными. Расхождение взглядов среди лидеров Социнтерна и их колебания и непоследовательность по ключевым вопросам сегодняшнего дня являются результатом, в первую очередь, истинной оппортунистической природы партий, входящих в эту организацию, а также наличия в их рядах различных группировок, исповедующих правые, центристские и левые взгляды. (...) Тем не менее, несмотря на упомянутые разногласия внутри Социнтерна и давление на него извне, современная социал-демократия продолжает обладать значительным политическим весом и влиянием. Объективно говоря, она вносит определенный вклад в дело борьбы за мир и разоружение и возврат к политике разрядки. Ее представители принимают участие в различных форумах сторонников мира и нередко занимают позиции, близкие или даже совпадающие с позициями социалистических стран.

Все это открывает определенные возможности для оказания положительного влияния на формирование взглядов Социнтерна и входящих в него партий в отношении важных международных проблем, прежде всего по вопросам войны и мира, таким образом обеспечивая эффективную поддержку в борьбе нашей партии за улучшение международной обстановки и прекращение гонки вооружений. Имея в виду эту цель, вы должны сделать все, что в ваших силах, для усиления работы среди лидеров, видных деятелей и активистов социал-демократических и социалистических партий в странах вашего пребывания.

Предложенная программа действий предусматривала целый ряд "активных мероприятий", направленных на раздувание разногласий между странами НАТО, усиление влияния "левого крыла" Социнтерна в кампании за возрождение "детанта", для достижения чего предлагалось:

— предпринять шаги для более эффективного использования и расширения существующих оперативных возможностей в Бюро СИ, в штабах социал-демократических и социалистических партий в странах Западной Европы;

— приложить особые усилия для укрепления оперативных позиций в партиях СИ, находящихся у власти или входящих в правительственные коалиции в своих странах, имея в виду цели, которые должны быть достигнуты

не только в рамках Социнтерна, но и в связи с другими проблемами международной политики;

— усилить работу в молодежных организациях социал-демократического толка, которые иногда занимают более радикальные позиции, чем сами партии, и в особенности среди активистов подобных организаций, которые могли бы представлять интерес в будущем.

Так, при внешнем ужесточении позиций, исподволь готовился новый поворот к "детанту", сладкие мечты о котором никогда не умирали среди европейской социал-демократии. И на этот раз, стоило лишь поманить меньшевистского осленка этой морковкой, как он, забыв обо всех прошлых обидах и обманах, охотно вырядся опять в большевистскую повозку.

Что же до советских вождей, то их политика действительно оставалась "ленинской", неизменной по меньшей мере с 70-х годов. Другое дело, что теперь, в связи с кризисом, ее предлагалось интенсифицировать, то есть добиваться своей цели любой ценой.

2. "Реформаторы" и "консерваторы"

Надо признать, они были уникальные мастера пудрить мозги. Невнятные слухи, полунамеки, в лучшем случае — туманные обещания нового генсека что-то "перестроить" тотчас превращались в будто бы свершившиеся "радикальные реформы". В реальности ничего не происходило: советские войска продолжали уничтожать афганские кишлаки, отсиживали свои срока политзэки, шпионы продолжали красть западную технологию, но как-то само собой получалось, что виноват теперь в этом Запад: не идет навстречу, не верит в добрые намерения, не уступает.

Даже катастрофа в Чернобыле обернулась почему-то не против Горбачева и его режима, а против всех остальных стран, где были атомные электростанции. Он же оказался ни при чем, хотя именно по его распоряжению информация о катастрофе держалась в секрете, пока не подняли крик шведы и финны. Уже за одно это любой политик был бы проклят общественным мнением, а на Западе — и посажен: ведь в результате радиоактивному заражению подверглось гораздо больше людей. Представим себе, что президент США или британский премьер-министр попытались бы скрыть факт утечки радиации на атомной электростанции, — и вообразить невозможно, какой поднялся бы крик. А тут даже не отменили первомайскую демонстрацию в Киеве — всё надеялись, что никто не узнает о случившемся. И в то же время партийные боссы Украины тайком отправляли свои семьи в Москву, подальше от Чернобыля...

Разумеется, все это было отлично известно западной прессе, но подавалось совсем иначе: бедные русские, как им не повезло с Чернобылем — вот к чему приводят атомные электростанции. Роль же Горбачева в этой истории даже не обсуждалась. Особенность раздуваемой на Западе "горбомании" в том и состояла, что она строилась на пустом месте, на "кредите доверия" одному человеку, которого никто даже не знал толком. Она была столь же абсурдна, иррациональна, как и кампания за ядерное разоружение, да и осуществлялась в основном теми же силами. Разница была лишь в том, что на этот раз и все остальные приняли

навязанную им игру, заботясь лишь о том, как бы "не помешать перестройке", а не о том, чтобы правдиво информировать публику. Сомнение, скептицизм становились почти кощунством, на которое мало кто отваживался.

"Поверим ему за недоказанностью", — твердили на Западе, хотя объяснить, на чем основана эта "недоказанность", никто не мог. Ведь речь шла о человеке, прошедшем все ступени обычной партийной карьеры, а начиная с 1978 года в качестве секретаря ЦК и позднее члена политбюро принимавшем участие во всех преступлениях режима. Оставалось только изобретать какие-то особенности новому генсеку. Например, взахлеб сообщалось о том, какая у него "современная", "прозападная" жена, "философ" (преподаватель марксизма-ленинизма!). И не было предела восторгам по поводу того, что, будучи в Париже, она большую часть времени провела в магазинах, покупая драгоценности у "Картье" на кредитную карточку "Американ экспресс". А в то же самое время, иногда на тех же газетных страницах с возмущением писали о жене филиппинского диктатора Фердинанда Маркоса: вы только подумайте, страна голодает, а она скупает наряды, тысячи пар туфель!

Словом, это была хорошо рассчитанная кампания дезинформации. А уж кульминацию своего усилия преодолеть сопротивление Запада — встречу в Рейкьявике — советские обставили по всем правилам высокой драмы. Мир замер в ожидании: казалось, само существование планеты висит на волоске. Целые религиозные общины молились за успех встречи, словно перед концом света. В сущности, ничего особенного не происходило: сами по себе встречи в верхах уже стали к тому времени делом достаточно обычным. Да и предполагавшаяся программа переговоров ничего нового не содержала — опять всё те же мечты о ядерном разоружении, которое нужно СССР и не нужно Западу. Но как-то так получалось, что теперь все вот-вот решится. А если не решится, то только по вине Рейгана. Удивительно, не правда ли: кризис вроде бы в СССР, они обанкротились, им нужно спасаться, а уступать почему-то должны американцы.

И ведь что замечательно: почти добились своего, совсем чуть-чуть не дотянули, но — перестарались, пожадничали. Мало им было полного ядерного разоружения, на которое Рейган уже почти соглашался: уперлись в программу "звездных войн" (СОИ). В результате остались с пустыми руками, а отношения с американцами только осложнились.

ГОРБАЧЕВ. Нам нужно обменяться мнениями о мерах в связи с новой враждебной акцией администрации США. Развитие событий после Рейкьявика показывает, что наши "друзья" в США не имеют никакой конструктивной программы и делают все для того, чтобы еще более накалить атмосферу. При этом действуют они предельно грубо, ведут себя по-бандитски.

СОЛОМЕНЦЕВ. Да, они ведут себя как бандиты с большой дороги.

ГОРБАЧЕВ. Ожидать от администрации США каких-либо конструктивных действий и предложений нельзя. В сложившейся ситуации нам надо набирать пропагандистские очки, продолжать вести наступательную разъяснительную работу, ориентированную на американскую и всю международную общественность. Вашингтонские деятели этого боятся. На таможне в течение трех суток задерживаются материалы с моими выступлениями на пресс-конференции в Рейкьявике и по советскому телевидению.

ЯКОВЛЕВ. Мне звонил т.Бугаев и сказал, что эти материалы до сих пор американской таможней задерживаются.

ГОРБАЧЕВ. Нам нужно и дальше давить на американскую администрацию, разъясняя общественности наши позиции и показывая ответственность американской стороны за срыв договоренности по вопросам сокращения и ликвидации ядерных вооружений.

В последнее время Рейган и его окружение не нашли ничего лучшего, как предпринять еще одну враждебную акцию — выслать 55 советских дипломатов. Пять наших работников объявлены персоной нон-грата, как объясняют в Вашингтоне, в ответ на выдворение нами 5 американских дипломатов, а 50 высылаются под предлогом установления равного уровня численности американских и советских дипломатических представительств.

Эту враждебную антисоветскую акцию нельзя оставить без ответа. Мы не должны останавливаться перед самыми решительными мерами. Американцы выступают с угрозами и заявляют, что если мы предпримем ответные действия, то они осуществят дальнейшие шаги в отношении нашего дипломатического персонала в США. Ну что ж, думаю, что ввиду ограниченного характера советско-американских связей и в этом случае наше посольство в США справится со своими задачами.

Необходимо выработать серьезные предложения. Что конкретно можно сделать? Следует убрать из американского посольства наших людей, которые работают там в качестве обслуживающего персонала. Далее, нужно ограничить приезд американских представителей в посольство США в Москву в командировку. Ежегодно по этому каналу к нам приезжают до 500 американских граждан. Наконец, следует на основе равенства решать вопрос о разрешении на приезд к американскому послу в Москву гостей, которых в год набирается до 200 человек. Наши люди ездят в командировки и посещают посла в качестве гостей редко. Необходимо, чтобы такие поездки в дальнейшем осуществлялись на равной основе.

В общем, подтверждаются слова, сказанные мною президенту США в Рейкьявике о том, что, очевидно, нормализация советско-американских отношений — дело будущих поколений.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Персонал нашего посольства в США составляет 243 человека и консульства в Сан-Франциско — 25 человек. В посольстве США в Москве насчитывается 229 человек и в консульстве в Ленинграде — 25 человек. Кроме того у американцев работает 250 наших граждан в качестве обслуживающего персонала. Предлагается их отозвать. Это ощутимо скажется на деятельности американских представительств. Что касается командировок, то в американское посольство ежегодно приезжают до 500 человек. Мы же такой формой поездок в США почти не пользуемся. Нужно ввести в этом деле принцип взаимности. Американцы от этого потеряют больше, чем мы. Не пользуемся мы и такой формой, как личные приглашения посла. К американскому же послу приезжают до 180 человек в год.

ДОБРЫНИН. Причем многих из этих "гостей" посол лично даже не знает.

ШЕВАРДНАДЗЕ. В американском посольстве в Москве в качестве обслуживающего персонала работают 14 человек из Финляндии. Нужно потребовать

выезда этих лиц, а также 8 американских дипломатов, подозреваемых в незаконной деятельности. Адекватно действиям американцев мы должны поступить в отношении военного атташата. В результате у нас останется одинаковое с американцами количество работников — по 251 человеку в посольствах и по 25 работников в консульствах.

О провокационном характере действий администрации США свидетельствует и то, что ранее американской стороной для наших представительств была устаиовлена квота в 320 человек. Мы эту квоту никогда полностью не заполняли.

ГОРБАЧЕВ. Все это нужно аргументированно изложить и подготовить мощный политический документ.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Новая враждебная акция потребовалась администрации США в связи с предстоящими выборами. В нашем документе нужно будет сказать и о том, что если американцами в связи с нашими действиями будут осуществлены ответные меры, то мы поступим так же.

ГОРБАЧЕВ. Нет ли у товарищей сомнений в связи с этими предложениями?

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Нет.

ДОБРЫНИН. Было бы целесообразно определиться также с консульствами в Киеве и Нью-Йорке.

ГРОМЫКО. Может быть, в создавшейся обстановке не форсировать их открытие. Смысла сейчас в этом нет.

ГОРБАЧЕВ. Надо решение этого вопроса заморозить. Что касается общей линии нашего поведения, то действовать следует спокойно, но решительно. Это важно не только с точки зрения советско-американских связей, но и международных отношений вообще. Если американцы будут так разговаривать с Советским Союзом, то можно себе представить, что же они будут предпринимать в отношении других стран.

У меня был разговор с Николаем Ивановичем (Рыжковым). От закупки кукурузы у американцев сейчас следует воздержаться.

ГРОМЫКО. В нашем заявлении об этом, может быть, не стоит говорить, но осуществить де-факто.

СОЛОМЕНЦЕВ. В нашем документе нужно привести цифровые данные, о которых говорил т.Шеварднадзе.

ДОБРЫНИН. Действия американцев в отношении нашего военного атташата беспрецедентны.

ГОРБАЧЕВ. И нам нужно всех американских военных выслать.

ЧЕБРИКОВ. В нашем распоряжении есть еще один резервный ход, который при необходимости можно сделать. Как я уже докладывал Политбюро, мы обнаружили в наших представительствах в США много подслушивающих систем. Можно было бы предать этот факт гласности в целях разоблачения американского шпионажа, провести пресс-конференцию с демонстрацией американских шпионских средств подслушивания.

ГРОМЫКО. А сколько они обнаружили в своих представительствах наших подслушивающих устройств?

ЧЕБРИКОВ. Одно устройство. Тут цифры в нашу пользу — 1:150.

ГОРБАЧЕВ. Это нужно будет иметь в виду.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Когда нам нужно обнародовать заявление по данному вопросу?

ГОРБАЧЕВ. Как только документ будет готов. Посмотрим его и тут же передадим по радио и телевидению, а также опубликуем в печати.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно.

ГОРБАЧЕВ. У меня было намерение выступить сегодня на пресс-конференции, показать, куда ведут дело американцы после Рейкьявика. Разоблачить их вранье и жульничество. Но, по-видимому, сейчас, после предпринятой администрацией США враждебной акции, время для этого неподходящее. Наверное, целесообразно выступить не на пресс-конференции, а по телевидению, обратиться к нашему народу.

РЫЖКОВ. Правильно.

ГОРБАЧЕВ. Каких-либо новых предложений в выступлении выдвигаться не будет. Поэтому вряд ли есть необходимость делать специальную рассылку текста выступления. В рамках той позиции, которую мы определили, следует показать, что администрация США несет полную ответственность за срыв договоренностей в Рейкьявике, предпринимает жульнические маневры для того, чтобы извратить факты и ввести в заблуждение общественность. Можно сказать и о том, что развитие событий после Рейкьявика показывает, что Рейган не может справиться со своей оравой.

ГРОМЫКО. Об этом сказать можно, но в такой форме, чтобы не выгораживать самого Рейгана.

ГОРБАЧЕВ. Да, Рейган выступает как лгун. Нужно по этому вопросу найти соответствующую формулировку.

Нет у товарищей других предложений?

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Нет.

Кого же в результате винили на Западе? Прежде всего, разумеется, реакционера Рейгана, не пожелавшего "отказаться от ментальности холодной войны" и поступиться всем ненавистной программой "звездных войн". А во-вторых, "консерваторов" и "реакционеров" в политбюро, с которыми "реформатор" Горбачев все еще вынужден считаться.

3. "Новое мышление"

Однако кремлевские вожди дулись недолго: поджимал кризис. Деваться некуда — не удалось взять нахрапом, приходилось идти дальше, кое-чем поступиться. Хочешь не хочешь, а приходилось приступать к следующей фазе разработки под названием "гласность и перестройка": права человека, Афганистан, "социалистический плюрализм", "социалистический рынок", "общий европейский дом"...

Теперь, после крушения режима, уже ни для кого в России не секрет, что так называемое "новое мышление" разрабатывалось различными "мозговыми трестами" ЦК задолго до Горбачева. Об этом теперь охотно говорят и пишут бывшие "партийные интеллектуалы" — участники этих разработок. Да и сам Горбачев подтвердил этот факт в 1988 году, когда провал "перестройки" стал очевиден и пришлось объясняться, почему же весь план был так плохо продуман.

Как, мол, не продуман? — возмущался он. Очень даже продуман, причем

задолго до 1985 года: сто десять исследований и разработок было тогда представлено в ЦК различными мозговыми трестами.

Только на Западе упорно продолжают повторять легенду о смелом реформаторе из Ставропольского края, а книги и статьи российских авторов, раскрывающие реальную историю вопроса, здесь, как правило, не печатают. Исключение составляет книга бывшего работника международного отдела ЦК Евгения Новикова (Gorbachev and Collapse of Soviet Communist Party. By Eugeny Novikov and Patrick Bascio. New York, Peter Lang Publ., 1994), но ее в продаже не найдешь. Я, например, потратил более трех недель, прежде чем нашел ее в... Швейцарии, хотя издана она вроде бы в Нью-Йорке.

Между тем, содержание ее весьма любопытно.

"*Процесс нового мышления в действительности начался уже в конце 70-х годов, когда был жив Андропов, в среде интеллигенции, ознаменовавшись появлением публикаций, выходивших ограниченным тиражом и написанных мудреным социологизированным языком*", — пишет он.

Помимо самого международного отдела ЦК, его специальных институтов и публикаций, к работе был привлечен целый ряд академических институтов. В поставленную им задачу входила ревизия идеологии, разработка "альтернативных" моделей и путей трансформации существующей модели во что-то более рациональное. Горбачев лишь унаследовал эти проекты, оказавшись наиболее подходящей кандидатурой на их исполнителя.

Однако, как отмечает автор:

"*...хотя разнообразные идеологические сценарии, допускаемые или создаваемые идеологическими приспешниками Горбачева, весьма отличались друг от друга, тем не менее все они имели одну и ту же политическую цель: продолжение правления партийной элиты. Это происходило либо благодаря сохранению социалистической системы, либо благодаря преобразованию коллективной собственности класса номенклатуры в частную собственность, сосредоточенную в руках отдельных членов верхушки*".

Уже одно то, что руководить разработкой "реформ" советского режима поручалось международному отделу ЦК (да еще под контролем Андропова), достаточно ясно говорит нам об их целевой установке. Характерно и то, что самые смелые идеи этих мыслителей за пределы марксизма все же не выходили: речь лишь шла о некоторой ревизии его "ленинского" варианта, сближавшей его с социал-демократией.

"*В основном печать охарактеризовала гласность последнего времени как констатацию конца марксизма, однако в действительности это было возвращение к философской традиции европейского марксизма, от которой в Советском Союзе отказались еще в 1924 году*", — пишет Новиков.

Легко понять, чем были вызваны поиски такого сближения. С одной стороны, к концу 70-х грядущий экономический кризис уже вполне просматривался и нужно было срочно искать путей спасения. Прежде всего, конечно, требовалось найти способ возродить "детант", открывавший доступ к западной помощи кредитами и технологией. С другой стороны, феноменальный успех "детанта" начала 70-х (как и его неожиданное крушение в начале 80-х) наталкивали на мысль о необходимости его более обстоятельной подготовки с учетом всех допущенных

ошибок. Как мы помним, изначально "детант" был придуман не в Москве, а в Бонне; Москва лишь попыталась его использовать в своих целях, ничего у себя дома не меняя. В сочетании же с внутренними "реформами" социализма и соответствующей фразеологией социал-демократического толка "детант" становился неотразимым хоть для "северных" радикалов, хоть для "романских" умеренных. Минимальные, никак не угрожающие существованию режима изменения позволяли достигнуть, казалось бы, невозможного: они не только спасали от кризиса, но и открывали путь к "конвергенции" с меньшевистским Западом. То есть, попросту говоря, к усилению советского влияния в Европе.

В самом деле, что, собственно, помешало полному успеху "детанта" 70-х? Проблема прав человека? Вторжение в Афганистан? Польский кризис? Да неужели при известной гибкости, с помощью европейской социал-демократии и левой элиты США их было никак не обойти? Что касается первых, то еще в 1977 году тогдашний посол в ФРГ Валентин Фалин писал в ЦК о возможном решении. Нужно ли объяснять, что речь шла отнюдь не о введении демократии, а о путях ее успешной имитации. Сообщив, что партнеры по "детанту" — немецкие социал-демократы отнюдь не в восторге от кампании за права человека в соцстранах, он, в частности, пишет:

Социал-демократы уже сейчас на себе ощущают опасности антикоммунистической истерии — лозунг ХДС/ХСС "свобода вместо социализма" показал, что СДПГ оказывается не последней на очереди, когда трубят начало охоты за ведьмами. (...)

Одновременно собеседники отмечают, что Запад раньше Востока принял в расчет, что перемены в международном климате не обойдут стороной внутреннюю погоду в отдельно взятых государствах. Государства НАТО заплатили свою и немалую цену за разрядку, далеко не справились с трудностями, в том числе и идеологического характера. Но на Западе подобные трудности не столь бросаются в глаза, т.к. порог легальности в борьбе идей там научились в обычной ситуации не особенно поднимать и заострять. По словам социал-демократических собеседников, социалистические страны тоже должны были считаться с издержками перестройки международных отношений. (...)

Необходимо сказать, что дискуссии вокруг практики работы в соцстранах с инакомыслящими и неконформистами живо ведутся и в кругах, лояльно и дружественно относящихся к СССР и КПСС. Зачастую задаются вопросы, которые нельзя отвести или обойти общими словами. Например, почему в Советском Союзе почитаются Пикассо и Леже и преследуются свои модернистские художники, а работы многих, пользующихся мировой известностью художников предреволюционного и послереволюционного периода не представлены или почти не представлены в экспозициях наших музеев? Или — почему абстрактное и так наз. экспериментальное искусство имеет права гражданства в Польше и гонимо в СССР и ряде других соцстран? Почему мы идем тут на известные компромиссы в музыке или балете, но не в других областях культуры?

Есть, конечно, немало вопросов и поострее. Но когда речь касается творческой интеллигенции, журналистики, религии, даже формальные сопоставления сопряжены с массой ненужных, вредных эмоций.

Нравится нам то или нет, идеологический противник старается взять на вооружение опыт КПСС в строительстве мирового коммунистического движения, нашей работы с собственной и зарубежной интеллигенцией сразу после Октября, в период Отечественной войны. Противник использует и то, что наша внутренняя и внешняя пропаганда нередко неадекватна, допускает разное обоснование одних и тех же событий или, еще хуже, замалчивает их. Думается, что в условиях, когда едва ли не каждый взрослый человек в Союзе технически в состоянии слушать весь мир, а вскоре и получит западную картинку на экран своего телевизора, подобное положение не может быть не связано с крупными накладками идеологического свойства. (...)

Капиталистическое общество также не смогло отгородиться от воздействия наших идей. Возрастание роли социал-демократизма и профсоюзов в мире капитала, как и другие факты, свидетельствуют о серьезных деформациях системы, потенциал которой в моменты испытания часто оказывается на пределе. С помощью подмены понятий — не в последнюю очередь в вопросе о человеческих правах и демократии вообще — наш противник хотел бы обеспечить себе передышку в отступлении.

С учетом всего этого и, естественно, в силу наших разнообразных внутренних и внешних интересов представляется необходимым иметь многоплановую и долговременную программу работы на данном направлении, которая вобрала бы в себя весь опыт соцсодружества и опыт нашего противника. Последний заслуживает самого пристального внимания, хотя бы потому, что на идеологическом обеспечении устоев системы в ФРГ и др. западных странах заняты специалисты самой высокой квалификации и в это дело ежегодно вкладываются миллиардные средства.

В частности, требует изучения законодательная и административная практика ФРГ. Западногерманское государство располагает гибкими и надежными средствами предотвращения и пресечения неугодной деятельности, причем упор делается на преследовании инакомыслящих не по мотивам распространения неугодных режиму сведений, а за "антиконституционную активность", нарушение общественного порядка и т.п. Небезынтересна и местная система судопроизводства, которая дает возможность до вынесения приговора по сути изолировать любое лицо на месяцы и годы, фактически преследовать его задолго до окончательного рассмотрения дела судом последней инстанции.

Эта система успешно функционирует, поскольку она сочетается с тщательно продуманной гласностью и дополняется другими квази-демократическими атрибутами, которые позволяют поддерживать давление в котле на приемлемом уровне. По-прежнему значительную часть работы по подавлению оппозиции выполняют под гласным и негласным надзором властей пресса, церковь, школа, буржуазные общественные организации. Для последних борьба с левыми вообще и коммунистами в особенности была и остается главным смыслом существования. (...)

Факты показывают, что нам едва ли принесут пользу попытки обойти в информационной работе трудности и недостатки, которые имеются в социалистических странах. Объяснить их причины с наших позиций, показать, что делается для устранения недостатков, — вот что нужно. Если этого не сделаем

мы, то противник сделает сие за нас.

К тому же во многих случаях нет никаких видимых оснований занимать оборонительную позицию. (...) Когда же наша информация принимает форму ответа на критику, она многое теряет в смысле убедительности, весомости.

Другими словами, стратегия и тактика позиционной борьбы, а именно с таковой приходится иметь дело в вопросе о правах человека, нуждается в дополнительной отработке. Наш противник, сбросив колониальный балласт, примкнув к нашей политике мирного сосуществования и разрядки, подлатав социальные надстройки, хотел бы создать видимость самоочищения и обновления системы. (...) И что представляется особенно важным и потенциально опасным, противник быстро реагирует на перемены, на возникающие новые проблемы, дает им свое толкование, нередко сам вызывает эти перемены в расчете малыми уступками упредить угрозы для базиса и прослыть за носителя прогресса, почти за синоним передового.

Оставим на совести Фалина его интерпретацию политической системы ФРГ; гораздо важнее для нас тот факт, что его "политическое письмо" весьма внимательно изучали и Громыко, и Андропов, и отдел пропаганды ЦК, и та группа "партийных интеллектуалов", которая разрабатывала "альтернативные модели" (уж кто из них сделал вышеотмеченные подчеркивания в тексте — я сказать не берусь). Более того, надо полагать, что изложенные идеи произвели на начальство сильное впечатление, ибо Фалин скоро пошел вверх, а через десять лет, когда его мечты о "создании видимости самоочищения и обновления системы" стали наконец осуществляться, — он уже был главой международного отдела.

Да ведь не один же Фалин был такой умный у советской власти. Идеи эти носились в воздухе, особенно увлекая ту часть партийной элиты, которая по роду своей службы занималась внешней политикой — в КГБ, МИДе, международном отделе ЦК, их "мозговых трестах". И правда, отчего же не попробовать? Обанкротившемуся авангарду пролетариата терять уже было нечего, кроме своих цепей, а приобрести они могли весь мир. В сущности, задача не казалась им такой уж и трудной: по роду своей профессии они без репрессий и цензуры манипулировали огромными массами людей на Западе и в странах Третьего мира, свободной западной прессой и независимыми от них общественными движениями. Так почему же нельзя делать то же самое у себя дома, где степень контроля гораздо больше, где практически все в руках их партии? Техника этой работы доведена до совершенства, а советский человек куда как более зависим от их власти, чем, скажем, западный миролюбец.

И правда, выработанный ими вариант детанта казался беспроигрышным: от старой модели брались ее наиболее успешные атрибуты — использование социал-демократии, левого истеблишмента США, дружественных бизнесменов, а также массированная кампания дезинформации (в том числе и старая разработка о борьбе в советском руководстве "ястребов" и "голубей"", переименованных теперь в "консерваторов" и "реформаторов"). Новым был, во-первых, "исполнитель", которому, в отличие от Брежнева, легко было создать образ "либерала-реформатора"; во-вторых, новинкой были внутренние "реформы" (в реальности — попытка спасти социализм минимальными изменениями в экономике); и, наконец, самой главной новинкой была имитация "человеческого лица" при пол-

ном сохранении контроля — "тщательно продуманная гласность", по выражению Фалина. Если же и этого окажется недостаточно для возрождения "детанта", на очереди были и другие "квази-демократические атрибуты" типа фиктивной многопартийности, "свободных выборов" в "парламент", вывода войск из Афганистана, "либерализации" режимов Восточной Европы...

Соответственно подбиралась и команда: уже начиная с прихода к власти Андропова, а особенно при Горбачеве выдвигались вперед в основном люди с внешнеполитическим опытом — из КГБ, МИДа, международного отдела, исследовательских институтов и "мозговых трестов". Оно и понятно: их задачей было не только добиться возрождения "детанта" с Западом, но и перевести систему жесткого административно-репрессивного контроля внутри страны на более тонкий, манипулятивный, применявшийся ранее лишь во внешней политике. Никто другой и не смог бы справиться с такой задачей, кроме профессионалов-манипуляторов

Однако всерьез приступили к осуществлению этой "домашней заготовки" только после Рейкьявика, когда стало ясно, что одними обещаниями да с налету своего не добьешься. Ну, а Запад был в экстазе, не желая видеть происходящего у него на глазах гигантского обмана. Как правильно пишет Новиков:

"*Западные обозреватели считали эту умирающую идеологию, конституционные реформы Горбачева, создание Съезда народных депутатов и реорганизацию Верховного совета свидетельством краха коммунизма. Но при этом в тени оставалось усиление политической власти советской партийной элиты. В большинстве своем средства массовой информации трактовали самокритику КПСС и нападки на теорию марксизма-ленинизма как действительную и плодотворную самокритику партийной элиты: они не сумели понять разницы между партией и партийной элитой. Это и помешало увидеть, что Горбачев намеревался создать новый, урезанный тоталитаризм, демократию отнюдь не западного толка*".

4. Как "уйти" не уходя?

Будучи профессиональным лжецом, Горбачев не лгал лишь в одном: его новая политика была действительно ленинской. Понимали это и его коллеги: как хорошие ученики Ленина, советские вожди отлично знали, что могут позволить себе все что угодно до тех пор, пока власть остается в их руках. Подобно Ленину в 1921-м, Сталину — в 1941-м или Хрущеву после Сталина, они не боялись "потрясать основы" своего режима ради его спасения. Требовалось лишь одно: сохранять инициативу, не позволять "реформам" выйти из-под контроля партии.

Между тем, ничто из их "реформ", столь сильно поражавших убогое воображение мира, не угрожало вначале потерей контроля. Я уже достаточно подробно описывал, как вводилась "гласность", как "освобождались" политзаключенные и Сахаров, как одновременно жестко пресекалась всякая попытка создать реальную оппозицию в стране, а создавалась фиктивная "многопартийность", так называемый "социалистический плюрализм". В результате достигли того, чего не могли добиться за 18 лет брежневских репрессий, — роста авторитета партийного руководства. Впервые за послесталинский период общество с энтузиазмом вос-

принимало решения партийных съездов и конференций. И чем больше вскрывалось прошлых преступлений режима, тем как бы меньше ответственности за них несла партия. Даже развязанная ими публичная критика партийного руководства на местах лишь укрепляла контроль центрального руководства над аппаратом управления, грозившего, как мы помним, распасться на региональные "мафии". В известном смысле, "гласность" осуществляла функцию чистки партии, вроде "культурной революции" при Мао Цзэдуне.

Соответственно, новая система контроля вводилась и по всей империи, как "внешней", так и "внутренней". Даже республикам СССР предлагали некоторую культурную и экономическую автономия, а сателлитам ее просто навязывали. С одной стороны, обанкротившийся режим не мог больше целиком содержать их; с другой — его внешнеполитические цели требовали изменения образа "империи зла". Трудно было, например, рассчитывать на "детант", пока советские войска воюют в Афганистане. Да и остальные "локальные конфликты", спровоцированные советской глобальной экспансией, требовалось по крайней мере "заморозить".

Все это, однако, вовсе не означало отказа от империи или даже от глобальной экспансии. Напротив, и то, и другое только выигрывало от подобной видимости, а советский контроль при этом ничуть не слабел. Вывод советских войск из Афганистана — самый яркий тому пример. Как мы помним, советские вожди пошли на оккупацию Афганистана с большими колебаниями, поневоле и никогда не считали это решение окончательным. Вопрос о выводе войск оттуда обсуждался еще при Андропове.

ГРОМЫКО. В соответствии с постановлением Политбюро в Афганистан выезжала группа ответственных партийных, советских, военных и хозяйственных работников. (...)

Общая обстановка в Афганистане, как вы знаете, сложная. За последнее время просматриваются кое-какие элементы консолидации, но процесс консолидации идет медленно. Не уменьшается число банд. Враг не складывает оружия. Переговоры с Пакистаном, которые ведутся в Женеве, проходят медленно и трудно. Поэтому мы должны сделать все, чтобы изыскать взаимоприемлемые варианты политического урегулирования. Заранее можно сказать, что процесс этот будет продолжительным. Тут есть вопросы, которые надо обсуждать особо. Следует иметь в виду, что сейчас пока нельзя давать Пакистану согласия на конкретные сроки вывода наших войск из страны. Здесь нужна осторожность. Да, положение стабилизируется. Хорошо, что возросла до 140 тысяч афганская армия. Но главная беда состоит в том, что центральные власти не дошли еще до мест, редко общаются с массами, примерно одна треть уездов не контролируется центральной властью, чувствуется рыхлость государственного руководства.

В заключение хочу сказать, что надо, видимо, пойти на те шаги, которые изложены в представленных на ваше рассмотрение рекомендациях. Необходимо, видимо, будет где-то в апреле провести встречу с Кармалем и группой руководящих работников Народно-демократической партии Афганистана. Видимо, будет целесообразной личная встреча Ю.В.Андропова с Бабраком Кармалем. (...)

АНДРОПОВ. Вы помните, как трудно и осмотрительно решали мы вопрос о вводе войск в Афганистан. Л.И.Брежнев настоял на поименном голосовании членов Политбюро. Вопрос был рассмотрен на Пленуме ЦК.

В решении афганской проблемы мы должны исходить из существующих реальностей. Что вы хотите? Это феодальная страна, где всегда хозяйничали на своей территории племена, а центральная власть далеко не всегда доходила до каждого кишлака. Дело не в позиции Пакистана. Нам дает здесь бой американский империализм, который хорошо понимает, что на этом участке международной политики он проиграл свои позиции. Поэтому отступиться мы не можем.

Чудес на свете не бывает. Иногда мы сердимся на афганцев, что они ведут себя непоследовательно, медленно развертывают работу. Но давайте вспомним нашу борьбу с басмачеством. Ведь тогда в Средней Азии была сконцентрирована чуть ли не вся Красная Армия, борьба с басмачеством продолжалась до середины 30-х годов. Поэтому в отношениях с Афганистаном нужны и требовательность, и понимание.

Что касается разработанных Комиссией рекомендаций, то не слишком ли они императивны, с точным указанием, что положено афганской стороне, а что нашей.

ГРОМЫКО. Мы рекомендации, конечно, доработаем.

АНДРОПОВ. Да, чтобы это был политический документ. Он должен быть изложен гораздо более гибко.

ПОНОМАРЕВ. Мы доделаем эти материалы.

АНДРОПОВ. Переговоры с Кармалем, видимо, нужны. Их, вероятно, будет выгодно провести в два тура, причем мою беседу с Кармалем организовать последней.

КУЗНЕЦОВ, ТИХОНОВ, ГОРБАЧЕВ. Правильно.

По сути, эта установка не изменилась и при Горбачеве. Лишь необходимость вывода войск становилась все острее, но уступать "американскому империализму" никто не собирался. Речь шла о том, как бы уйти не уходя, то есть сохранив и режим, и контроль над ним. К подготовке этого решения политбюро приступило еще в 1986 году, для начала сместив Бабрака Кармаля и поставив вместо него главу афганского КГБ Наджибуллу — ход весьма типичный для всех горбачевских "реформ". Гебешник-реформатор — как и его босс в Москве чуть позже — провел "либеральные реформы": завел контакты с противником, ввел новую конституцию, даже изменил название страны, опустив слово "демократическая" (видимо, заигрывая с мусульманской оппозицией), а сам стал президентом. Надо полагать, Афганистан был для кремлевских "реформаторов" своего рода тестом "нового мышления", испытательным полигоном. В случае удачи эксперимента предполагалось распространить его по всей империи. Именно поэтому в политбюро нервничали, а к выводу войск готовились особенно тщательно. Комиссия политбюро по Афганистану (Шеварднадзе, Чебриков, Яковлев, Язов, Крючков) до последнего момента не могла решить, как лучше осуществить это мероприятие.

В сложной ситуации, характеризующей положение дел в Афганистане, все больше ощущается внутренняя напряженность, связанная с предстоящим выводом оставшейся части советских войск. Внимание режима и сил оппози-

ции полностью сосредоточено на дате 15 февраля, когда согласно Женевским соглашениям должен окончиться срок пребывания нашего воинского контингента. При этом для Кабула данный срок сжат еще больше, так как последние советские воинские части должны покинуть афганскую столицу в начале февраля, – докладывали они 23 января 1989 года. – Практически по всей стране продолжаются боевые действия между правительственными войсками и оппозицией, в ходе которых правительству удается удерживать свои позиции, но с помощью советской авиации. Противник так и не сумел овладеть Джелалабадом, Кундузом, Кандагаром. Однако все понимают, что главная борьба еще впереди. Оппозиция сейчас даже несколько снизила свою военную активность, накапливая силы для последующего периода. Тов. Наджибулла считает, что она намерена развернуть действия после вывода советских войск сразу по нескольким ключевым направлениям.

Следует подчеркнуть, что афганские товарищи серьезно озабочены тем, как будет складываться обстановка. В общем усиливается их решимость противостоять противнику, для чего они предпринимают ряд экстренных мер, стремятся наиболее рационально расставить имеющиеся силы. Определенный расчет они делают и на продолжение своих контактов с довольно значительным числом командиров вооруженных отрядов противника, на сильные разногласия, которые продолжают существовать в среде оппозиции, на несовместимость между собой некоторых ее ведущих политических группировок, в частности "Исламского общества Афганистана" (Раббани) и "Исламской партии Афганистана" (Хекматьяр). Вооруженные столкновения между отрядами этих и других оппозиционных группировок не только не прекращаются, но и принимают более широкие размеры. (...)

Афганские товарищи высказывают свое понимание решения о выводе советских войск и вновь его подтверждают, но вместе с тем, трезво оценивая ситуацию, отмечают, что полностью обойтись без нашей военной помощи им не удастся. Такая помощь, по их мнению, могла бы оказываться в других, по сравнению с нынешними, формах, в ограниченных размерах, но тем не менее явилась бы серьезной поддержкой в практическом и психологическом плане. Афганские товарищи считают, что если оппозиции не удастся с наскока захватить основные центры после вывода советских войск, то пешаварскому "альянсу семи" и тегеранскому "союзу восьми" придется вступить в переговоры с Кабулом о выработке будущего государственного устройства Афганистана, от чего они сейчас упорно отказываются. Самое важное, как подчеркивают афганские друзья, выстоять хотя бы первые три-четыре месяца после ухода советских войск, а затем ситуация может постепенно начать меняться в их пользу. Такое мнение подтверждается и некоторыми высказываниями, которые делались представителями оппозиции в ходе контактов с советскими представителями в Исламабаде. Из этих высказываний вытекало, что если правительство Наджибуллы устоит, то они пересмотрят свою нынешнюю позицию о непризнании его в качестве партнера по переговорам.

В данной ситуации для нас возникает ряд непростых моментов. С одной стороны, наш отход от принятых и объявленных решений о завершении вывода войск 15 февраля может вызвать для нас крайне нежелательные

осложнения в международном плане. С другой стороны, нет уверенности в том, что вскоре после нашего ухода не возникнет весьма серьезных угроз для режима, который во всем мире ассоциируется с нами. Тем более, что оппозиция как раз на данном решающем отрезке может на какое-то время скоординировать свои действия, к чему ее настойчиво подталкивают американцы и пакистанские военные круги. Определенные опасения возникают и в связи с тем, что в НДПА так и не создано подлинное единство, сохраняются разногласия по крыльевым, клановым и другим признакам. В рассуждениях некоторых афганских руководителей сквозит импульсивность, воспоминания о прошлых "несправедливостях". (...)

Серьезнейшим фактором является то, что нарушения Исламабадом Женевских соглашений приобрели не просто открытый, а демонстративный характер. Пакистанские пограничники принимают непосредственное участие в боевых действиях на афганской территории. Из Пакистана проводятся обстрелы близлежащих районов Афганистана, непрерывным потоком идет оружие, переправляются вооруженные банды. В Пешаваре и других городах по-прежнему беспрепятственно продолжают функционировать штаб-квартиры афганских оппозиционных партий, их учебные центры и базы. Все это делается по инерции, заданной еще при Зия уль-Хаке. Б.Бхутто вряд ли в состоянии в ближайшем будущем изменить это положение.

При всей этой сложности, однако, проблема выживания режима сводилась к проблеме снабжения продовольствием и топливом главных городов, особенно Кабула.

Совершенно четко просматривается план оппозиции организовать экономическую блокаду Кабула, перекрыть подвоз туда продовольствия и нефтепродуктов, вызвать недовольство и даже прямое выступление населения.

Значит, нужно заблаговременно сделать значительные запасы, что можно обеспечить только наземным путем. Единственная дорога из СССР в Кабул, трасса Хайратон—Кабул, становится жизненно важной.

По словам т.Наджибуллы, если функционирование дороги будет обеспечено примерно до мая, то сохранение режима может быть гарантировано. Обеспечить нормальное функционирование этой дороги без нашей помощи афганские друзья, очевидно, не смогут. Надо исходить из того, что нельзя допустить прекращения функционирования магистрали Хайратон—Кабул. При этом особое внимание надо будет уделить самому уязвимому участку магистрали, каким является перевал Салант с его более чем трехкилометровым тоннелем.

В связи с этим политбюро обсуждает возможные варианты, каждый из которых по-своему замечателен и весьма характерен для кремлевских "реформаторов":

<u>Первый вариант.</u> Сославшись на тяжелое положение, в котором оказалось гражданское население, оставить одну дивизию, т.е. примерно 12 тыс. человек на магистрали Хайратон—Кабул. Данный вариант вряд ли желателен, так как может привести к постановке вопроса в ООН о том, что мы не вывели полностью свои войска. Несмотря на то, что Пакистан не выполняет свои обязательства по Женевским соглашениям, можно предположить, что большинство стран в ООН нас не поддержит, поскольку вопрос о войсках для

многих находится в центре проблемы.

Второй вариант. Сославшись на угрозу голода в Кабуле и других городах, призвать ООН срочно обеспечить доставку продовольствия и нефтепродуктов в города и направить войска ООН для поддержания в действии магистрали. До прихода сил ООН оставить на этих позициях свои войсковые подразделения для осуществления сугубо гуманных функций — снабжения продовольствием и нефтепродуктами населения. Вместе с тем зафиксировать, что вывод советского войскового контингента состоялся. Заявить, что после подхода сил ООН наши подразделения немедленно вернутся в Советский Союз. (...)

Третий вариант. Вывести все войска, как это и запланировано, к 15 февраля, зафиксировать это в международном плане заявлениями правительств СССР и Республики Афганистан. Затем, по просьбе афганского правительства, с которой оно обратится к странам мира, начать проводку колонн с гражданскими грузами, с выделением для их охраны советских воинских частей. Проводка таких колонн могла бы начаться примерно через две недели после вывода советских войск. К этому времени создать широкое общественное мнение с осуждением действий оппозиции, которая обрекает на гибель от голода население афганских городов. На фоне такого общественного мнения проводка колонн с нашим участием выглядела бы как естественный гуманный шаг. Вместе с тем при этом варианте ряд участков дороги пришлось бы преодолевать каждый раз с боями.

Четвертый вариант. Вывести почти все советские войска к 15 февраля. Зафиксировать официально в соответствующем заявлении вывод советского воинского контингента. Но под предлогом передачи некоторых постов на магистрали Хайратон—Кабул афганской стороне оставить в некоторых наиболее важных пунктах, в том числе на перевале Салант, советские подразделения. По нашей инициативе не придавать этой акции широкого звучания, отметить лишь, что речь идет о небольшом количестве советских военнослужащих, которые несколько задержались в связи с тем, что афганская сторона еще не приняла от них указанных постов. Спустя некоторое время, как и в третьем варианте, начать проводку колонн в Кабул с нашим военным сопровождением.

При всех этих вариантах можно было бы исходить из того, что в операциях будут участвовать наши регулярные части, но формироваться они должны на добровольной основе, прежде всего из числа военнослужащих, которые проходят воинскую службу в Афганистане или уже отслужили свой срок и находятся в Советском Союзе. При этом установить для рядовых зарплату в размере 800-1000 рублей в месяц, причем частично в афганской валюте, значительно увеличить зарплату и офицерам.

Предоставить право международным наблюдателям — и широко объявить об этом — проверять, что мы действительно сопровождаем товары для населения. В ближайшее время следует провести переговоры со Специальным координатором программ ООН по оказанию гуманитарной и экономической помощи Афганистану Ага Ханом с целью использования этих программ и механизма Спецкоординатора для противодействия планам экстремистов по удушению Кабула и других крупных афганских городов экономической блока-

дой. (...)

Может быть рассмотрен и еще один, пятый, вариант — советские войска выводятся полностью к 15 февраля, а мы оказываем афганской стороне дополнительную помощь, в том числе финансовую, в организации охраны магистрали Хайратон—Кабул ее собственными силами, вплоть до взятия этих афганских подразделений на наше довольствие в течение определенного времени, хотя, безусловно, это будет связано с немалыми трудностями, особенно в обеспечении надежной проводки колонн. (...)

Параллельно со всеми этими мерами необходимо по-прежнему продолжать оказывать афганской стороне содействие в налаживании контактов с оппозицией, находящейся в Пакистане, Иране, в Западной Европе. Нам нужно внимательно следить за всеми оттенками настроений оппозиции, улавливать наиболее подходящие моменты для оказания на нее необходимого воздействия, внесения в нее раскола, отрыва "умеренных" от экстремистов. Сейчас важно, в частности, поддерживать миссию представителя Генерального секретаря ООН Б.Севана, который подключился к реализации идеи о создании консультативного совета по выработке будущих государственных структур Афганистана.

Одобрили, в основном, пятый вариант (и немножко от третьего), но ни в Кабуле, ни в других центрах голода не было.

И, конечно, мощная помощь военным оборудованием, вооружением, включая даже ракетное оружие, а также "использование советских летчиков на добровольной основе и с соответствующим материальным вознаграждением на самолетах афганской транспортной авиации или на советских транспортных самолетах, которые можно было бы передать в аренду афганской стороне". Только в 1989 году было поставлено военной техники на 2,5 млрд. рублей, да на следующий год — не менее 1,4 миллиарда, включая боевые самолеты и вертолеты. В итоге режим продержался до 1992 года и рухнул только после распада СССР.

А между тем, ровно в назначенный день, 15 февраля 1989 года, советские войска торжественно, в полном порядке, на виду у телевизионных камер всего мира, пересекли мост через Амударью, отделяющую СССР от Афганистана. Вот что значило "выводить войска" у советских вождей — не как американцы из Вьетнама.

5. "Бархатная революция"

Впечатляющие перемены 1989 года в коммунистическом мире до сих пор остаются загадкой, которую почему-то упорно никто не желает разгадывать. Казалось бы, на наших глазах произошло грандиозное, в чем-то невероятное событие: практически бескровно и даже без особой борьбы распался могучий советский блок в Восточной Европе. Однако ни одно западное правительство или международная организация — НАТО, Европарламент, ООН — не расследовали, как и почему это произошло. Во всяком случае, мне неизвестно ни одного публичного отчета о таком расследовании, а стало быть, если оно и проводилось, то в глубокой тайне. Нам, простым смертным, полагается тихо радоваться результату, не задаваясь сложными вопросами.

Между тем, официальная, или, точнее, "общепринятая" версия этих событий настолько нелогична, если не сказать смехотворна, что ее теперь стараются не повторять, хотя и не оспаривают. О ней просто предпочитают забыть, не предлагая взамен никаких иных объяснений. В самом деле, справочная литература (The Statesman's Year-Book. Ed. by Brian Hunter. 131st Edition, 1994-95. London, Macmillan, 1994) без тени иронии сообщает, что, например, в Чехословакии:

"*Массовые демонстрации с требованием политических реформ начались в ноябре 1989 года. После того, как власти применили силу для разгона демонстрации 17 ноября, коммунистический лидер ушел в отставку. 30 ноября Федеральное собрание лишило коммунистическую партию права единовластного правления, и 3 декабря было сформировано новое правительство*".

А вот что сообщается о ГДР:

"*Осенью 1989 года движение за политическую либерализацию и за воссоединение с ФРГ набрало силу. В октябре–ноябре были смещены Эрих Хонеккер и прочие надолго задержавшиеся у власти коммунистические лидеры. Берлинская стена пала 9 ноября*".

Или о Польше:

"*Вслед за серией забастовок и требований восстановления в правах "Солидарности" правительство в сентябре 1988 года ушло в отставку. После выборов в парламент в июне 1989 года коммунисты уже были не способны сформировать правительство, чтобы противостоять оппозиции "Солидарности", и член "Солидарности" Тадеуш Мазовецкий на заседании сейма 24 августа был избран премьер-министром. Полностью свободные выборы в парламент состоялись в октябре 1991 года*".

Даже о Румынии, где по сути ничего не изменилось, кроме того, что коммунист Илиеску сменил коммуниста Чаушеску, сказано:

"*Предпринятая властями 16 декабря 1989 года попытка выселить протестантского пастора Ласло Токеша из его дома в Тимишоаре вызвала общественный протест, который вылился в массовую антиправительственную демонстрацию. Несмотря на то, что против демонстрантов были использованы армия, восстание перекинулось на другие области страны. 21 декабря правительство собрало народ на официальный митинг в Бухаресте, который обернулся против правящего режима. Было объявлено чрезвычайное положение, однако армия примкнула к восставшим. Николае и Елена Чаушеску бежали из столицы. Национальный фронт спасения — группа диссидентов, развернувшая активность перед восстанием, — объявил себя временным правительством. Предложенное Советским Союзом вмешательство было отвергнуто*".

В общем, цепь случайностей и совпадений.

В то же время никто вроде бы не сомневается, что эти перемены произошли по решению Москвы и даже под определенным давлением из Кремля: Горбачев, как мы помним, даже стал лауреатом Нобелевской премии мира за проведение этой операции. Он, говорили нам тогда, распространил свою политику "гласности и перестройки" на "реакционные режимы" Восточной Европы. Однако остается без ответа вполне очевидный вопрос: коли это так, что же была тогда "бархатная

революция"? Спектакль? Заговор Кремля?

Действительно, там, где обстоятельства революции 1989 года расследовались, этот вывод неизбежен. Заметим, что из новых правительств Восточной Европы такое расследование проводили только чехи, но они установили, что все начальные этапы волнений, приведших к падению руководства Якеша, осуществлялись чешской госбезопасностью, а организовывались под руководством генерала Алоиза Лоренца — главы управления разведки ЧССР — по распоряжению начальника разведуправления КГБ генерала Виктора Грушко. Например, выяснилось, что и демонстрация 17 ноября, и ее крайне жестокое подавление, в результате которого якобы погиб студент, были частью их плана, а "погибший студент" оказался вполне живым сотрудником чехословацкой госбезопасности. Сделанный по материалам этого расследования документальный фильм демонстрировался в Англии по Би-Би-Си еще в 1990 году. В пятую годовщину этих событий генерал Лоренц появился на наших экранах и подтвердил все это, добавив, однако, что они со своей задачей не справились: в результате "революции" им полагалось поставить у власти либерального коммуниста, а не Гавела.

Более или менее к таким же выводам пришли журналисты, расследовавшие события 1989 года в ГДР. Например, в показанном Би-Би-Си документальном фильме "Падение стены" все бывшие лидеры ГДР подтверждают, что Горбачев практически открыто требовал снятия Хонеккера и поощрял заговорщиков. Конечно, они многого не договаривают, однако не трудно заключить, что первые демонстрации, требующие "либерализации", были организованы ими с санкции Москвы. Бесспорно хотя бы то, что по их распоряжению не применялась сила для подавления этих волнений.

Даже румынские события, хотя их никто не расследовал, а новое руководство, как мы видели выше, "отвергло советское вмешательство", тем не менее крайне подозрительны. Например, ключевые фигуры этой "революции" были опознаны как агенты Москвы еще задолго до этих событий сбежавшим на Запад в 1978 году главой румынской разведки генералом Пачепой. Назвать их "группой диссидентов" можно лишь с известной долей иронии.

Итак, не остается сомнения, что "бархатная революция" 1989 года была советской операцией. Зачем же понадобилось кремлевским режиссерам устраивать такое грандиозное и опасное шоу, если они могли просто сменить руководство любого своего сателлита на сколь угодно "либеральных" деятелей по своему усмотрению? Механизм таких "перемен" был отработан за 40 лет до совершенства и никогда не требовал устраивать народные волнения: все делалось тихо, келейно и без риска. Мы видели, как решали в Москве, кого назначить правителем Польши, и как легко это осуществлялось. В сущности, они даже не притворялись между собой: Москва, скажем, назначала Ярузельского, а он благодарил Брежнева за доверие. Так кого же в данном случае хотели обмануть спектаклем "революции"? Запад? Свои народы? И тех, и других?

Наконец, трудно поверить, что результаты этой операции вполне соответствовали замыслу наших режиссеров. Мы только что видели, с какой тщательностью разрабатывался вывод советских войск из Афганистана, где советские вожди готовы были на любой обман, лишь бы сохранить там режим, "который, — пишут они, — во всем мире ассоциируется с нами". Однако Восточная Европа не просто

"ассоциировалась" с ними, она была частью их самих. Невозможно поверить, чтобы Афганистан был для них важнее Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии и Болгарии вместе взятых, тем более что разрыв между выводом войск из Афганистана и "бархатной революцией" — всего несколько месяцев. В случае Польши, например, — всего два месяца: из Афганистана "ушли" в феврале, а "круглый стол" состоялся в апреле—мае.

Да что говорить о Восточной Европе или Афганистане, если Москва продолжала финансировать все компартии мира вплоть до 1990 года, несмотря на трудности с валютой. Спрашивается, неужто какая-то чилийская компартия была им важнее всего социалистического лагеря? А ведь речь шла не только о деньгах — коммунистических братьев по всему миру продолжали тренировать, снабжать оружием и "техническими средствами". Вот, например, в феврале 1990 года, уже после падения Берлинской стены, в ЦК планируют работу с ними:

1. Удовлетворить частично просьбы руководства коммунистических партий Аргентины (КПА) и Чили (КПЧ) и принять в СССР в 1990 году сроком до трех месяцев для обучения вопросам *обеспечения безопасности партии и ее лидеров, включая техническими средствами пять* представителей КПА и *четырех* — КПЧ.

2. Прием и обслуживание указанных товарищей возложить на Международный отдел и Управление делами ЦК КПСС, а их обучение, содействие в *документировании и специальной экипировке на Комитет государственной безопасности СССР.*

3. Расходы по проезду представителей КПА и КПЧ от страны пребывания до г. Москвы и обратно до места назначения, включая самолетами иностранных авиакомпаний, по их проживанию в СССР сроком до трех месяцев, *специальной экипировке* и другие расходы, связанные с выполнением просьб руководства этих партий, отнести за счет резерва в партбюджете.

Курьезная деталь: как раз в то время, как разрабатывается операция по "освобождению Восточной Европы", мой "подельник-побратим" Луис Корвалан, который, оказывается, с 1983 года жил нелегально в Чили "с измененной внешностью" и руководил подпольной борьбой чилийских коммунистов против режима Пиночета, обращается в ЦК с просьбой "легализовать" его. Прятаться более не имеет смысла: кровавый Пиночет провел выборы и ушел в отставку даже раньше, чем началась "перестройка" в СССР. Но — вот задача! — товарищ Корвалан так и застрял в подполье, а для легализации надо опять вернуться в СССР, заново изменить внешность, получить паспорт законным образом.

Руководство Коммунистической партии Чили (КПЧ) обратилось в ЦК КПСС с просьбой оказать содействие в поездке из СССР в одну из стран Западной Европы для получения чилийского паспорта с целью последующего легального возвращения на родину бывшему Генеральному секретарю КПЧ т.Луису Корвалану.

Тов. Л.Корвалан приедет в г. Москву в конце июля 1989 года на отдых и лечение в соответствии с имеющимся приглашением ЦК КПСС. Он выедет из Чили нелегально, с измененной внешностью...

Хватало же им времени и на такие детективные сюжеты: чего не сделаешь для мировой революции. Да ведь не одни чилийцы — и ливанские террористы, и

турецкие подпольщики, и "трудовой народ Кипра" не были брошены на произвол судьбы. Их тренировка, снабжение, финансирование продолжались, несмотря на все катаклизмы советской империи. Вот планируется принять в 1989-1990 гг. "на специальную военную подготовку Министерством обороны СССР" по 20 ливанских террористов в год. И это не исключение, а правило, причем деньги, которые шли на эти расходы, получали от Запада — на "спасение перестройки".

Слышу негодующие возгласы: да это же все были происки "консерваторов" и "реакционеров" в политбюро против "либералов" и "реформаторов"! Нет, дорогие мои. Я могу привести копии документов со всеми подписями: они подписаны, например, главным "зодчим перестройки" Александром Яковлевым, коего даже на Западе в консерваторы не зачисляли.

Более того: похоже, эти "спецуслуги" планировалось расширять по мере перестройки. Вот еще один документ (тоже подписанный Яковлевым), где об этом сказано достаточно ясно.

Руководство ряда братских партий несоцналистических стран ежегодно обращается в ЦК КПСС с просьбами о приеме на спецподготовку своих активистов. За последние десять лет было подготовлено свыше 500 зарубежных партработников для 40 коммунистических и рабочих партий (в том числе члены Политбюро и члены ЦК). В соответствии с поручением ЦК КПСС их прием и обслуживание осуществляют Международный отдел и Управление делами ЦК КПСС, а обучение — Комитет государственной безопасности СССР, — писали Фалин, Кручина и Крючков в апреле 1989 года. — **Спецподготовка зарубежных партработников, а также прием руководителей некоторых нелегальных партий, которые прибывают в СССР для переговоров или спецучебы, осуществляется на квартирах Управления делами ЦК КПСС. Использование квартир в этих целях требует их специального оборудования средствами защиты в интересах предотвращения возможной расконспирации и утечки информации, создания дополнительных соответствующих удобств для осуществления учебного процесса.**

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным принять дополнительные меры, направленные на совершенствование условий спецподготовки представителей братских партий. В частности, из имеющегося в распоряжении Управления делами ЦК КПСС жилого фонда предлагается выделить ряд квартир исключительно для проведения спецподготовки, оборудовав их необходимыми техническими средствами защиты, а также бытовой видеотехникой и радиоприемниками с широким диапазоном коротких волн.

КГБ СССР можно было бы поручить разработать и согласовать с Международным отделом ЦК КПСС комплекс мер по обеспечению безопасности и секретности мероприятий, проводимых на спецквартирах.

И ЦК постановляет выделить 12 таких "спецквартир" исключительно для проведения спецучебы и 5 — для приема руководителей нелегальных партий.

Так, значит, ни в 1989 году, ни даже в начале 1990-го советское руководство вовсе не собиралось отказываться ни от империи, ни от экспансии. Чего же тогда хотели они добиться "бархатной революцией"?

* * *

Конечно, их цели были иными: фиктивная "народная революция" должна была, по их замыслу, привести к власти в Восточной Европе новую генерацию манипуляторов, таких же, как они сами. Им нужен был спектакль повторения "пражской весны", фикция "социализма с человеческим лицом", возникшего якобы по воле народных масс. Им требовался энтузиазм и на Западе, и на Востоке, который позволил бы стабилизировать ситуацию дома и получить необходимую поддержку Запада. Но, если на Западе эта затея полностью удалась, на Востоке их ждал столь же полный провал. В результате, единственной страной, где их замыслы в общем осуществились, была Румыния. Во всех остальных странах их ставленники не смогли удержаться на волне народной стихии, отвергнувшей социализм с любым лицом.

Просчет кремлевских стратегов весьма симптоматичен: как и многие другие реформаторы-манипуляторы в истории, они переоценили силу своих структур и недооценили силу народной ненависти к своему режиму. Быть может, результат оказался бы совсем иным, проведи они эти "реформы" еще в 70-е годы. Между тем, к 80-м наступило вырождение даже элитарных структур партий: десятилетия "естественного" отбора привели наверх оппортунистов и конформистов, неспособных к импровизации, а в обществах не осталось и крупицы веры в способность режима к обновлению. В то время как на Западе манипуляции горбачевского руководства охотно принимали за чистую монету, на Востоке режим уже настолько дискредитировал себя, что в искренность намерений его лидеров к 1989 году перестала верить даже интеллигенция. А уж люди попроще после десятилетий постоянной лжи склонны были скорее к излишней подозрительности, почти паранойе.

Наконец, сама идея социализма изжила себя к 80-м годам. Особенно это было очевидно именно в Восточной Европе (Венгрии, Польше, Югославии), где за 20 лет перепробовали все возможные варианты реформ и убедились на практике, что система не реформируема. Имре Пожгай, лидер венгерских коммунистов, был, наверное, первым среди руководителей Восточной Европы, кто открыто признал это еще в мае 1989 года, добавив, что "ее нужно просто ликвидировать".

Я охотно допускаю, что многое из этих новых реальностей в Кремле недооценивали, полагаясь на свою изворотливость да на заученную пассивность населения, не имевшего никакого опыта политической борьбы. Более того, весьма вероятно, что скептиков, предупреждавших об опасности, там могли и не слушать, принимая их за "противников перестройки", а в основном аппарат рапортовал об энтузиазме народных масс. Однако не могли же они совсем не понимать, как опасна затеянная ими игра.

Допустим, они могли рассчитывать, что возвращение "пражской весны" в Прагу удовлетворит самые необузданные мечты чехов, а "гуляш-социализм" в Венгрии уже достаточно стабилен, чтобы перемены в руководстве этой страны не вызвали цепной реакции неконтролируемых перемен системы. Но ведь была же еще и ГДР с ее почти сталинским режимом. Была Польша, где режим держался еле-еле, практически — на штыках польской армии. Более того, в Москве никогда и не обольщались насчет успехов стабилизации в Польше, а истинное положение вещей знали в политбюро еще в 1984-м:

ГРОМЫКО. ...Выполняя поручение Политбюро, мы сказали Ярузельскому о

том, что особое беспокойство вызывает у нас незначительное продвижение вперед в деле усиления руководящей роли ПОРП в польском обществе. Ведь по сути дела костел уже превратился здесь в партию, стоящую на антигосударственных позициях. Мы обратили внимание Ярузельского на недостатки в подборе и расстановке кадров, в последовательном проведении в жизнь партийных решений. В ответах Ярузельского на наши замечания не чувствовалось, что он глубоко понимает роль партии в массах. В целом вопросы партийного строительства, если можно так сказать, не соответствуют его душе. Он больше заботится об усилении президентской власти в Польше.

В беседах с Ярузельским мы особо остановились на экономических вопросах, отметив, что центральное и среднее звено хозяйственного аппарата в ряде случаев тормозит развитие польско-советских экономических отношений и продолжает смотреть на Запад. Ярузельский признал, что это так, но сказал, что с данными явлениями ПОРП ведет настойчивую борьбу.

Оценивая положение в сельском хозяйстве, мы прямо сказали Ярузельскому о том, что происходит налицо фактически дальнейшее расслоение крестьянского населения Польши, что практически партии, если ситуация будет оставаться такой же, придется рано или поздно идти к социализму вместе с кулаком. Правда, Ярузельский заявил, что кулака в Польше нет, хотя, как известно, в стране имеется немало хозяйств, располагающих земельными угодьями до 100 гектаров, в которых активно используется наемный труд. Ярузельский сказал, что польское руководство "в очень узком кругу и очень секретно" обсуждало эту проблему, но не сказал, к каким же выводам пришли руководители Польши в данном вопросе. Так что налицо фактически линия на развитие частного хозяйства в деревне, на прямую или косвенную поддержку кулацкого хозяйства.

ТИХОНОВ. И после этого они просят у нас зерно.

ГРОМЫКО. Мы сказали Ярузельскому о том, что в Советском Союзе не может не возникнуть беспокойство в связи с тем, что ПОРП пока не ведет активную идеологическую работу и, в частности, слабо борется с костелом. Дело доходит до того, что перед папой римским на коленях ползают тысячи и тысячи людей. Однако беседа показала, что в этом отношении у польского руководства нет ни конструктивной программы, ни ясного понимания стоящих перед партией задач.

В целом наш вывод состоит в том, что Ярузельский сейчас не созрел для крутого поворота в политике. С ним надо много работать, надо постоянно оказывать на него наше влияние. (...)

УСТИНОВ. А.А.Громыко здесь подробно изложил основные моменты нашей беседы с Ярузельским. У меня складывается мнение, что он, конечно, не был с нами полностью чистосердечен. В целом наш разговор продолжался почти девять часов. Он показал, что нынешнее положение в Польше в целом Ярузельского устраивает. Он слабо связан с партийными организациями на местах и с рабочими коллективами, не понимает важности задачи укрепления первичных ячеек партии. Вот почему мы вынуждены были ему прямо сказать, что в Польше сейчас нет настоящей крепкой партии. Ведь известно, что из ПОРП за последние годы вышло более одного миллиона человек. Сейчас в

ней осталось около двух миллионов членов партии, причем значительная часть из них ведет себя довольно пассивно.

Мы много говорили с Ярузельским по проблемам отношений с молодежью. Особенно тревожно, что в польской армии сейчас уже служит около ста процентов, если можно так сказать, детей "Солидарности". Причем в военные учебные заведения они недобрали примерно 25 процентов контингента. Вот почему нам пришлось прямо сказать Ярузельскому о том, что они плохо работают с молодежью, с комсомолом (как известно, в Польше действует четыре молодежные организации). Он вынужден был признать отсутствие плодотворной работы с молодежью, особенно в вузах. В связи с этим я думаю, что нам надо гораздо более активно посылать в Польшу наш комсомольский актив, коммунистов. Причем тех наших товарищей, которые едут в Польшу, надо основательно готовить.

Пришлось указать Ярузельскому и на слабую работу партии в профсоюзном движении Польши. Как известно, до событий членами профсоюзов являлись более 12 миллионов рабочих и служащих. Сейчас в польских профсоюзах всего 4 миллиона членов. Причем профсоюзные организации работают чрезвычайно слабо.

ТИХОНОВ. Главный вопрос заключается в том, что нам делать по отношению к Польше, какие шаги надо предпринимать.

РУСАКОВ. По-моему, товарищи Устинов и Громыко подробно и правильно охарактеризовали здесь положение в Польше. Надо учитывать, что Польша, называясь социалистической страной, никогда не была социалистической в полном смысле этого слова. Что касается руководства ПОРП, то в кадровом плане мы в целом сделали правильный выбор. В данной ситуации фигура Ярузельского является единственно приемлемой фигурой для руководства этой страной.

Мне думается, что наши товарищи выдвинули перед польским руководителем все самые важные вопросы. С Ярузельским нужно работать и работать настойчиво. Предварительная беседа с польским руководителем двух самых авторитетных членов Политбюро ЦК КПСС является очень важным и очень нужным шагом в преддверии визита Ярузельского в Москву.

ГОРБАЧЕВ. Да, действительно, это был наш дальновидный шаг. Важно, что он осуществлен накануне визита Ярузельского в Москву. Поэтому, мне думается, что можно было бы одобрить итоги бесед, проведенных т.т.Устиновым и Громыко. Я внимательно ознакомился с записью этой беседы, которая составляет более 100 страниц. Из нее явствует, что Ярузельский несомненно хотел представить положение лучше, чем оно есть на самом деле. Мне кажется, что подлинные замыслы Ярузельского нам еще предстоит выяснить, предстоит разобраться, не хочет ли он иметь в Польше плюралистическую систему правления. В то же время ясно, что положение в ПОРП имеет тенденцию к обострению и прежде всего к обострению отношений государственной власти с рабочим классом. Это же факт, что недавно на одной из верфей Гданьска вышло из состава ПОРП более 1200 человек. Значит, польское руководство плохо работает с партийными организациями на местах, формально к ним относится. Вот почему нет сомнения, что на нашу делегацию, которая будет

беседовать с Ярузельским в мае этого года, ляжет большая и сложная задача. В ходе этой беседы нам надо активно проводить в жизнь линию, которая была намечена Политбюро ЦК КПСС.

ЧЕБРИКОВ. Мне кажется, что это были очень важные и полезные переговоры. По имеющимся у нас данным, польская контрреволюция сейчас намеревается действовать в двух направлениях: во-первых, она активно ведет подготовку к организации беспорядков в майские дни. Во-вторых, готовится объявить бойкот выборам в местные государственные органы, которые будут проходить в середине этого года. Указанные моменты нам надо постоянно иметь в виду.

ЧЕРНЕНКО. ...Нас действительно не могут не волновать события в Польше. Они выходят далеко за национальные рамки и затрагивают судьбы всего социалистического содружества, имеют самое непосредственное отношение к нашей безопасности.

Нас тревожит и то, что, несмотря на известные позитивные сдвиги в политической обстановке, контрреволюционные силы продолжают действовать, что костел ведет наступление, вдохновляя и объединяя как врагов социализма, так и недовольных нынешним строем. Тревожит нас, конечно, и тяжелое положение в польской экономике, растущие негативные настроения в рабочем классе, продолжающееся укрепление позиций частника. Но главное — у нас вызывает серьезную озабоченность положение в самой партии. ПОРП все еще ни идейно, ни организационно не восстановила единство своих рядов на принципиальной марксистско-ленинской основе. Она не оказывает в полной мере необходимого воздействия на основные процессы в жизни государства и общества. Словом, как признает сам Ярузельский, не выполняет своей руководящей роли.

Польские товарищи говорят нам, что те или иные недостатки в области экономики и партийной работы, уступки костелу и частнику являются всего лишь тактикой, а стратегической линией по-прежнему остается линия на укрепление позиций социализма. Но как бы не получилось так, что сдача отдельных позиций по тактическим соображениям не обернулась неспособностью претворить в жизнь стратегические замыслы.

Все это было сказано на встрече с Ярузельским. Мы, конечно, ему доверяем. Поддерживаем его. Но нам надо продолжать и воздействовать на него, помогать находить наиболее правильные решения, направленные на упрочение социализма на польской земле.

...И еще. Нам надо тщательно подготовиться к предстоящей встрече в Москве. Не надо жалеть сил для того, чтобы помочь сдвинуть дело, способствовать активизации работы польского руководства, коммунистов Польши во всех областях жизни общества. Это тоже наш интернациональный долг.

Нужно ли объяснять, что за последующие пять лет ситуация в Польше только ухудшилась, чего не могли не знать в Москве. Конечно, подустала и оппозиция, а постоянная нестабильность и экономические трудности должны были сильно утомить и все общество. Однако, вряд ли можно было рассчитывать, что соглашения "круглого стола" с остатками "Солидарности", оставлявшие в руках режима, грубо говоря, две трети власти, способны надолго стабилизировать положение. Да

и в остальных странах Восточной Европы — в Чехословакии, Венгрии и особенно в ГДР — радость по поводу нежданного прихода "пражской весны" быстро сменилась бы желанием испытать пределы новой свободы. Словом, даже в случае фантастического успеха своих планов Москва должна была предвидеть всю неустойчивость создаваемых ими новых режимов Восточной Европы. Прежде всего — хотя бы уже в силу их открытости влиянию Запада, неизбежно усиливавшемуся при устранении "железного занавеса".

В самом деле, представим себе, что операция вполне удалась и либерально-коммунистическая власть утвердилась в Восточной Европе. Что значит — утвердилась? Существуют рядышком две Германии — социалистическая и капиталистическая, не разделенные более стенкой. Чехи и венгры продолжают "реформировать" свой социализм, а в Польше остатки коммунистов и остатки активистов "Солидарности" в соотношении 2:1 пытаются управлять развалившейся экономикой страны. Эта идиллия невероятна уже хотя бы потому, что не оставляет места для контроля Москвы: через год-два, когда первые восторги утихнут, экономический кризис бывших соцстран заставит их все более втягиваться в орбиту Запада. Что может помешать им, отчаявшись в успехе "реформ", пойти дальше, а в случае суровых возражений Москвы — попроситься в НАТО?

Наконец, проблема ГДР при отсутствии стены становилась неразрешима до тех пор, пока ФРГ оставалась членом НАТО: никто не мог помешать или всему населению ГДР убежать в ФРГ или — как оно и произошло — воссоединиться с ФРГ *на западных условиях*. А в том или другом случае — что бы стало с Польшей? Неужто кто-то мог всерьез рассчитывать на сохранение "социализма" в Польше, тем более на сохранение противоестественной коалиции коммунистов с "Солидарностью", если бы ГДР исчезла? Да и остальные соцстраны — разве не посыпались бы, как домино?

Словом, как бы низко мы ни оценивали умственные способности кремлевских стратегов, такого плана они принять не могли. В нем должен быть еще какой-то элемент, позволявший хотя бы надеяться на стабилизацию новых режимов. Элемент, которого мы не знаем, о котором можем лишь догадываться...

6. "Германский вопрос"

К сожалению, никаких документов об этих решениях у меня нет, да очень может быть, что их нет и в природе. Как мы уже имели случай убедиться на примере подготовки вторжения в Афганистан, самые деликатные решения в Кремле не документировались — в лучшем случае, лежит где-нибудь в архиве бумажка с загадочным постановлением политбюро: "Одобрить предложения т.т. ... Поручить т.т. ... информировать ЦК о проведении этих мероприятий". И гадай, какие такие мероприятия богатого событиями 1989 года имеются в виду?

Все, что мы можем сделать, — это попытаться домыслить детали их плана, опираясь на косвенные данные. Так, мы знаем, что разделенная Германия была неприемлема уже Сталину, пытавшемуся в 1947-1948 гг. "воссоединить" ее на основе блока восточных коммунистов (переименовавших себя ради этого в Социалистическую единую партию Германии) с западными социал-демократами. По замыслу вождя и учителя, единой Германии полагалось стать нейтральной, деми-

литаризованной и... социалистической, что открывало путь к мирному захвату Западной Европы при помощи аналогичной операции — "союза" коммунистов и социалистов (об этом, в частности, рассказано в англо-американском документальном фильме "Вестники Москвы", показанном по Би-Би-Си в феврале 1995 года).

Проект, однако, провалился, не в последнюю очередь благодаря "плану Маршалла": массированная американская помощь, разряжая социальную напряженность, выбила из-под ног левых сил почву и помогла Европе сделать "капиталистический выбор" вместо "социалистического". ГДР да и остальные страны "соцлагеря" возникли не от хорошей жизни: "железный занавес" был своего рода признанием Сталина в понесенном поражении. Последующие правители СССР — каждый по-своему — пытались от этой проблемы избавиться. "Воссоединить" Германию пытался и Берия (см. книгу Судоплатова), и даже Хрущев (для чего ему, однако, нужно было сперва добиться признания ГДР Западом). Но планы Берия кончились восстанием в ГДР 1953 года, а планы Хрущева — строительством стены.

К тому же, в сущности, сводилась германская политика СССР и при Брежневе, когда пытались добиться тех же целей путем "детанта", т.е. опять же — союза с социал-демократами. Как и при Хрущеве, начали с признания ГДР Западом, Хельсинских соглашений, узаконивавших советские завоевания и открывавших путь к дальнейшему "мирному" захвату Европы. А кончили опять "холодной войной".

Как я уже писал, стремление сделать Европу "социалистической", поставить на службу дела социализма ее промышленный потенциал было главным направлением советской внешней политики еще со времен Ленина: от этого зависело и выживание СССР, и успех всего социалистического эксперимента. А ключом к решению этой проблемы всегда была Германия. Особенно это стало актуально в послевоенное время: "воссоединение" Германии на советских условиях — нейтральности, демилитаризации и т.п. — означало конец НАТО, уход американцев из Европы и почти полное господство СССР от Тихого океана до Атлантического. С моей точки зрения, нет ничего удивительного или даже оригинального в том, что к этим же планам обратились в момент нарастающего кризиса 80-х. Разрабатывавшийся с конца 70-х план поворота к "детанту" уже сам по себе не мог не поставить вопрос воссоединения Германии во главу всего проекта. В чем же и была суть "детанта", как не в идее "конвергенции" на базе "союза" левых сил Европы? И как же эту "конвергенцию" осуществлять, если не устранить "железный занавес", прежде всего — Берлинскую стену? Ну, а то, что *две* Германии не могут существовать без стенки, выяснилось еще при Хрущеве.

С другой стороны, "воссоединение" Германии на советских условиях, последующий развал НАТО и дальнейшая интеграция Европы на принципах социализма и были тем самым "отсутствующим элементом плана", без которого невозможно было стабилизировать новые режимы Восточной Европы, а вся затея с "бархатной революцией" оказалась бы самоубийственной для СССР. Удержать эти режимы под контролем можно было лишь в контексте общеевропейской "конвергенции", не оставлявшей им никакой четкой альтернативы. Даже мятежная Польша никуда бы не делась, имея с одной стороны СССР, с другой — объединенную социалистическую Германию, а вдобавок сильно полевевшую Европу, стремя-

щуюся к интеграции под руководством просоциалистической еврократии.

Конечно, это всего лишь моя догадка, но догадка, основанная на многих косвенных данных. Так, легко заметить, что к 1989 году произведены были дальнейшие кадровые перестановки в советском руководстве, приведшие наверх еще больше специалистов по внешним делам: например, главой международного отдела ЦК стал Фалин, бывший посол в ФРГ, специалист по Германии; главой всего КГБ стал Крючков, бывший начальник Первого Главного управления (разведки); куратором всей международной политики в ЦК стал Александр Яковлев, а целый ряд членов политбюро и секретарей ЦК — уволены в отставку. Похоже, что команда, разрабатывавшая "новое мышление" еще с конца 70-х, вышла, наконец, на поверхность и заняла ключевые посты.

Далее, с конца 1988-го и особенно в 1989 году постоянной темой выступлений Горбачева стало создание "общеевропейского дома". В то же время произошло и довольно резкое изменение отношения СССР к процессу интеграции Европы: если в 70-х и первой половине 80-х СССР относился к этим процессам весьма подозрительно, а то и крайне враждебно, то к 1989 году это отношение полностью изменилось. Вплоть до 1984 года тогдашний глава разведуправления КГБ Крючков давал своим резидентам в Европе инструкции усиливать проникновение во все структуры Европейского сообщества и противодействовать его дальнейшей интеграции, потому что:

Очевидно, что прогресс интеграции Западной Европы, в особенности в военно-политической сфере, противоречит интересам Советского Союза.

Однако со второй половины 80-х, по мере дальнейшей интеграции, как политическое направление самого Европейского Сообщества, так и отношение к нему СССР начинает меняться: чем больше социалисты и социал-демократы господствуют в структурах ЕС, тем более благосклонно смотрит на всю затею Москва. А к 1989 году создание "общеевропейского дома" становится их общим кличем, хотя, разумеется, ни те, ни другие не говорят открыто, что этому "дому" предстоит быть социалистическим.

Наконец, само по себе падение Берлинской стены и последовавшее за ним воссоединение Германии не было неожиданностью для Москвы и вовсе не подразумевало катастрофы для их "друзей" в ГДР. Создается впечатление, что до определенного момента, по крайней мере до весны—лета 1990 года, все как будто шло "по плану" и никто из них даже не предполагал краха. Паника, судя по тем немногим документам, что удалось увидеть, началась только в марте, в преддверье и после выборов в ГДР, на которых "обновленные" и переименовавшие себя в Партию демократического социализма коммунисты понесли сокрушительное поражение.

Во время пребывания в служебной командировке в ФРГ с 7 по 12 марта с.г. встретился с Председателем ПДС т.Г.Гизи, который конфиденциально просил передать руководству КПСС следующее, — докладывает заму Горбачева по партии В.А.Ивашко сотрудник международного отдела ЦК П.Португалов 13 марта 1990 года. — **Федеральное правительство в ближайшее время собирается внести в бундестаг законопроект о конфискации у ПДС и передаче в собственность государства архива бывшей СЕПГ. В ожидании решения бундестага, который, безусловно, одобрит упомянутый законопроект, на архив уже наложен арест.**

Архив содержит большое количество секретных документов, опубликование которых привело бы к крайне нежелательным последствиям не только для ПДС, но и для КПСС. Речь идет, в частности, о подробных протокольных записях практически всех встреч и бесед руководителей СЕПГ с руководителями коммунистических и рабочих партий, начиная с КПСС; документах, связанных с деятельностью нелегальных компартий, которым СЕПГ оказывала (по согласованию с нами) материальную поддержку, об отчетности по финансовой помощи СЕПГ прогрессивным организациям в ФРГ до объединения Германии и т.д.

По словам Гизи, обнародование документов из архива было бы "настоящей катастрофой". Председатель ПДС настоятельно просит советское руководство, "пока еще есть время", оказать влияние на канцлера Коля, добиваясь от него либо снятия ареста с архива СЕПГ, т.е. возвращения его законному владельцу — ПДС, либо если канцлер не сочтет это возможным — уничтожения архива.

Гизи этот вопрос ставит повторно: в начале этого года по личному указанию М.С.Горбачева совпосольство в ФРГ доверительно обращалось в ведомство федерального канцлера, но безрезультатно. Гизи полагает, что единственный путь к решению — включение этой темы в ближайший телефонный разговор на высшем уровне между Москвой и Бонном. (Быть может, имело бы смысл затронуть этот вопрос и в ходе предстоящего 18 марта с.г. приезда в Москву министра иностранных дел ФРГ Х.-Д.Геншера в ходе его беседы с М.С.Горбачевым).

Невозможно поверить, что, если бы произошедшие в ГДР события целиком соответствовали замыслам, Москва не позаботилась бы убрать оттуда заранее хотя бы компрометирующие ее материалы. А ведь под угрозой оказались не только секретные документы, дискредитирующие советских руководителей, но и люди, наиболее верно им служившие, которым тоже было что рассказать.

В начале марта с.г. (международный) Отдел посетил бывший начальник разведслужбы ГДР (бывшего Первого Главного управления МГБ ГДР) т.Маркус Вольф. В беседе с т.Фалиным Вольф сообщил, что "над его головой сгущаются тучи": германское руководство под давлением правого крыла правящей коалиции не оставляет своего намерения возбудить против него уголовное дело. Это противоправно, поскольку, признав в 1973 г. суверенитет бывшей ГДР, руководство ФРГ тем самым признало за ней и все государственные функции, включая, разумеется, и разведывательную деятельность. Поэтому кадровые сотрудники бывшей разведслужбы ГДР не подлежат судебному преследованию, если они не совершили уголовных преступлений, что в случае с Вольфом бесспорно. Какие бы обвинения ни выдвигались в адрес бывшего МГБ ГДР, на кадровый состав разведслужбы, действовавшей в его рамках, они распространяться не могут. (...)

Понимая шаткость своих правовых позиций, германское руководство готовит на территории земли Бавария, где у власти находится реакционная партия ХСС, "показательный процесс", в ходе которого перед судом предстанут несколько раскрытых агентов разведки с группой бывших офицеров и генералов ПГУ МГБ ГДР, непосредственно руководивших их работой. Расчет прост — баварский суд (...) вынесет обвинительный приговор не только агентам, но

и офицерам МГБ ГДР за "соучастие в шпионаже". Федеральное правительство делает все от него зависящее, чтобы провести этот процесс возможно скорей, ибо у немецкой общественности ширятся настроения в пользу генеральной амнистии бывших кадровых сотрудников ПГУ МГБ ГДР.

В настоящее время М.Вольф находится в Москве и занимается литературной деятельностью. Возвращаться в Германию он не может — там его немедленно арестуют. Вольф просит советское руководство повлиять на канцлера ФРГ Коля, тем более, что даже в непосредственном окружении последнего есть люди, высказывающиеся в пользу амнистии (например — министр внутренних дел Шойбле).

Вольф и возглавлявшаяся им служба в течении десятилетий оказала неоценимые услуги Советскому Союзу. Следует учесть и то, что Вольф с самого начала поддержал курс на перестройку в Советском Союзе и в 1986 г. вышел в отставку из-за разногласий с Хонеккером по этому вопросу.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным помочь одному из самых верных наших друзей, включив и эту тему в ближайший телефонный разговор между М.С.Горбачевым и Г.Колем.

Забеспокоились и старые "друзья" в ФРГ — социал-демократы. Наш старинный знакомец Эгон Бар о чем-то озабоченно толковал с Яковлевым уже в апреле 1990-го. О чем — неизвестно, но после доклада об этой беседе Горбачев распорядился:

Т.т.Шеварднадзе Э.А., Язову Д.Т., Фалину В.И. Прошу учесть при выработке нашей позиции, — и ниже дописано: — **Материалы были использованы для подготовки беседы тов. Горбачева М.С. с премьер-министром ГДР Л. де Мезьером 29 апреля 1990 года.**

Однако только в октябре 1990 года политбюро наконец принимает постановление "О мерах в связи с преследованиями Партии демократического социализма (ГДР)", которое можно расценить как признание поражения. Оно предписывает:

1. ...организовать систематические публикации в партийной печати и других средствах массовой информации материалов по фактам преследований и травли бывших членов СЕПГ, увольнений их с работы по политическим признакам, квалифицируя такие шаги как нарушение принципов демократии, прав человека.

Особое внимание уделять случаям возбуждения уголовных преследований лиц, находившихся на государственной службе в ГДР или партийной работе, по обвинению их в "национальной измене" или подрывной деятельности против ФРГ, в особенности по мотивам сотрудничества с СССР.

2. В материалах, освещающих ход процесса германского объединения, уделять должное внимание деятельности ПДС. Реагировать на попытки ущемить конституционные права партии, лишить ее законной собственности.

Международному отделу ЦК КПСС наладить получение от ПДС регулярной информации о фактах преследования членов партии, а также материалов, вскрывающих антисоциалистический характер мер, осуществляемых западногерманской стороной в ходе объединения.

3. Постоянно держать в поле зрения и оперативно откликаться на попытки нагнетать обстановку вокруг Западной группы войск (ЗГВ), сеять недруже-

любное отношение к советским людям.

4. Предусмотреть возможность эвакуации в Советский Союз лиц, тесно сотрудничавших с советскими организациями и ныне ставших объектами травли и преследований со стороны Бонна. Прежде всего речь могла бы идти о работниках партии, органов госбезопасности и Национальной народной армии ГДР, деятелях науки и культуры, квалифицированных организаторах производства, потерявших из-за политического притеснения работу в объединенной Германии. Принять необходимые меры по их трудоустройству и материальному обеспечению.

Не возникает сомнения, что вплоть до октября 1990-го, то есть до самого дня объединения Германии, в Москве все еще надеялись добиться этого объединения на своих условиях. Но с самого начала все пошло не совсем так, как планировали: из-за чистого недоразумения стену между Востоком и Западом открыли на день раньше, чем предполагалось, отчего потеряли контроль за миграцией населения ("Роковая ошибка" – передача Би-Би-Си 6 ноября 1994). Миллионы людей ринулись в эту дырку, раз и навсегда похоронив миф о ГДР как отдельном государстве.

Затем, вопреки ожиданиям, выборы в ГДР 18 марта были полной катастрофой для ПДС, что предопределило исход переговоров о статусе объединенной Германии между союзниками по Второй Мировой войне и двумя Германиями ("4+2"), так же, как и заключение договора 18 мая о валютном объединении обеих Германий. Наконец, именно благодаря этим выборам возникшее христианско-демократическое большинство в парламенте ГДР (Народной палате) 23 августа просто проголосовало за воссоединение восточных земель с ФРГ на основе еще довоенного закона, и все было кончено. У Москвы не оказалось ни малейшей возможности диктовать свои условия объединения, хотя до самого последнего момента Горбачев пытался удержать ГДР в Варшавском блоке. Даже летом 1990-го он все еще настаивал на сохранении армии ГДР в составе Варшавского договора, что было уже просто смешно.

Конечно же, предполагалось нечто совсем иное: и разрушение стены должно было стать их триумфом, а не случайностью; и миграция населения через границу должна была строго контролироваться, существенно уменьшая политическое проникновение Запада; и тем более выборы 18 марта должны были выиграть их "обновленные" ставленники из ПДС. Вот тогда Москва продиктовала бы свои условия объединения, мало чем отличавшиеся и от сталинских, и от бериевских, и от хрущевских: нейтрализм, демилитаризация, социализм. Вряд ли западные немцы отвергли бы любые условия достижения своей мечты – объединения с восточными братьями, тем более, что социал-демократы вполне готовы были эти условия поддержать и даже вести избирательную кампанию на их основе.

А получивши "нейтральную" Германию, развалив НАТО и отправив домой американцев, нетрудно было бы удержать и остальные страны Восточной Европы "в рамках социализма". Свершилась бы, наконец, та самая "конвергенция", о которой так долго мечтали западноевропейские меньшевики. Скажете, я преувеличиваю? Ни капли. Ведь даже в 1991 году, за несколько месяцев до краха, продолжались международные усилия партий Социнтерна по спасению КПСС, дискредитации Ельцина, поддержке Горбачева.

В свою очередь процессы преобразований в государствах Восточной и Центральной Европы проходят под знаком демонтажа социализма, нарастания элементов "дикого капитализма", снижения уровня социальной защищенности трудящихся. Это вызывает обеспокоенность у ведущих европейских партий, входящих в Социалистический Интернационал. Ими ведется поиск способов противодействия нежелательным тенденциям в общественном развитии. В этой связи Итальянская социалистическая партия (ИСП), Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП), Социалистическая партия Австрии (СПА) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) высказались за создание общеевропейского центра по изучению проблем отношений между социалистами и коммунистами, – докладывал в ЦК международный отдел 7 июня 1991 года.

Наиболее активно за обсуждение возникших проблем высказывается Французская социалистическая партия (ФСП), что объясняется прежде всего ее положением правящей партии и позицией руководства, которое, по-видимому, встревожено проблемой выживания социалистической идеи в условиях ее кризиса в Восточной Европе.

Так, представители ФСП в последнее время неоднократно высказывались за то, чтобы обсудить в европейском левом движении новую концепцию действий социалистических и социал-демократических партий в условиях изменяющейся Европы. При этом П.Моруа неоднократно выражал свою готовность приехать в СССР и обсудить этот круг вопросов с руководством КПСС.

Стоит ли удивляться, что президент Миттеран, очевидно, так сильно "встревожился проблемой выживания социалистической идеи", что был готов поддержать даже путчистов в августе 91-го?

В целом среди европейских левых растет понимание необходимости поиска ответов на вопросы, поставленные изменившейся политической обстановкой в Европе, в том числе и в отношении противодействия политическим силам, активно продвигающим идеи "неолиберализма" и уже создающим свои организации и политические структуры в Восточной Европе.

Мне ничего неизвестно о силах "неолиберализма" вообще, а тем более об их попытках создать свои политические структуры на Востоке. Зато "силы социализма" занялись этим еще до падения Берлинской стены, в частности в Польше, где благодаря их усилиям активисты "Солидарности" продолжали слепо следовать дурацким соглашениям "круглого стола" вплоть до крушения коммунизма в СССР. Да и в других странах Восточной Европы их влияние было немалым: говорят, Вацлав Гавел получил тысячи писем и петиций от западноевропейских благожелателей, уговаривавших его "сохранить завоевания социализма" в Чехословакии.

Даже сама тема, выдвинутая ими для срочной разработки, звучит весьма убедительно: "Европейское сообщество и Восточная Европа после объединения Германии: вызов левым".

Активизация процессов обсуждения этой проблемы и ее теоретическая и практическая разработка, в том числе с участием европейских социалистических и социал-демократических партий, поиск совместных подходов к развитию социалистической идеи в новых условиях, на наш взгляд, способствовала бы укреплению международных связей КПСС и ее позиций как ведущей силы

в формировании новых подходов в международном рабочем движении к проблемам развития социалистической идеи.

В этой связи желательно привлечь внимание международных политических кругов и общественности к неконструктивной позиции Венгрии, Польши и Чехословакии (к которым, возможно, присоединится и Болгария) по вопросу о новых договорах этих стран с Советским Союзом. Важно показать, что возражения наших бывших союзников против обязательств о неучастии "в каких-либо союзах, направленных друг против друга", и тот факт, что эта линия проводится в тесном контакте с западным блоком, привносят качественно новые элементы не только в региональную, но и общеевропейскую ситуацию в целом, не учитывают итогов Парижской конференции СБСЕ, чреваты нарушением баланса интересов, открывшего перспективу строительства мирной Европы.

Как видим, идея о том, что Западная Европа может заставить Восточную оставаться в советском блоке, — не моя выдумка. И если этим планам не суждено было осуществиться, то лишь благодаря миллионам людей на Востоке, отвергнувшим социалистические мечты.

7. "Приватизация" власти

Наконец, косвенным подтверждением наличия такого плана "выживания социалистической идеи" служат уже упоминавшиеся в начале книги настойчивые усилия политбюро перевести свою помощь компартиям "в каналы торговых отношений с контролируемыми братскими партиями фирмами". Как мы помним, первые попытки провести этот план начались еще в 87-м году, а в 88-м и 89-м заметно усилились: в предполагавшемся "общеевропейском <социалистическом> доме" требовались иные формы деятельности компартий и взаимодействия Москвы с ними. Конфронтация и "классовая борьба" должны были смениться "сотрудничеством" левых сил, и будущие хозяева "дома" спешили укрепить положение своих подручных.

Начиная с 1988 года аналогичные процессы "коммунистической приватизации" внедряются и в СССР. С одной стороны, структуры КГБ и международного отдела ЦК создают множество якобы коммерческих "совместных предприятий" со своими западными "друзьями"; с другой — под прикрытием нового закона о кооперативах партийно-хозяйственная номенклатура начинает прибирать к рукам государственную собственность, еще больше сливаясь с "теневой экономикой". К середине 1990 года процесс становится массовым, почти всеобщим по стране и служит, в основном, цели "отмывания денег" (как партийных, так и краденых у государства) и их перекачке в западные финансовые учреждения. Евгений Новиков пишет:

"В августе 1990 г. аппарат ЦК составил сверхсекретный документ под названием "Записка" (...), в котором предлагалось широкомасштабное вступление партийной элиты в международный финансовый рынок. "Записка" была представлена заместителю генерального секретаря Ивашко, который, приняв предложение, изложенное в записке, отреагировал на это так:

"Всем партийным кадрам, которым доверяется подобная коммерческая деятельность, требуется поставить перед собой задачу изучить коммерческое дело. Они должны действовать скрыто и негласно, чтобы исключить всякую связь между этой деятельностью и ЦК".

В начале сентября 1990 года секретариат ЦК принял секретное решение, рекомендовавшее с целью сохранения необходимой партийной структуры быстрое проникновение элиты на международные финансовые рынки... В конце 1990 года ЦК начал создавать коммерческие банки для отмывания партийных денег. Три из них образовались в Москве (...) За ЦК последовала местная партийная элита, прибирая к рукам банки и используя их для финансирования коммерческих предприятий. Вдобавок ЦК и региональные партийные организации создали несколько сотен акционерных обществ".

К концу 1990 года "приватизировалась" даже газета "Правда" вместе со своим издательским комплексом и полиграфической базой, при полном одобрении Горбачева.

По оценкам Новикова, стоимость примерно 60 партийных "предприятий" составляла 1,3 млрд. рублей, а стоимость всей "партийной собственности", согласно докладу управделами ЦК Н.Кручины на XXVIII съезде КПСС, была 4,9 млрд. рублей (7,8 млрд. долларов по тогдашнему курсу).

"Началась погоня за арендой, за передачей и продажей собственности огромному числу всяческих организаций и коммерческих предприятий, при этом капитал экспортировался туда, откуда элита могла бы в течение многих лет черпать его для удовлетворения своих расточительных замашек".

Важно, однако, понять, что это массовое ограбление страны, под конец производившее впечатление бегства крыс с тонущего корабля, изначально не планировалось как таковое. Уходить со сцены они отнюдь не собирались: напротив, идея "перестройки" состояла в том, чтобы укрепить свою власть, "спасти социализм". Но, будучи марксистами, они и спасались по-марксистски: ключевая идея "перестройки" исходила из известного положения Маркса о трех формах отношений "правящего класса" с собственностью — *владение, пользование, распоряжение*. И если в течение последних 60-ти лет своего правления, практически с конца ленинского нэпа, партия держала в своих руках все три формы собственности на средства производства, "перестройка" была как бы возвратом к нэпу. Партия предлагала сохранить в своих руках *владение*, отдавая *распоряжение* собственностью в аренду желающим и обеспечивая таким образом совместное с производителем *пользование* всеми средствами производства страны. И, хотя западная пресса объявляла о "введении в СССР рыночной экономики" раз десять при Горбачеве (и раз пятнадцать после него), в реальности ни о каком "капитализме" и речи не шло (да и сейчас не идет). Горбачевские "реформы" в экономике никогда не пошли дальше поощрения кооперативов, семейных и бригадных подрядов, под конец — даже акционерных обществ, при одновременном уменьшении роли партии в *распоряжении* собственностью за счет снижения роли Госплана, центральных министерств и общего партийного контроля за производством на местах. В 1989 году с отчаяния заговорили об "индивидуальной трудовой деятель-

ности" (кустарном промысле), но о легализации *частной собственности* и не помышляли. Любимым лозунгом Горбачева, вплоть до его отставки, было: "придать социализму второе дыхание".

Стоит ли удивляться, что вся эта переустройка не вызвала ни малейшего энтузиазма у рядового работяги? Сколько бы ни мудрили ученые господа, а он-то знал, что пока дело не его — толку не будет. Совместное с партией "пользование средствами производства" его явно не устраивало: и "партнерство" получалось слишком неравное, и репутация у "партнера" слишком скверная. Зато "теневая экономика", уже и так сильно спаявшаяся с партийными структурами, бурно расцвела в этих новых формах. Возникавшие кооперативы были в основном "посредническими", т.е. "перераспределявшими" социалистический продукт на частный рынок. В результате коррупция превратилась в норму, дефицит товаров стал еще больше, очереди к пустым прилавкам — еще длиннее, а тенденция партии к раздроблению и образованию региональных мафий только усилилась. Этому же способствовали попытки децентрализации управления хозяйством, поощрявшие рост экономической автономии: вместо улучшения возникал управленческий хаос, а местная власть, спекулируя на извечных националистических настроениях своих республик, стремилась обрести бльшую политическую независимость.

Но, если эти "реформы" оказались явно недостаточно радикальны для оживления экономики, они были слишком радикальны для политической системы. Даже ленинский НЭП сильно подорвал партию, вызвав массовый выход из нее, а уж 60 лет спустя и партия стала другой (гораздо менее идейной и более бюрократической), в то время как доверия к ней у населения не осталось совсем. К тому же за эти десятилетия вырос гигантский аппарат управления, вовсе не желавший расставаться со своей функцией "распоряжения", а подавляющее число предприятий в стране было фактически убыточным, жившим за счет дотаций и субсидий из центра. Их уже нельзя было "перестроить", оставалось только закрыть, выбросив на улицу десятки миллионов рабочих. И, как ни мудрила партия, как ни крутилась, а уйти от этих проблем, свалив их на чьи-то плечи и оставив себе лишь "контрольный пакет" владельцев, им не удавалось.

Для решения этой проблемы приступили весной 1989 года к последней фазе "реформ": к "советизации", то есть к переносу центра власти в советы. На бумаге опять все выглядело разумно и вполне по-марксистски: коли "правящий класс" решил поделиться правом собственности на средства производства с другими, он должен делить с ними и власть. Проще говоря, нельзя было рассчитывать на стабилизацию положения, не расширив социальную базу власти. Да и звучало все это очень по-ленински, возрождая лозунг "Вся власть Советам!". Но то, что казалось разумным в теории, обернулось катастрофой на практике: выборы на Съезд народных депутатов, как и последующие выборы в советы иных уровней, несмотря на все хитрые процедуры "выдвижения", "отбора" и "регистрации" кандидатов, несмотря на гарантированную законом треть мест для партийной номенклатуры и полный контроль средств информации, были полным провалом партии. Повсеместно, где удавалось пробиться "альтернативным" кандидатам, народ голосовал за них, выражая свое полнейшее недоверие КПСС, если не сказать — ненависть к ней. Сама эта избирательная кампания впервые за 70 лет дала

толчок политической активности населения, расшевелив запуганных десятилетиями террора людей, и вместо восторженного: "Вся власть Советам!" — у них вырвалось: "Долой коммунистов!" В известной степени эксперимент удался лишь на низшем уровне, где обкомовское и райкомовское начальство просто пересело в кресла предисполкомов местных советов, да и то это удалось только в провинции, но не в крупных городах.

В сущности, партийная "перестройка" кончилась в 1989 году, убедительно доказав, что социалистические утопии себя изжили. У них не осталось сторонников нигде, кроме Запада, а попытка их внедрения повсеместно приводила к потере контроля над экспериментом. Стоило лишь убрать колючую проволоку вокруг социалистического лагеря, как лагерники начали разбегаться. Первыми сквозанули восточноевропейские братья, похоронив этим самым идею "конвергенции" Европы в "общий социалистический дом". За ними потянулись республики СССР, где избранные с большой помпой республиканские Верховные советы первым делом проголосовали за "суверенитет" своих республик. Да и в самой Москве, где всеми правдами и неправдами удалось сохранить на Съезде народных депутатов "агрессивно-послушное большинство" (по выражению Юрия Афанасьева), подлинными народными избранниками были чудом пробившиеся 20% "альтернативных депутатов". За ними не стояли ни партийные, ни финансовые структуры, ни общесоюзные организации — ничего, кроме народной воли. Но именно они были главными героями драмы, за которой неотрывно следили по телевидению сотни миллионов людей. Съезд как высший законодательный орган страны не сделал ничего значительного, но он имел колоссальное просветительное значение, впервые показав людям существо режима в неприкрытом виде. Разбуженные этим невиданным зрелищем, зашевелились народные толщи — забастовали шахтеры, усилились национальные движения в республиках. И хоть шахтеров кое-как удалось успокоить пустыми обещаниями, но угроза возникновения "Солидарности" в СССР продолжала висеть над страной. К концу 1989 — началу 1990 года страна была уже неуправляема, а стихийное народное движение грозило объединиться в требовании отмены монополии политической власти КПСС. Горбачевским "перестройщикам" ничего не оставалось, кроме как подчиниться этому требованию, отменив статью 6-ю конституции, формально закреплявшую эту монополию.

Словом, если произошедшее и можно назвать революцией, то это была революция "снизу", случившаяся не благодаря, а вопреки Горбачеву и его подельникам. То, что планировалось как вполне умеренные, внутрисистемные изменения, вышло из-под контроля и переросло в революцию, обнаружив изначальное и несовместимое расхождение между намерениями вождей и чаяниями народа. Вожди слишком поздно это поняли, но уже начиная с 1990 года и до самого их падения все их усилия были направлены на то, как бы остановить цепную реакцию.

Первые попытки как-то затормозить процесс, особенно распад СССР на независимые республики, начались еще в 1989-м кровавым подавлением мирных демонстраций в Тбилиси и не менее кровавым стравливанием национальных меньшинств с основным населением (в Абхазии, Осетии, Нагорном Карабахе, в Сумгаите). Затем последовали военная операция в Баку и нагнетание обстановки

в Прибалтике, где русские переселенцы использовались в качестве инструмента имперской политики. Сейчас уже никто не сомневается, что так называемые "этнические конфликты" были спровоцированы Москвой, действовавшей по старой имперской формуле – "разделяй и властвуй". Но, хотя эта откровенно преступная политика оставила в наследство стране затяжные и порою неразрешимые конфликты, остановить распада империи она уже не могла. Спровоцировать конфликты было легко, а контролировать невозможно.

В самой же России и попытка контролировать процесс через фиктивные "партии", созданные специально для этой цели КГБ, и инфильтрация самостоятельно возникавших политических организаций дала лишь временный успех. Этот "социалистический плюрализм", как и его исторический прототип – дореволюционная "зубатовщина", – только способствовал дальнейшей дестабилизации. Как профсоюзники Зубатова кончили тем, что устроили революцию 1905 года, так и гебешно-горбачевские "плюралисты" по мере роста поляризации общества оказались перед выбором: либо остаться за бортом движения, либо идти на конфронтацию с режимом. Мало кто рискнул разоблачить себя и поддержать власть. К концу 1990 – началу 1991 года требование отставки коммунистических властей стало настолько единодушным, что его поддерживали, кажется, даже сами коммунисты.

Впрочем, большинство партийных руководителей к тому времени было уже в основном озабочено проблемой личного выживания, а процесс партийной "приватизации" приобрел характер панического бегства. Проследить, где осели все эти "партийные миллиарды", а с ними – и существенная часть западной помощи СССР того времени, практически невозможно, как невозможно проследить все запутанные связи международного отдела ЦК и КГБ с западными организациями и отдельными политиками. Тем более что после провала путча в августе 1991 года загадочным образом выпрыгнул из окна своей квартиры управделами ЦК Н.Кручина и то же самое сделал его предшественник на этом посту А.Павлов – два человека, непосредственно распоряжавшиеся партийной собственностью и финансами во времена "перестройки". Как-то незаметно исчезли со сцены и остальные начальники, руководившие процессом "партийной приватизации". Например, тихо, никому не мешая, живет в Германии у своих подельников – немецких социал-демократов последний глава международного отдела ЦК В.Фалин, как и многие его сотрудники – в других частях света. Никто их не разыскивает, не тревожит допросами: мир благодушно постановил, что это приемлемая цена за их "добровольный уход со сцены".

Поразительное дело: более 70 лет они разрушали страну, истребляли целые народы, сеяли кровавую смуту по всему миру, подавляли малейшее проявление человеческого духа, а последние семь лет отчаянно спасали свой режим, не останавливаясь ни перед кровопролитием, ни перед самым наглым обманом. Наконец, потеряв контроль, обокрали страну и трусливо разбежались, спрятавшись за спины своих западных подельников. И мы же им теперь должны быть благодарны!

8. Хроника краха

Хотя, как я уже писал, почти все документы этого периода и в особенности периода так называемого "путча" успели уничтожить, не возникает сомнения, что с конца 1990 года политбюро стало активно готовиться к повороту вспять. Схема этого поворота, по-видимому, мало чем отличалась от плана введения военного положения в Польше в 1981 году, и, что особенно важно, Горбачев был в самом центре его подготовки. Все легенды о "заговоре" против него "консерваторов" и "реакционеров" – не более чем продолжение дезинформации о "борьбе реформаторов и консерваторов" в руководстве, которой, как мы видели, никогда не существовало. Вплоть до 1989 года не видно даже разногласий в политбюро, а те, кто в этом году стал высказывать вполне обоснованные опасения потерять контроль над событиями, были тут же удалены от власти. Да иначе и быть не могло – так работала коммунистическая система власти, что разногласия в руководстве допускались лишь при обсуждении проблемы, но не после принятия решения. Слово генерального секретаря было окончательным и обсуждению не подлежало.

И уж совсем смехотворно звучат рассуждения о том, что Горбачев якобы не знал о тех или иных решениях своих коллег. Генеральному секретарю докладывалось все – даже мельчайшие детали мероприятий и малейшие подробности событий. Вот, например, перед нами "Перечень некоторых документов, по которым даны поручения тов. Горбачевым М.С. в 1990 году". Этот перечень, конечно, неполный, в нем не хватает страниц, но даже и то, что осталось, не вызывает сомнений в той тщательности, с которой информировался генеральный секретарь. На его стол стекается буквально все: и хозяйственные проблемы областей, и обстановка в отдельных парторганизациях, и международные события. И по каждому документу фиксируется его распоряжение, "поручение", об исполнении которого делается приписка чуть ниже. Машина аппарата ЦК и не могла работать иначе: она так создана, чтобы работать бесперебойно. Информация у него была полной, даже избыточной, но по мере потери контроля над событиями она отражает картину начинающейся паники. Вот ему докладывают в феврале "некоторые соображения по решению германского вопроса", и он пишет:

Тов. Фалину В.М. Прошу ознакомиться. Да, нам нужен план действий на ближайшее время. М.Горбачев, – а материал по его указанию рассылается всем членам политбюро.

Вот в то же время Фалин сообщает "дополнительные сведения о трагедии в Катыни". Вопрос головоломный: признаваться или не признаваться в том, что польские пленные офицеры были расстреляны по приказу Сталина? И признаться плохо, и не признаться уже нельзя.

Т.т.Яковлеву, Шеварднадзе, Крючкову, Болдину. Прошу доложить свои соображения, – пишет Горбачев.

Или вот народный депутат СССР т.Юлин "высказывает критические замечания в адрес ЦК КПСС, Политбюро ЦК за принятие, по его мнению, ошибочных политических и экономических решений". И он пишет:

Т.т.Строеву, Монякину. Побеседуйте с т.Юлиным.

Однако с апреля 1990 года потеря контроля становится все более очевидной.

Даже Центральное телевидение начинает выходить из повиновения.

т.Медведеву В.А. Надо продолжить работу по перегруппировке сил в ЦТВ (пока еще можно это сделать!), – пишет Горбачев в отчаянии.

А проблемы продолжают нарастать: хозяйство разваливается, начинаются перебои с электроэнергией, в Белоруссии происходит "неконтролируемое расползание радионуклидов" – последствие чернобыльской катастрофы, в Армении "сорвана государственная программа по ликвидации последствий землетрясения в Спитакском районе"... К осени уже полная паника: принимаются срочные меры к "приобретению за границей недвижимости и созданию совместных предприятий". Или вдруг такая запись:

Леопольд Ротшильд

Великобритания

N16383 от 18.09.90 г.

Подтверждает интерес Великобритании к созданию банковского синдиката для предоставления займов под гарантию размещения золота.

Связано это или нет – сказать не берусь, но после августовского "путча" вдруг выяснилось, что золотой запас СССР бесследно "исчез"...

Между тем, настроения в стране продолжают радикализоваться. Даже вроде бы контролируемые и доселе разрозненные оппозиционные организации начинают объединяться.

20-21 октября 1990 года в Москве в кинотеатре "Россия" состоялся учредительный съезд движения "Демократическая Россия". На съезд прибыло 1270 делегатов из 73 областей, краев и автономных республик – представителей оппозиционных КПСС партий, общественных организаций и движений, – докладывали Горбачеву. – **В работе съезда участвовало 23 народных депутата СССР, 104 народных депутата РСФСР, депутаты Моссовета, Ленсовета и других местных советов. На съезд было приглашено свыше 200 гостей из союзных республик, а также из США, Великобритании, ФРГ, Франции, Японии, Польши, ЧСФР. Его работу освещало около 300 советских и иностранных корреспондентов. (...) Основное внимание на съезде было уделено организационному усилению демократического движения в борьбе с "монополией КПСС на власть", созданию информационной сети демократических сил и их политической инфраструктуры, "активизации масс" и проведению совместных акций с другими оппозиционными движениями. (...) Отличительная особенность съезда – ярый антикоммунизм. Вырабатывалась стратегия и тактика удаления КПСС с политической арены, демонтажа существующего государственного и политического строя. (...) На съезде допускались разнузданные выпады в адрес Президента СССР М.С.Горбачева, Председателя Верховного Совета СССР А.И.Лукьянова, Председателя Совета Министров СССР Н.И.Рыжкова, Председателя КГБ СССР В.А.Крючкова и министра обороны СССР Д.Т.Язова...**

Обращает на себя внимание жесткая, бескомпромиссная тональность принятых съездом программных документов. Все они по существу призывают к конфронтации, гражданскому неповиновению и дальнейшей дестабилизации обстановки в стране. Анализ документов, принятых учредительным съездом, характер выступлений, вся атмосфера съезда и кампания, проводившаяся в его преддверии, неопровержимо свидетельствуют о формировании единого

блока антисоциалистических, антикоммунистических сил, в задачу которого входит размывание социально-политических устоев страны, захват власти и устранение КПСС с политической арены.

Как бы ни относились в политбюро к этой попытке, при тогдашнем состоянии общества само возникновение некоего объединяющего центра оппозиции было для них смертельно опасно. Им нужно было действовать, и притом быстро. Думаю, именно тогда и приняли они решение о повороте курса и введении военного положения. К концу года Горбачев сменил практически всю свою команду: игры в "реформы" кончились, для новой задачи нужны были иные люди – слепые исполнители, которые не побоятся крови. Некоторые, как Шеварднадзе, ушли сами, отлично зная, к чему идет дело. Других, как Рыжкова или Бакатина, Горбачев сместил сам. Даже и предполагать смешно, чтобы он чего-то "не знал", – он и был главным организатором поворота. С января 1991-го приступили к исполнению плана, причем, как водится, испытали его сначала в Литве.

По сообщению ответственных работников ЦК КПСС (...), находящихся в Литве, 11 января с.г. в г. Вильнюсе взяты под контроль десантников здания Дома печати и ДОСААФ (в нем размещался департамент охраны края), в г. Каунасе – здание офицерских курсов. Эта операция прошла в целом без сильных столкновений. В то же время нужно отметить необъективность информации об этих событиях, которая прозвучала по радиостанции "Маяк". В частности было сообщено о бесчинствах военных и якобы имеющихся жертвах и ранениях, – докладывали Горбачеву в тот же день. – **В 17 часов по местному времени в ЦК КПЛ состоялась пресс-конференция, на которой заведующий идеологическим отделом ЦК т.Ермолавичус Ю.Ю. сообщил, что в республике создан Комитет национального спасения Литвы. Этот Комитет берет на себя всю полноту власти. (...) Комитет принял обращение к народу Литвы, а также направил ультиматум Верховному Совету Литовской ССР, в котором требует немедленной реакции на обращение Президента СССР.**

Верховный Совет Литовской ССР отклонил ультиматум, назвав созданный Комитет "самозваным", не имеющим юридических оснований выступать от имени народа Литвы.

Заметим, что ровно по той же схеме проводился и "путч" в Москве семь месяцев спустя: занятие войсками ключевых позиций, пресс-конференция, создание Комитета "со всей полнотой власти". Иначе как репетицией это не назовешь.

Однако события в Литве вызвали невероятно бурную реакцию по всей стране, причем не только в республиках, где легко отождествляли себя с литовцами, но и в России. Люди инстинктивно поняли, что началось наступление власти против них всех. В Москве, где антикоммунистические демонстрации нарастали всю осень, сотни тысяч вышли на улицы.

20 января т.г. с 11.00 до 14.30 проходила санкционированная Моссоветом манифестация, организованная по инициативе ряда народных депутатов СССР и координационного совета движения "Демократическая Россия, – докладывали Горбачеву. – **От пл. Маяковского колонна демонстрантов прошла по Садовому кольцу, проспекту Калинина до площади им. 50-летия Октября, на которой затем состоялся 1,5-часовой митинг.**

В манифестации приняли участие до 150 тыс. человек. Состав организаций

и политизированных движений — традиционный. По экспертным оценкам среди присутствующих превалировали представители научной и творческой интеллигенции, лица некоренных для Москвы национальностей, а также иногородние. (...) Митинг носил ярко выраженную антипрезидентскую и антикоммунистическую направленность. Среди характерных лозунгов были следующие: "Михаил Кровавый — Нобелевский лауреат", "Горбачева и его шайку к ответу", "Президента СССР на скамью подсудимых", "Кровопролитие в Литве — очередное преступление КПСС", "Червони фашисты КПСС — руки прочь от России и Балтики".

В структуре лозунгов и выступлений из 33 основных тем антипрезидентская занимала первое место, антикоммунистическая — второе, поддержка нынешнего руководства Литвы — третье, поддержка Ельцина — четвертое. (...) Значительное место занимали требования суда над Комитетами национального спасения и отпора "реакционному курсу Горбачева и КПСС", вплоть до всероссийской политической стачки (из резолюции митинга) и вооруженного сопротивления в случае применения насилия...

В принятой резолюции содержались требования "вывода карательных войск из Прибалтики", отставки Горбачева М.С. и Янаева Г.И., роспуска Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР, создания российской армии, призывы к формированию на базе движения "Демократическая Россия" политической организации с ячейками в трудовых коллективах и по месту жительства.

По нашему мнению, данную акцию следует рассматривать как подтверждение курса, взятого оппозиционными силами на изменение государственного и общественного строя, устранение с политической арены нынешнего руководства страны.

Качественно изменяется тактика противостоящих центру и КПСС сил. Ядром консолидации демократических и национал-демократических движений республик становится ВС РСФСР во главе с Б.Н.Ельциным...

Действительно, Ельцин и Верховный совет РСФСР как единственная работающая структура становятся центром: в феврале Ельцин воспользовался прямой передачей Центрального телевидения и призвал страну "объявить войну правительству". Обстановка подхлестывалась еще и тем, что в январе произошло резкое повышение цен. Последовала волна демонстраций и забастовок, кульминацией которой стала полумиллионная демонстрация в Москве в марте, проведенная вопреки официальному запрету Горбачева и несмотря на введенные в город войска. В конце марта забастовала вся Белоруссия — далеко не самая мятежная из всех республик.

Если еще месяц назад в большинстве трудовых коллективов отношение к шахтерским забастовкам было сдержанным, то в последние дни поддержка их действий повсеместно усилилась, — докладывали Горбачеву. — **На примере событий в Белоруссии видно, что экономические требования, выдвигаемые трудящимися под воздействием оппозиционных сил, перерастают в политические, связанные прежде всего с выражением недоверия центральным органам власти и КПСС.**

Забеспокоились официальные советские профсоюзы, поскольку "трудящиеся все чаще поддерживают не профсоюзы, а стихийно образуемые стачечные коми-

теты". Чтобы хоть как-то восстановить свой авторитет, даже они решили провести однодневную забастовку, в которой, однако, приняло участие 50 миллионов человек!

Словом, чтобы как-то сбить волну, планы введения военного положения, видимо, отложили, а с прибалтийскими республиками начали "переговоры". Одновременно и Ельцин пошел на переговоры с Горбачевым, закончившиеся "Ново-Огаревским соглашением". Наступило затишье, как бы перемирие, которое, однако, никак не могло продолжаться долго: ни одна проблема по существу решена не была, а республики упорно отказывались подписывать какое-либо новое "союзное соглашение". Контроль над страной восстановлен не был, а кризису и конца не предвиделось. Возвращение к сценарию военного положения было неизбежно, но даже предположить, что от Горбачева что-то скрывали его подручные, невозможно. А уж осуществлять такой широкомасштабный "заговор", как "путч" 19 августа, без его ведома — и подавно. Без его санкции ни один орган власти, ни одно воинское подразделение или подразделение КГБ действовать не могло. Между прочим, это и погубило его замысел, его спектакль "путча" в августе, когда его подручным приходилось осуществлять сценарий ввода военного положения якобы без его санкции: ни один командир не соглашался действовать без непосредственного приказа Горбачева. Каждый отлично понимал, что без такого приказа их действия станут государственной изменой, за которую их же и расстреляют, свалив на них всю ответственность за "путч".

Конечно, при отсутствии документов нам остается лишь гадать, какими соображениями руководствовался Горбачев, придумав такой невероятный трюк, как "заговор" против самого себя. А в том, что это было именно так, убеждают меня все детали столь странного "заговора", тщательно скопированного с известного сценария снятия Хрущева в 1964 году и построенного на дезинформации о "борьбе реформаторов и консерваторов" в политбюро. Вспомним: эта дезинформация, упорно распространявшаяся все время правления Горбачева, была основой его успеха на Западе. Даже самые ярые антикоммунисты (Рейган, Тэтчер) клюнули на эту "дезу", постоянно "спасая" Горбачева от мистических "консерваторов"; а уж просоветские силы сделали из нее законную основу для перекачки миллиардов долларов в казну Кремля. Что же могло быть более логичным, чем использование того же трюка для введения военного положения? Оказавшись на краю пропасти, Кремль разыграл тот самый сценарий, которым семь лет пугали и Запад, и Восток: сценарий "заговора консерваторов" и смещения Горбачева, позволявший в то же время "успокоить" страну самыми жестокими средствами. А Горбачев триумфально вернулся бы месяца через три, милостиво "смягчил" бы некоторые крутые меры своих подручных и возобновил бы умеренную "перестройку" при полном восторге Запада. Ручаюсь, он бы еще 30 миллиардов долларов выманил у Запада под такую развязку...

Однако, как и в сценарии "бархатной революции", кремлевские стратеги, при всей своей хитрости, не учли одного — реакции собственного народа. С ним настолько не привыкли считаться, что и не подумали, какую роль он может сыграть в затеянном спектакле. Не учли и той степени распада, в которой находились их же структуры власти. И партия уже разбегалась по "коммерческим структурам", и армейское командование не хотело стать козлом отпущения, и

даже кагебешники не знали, что с ними сделают в заключительной сцене этого шоу. Никто из них не захотел платить своей жизнью за спасение сгнившего режима, а запутавшемуся в собственной лжи Горбачеву не верил уже никто, кроме Запада.

Любопытно, что, столкнувшись с массовым неповиновением страны, так называемые "путчисты" растерялись и... побежали к Горбачеву в Крым, видимо, просить его выйти из тени и возглавить поворот к военному положению. Хорош "заговор", не правда ли, когда "заговорщики" бегут к своей "жертве" за советом и покровительством? Так и видишь их, уговаривающих Горбачева:

— Михаил Сергеевич, без вас ничего не получается. Армия отказывается двигаться без приказа главнокомандующего, а народ столпился вокруг Белого дома, без кровопролития их не рассеять. Вся надежда на вас...

Естественно, он теперь это отрицает, и столь же естественно "путчисты" — попросту говоря, все руководство страны — утверждают, что действовали по его приказу. Кто из них прав, кто нет, можно лишь гадать. Разобраться в их лжи невозможно без независимого, объективного и беспристрастного суда, которого так и не было. Бесспорно одно: вся подготовка к введению военного положения была произведена под его непосредственным руководством. Заколебался ли он в последний момент, как в свое время Ярузельский, или действительно затеял всю эту дьявольскую игру, чтобы выглядеть "красивее" в глазах мира, вернувшись из Крыма этаким примирителем в уже контролируемую его подручными страну, — остается неизвестным до сих пор.

Да в сущности это ведь и не так важно: трех дней и ночей всеобщего неповиновения вполне хватило для окончательного краха режима. С провалом "путча" КПСС была запрещена, здание ЦК опечатано, а опьяненные моментом свободы толпы бродили по Москве и снимали памятники вождей. Но, как бы ни пьянил толпу этот момент свободы, он не был революцией. Лишенная стержня, страна просто распалась на составные части, контролируемые своими партийными мафиями. "Новая" политическая элита, всплывшая на поверхность, оказалась старой номенклатурой, вовремя приспособившейся к новым условиям. И никаких радикальных изменений этой "элите" уже не было нужно, как не нужна ей и старая идеология, ибо в ее руках остались и "коммерческие структуры", и собственность, и фиктивные партии, и средства информации, и международные связи со старыми "друзьями". Наступила эра "теневой власти", когда уже невозможно определить кто за кем стоит да кто кому служит. Эра "клептократии", из которой России, боюсь, уже не выбраться.

Только Горбачев, вернувшись в Москву, все твердил об обновлении социализма, о новой роли уже исчезнувшей КПСС, о новом "союзном договоре" уже несуществующих республик...

9. "I am not naive, you know..."

Легко понять как восторги "левых" по поводу "перестройки", так и их радость по поводу несостоявшейся революции — для них с самого начала не было альтернативы "детанту", а сохранение у власти партийной "элиты" при видимости демократии вполне соответствовало их желаниям. Только такой вариант и

мог прикрыть их соучастие в преступлениях режима, при котором режим не оказывался бы преступным или, в крайнем случае, выглядел бы "исправившимся". В этом смысле Горбачев был для них находкой — если бы он не существовал, его следовало бы выдумать.

В сущности, так оно и было: "реформатора", "либерала", "демократа" Горбачева выдумала западная левая "элита" с подачи советской дезинформации. Вспомним: тот же самый образ "либерала" и "реформатора" начали уже было создавать Андропову, когда он пришел к власти в 1983 году; но Андропову не повезло со здоровьем, и он умер, не получив Нобелевской премии мира. Горбачев просто был моложе и здоровее своего учителя и покровителя — в этом все их отличие. Окажись у Андропова здоровые почки, быть бы ему кумиром прогрессивного человечества, а весь мир, затаив дыхание, следил бы за его "мужественной борьбой с консерваторами" в политбюро. Его, а не Горбачева, провозгласил бы журнал "Тайм" человеком десятилетия, "Коперником, Дарвином и Фрейдом коммунизма в одном лице", и толпы западных баранов восторженно блеяли бы: "Юрий! Юрий!" — вместо: "Горби! Горби!"

В сущности, какая разница — Горбачев или Лигачев, Андропов или Черненко? Дело ведь не в способностях советских вождей, а в наличии мощных сил "мира, прогресса и социализма" на Западе, для которых "выживание идеи социализма" было вопросом выживания их самих. Благодаря им мир и погрузился в "посттоталитарный" абсурд вместо выздоровления от коммунистической чумы. Пока они дружно спасали своего кумира от его собственного народа, никакая настоящая, "неконтролируемая" оппозиция, способная сместить номенклатуру и стабилизировать положение, сформироваться не могла. Не нашлось сил у обезглавленного, задуренного "гласностью" народа противостоять мнению всего мира. "Мнение Запада" стало для него абсолютным и единственным критерием правды в то смутное время фантастической лжи. И откуда ему было знать, что и это "мнение" подтасовано идейными братьями их тюремщиков? При отсутствии политического опыта — где ж им было понять, что промедление смерти подобно: спасать надо или страну, или чужую "идею", а затянувшаяся агония режима сделает выздоровление страны почти невозможным. Семь лет, потерянные на партийную перестройку да на "поддержку Горбачева", — ох, как потом аукнутся!

Однако успех "гласности и перестройки" никогда не был бы столь полным, а эффект их — столь катастрофичным для всего мира, если бы всеобщая эйфория не парализовала и консервативные круги Запада. Понять причины этого паралича гораздо труднее, тем более что к целому ряду ведущих консервативных политиков выражение "паралич" вряд ли подходит. Мы все помним, что одним из наиболее ранних и последовательных сторонников Горбачева была, например, Маргарет Тэтчер, объявившая его человеком, с которым она "может делать бизнес", еще до его прихода к власти. Спрашивается, неужели политик такого класса, да еще посвятивший свою жизнь борьбе с социализмом в своей стране, не видел той простой истины, что ее новый друг делает ровно противоположное? Или хотя бы того, что генеральный секретарь ЦК КПСС — не царь, а коммунистический режим — не монархия и, стало быть, каковы бы ни были его личные наклонности, "бизнес" придется делать не с ним, а со всем коммунистическим режимом?

Между тем, это не было оговоркой со стороны г-жи Тэтчер. Ее лояльность лично Горбачеву заставляла ее впоследствии говорить и делать удивительные вещи. Помню, я ушам своим не поверил, услышав в 1988 году ее выступление по Би-Би-Си, транслировавшееся напрямую в СССР. Как раз только-только отменили глушение, и вот советские люди, и без того уже напрочь замороченные "гласностью", услышали из уст "самой популярной женщины в СССР" о том, что "*отход от старомодной формы коммунизма (...) это историческая перемена*". И в чем же эти исторические перемены видела легендарная "железная леди"? А вот недавняя партийная конференция в Москве была, оказывается, "*веха в истории свободы слова*", потому что "*те, кто выступал с трибуны, уже не всегда говорили "по бумажке", а иногда непосредственно высказывали то, что чувствовали*".

Более того, словно не помня о существовании советской "империи зла", она буквально призывала различные народы СССР оставаться "*лояльными к Советскому Союзу как нации народностей*", удовольствоваться некоторой культурной и религиозной автономией, как это делают различные племена в Нигерии. И это говорилось в то время, как уже шло наступление на суверенитет прибалтийских республик, включения которых в состав СССР ни Британия, ни США никогда не признавали.

Увы, Тэтчер не была исключением. Даже президент США Рональд Рейган, человек, для которого имя Ленина было всю жизнь анафемой, не преминул похвалить Горбачева за "возвращение на ленинские пути". И тоже в радиовыступлении, передававшемся на СССР. А уж его преемник Джордж Буш со своим госсекретарем Джимом Бейкером перещеголяли всех, до последнего дня сопротивляясь неизбежному распаду СССР.

"*Да, я думаю, что могу верить Горбачеву*, – заявлял Джордж Буш журналу "Тайм" как раз тогда, когда Горбачев уже начал терять контроль, окончательно запутавшись в собственной лжи. – *Взглянув ему в глаза, я оценил его по достоинству... Этот глубоко убежден в том, что делает. У него есть политическое чутье...*".

Примечательно, что сама эта фраза совершенно алогична: ведь если ваш оппонент действительно "глубоко убежден в том, что делает", то из этого вовсе не следует, что ему можно доверять. В конце концов и Гитлер был "глубоко убежден в том, что делает". Но даже и мысли о том, что их цели противоположны, не приходило в голову Джорджу Бушу. Не удивительно, что при такой прозорливости президента США их встреча в верхах на Мальте сильно напоминала вторую Ялту: во всяком случае, после нее госдепартамент США неизменно расценивал растущее давление СССР на Прибалтику как "внутреннее дело СССР". И даже за два месяца до распада Союза, будучи с визитом в Киеве, Буш уговаривал Украину не отделяться.

Насколько администрация Буша не понимала советской игры в Европе, видно хотя бы из ее позиции в вопросе о воссоединении Германии. Так, поспешивший в Берлин сразу после падения стены госсекретарь Бейкер расценил это событие как демонстрацию Горбачевым "необыкновенного реализма. И президенту Горбачеву надо воздать должное, так как он первым из советских руководителей имел смелость и прозорливость позволить отменить политику репрессий в Восточной

Европе".

И, видимо, в благодарность за это, главной заботой Бейкера было уважить "законную озабоченность" своего восточного партнера — всячески замедлить процесс воссоединения.

"*...в интересах общей стабильности в Европе движение к воссоединению должно носить мирный характер, оно должно быть постепенным, осуществляясь шаг за шагом*".

Предложенный им план был полной катастрофой, ибо полностью соответствовал советской схеме создания "общеевропейского дома": сначала предполагалось укрепить Европейское Сообщество, Хельсинский процесс, продвинуть дальнейшую интеграцию Европы. Все это, разумеется, не торопясь, "шаг за шагом", в расчете на годы.

"*И с возникновением этих перемен, по мере того как будет преодолеваться раздробленность Европы, постепенно произойдет и воссоединение Германии и Берлина в условиях мира и свободы*".

Более того, даже не проконсультировавшись с Бонном, он кинулся в Восточную Германию на встречу с новыми марионетками Кремля, чтобы "объявить о намерении США попытаться поднять авторитет политического руководства Восточной Германии и предупредить появление политического вакуума, который мог бы вызвать бурное стремление к воссоединению". И это — в январе 1990-го, т.е. незадолго до выборов в ГДР, фактически решивших ключевой вопрос: на советских условиях объединится Германия или на западных. По счастью, восточные немцы были менее "терпеливы" и более разумны: отлично понимая, с чем имеют дело, они взяли да и проголосовали за немедленное воссоединение, невзирая на Бейкера и на давление всего мира.

Говорю — по счастью, ибо иначе жить бы нам всем теперь в единой социалистической Европе под диктатом Москвы, служить "промышленной базой мирового социализма". По крайней мере — до полного краха СССР. Да ведь и все развитие событий могло пойти иначе, если бы этот гамбит удался Горбачеву: и в самом СССР процесс распада мог существенно замедлиться, опираясь на "стабилизацию" в Европе и перекачку из нее средств. Спрашивается: почему же Запад, США со своей вроде бы консервативной, даже антикоммунистической администрацией так жаждали этой "стабилизации", а попросту сказать — спасения советского режима?

Допустим, Бейкер был неграмотный, напыщенный, самовлюбленный дурак, мечтавший о каких-то глобальных структурах "от Ванкувера до Владивостока", зодчим которых он станет ("доктрина Бейкера"). Помню, на одной конференции я даже предложил ввести единицу измерения политической безмозглости — "один бейкер" (рядовой "человек с улицы" измерялся бы в "миллибейкерах"). Он даже в разгар кровавого советского шоу в Бухаресте на Рождество 1989 года заявил, что отнесется "с пониманием, если СССР введет свои войска в Румынию, чтобы помочь восставшим противникам Чаушеску". А новую, просоветскую политику США после встречи в верхах на Мальте он объяснял тем, что "Советский Союз изменил свою позицию, отойдя от политики подавления и диктата к политике демократии и перемен". Это говорилось в тот момент, когда советская армия громила демократическую оппозицию в Баку, положив там несколько сот человек (к чему

Бейкер тоже отнесся "с пониманием"). Но ведь Бейкер был не одни, а простой глупостью это не объяснишь. В том-то и трагедия, что такую же безмозглую позицию занимали тогда практически все западные правительства, в том числе и консервативные.

И правда, даже Рональд Рейган, столь успешно начавши экономическую войну против СССР, практически свернул ее во второй срок своего президентства, особенно с 1987 года. Словно не веря собственному успеху, и Рейган, и Тэтчер принялись играть в несвойственные им игры "поддержки реформаторов" в Кремле, даже не задаваясь вопросом — откуда они там взялись? Сами собой отпали ограничения на утечку технологии, на займы и кредиты. К концу 1987 года OECD отмечала: "в настоящее время ежемесячный долг СССР достиг 700 млн. долларов", а общий долг советского блока вырос с 1984 года на 55%.

"Как это ни удивительно, по мере возрастания долга условия его выплаты становятся мягче (...) средний процент выплаты долга Советским Союзом упал с 1 до 0,15 пункта выше лимита Либора. Бразилия выплачивает не меньше 0,75 пункта выше лимита Либора".

Президент Буш и его администрация лишь продолжили эту тенденцию "сползания в детант", доведя ее до логического абсурда, когда Горбачева уже "спасали" от народа: от шахтеров, от демонстраций демократической оппозиции, от порабощенных коммунизмом наций, требовавших своей независимости. Как и войну в Персидском заливе, "холодную войну" прекратили чуть раньше, чем требовалось для победы, оставив всех нас в худшем из возможных вариантов: и злодейский режим недобит, и страна разрушена, а у деморализованного народа уже нет сил, чтобы завершить недоделанное. Да в чем-то и еще хуже — по крайней мере, курдам не приходится выслушивать сказок о спасителе человечества Саддаме Хусейне, а этому последнему все-таки не додумались дать Нобелевскую премию мира...

Так что же произошло с нашими бывшими союзниками по борьбе с "детантом", с убежденными, казалось бы, антикоммунистами? Новинка кампании "гласности и перестройки" заключалась в том, что партия, которая 70 лет строила свою власть на основе коммунистической догмы, спасала теперь эту власть, демонстрируя "антикоммунизм". Это и было рассчитано на антикоммунистов, которым Кремль как бы предлагал на заказ любые изменения. Запад же ломал голову: что бы еще такое от них потребовать?

"Пусть сперва выпустят Сахарова, освободят политзаключенных, тогда и поговорим".

Выпустили. Освободили.

"Теперь пусть уйдут из Афганистана".

Ушли.

"Ну, если они издадут Солженицына, тогда действительно..."

Издали.

Просто чувствовалось, как тяжело, с натугой работают мозги западных мыслителей, пытаясь нащупать критерий отличия нормальной страны от тоталитарного режима. Оказалось вдруг, что никто об этом раньше не задумывался, и каждый из них изобретал теперь свой критерий, удовлетворив который Москва получала себе еще одного союзника. Наконец, высказалась и команда президента

Рейгана, по тем временам считавшаяся самой "оголтелой":

"Пусть сломают Берлинскую стену".

Что ж, сломали и стенку.

Трагедия нашего времени в том и состояла, что если одна часть человечества отлично понимала суть коммунистической идеи (но сочувствовала ей), другая, якобы ей враждебная, сути дела не понимала, принимая симптомы болезни за самое болезнь. Людей, понимавших, что сама коммунистическая идеология является источником зла, что не потому режим бесчеловечен, что преследует людей за убеждения, оккупирует соседние страны и угрожает всему миру, а, наоборот, делает все это потому, что он бесчеловечен, — были считанные единицы. Но и они, в силу этого обстоятельства, не принадлежали к истеблишменту. Они считались такими же отщепенцами, "экстремистами", как и мы, а наше совместное влияние в годы "перестройки" приближалось к нулю. Ну что мы могли? Написать еще одну статью, которую, может быть, и напечатают наряду с десятками статей, восхваляющих "перестройку"? Условия здешней жизни уравнивают тебя и с шарлатаном, и с явным советским агентом: у него — мнение, и у тебя — мнение. Различия между мнением и знанием у них не существует.

Между тем, истеблишмент — и "левый", и "правый" — жил по своим правилам, не позволявшим слишком отклоняться от "консенсуса", от необходимости быть переизбранными (у политиков) или взаимоуважаемыми (у общественных деятелей, академиков, журналистов). Этот давно прогнивший, пошлый мирок живет "золотыми правилами", а не мозгами: позицию по отношению к коммунизму определяли здесь не тем, верна она или нет, а тем, насколько она "умеренная". Орды шарлатанов-советологов, "кремлинологов" сделали себе карьеру на высосанных из пальца рассуждениях о том, кто в Кремле "ястреб", а кто "голубь", кто "реформатор", а кто "консерватор". И не меньшие орды ничуть не меньших шарлатанов жили за счет ублюдочного "процесса контроля над вооружениями", хоть всякий и понимал, что не в оружии дело, да и не знал никто толком, сколько его у Советского Союза. Я уж не говорю об армии профессиональных дипломатов, для которых высшая ценность на земле — "стабильность" любой ценой (пусть и ценой свободы), а главная задача в жизни — "улучшение отношений" (пусть хоть с дьяволом).

Да, наконец, будучи сами истеблишментом, "элитой", не могли они не чувствовать некого родства с советской "элитой", с советским истеблишментом. По меньшей мере, он им был понятней, ближе, удобней, чем неконтролируемые толпы народа, тем более — чем мы, "экстремисты".

"Лучше жить с дьяволом, которого ты знаешь, чем с таким, которого не знаешь". Вот и вся их мудрость. Но ведь любой, даже самый честный политик вынужден считаться с этим стадом пошляков и приспособленцев: без него и править нельзя. Так вот и вышло, что, если "левый" истеблишмент отлично ведал, что творит, "правый" не нашел, что возразить. Даже Рональд Рейган, при всей своей инстинктивной ненависти к коммунизму, не нашел, что ответить, когда ему сказали:

"А если Горбачева действительно завтра снимут, как Хрущева, и все вернется к брежневским временам? Весь мир будет проклинать нас за то, что мы его не поддержали".

Увы, при ближайшем рассмотрении настоящих антикоммунистов, сполна понимавших, с чем мы имели дело, на Западе оказалось даже меньше, чем в Советском Союзе. Внутренне, в глубине души, мир уже давно капитулировал, примирился с мыслью о неизбежности "мирного сосуществования" со злом, приспособился к сожительству и даже не верил, что оно может кончиться. В лучшем случае надеялись на "смягчение" режима, на его "либерализацию", т.е. на чудесное появление в Кремле либерального "царя-реформатора". Вот и купились на приманку, когда ее им подсунул мудрый ЦК. Не случайно так упорно не хочет теперь выяснять человечество, что же все-таки произошло. Не хочет ни расследований, ни документов из архивов Кремля, ни признаний-мемуаров бывших палачей: каждый знает, что ничего лестного для себя не обнаружит. И даже теперь, всем фактам вопреки, предпочитают повторять очевидную ложь о смелом реформаторе Горбачеве, избавившем человечество от ужасов коммунизма. Так спокойнее, уютней...

Однако, скажут мне, не все ж такие. Вот, к примеру, "железная леди" — неужто и она не лучше? Не может быть, чтобы и она тоже примирилась, капитулировала перед коммунизмом: совсем это не согласуется с ее образом. И правда, не согласуется. Вопрос этот мучил и меня все семь лет перестройки и даже после нее. Попытки с ней спорить, что-то объяснять были, однако, совершенно бессмысленны: она просто отказывалась слушать. А при упоминании имени Горбачева, лишь произносила, гордо вскинув голову, как сказала бы мать о своем дитяти:

— Разве он не изумителен?

И тут же прекращала разговор. Но я не унимался, и при каждой новой встрече опять возвращался к больной теме. Для меня это стало чем-то вроде идеи-фикс. Наконец уже в 1992 году, копаясь в архивах ЦК в Москве, я случайно набрел на документ 1984 года о предоставлении советской помощи бастующим английским шахтерам. Нового в нем было мало — и так все знали, что СССР перевел им в критический момент забастовки миллион долларов. Точнее, сам факт и тогда был известен, но считалось, что помощь оказывают советские профсоюзы своим братьям по классу. Теперь же, просматривая документ, я мог убедиться, что решение, конечно, принимал ЦК, а в числе подписавших его был, разумеется, и Горбачев — тогдашний второй секретарь ЦК, без подписи которого ни одно решение принято быть не могло.

Естественно, возвратясь в Лондон, я поспешил к Тэтчер, предвкушая эффект. Зная, как важна была для нее забастовка шахтеров 1984 года, из-за которой вполне могло пасть ее правительство, я и не сомневался, что наконец попал в точку. Действительно, увидев подпись своего друга, она побледнела:

— Когда это подписано? — потребовала она.

Я указал на число.

— Это даже хуже, — сказала она тихо. — Я спрашивала его об этом как раз в то время, и он сказал, что ничего об этом не знает.

То был мой долгожданный миг торжества:

— Трудность "делать бизнес" с коммунистами в том и заключается, что у них есть отвратительная привычка врать прямо в глаза, — произнес я медленно и отчетливо, смакуя каждое слово.

Настала долгая пауза. Пожалуй, слишком долгая.

— I am not naive, you know... (Я, вы знаете, не наивна...)

Так в готовившейся тогда к печати книге ее мемуаров, в соответствующем месте, появилась загадочная сноска:

"*В действительности я с тех пор видела документальное свидетельство того, что он* (Горбачев) *все прекрасно знал и был среди тех, кто принял решение о деньгах*".

10. Союзники

Боюсь, однако, годы "перестройки" лишь обнажили всегда существовавшее различие в оценке коммунизма между здешними консерваторами и нами — выходцами из коммунистических стран, хлебнувшими "реального социализма". Если, скажем, для меня коммунизм был и остался абсолютным злом, хуже которого уже ничего быть не может, для них он был *одной из проблем*, и даже не обязательно самой важной. Более того, думаю, они никогда не поняли универсальности этого зла, его интернациональной природы, а стало быть, и всеобщей опасности. Где-то в глубине души большинство из них склонялось к тому, что эта болезнь не страшна "цивилизованным" народам, а те, кто заболел ею, каким-то образом того "заслужили". Вроде как в старину проказа считалась Божьим наказанием за грехи. Например, чрезвычайно распространенным именно среди консерваторов был миф о том, что коммунизм в России есть всего лишь последствие (или разновидность) сугубо российского деспотизма.

"*Ответ на многие загадки поведения Советов дают не звезды, но русские цари. Их прах покоится в кремлевских усыпальницах, но их дух витает в кремлевских залах*", — пишет, например, бывший президент США Ричард Никсон. А если это так, почему же и не начать "детант"? Россию не изменишь — такая уж она по воле истории, а надеяться остается только на появление на московском троне "просвещенного монарха".

Или вот наш любимый консервативный мыслитель величиной в один "бейкер" объясняет бестолковым европейцам в 1991 году:

"*По иронии судьбы, ограниченный европейский национализм XIX века породил также и иную, совершенно отличную от него идеологию рационализма и универсализма, которая тоже преодолела границы одного государства: марксизм. В Советском Союзе большевики объединили эту идеологию со славянофильством, которое само по себе было реакцией на западные ценности, объявленные чуждыми*".

Где уж он нашел славянофильство у большевиков, можно только гадать, но зато он твердо знает, в чем противоядие:

"*Я считаю, что трансатлантические связи олицетворяют собой некие универсальные идеалы Просвещения*".

Оставим в стороне эти безграмотные экскурсы в историю — что делать, если так "просветили" нашего мыслителя с его приятелем Джорджем Бушем где-нибудь в Йельском университете, в "землячестве", к которому они принадлежали в студенческие годы. Важно другое: коль скоро они не понимают, что марксизм и проистек из "идеалов Просвещения", они не видят, и в чем его опасность. Марксизм без "славянофильского" искажения становится у них приемлемым и для

"нового мирового порядка" — зачем с ним бороться?

Любопытно, что в этом они вполне сходятся с европейскими меньшевиками, для которых миф о хорошем социализме и плохой России, его якобы исказившей, всегда служил самооправданием. (Непонятно только, зачем же они столь упорно поддерживали это "искажение" все 74 года его существования?) Но если для них это было всего лишь удобной ложью, консерваторы повторяют ее, даже не сознавая, что тогда им остается узаконить социалистический эксперимент у себя дома. Европейские консерваторы в этом смысле были никак не лучше Никсона с Бейкером: для них коммунизм никогда не был наднациональным злом, а наша борьба с ним так и не стала общей борьбой. Чего стоила одна только вечная путаница "русского" и "советского", т.е. смешение режима и народа, палача и жертвы. Доходило до нелепостей: получалось, что "русские оккупировали Афганистан", а "советский ученый Сахаров" этим недоволен. Скажете, это всего лишь лингвистическое недоразумение, неграмотность? Не знаю. Настоящие соратники более аккуратны в таких вопросах, как то, воюют они с твоим народом или с поработившим его режимом. Тем более, что с режимом-то как раз они воевать не рвались. Помню, бывший премьер-министр Гарольд Макмиллан сказал мне однажды:

"Не наша забота пытаться изменить советскую систему. Это — дело самих русских. Наша обязанность договориться с ними поддерживать равновесие в мире".

Но ведь ту же мудрость повторила и Маргарет Тэтчер в своем интервью, когда поведала миру, что может "делать бизнес" с Горбачевым. "Мы не будем стремиться менять их, они не будут менять нас", — сказала она тогда. Помню, я отвечал ей на это в журнале "Сервей":

"Что за прелестная основа для "конструктивных взаимоотношений"! Обычный бизнес, вы им — кредиты и технологии, а они вам взамен твердую валюту (...) за счет подрыва экономики. Вы им строите завод, производящий грузовики, а они пошлют эти грузовики, наполненные своими солдатами, в Афганистан. Не старайтесь их изменить — они вас так или иначе изменят. В этом-то и состоит суть экономических реформ, за которые так ратует товарищ Горбачев: Запад строит советскую экономику, а они между тем строят коммунизм во всем мире".

Читатель может оценить мое злорадство, когда через семь лет я нашел вышеупомянутый документ о советской помощи бастующим британским шахтерам...

Словом, наш союз с западными антикоммунистами никогда не был равным: в тяжелые для них времена "холодной войны" или "детанта" 70-х мы объединялись, а в тяжелые для нас времена "перестройки" они о нас и не вспомнили. Да и во времена альянса у нас не было полного взаимопонимания: слишком узко толковали они советскую угрозу, видя в основном лишь ее военный аспект. Но тот факт, что в войне идей вооружение имеет лишь психологическое значение, а сама эта война не имеет ни фронта, ни тыла, — остался за пределами их понимания. Не случайно, добившись банкротства СССР к 1986 году, они успокоились, так и не доведя дела до конца: как только СССР перестал представлять угрозу миру, он перестал их интересовать. Дальнейшая судьба сотен миллионов людей их не волновала, видимо, в силу уже упомянутого выше высокомерия (если не сказать

шовинизма), предполагавшего наличие мистической вины народов, коммунизмом "наказанных".

Соответственно, наши разногласия, хоть и приглушенные наличием общего врага, стали проявляться почти немедленно: уже к концу 70-х, когда мир убедился, что СССР не собирается соблюдать требования Хельсинских соглашений по правам человека, наши позиции разошлись. Мы считали, что единственной адекватной реакцией на аресты членов Хельсинских групп должна быть денонсация Хельсинских соглашений или хотя бы угроза денонсации — при ультимативном требовании освободить арестованных. Запад же был склонен сделать вид, что ничего существенного не произошло, и "продолжать хельсинский процесс" как ни в чем не бывало. Эту позицию еще можно было понять, пока в большинстве западных стран у власти оставались левые партии, но ведь она не изменилась и к началу 80-х, когда произошел резкий сдвиг вправо. Даже администрация Рейгана не решилась трогать этот вопрос, хотя многие влиятельные деятели республиканцев, находясь в оппозиции, открыто разделяли нашу точку зрения.

Между тем, это было ключевой проблемой всей политики отношений между Востоком и Западом. Хельсинские соглашения, при всех их недостатках, содержали в себе основополагающий принцип этих отношений — равенство и неразрывную связь трех его "корзин": безопасности, сотрудничества и прав человека. В них было заложено чрезвычайно важное признание того факта, что советская внешняя агрессивность неразрывно связана с антидемократической, репрессивной сутью режима, без изменения которой о "безопасности" и говорить бессмысленно, а любая форма сотрудничества становилась капитулянтской. Экономические отношения превращались в помощь врагу, "культурные" — в инструмент советской пропаганды, и даже дипломатические лишь способствовали утверждению фальшивого образа Советского Союза как "нормального" государства.

Более того, Хельсинские соглашения содержали очень важную уступку со стороны Запада: "признание нерушимости послевоенных границ в Европе", т.е. де-факто — признание советской оккупации Восточной и Центральной Европы, ее узаконение. Не случайно Брежнев считал эти соглашения самым большим достижением своего правления и даже сказал одному из своих помощников:

— Вот если удастся завершить Хельсинки, то и помереть можно.

Оно и не удивительно: он хотел "вписать себя в историю как продолжателя линии на победу, как закрепившего победу в войне победой в политическом плане". Только обеспечив признание Западом советских завоеваний в Европе, можно было двигаться дальше — к расширению влияния на всю Европу, к "борьбе за мир" и разоружение. Для СССР эти соглашения были *паллиативом послевоенного мирного договора в Европе*, закреплявшего их империю.

Таким образом, речь шла обо всей стратегии Запада на последующие десятилетия: денонсация Хельсинских соглашений фактически была бы ревизией соглашений Ялтинских и поставила бы вопрос о легитимности советской оккупации восточноевропейских стран (включая и Прибалтику, и даже Украину с Белоруссией). Характерно, что даже намек на возможность такого поворота в отношениях, когда ряд сенаторов и конгрессменов США предложил поднять эти вопросы на Мадридской конференции 1980 года, вызвал в Москве полную панику:

Инициатива названных выше конгрессменов получила поддержку боль-

шинства членов палаты представителей, — в ужасе сообщал ЦК. — **Это пока не обязывает администрацию к конкретным действиям, но по демагогическим соображениям может послужить Картеру поводом для развертывания новой враждебной кампании против СССР.**

Словом, Хельсинские соглашения могли бы стать прекрасным инструментом внешней политики, если бы Запад решился их использовать. Однако не только Картер, но даже Рейган, Тэтчер и Коль, практически контролировавшие в 80-х западную политику, на это не решились, а Хельсинские соглашения лишь превратились в инструмент советской политики подавления инакомыслия и развития дальнейшего наступления в Европе. Вместо того, чтобы заставить Москву обороняться, причем "на своей территории" (Восточная Европа, республики СССР), Запад позволил ей перейти в "мирное" наступление, чуть не стоившее Западной Европе ее свободы.

Между прочим, изменить это положение было еще не поздно даже в разгар миротворческой истерии, развязанной Москвой в начале 80-х. Просто вместо того, чтобы принять советские условия игры и толковать об абстрактном "мире" вне контекста истории отношений между Востоком и Западом, вместо бесконечных препирательств по поводу числа ракет и боеголовок, которые только еще больше пугали несведущее население (а значит, играли на руку СССР), нужно было вернуться к контексту Хельсинских соглашений, позволявших связать вопросы безопасности с существом советского режима. Такая позиция была для Запада совершенно беспроигрышной, ибо возвращала дебаты в правильное русло, где и виновник был очевиден, и политическое решение конфликта между Востоком и Западом уже предложено, а наличие советской подписи под Хельсинскими соглашениями не позволяло говорить о каких-либо "неприемлемых" для Москвы условиях.

В самом деле, что могла бы в тот момент ответить Москва на ультимативное требование соблюдать свои обязательства по Хельсинским соглашениям? Ничего, кроме демагогии. Зато денонсация их Западом открывала последнему великолепную игру: предложить созыв международной конференции для заключения *послевоенного мирного договора*, где неизбежно всплыли бы вопросы самоопределения стран Европы, оккупированных СССР по договору с Гитлером. Кто мог быть против мирного договора в тот напряженный момент? Даже откровенно просоветские силы оказались бы в затруднении, а уж непредвзятое общественное мнение точно оказалось бы на нашей стороне. Говорю это не предположительно: в 1984 году, как раз тогда, когда антиядерная истерика достигла своего апогея в США, мы поставили убедительный эксперимент в двух самых либеральных штатах США — Калифорнии и Массачусетсе. Избирателям в Лос-Анджелесе был предложен на референдуме вопрос:

"*Должен ли совет графства Лос-Анджелес направить руководству Соединенных Штатов и Советского Союза послание с утверждением, что риск ядерной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом может быть сведен до минимума, если у всех народов будет возможность свободно и без опасений высказывать свое мнение по международным проблемам, в том числе по национальной политике вооружения, — чтобы тем самым население графства Лос-Анджелес призвало все народы, подписав-*

шие Хельсинские соглашения по правам человека, соблюдать условия этих соглашений по вопросам свободы слова, религиозных убеждений, печати, собраний и эмиграции для всех граждан?"

И, несмотря на отчаянное сопротивление профессиональных миротворцев, предложение было принято большинством в две трети голосов! Аналогичная резолюция прошла в Массачусетсе в октябре:

"...побуждая Советский Союз следовать Всеобщей Декларации прав человека ООН и Хельсинским соглашениям, тем самым уменьшая угрозу ядерного столкновения".

Не возникает сомнения, что правительство США легко могло распространить этот эксперимент на всю страну, совершенно обезвредив движение промосковских миротворцев. Но, несмотря на такую яркую поддержку населения, администрация Рейгана так и не решилась на это. Тем более не попытались они сделать ее своею международной позицией, а уж о денонсации соглашений и об идее "мирной конференции" в Европе и говорить не хотели.

Увы, консерваторы оказались абсолютно неспособны усвоить принципы "идеологической войны". Даже помощь антикоммунистическим движениям, так называемая "доктрина Рейгана", ограничивалась чисто материальным аспектом, чаще всего финансовой или военной помощью. Но вся огромная пропагандистская работа по обеспечению общественного сочувствия была за пределами их понимания. Этим, как и многим другим, пришлось заниматься нам, не имея на то ни средств, ни политических возможностей. А много ли можно было сделать чисто общественным группам, на средства, собранные у общественных и частных фондов? Созданный нами в 1983 году "Интернационал Сопротивления" разрывался на части, пытаясь противодействовать тому, чем в СССР занимались огромные, хорошо финансируемые и могущественные структуры. Наши западные друзья часто даже не понимали, что мы пытаемся сделать. Работу с прессой, конференции да пресс-конференции они еще понимали, но что-либо более сложное наталкивалось не непреодолимые препятствия бюрократического непонимания.

Наиболее яркий тому пример — наше предложение вызвать массовое дезертирство в советских частях, расположенных в Афганистане. Казалось бы, ясно, что, сколько ни снабжай афганских моджахедов оружием, чисто военной победы они добиться не смогут. Стало быть, надо искать других решений, которые бы сделали советскую оккупацию слишком "дорогостоящей". И самое очевидное решение — организация возможности бегства советских солдат за рубеж. Представим себе, как еженедельно, в числе прочих новостей, политбюро докладывают, что за истекшую неделю бежали еще несколько сот советских военнослужащих из "ограниченного контингента", а прежние несколько сот, добравшись до Запада, провели пресс-конференции. Сколько бы таких сообщений выдержало политбюро, прежде чем начать лихорадочно готовить вывод войск? Непосредственное участие советских частей в боевых операциях было бы сведено на нет, дабы не предоставлять дополнительных возможностей дезертирства. Но даже и такая реакция была бы огромным облегчением для афганцев — с деморализованной правительственной армией они бы и сами справились.

А то, что советские солдаты бегут даже без малейшей надежды выжить, тем более добраться до Запада, мы знали от наших афганских друзей-моджахедов. Да

я в том и не сомневался, понимая, как непопулярна должна быть эта война за коммунистические интересы среди русской молодежи (не говоря уж о выходцах из республик). Несколько десятков их уже сидело у афганцев в плену, что было крайне стеснительно для мобильных партизанских групп. К тому же советское командование, узнав, что в каком-либо кишлаке прячут беглых, подвергало этот кишлак безжалостной бомбардировке, чтобы отучить афганцев от такого гостеприимства.

Словом, проблемой надо было заниматься в любом случае. Но самой простой частью задачи оказалось договориться с моджахедами: они-то прекрасно поняли ценность проекта. Понял ее и генерал Зия уль-Хак, президент Пакистана, охотно закрывавший глаза на провоз беглецов через свою территорию. Только западные правительства отказывались понять суть дела, упорно настаивая на "гуманитарном" характере операции, то есть на крайне малом ее масштабе. Всем нам, различным общественным группам, занимавшимся этой проблемой, с невероятными трудностями удалось вывезти в общей сложности человек 15, не более. Ни о каких сотнях или тысячах беглецов не могло быть и речи: ни одна западная страна принять их не соглашалась...

Это всего лишь один пример, но он весьма показателен как иллюстрация основной причины наших разногласий: вопреки всем нашим усилиям, даже наиболее консервативные круги Запада не пожелали понять, что *десятки и сотни миллионов за "железным занавесом" являются их естественным и самым мощным союзником, а не "гуманитарной проблемой". Действительно победить коммунизм можно было только вместе с ними.*

11. Я сделал все, что мог...

Но это было еще благодатное время, когда наличие общего врага хоть в каком-то смысле делало нас союзниками и обеспечивало поддержку если не правительств, то хотя бы некоторых общественных сил. Бездумная эйфория времен "гласности и перестройки" лишила нас и этой последней поддержки, последних союзников. Соблазн "победить" без борьбы, выиграть без усилия оказался для них слишком велик. Как раз в тот момент, когда можно было наконец легально отстраивать оппозиционные структуры, не опасаясь серьезных репрессий, — и средства, и симпатии Запада были на другой стороне. Как раз в то время, как политзаключенные в советских тюрьмах и лагерях подвергались самому изощренному давлению с целью их идейной "нейтрализации", Запад рукоплескал гуманности Горбачева. Когда войска "спецназа" убивали грузинских демократов на площади в Тбилиси, давили Народный фронт Азербайджана танками в Баку, штурмовали правительственные здания в Вильнюсе и Риге, Запад беспокоило лишь одно: как бы это "не повредило Горбачеву". А уж финансовая помощь кремлевским "реформаторам" измерялась астрономическими цифрами: за семь лет партийной "перестройки" советский внешний долг вырос на целых 45 миллиардов долларов! Вот какую цену заплатил Запад за то, чтобы в бывшем СССР не возникло ни настоящей демократии, ни рыночной экономики. И заплатил бы еще больше, окажись августовский "путч" более удачным: уже на подходе был новый "план Маршалла", всерьез обсуждавшийся на встречах "Большой семер-

ки".

Казалось бы, само упоминание плана Маршалла, спасшего Европу от коммунизма, должно заставить задуматься: ведь никому и в голову не пришло бы 50 лет назад предложить его *еще не побежденной* Германии! Разве могли предложить его Франции Петена, Италии Муссолини, Норвегии Квислинга? Отцам нашим, по крайней мере, хватило здравого смысла сначала разгромить противника, заставить его *безоговорочно капитулировать*, провести денацификацию — и только потом говорить об экономической помощи. А поступи они иначе, не видать бы Европе демократии, жить бы ей многие десятилетия в "посттоталитарном" абсурде.

Конечно, мы пытались сопротивляться этому безумию до последнего, стараясь как могли поддерживать независимые силы и издания внутри СССР. Созданный для этой цели в Нью-Йорке "Центр за демократию в СССР" даже стал переводить и публиковать эти издания в США, дабы привлечь к ним внимание публики, пока окончательно не лишился средств. Чтобы как-то рациональнее использовать наши убогие ресурсы, пришлось стянуть все в одну организацию, объединившую демократов из всех республик под общим лозунгом-названием "Демократия и независимость". Но даже консервативная "Дейли телеграф" нашла нас слишком "правонастроенными".

"*Многие диссиденты считают, что Запад питается далекой от действительности дезинформацией, рисующей Горбачева истинным демократом, которому угрожают его консервативные оппоненты. (...) И все же чем чаще эти одинокие голоса дискредитируют гласность, тем неоправданней возникает подозрение, что эти люди стоят на месте, сменяя критерии наличия реформ, вместо того чтобы заверить нас, что их прошлые боевые заслуги не прошли даром. (...) Повсюду им видится заговор*".

Еще бы! Ведь даже Маргарет Тэтчер... и даже Рональд Рейган... Только считанные единицы среди журналистов (Эб Розенталь в "Нью-Йорк таймсе", страница передовых статей в "Уолл-стрит джорнэл") отваживались поддерживать нас в то время. По счастью, стремительно нараставший в стране кризис вызывал резкую радикализацию общества, и к 1990 году даже московская интеллигенция начала понимать суть дела. Появлялись новые возможности, новые силы выходили из-под контроля власти, избавляясь от чар перестройки. Летом 1990-го мы сделали последнюю серьезную попытку как-то объединить оппозицию — собрали конференцию в Праге, куда пригласили и старых диссидентов, и новых оппозиционеров из всех республик СССР, и тех из консервативных кругов Запада, кто еще мог оценить наше усилие.

Прага была идеальным для этой цели местом не только из-за близости к СССР или облегченных правил въезда, но прежде всего благодаря очевидному символизму, который Вацлав Гавел не преминул отметить в своем приветственном выступлении. Единственный из всех тогдашних глав государств в мире пришедший к власти в результате антикоммунистической революции, он не побоялся солидаризироваться с нашей позицией, не изменил своему прошлому, но говорил о нашем общем принципе — неделимости свободы и справедливости. "Если они где-то под угрозой — они под угрозой везде".

Увы, он оказался действительно единственным. Для того, чтобы стать реально

работающим центром оппозиции, нам требовались значительные средства, печатная техника, компьютеры, средства коммуникации — словом, все, что нужно массовой организации для ее нормального функционирования. Но, вопреки нашим отчаянным поискам, мы не нашли никого, кто бы снабдил нас всем этим, — ни фонда, ни правительства, ни богатого доброжелателя. Казалось, дальнейшая судьба мира никого больше не интересует. Иные говорили вполне откровенно: "Если вы правы и СССР скоро развалится, зачем же нам тратиться на это?" О том, что "развалиться" можно по-разному, не хотели и задуматься.

Удивительное дело: режим был еще жив, он вполне мог утащить с собой в могилу сотни тысяч людей. Более того, как раз в 1990 году становилось очевидно, что Горбачев и его подельники к тому-то и готовятся. Но никого это уже не волновало. На какие-то гроши в другой только что освободившейся стране — Польше — мы срочно создали совместно с нашими польскими друзьями тренировочно-координационный центр "Варшава-90". Поляки, в прошлом активисты подпольной "Сражающейся Солидарности", брались в срочном порядке подготовить группы активистов из различных частей СССР к работе в условиях "военного положения". По нашей просьбе они восстановили даже свою подпольную мастерскую по изготовлению радиопередатчиков и каждую возвращавшуюся в СССР группу старались снабдить ими. Мы-то отлично помнили, что в условиях массовых репрессий "военного положения" достоверная и оперативная информация становится на вес золота. От нее будут зависеть жизни тысяч и тысяч людей.

Вполне подтверждая наши прогнозы, режим начал 1991 год атакой на Прибалтику, повышением цен, всеобщим зажимом. Сомнений не оставалось: введения "военного положения" можно было ждать буквально в ближайшие недели. Если что и сдерживало их, так это растущее сопротивление населения, грозившее вылиться во всеобщую забастовку. К весне конфронтация казалась неизбежной, а с моей точки зрения — и желательной. Это был уникальный момент нашей истории, один из тех редких моментов, что определяют жизнь страны на поколения вперед. Впервые за 70 лет безжалостного угнетения люди открыто бросали вызов режиму. Сам по себе такой общенародный порыв, объединяющий все этнические и социальные группы страны в стремлении отстоять свое достоинство и свободу, был бесценен. Он означал, что в этом, казалось бы, насмерть задавленном народе зреют предпосылки для настоящей демократии. Но одних предпосылок было недостаточно. Слабые и лишенные опыта, оппозиционные силы нуждались в закалке в процессе борьбы со старым режимом, чтобы вырасти в реальную политическую структуру, способную смести номенклатуру со всех уровней управления государством. Только такая борьба могла выдвинуть настоящих лидеров, народных организаторов в каждом районе, на каждом предприятии, создав таким образом подлинную политическую *альтернативу*. Без этой борьбы не могло произойти *системных изменений*, а новый, нарождающийся строй не получал структурной поддержки.

Одним словом, страна была на грани революции. И самое глупое, что можно было сделать в такой ситуации, — это позволить властям сохранить инициативу, дать им выбрать наиболее удобный момент для наступления. Конфронтацию надо было навязать режиму ровно тогда, когда он к ней менее всего готов, менее всего ее желает. Но повлиять на настроения огромной страны из-за границы, без

своей организации, без общенациональных средств информации было невозможно. А ничего этого создать мы так и не смогли, будучи брошены без поддержки и ресурсов всем миром. Оставался последний шанс – попытаться поехать туда.

С большим трудом пробившись в Москву в апреле 91-го, с визой всего на пять дней, я бросился в водоворот митингов, интервью, совещаний. Надежда на то, что все еще можно исправить, спасти, придавала сил, хотя я отлично сознавал, что ничего, кроме совета, предложить людям не могу – не то что средств, техники или организационных структур, но даже сочувствия западного мира, из которого я приехал. Это была отчаянная попытка убедить, надежда на то, что в накаленной до бела атмосфере страны и одного громко сказанного слова может оказаться достаточно. В конце концов, разве не словом боролись мы с этим режимом тридцать лет? Разве не привыкли мы делать все от нас зависящее даже и в гораздо более безнадежную пору?

"*Конфронтации не избежать,* – говорил я сразу по приезде на пресс-конференции. – *Единственное, о чем следует думать: как избежать крови. Поэтому я тысячу раз готов повторить: нужна всеобщая забастовка. Это единственный шанс избежать крови и голода. (...) Вы что, не понимаете: к зиме у вас будет голод. Горбачев добровольно не уйдет. КГБ добровольно не уйдет. Значит, они будут стрелять.*

Я считаю, что сегодня нельзя быть пассивным. Ведь если наша страна не встанет, как один человек и не скажет коммунистическому режиму – уйди, альтернативой этому будет голод в эфиопских пропорциях и гражданская война ливанского типа".

"*Мне непонятно, как можно морально поддерживать бастующих шахтеров и продолжать ходить на работу,* – давил я на чувства в последовавших интервью. – *Как же так: бастуют шахтеры, не за себя – за общее дело, а вы ходите на работу... Я лагерный человек. Если голодает один зэк, голодает весь лагерь. Должна забастовать страна. (...) Вот если останется эта власть, ваши дети будут воевать где-нибудь в Польше или Молдавии. Будут подавлять мятеж азербайджанцев. Вам это надо?*"

"*Нужно срочно организовывать демократические структуры. Ваши депутаты сидят в своем российском парламенте и теряют время. Неужели не понимают, что за ними ничего нет, никакой власти? Отними у них завтра микрофон, и их нету! Надо объединяться. Назовите это хоть форумом, хоть партией... Понимаете, страна рухнет, и никого нет*".

В сущности, в этом и была вся проблема: страна была готова сбросить режим, но не готова оказалась новая "элита", новые, выросшие в перестройку "демократы". Люди, в общем-то, случайные, выдвинувшиеся на псевдовыборах, когда любое новое лицо казалось лучше старых, они были гораздо ближе к режиму, чем к народу. Им вовсе не хотелось радикальных перемен, которые вполне могли отодвинуть в сторону и их самих, лишив их случайно обретенного положения "лидеров". Придя на заседание Верховного совета РСФСР, я поразился их неадекватности: полдня у них ушло на бесплодные препирательства о том, по каким микрофонам каким группам депутатов выступать. Под конец бурных дебатов на эту столь важную им тему они даже проголосовали и, восхищенные собственным демократизмом, объявили перерыв. А в это же время страна уже настолько жаж-

дала смены режима, настолько была раскалена, что через несколько дней даже коммунистические профсоюзы были вынуждены, как я уже упоминал, провести однодневную забастовку, чтобы как-то сохранить свое влияние. Более 50 миллионов человек прекратило работу, притом вопреки официальному запрету.

Воспользовавшись перерывом, я вылез на трибуну и попытался вернуть их к реальности. Куда там! Как и прочие российские "лидеры", они мечтали о "гражданском мире", о "переговорах за круглым столом" с коммунистическим режимом. И, сколько я ни объяснял, что даже в Польше (где за плечами лидеров "Солидарности" по крайней мере стояли миллионы членов их организации, пережившей к тому же военное положение) "круглый стол", тем не менее, был ошибкой: он лишь затормозил движение польского общества к демократии, — российские "демократы" не пожелали понять, что в их условиях такой "круглый стол" и подавно не будет круглым. В конфликте между народом и режимом они инстинктивно выбирали сторону режима, их породившего. Ельцин, в тот момент бесспорный их лидер, даже предал бастовавших шахтеров, бросив их на произвол судьбы, только чтобы договориться с Горбачевым о временном перемирии. Более того, из всех тогда существовавших политических групп он выбрал себе в союзники "либеральных коммунистов" — своих будущих смертельных врагов: Александра Руцкого сделал своим вице-президентом, Руслана Хазбулатова — председателем Верховного совета России. Пройдет всего четыре месяца, и этот "выбор" окажется роковым для всего последующего развития событий, для всей страны, сделав демонтаж старой системы невозможным. Запутавшись в заговорах, потонув в путчах, режим упадет, как переспевший плод. Но все структуры новой власти окажутся заблокированы старой номенклатурой, парализованы эгоизмом "новой элиты" из числа "либеральных коммунистов", столь любезных сердцу Бориса Ельцина. Не создав себе никаких массовых структур для опоры, новая демократия повиснет в воздухе, а власть достанется бюрократии, жадной и бездушной...

Впрочем, что ж винить его одного, вечно пьяного бывшего партаппаратчика? От него и ждать было трудно другого выбора. Но ведь и весь "цвет нации", вся интеллектуальная элита оказалась не лучше, в критический момент испугавшись своего народа больше чекистской расправы. Заныли, заскулили:

"Ах, не приведи Господи русский бунт... Ах, будут танки под окном..."

"*Это, может, из Кембриджа кажется, что как только все заводы остановятся, так с неба булки посыплются,* — не постыдилась поучать меня какая-то шибко интеллигентная дамочка, не видавшая в своей жизни ничего страшнее партийного выговора. — *Но мы-то — отсюда — прекрасно видим, что это не скачок в "царство свободы", а шаг в сторону разрухи и хаоса, эпидемий и голода. И с помощью всеобщей забастовки не предотвратить гражданскую войну — но ускорить. ...множество трезвых умов давно уже поняли: если кого нам и следует бояться, так это "пламенных революционеров", обнаруживающих бесстрашие перед танками*".

Что ж, на то вам и даны "трезвые умы", чтобы "прекрасно видеть"... Через несколько недель были и танки под окнами, перед которыми пришлось-таки "обнаруживать бесстрашие", но уже было поздно спасти страну от разрухи и хаоса. Этот раскаленный апрель, когда все было просто, черно-бело, все — дости-

жимо, будет вспоминать не одно поколение обнищавших, опустошенных людей, прячась по домам от банд мародеров. Мне же, как и тридцать лет назад, нечего сказать им, кроме:

я сделал все, что мог...

Глава седьмая
РАСПЛАТА
(Э п и л о г)

1. На Востоке

"Ах, какая разница? — говорили мне с досадой и на Востоке, и на Западе. — Главное, что коммунизм развалился, притом бескровно".

И опять, как всегда, получалось, что я какой-то вечно недовольный злопыхатель или даже опасный "экстремист". Никак мне не угодишь: вот уж и советского режима нет больше, и КПСС запрещена, и СССР распался — чего же еще надо? Скорее бы только забыть кошмар прошлого, стряхнуть его точно пыль и — вперед, к победе капитализма!

Не знаю, почему-то эта вот чисто фрейдистская потеря памяти (а с нею и совести) тревожит меня гораздо больше сугубо материальных последствий нынешнего кризиса. Жизнь начинается у них как бы с нуля, без сожаления, раскаяния или просто попытки переосмыслить пережитое. Все мы, независимо от наших прошлых дел, теперь одинаковы, все — пострадавшие, все — демократы. Порою доходит до курьезов: какой-то совершенно незнакомый человек, остановив меня на улице, радостно, без тени иронии, сообщал:

— Я сам двадцать лет работал в органах. А мой приятель был одним из тех, кто вывозил вас в Швейцарию. Он этим всю жизнь очень гордится.

И что мне было сказать, глядя в его радостное лицо, кроме как передать привет его приятелю?

В основном же это совсем не забавно, это пугает. И дело тут отнюдь не в нас, тех немногих, кто отказался быть соучастником зла, — мы-то вполне готовы простить виновных, но *не должны прощать себя они сами*. Это должно быть нужно им, а не нам, и коли такой потребности у них нет, то дело безнадежно. Как хотите, но не могу я поверить в способность человека заново родиться без боли и мучительной переоценки своих былых ценностей, тем более в такую возможность для целой страны, десятилетиями жившей в чудовищной лжи. Единственный известный нам пример такого возрождения — послевоенная Германия — вряд ли был бы успешным без осознания немцами своей национальной вины, а это осознание — *без осуждения их преступлений* всем человечеством. Да и во всей континентальной Европе, пережившей нацистскую оккупацию (а стало быть, и коллаборантство ее элиты), вряд ли восторжествовала бы демократия. Глядишь, через год-другой после освобождения и там к власти пришли бы именно бывшие коллаборанты (разумеется, под личиной "демократов" и путем совершенно демократических выборов), как теперь это происходит и в Польше, и в Венгрии, и в Болгарии, и даже в Литве.

Тем более не удивительно их торжество в России. Теперь, после кровавого месива в Чечне, вдруг заговорили враз — и на Востоке, и на Западе — о "конце российской демократии", об изолированной и никому не подотчетной правящей клике в Кремле, о контроле над прессой и народном безразличии. Чеченская авантюра объявлена чуть ли не "водоразделом" всего российского политического развития. Да полноте, господа, разве все это только что возникло? Разве не те же самые бравые генералы, что руководят штурмом Грозного, "помогали" Афганистану? Разве не те же самые партаппаратчики руководят "национальной политикой", что и при Брежневе—Андропове? Не те ли это "профессионалы", за коих так ратовало общественное мнение в 91-м? Да и "общество" — не то ли же самое, что так и не нашло в себе мужества освободиться от тоталитарного гнета? Не надо теперь лукавить, господа хорошие: все это вы выбрали сами, соблазнившись перестройкой да убоявшись конфронтации.

Ах, будут танки под окном, будет кровь...

Что ж, вот они и танки, вот и кровь.

Так уж устроен наш мир, что нам приходится платить за любую свою ошибку, любой свой выбор. Но если за ошибку в личных делах обычно сам же и платишь, то за политические ошибки расплачивается вся страна, а то и весь мир. Одно цепляется за другое, делая невозможным третье и оставляя все более уменьшающийся набор возможных решений идущим следом поколениям. И, глядишь, вполне разрешимая вначале проблема вырастает в кризис, а кризис — в катастрофу, от которой пострадают совсем непричастные к изначальной проблеме люди. Будь они хоть семи пядей во лбу, им только и останется, что выбирать между плохим и худшим.

Не так ли и нам пришлось платить за увлечение наших дедушек и бабушек красивой идеей социализма в начале века? А еще более — за их безразличие, за их конформизм, когда на их глазах красивая мечта стала превращаться в душегубку. Ведь если что и поражает в российской истории, так именно это безразличие, знаменитый русский "авось": фанатиков-большевиков и было-то не более сорока тысяч в 17-м году, но и противостояла им всего лишь горстка офицеров. Даже в разгар гражданской войны — всего несколько сот тысяч с обеих сторон, из коих значительную часть составляли люди совершенно случайные: поляки, пленные чехи, латышские стрелки. В лучшем случае — казаки. Так где же была вся страна, уже тогда имевшая население в 150 миллионов? Что они-то делали? Сидели по домам и ждали: "Авось, пронесет..."

Хотя исторические параллели редко бывают оправданы, от них трудно удержаться: глядя на нынешнее равнодушное разложение огромной страны — как не вспомнить апатию 75-летней давности? Конечно, переход от десятилетий тоталитарной неволи к демократии и от "зрелого социализма" к рыночной экономике никак не мог быть легким. Достаточно вспомнить коллективизированное сельское хозяйство, жестко монополистическую промышленность, почти 50% которой работало на военные нужды, отсутствие инвестиционного капитала, истощенные ресурсы и массы людей, никогда в жизни не работавших продуктивно, чтобы понять масштабы проблемы. Любая, сколь угодно постепенная реформа такой экономики неизбежно должна была вызвать массовую безработицу, падение жизненного уровня и социальную напряженность, размаха которых не выдержало бы

никакое демократически избранное правительство (как ни одно избранное правительство не могло бы и создать такую систему).

Тем более не могло справиться с такой колоссальной задачей правительство, состоящее из людей случайных, на которых буквально свалилась власть и у которых не было никакой структурной опоры, способной стабилизировать положение в переходный период. Новые, демократические учреждения находились в зачаточном состоянии, существуя скорее символически, чем реально; во всяком случае, они были не чета вездесущим и хорошо отлаженным структурам, оставшимся от старого режима и спаянным общими интересами (и совместными прошлыми преступлениями) в фактическую мафию. Даже заменить старый управленческий аппарат было некем, отчего старая номенклатура с ее награбленным богатством, международными связями и опытом продолжала контролировать как исполнительную, так и законодательную власть в якобы демократическом уже государстве.

Не забудем и менее чем дружественное отношение Запада к нарождающейся в бывшем СССР демократии: в то время как те, кто пытался спасти прогнившую систему, — Горбачев и К^0 — до последнего момента пользовались безоговорочной поддержкой Запада, их более демократические оппоненты (включая Ельцина), объявлялись "ненадежными" и даже "опасными". Все это лишь продлевало агонию режима, тормозило возникновение подлинной демократической оппозиции и делало проблему выздоровления страны еще более трудной.

Наконец, прибавьте сюда для полноты картины бесконечные этнические конфликты, стремительный рост преступности, фантастическую коррупцию и полную апатию деморализованного населения, и станет ясно, что шансы успешного выздоровления были весьма невелики. *Единственным выходом из положения могло бы стать только вовлечение максимально широких слоев населения в политический процесс*. А для этого нужна была драма всенародной борьбы со старым режимом, нужен был катарсис победы общества над системой, а точнее сказать — над самим собой. Но, как мы видели, на это не решилась "элита", для которой номенклатура была роднее народа. Напротив, эти провинциальные секретари обкомов и бывшие комсомольские вожаки, волею случая оказавшиеся у власти, меньше всего хотели что-либо менять и уж тем более делиться властью. Да и не только они.

"Ах, народ не готов..." — толковала интеллигенция, привыкшая всегда оправдывать свое слабодушие ссылками на "народ". Напротив, как мы видели выше, народ-то был готов бороться за демократию, однако элита удобное сожительство с коммунистами предпочла власти народа, проводимой народом в интересах народа.

Тем не менее, как бы в подтверждение старой истины о том, что жизнь — гениальный создатель самых невероятных сценариев, судьба предоставила Ельцину и его соратникам последний шанс: разразился так называемый августовский путч, подспудно оказавшийся неожиданным подарком, поскольку ускорил крах коммунистической системы. Можно только гадать, сколь долго, если бы не путч, тянулась бы предшествовавшая всему этому деморализующая неопределенность, когда интеллектуалы беспрестанно мололи языками насчет мудрости решения "сесть за круглый стол переговоров" и кошмаров возможной конфронта-

ции, а Запад отчаянно пытался спасти своего любимого Горби. И как бы ради посрамления их всех "империя зла" решила нанести ответный удар, после чего развалилась на глазах, показав, до какой степени прогнила насквозь.

Таким образом внезапно возникла возможность компенсировать затянувшуюся нерешительность. Но для того, чтобы воспользоваться такой возможностью, необходимы были очень быстрые и радикальные действия, пока номенклатура еще не пришла в себя от полученного шока, а общественное воодушевление пребывало в апогее. И, надо сказать, команда Ельцина действительно великолепно проявила себя во время путча, а также в течение нескольких дней после него. Вне сомнения, то, что Ельцин взобрался на танк перед Белым домом и обратился оттуда с речью к согражданам, было его звездным часом, а тот момент, когда через пару дней он подписывал указ о запрещении коммунистической партии Советского Союза, — самым знаменательным событием всей его жизни.

Но на этом все и кончилось. В следующие сто дней, как бы опешив от неожиданного триумфа, Ельцин не совершил ровным счетом ничего значительного. Как и в 1917 году, августовская "революция" одержала победу в центре страны, в основном в нескольких крупнейших городах, тогда как провинцию она не затронула. Путч провалился настолько молниеносно, что продемократические силы не успели объединиться, чтобы избавиться от местных боссов. Теоретически "демократы" были партией власти, однако в действительности они не обладали никакой властью на местах — и Ельцин не сделал ничего, чтобы это положение изменить.

Даже и в центре, где собственная власть Ельцина с самого начала была неоспорима, всего этого оказалось недостаточно, чтобы опечатать обкомы и райкомы партии и конфисковать ее имущество. Необходимо было как можно скорей обезвредить прочие составляющие тоталитарной системы, в том числе и КГБ со всей его запутанной агентурной сетью, чудовищно разросшуюся армию с ее мощнейшей индустриальной базой, министерства, по-прежнему контролировавшие до мелочей процесс производства и распределения. Но самое главное — необходимо было раз и навсегда публично развенчать социалистический режим, основательно продемонстрировав его преступления, что лучше всего было сделать на открытом процессе или посредством общественного расследования — так, чтобы при этом средствам массовой информации были предоставлены для публикации соответствующие документы из архива КПСС и КГБ.

Иными словами, надо было покончить со старыми структурами власти и создать новые. Это, несомненно, требовало от Ельцина разорвать союз с "либеральными" представителями номенклатуры, чего можно было достичь путем новых выборов в парламент. Все это и многое другое было довольно легко сделать в первые сто дней после августовского путча, когда напуганная номенклатура не могла оказать сопротивления, а Ельцин находился на вершине своей популярности. Скажем, прямо с самого начала можно и нужно было провести наиболее болезненные, однако необходимые реформы: прежде всего широкую приватизацию низовой государственной собственности — жилищ, учреждений, оптовой и розничной торговли. Один этот шаг уже расширил бы социальную основу власти Ельцина, постепенно вводя в жизнь основной принцип частной собственности, без которого никакие дальнейшие рыночные реформы невозможны. Кроме того,

ввести этот принцип означало бы заменить нормальным рыночным распределением рушащуюся систему централизованного государственного распределения, являвшуюся основной причиной дефицита и постоянным источником коррупции. И, наконец, все это прямо вызвало бы у значительной части населения чувство удовлетворения при виде ощутимых последствий революции.

Эти меры, проводимые одновременно с чисткой номенклатуры, а также с введением в жизнь нового российского законодательного органа, привели бы к власти новых людей в результате устранения главного препятствия реформам — старого законодательного органа, изобретенного Горбачевым специально, чтобы замедлить ход перемен. Вместо того, чтобы убеждать своих врагов голосовать за смертный приговор самим себе в виде новой конституции и закона о земле (что Ельцин впоследствии и сделал), или вместо того, чтобы штурмом брать Белый дом и с помощью силы свергать прежний Верховный совет (что ему и пришлось сделать впоследствии), Ельцин мог бы создать себе новое орудие реформ. А это уж во всяком случае сделало бы послеавгустовские перемены необратимыми, а также могло значительно укрепить его собственную позицию.

И еще: тогда же было крайне необходимо вытащить Россию из ее имперского прошлого, и в этом случае Ельцин также проявил нерешительность, если не повел себя двусмысленным образом. При том, что в декабре 1991 года он все-таки нанес смертельный удар по Советскому Союзу, его представление о будущих взаимоотношениях России со вновь образовавшимися государствами было весьма и весьма расплывчатым, и это открывало дорогу возможным конфликтам.

С одной стороны, республики провозглашались независимыми и таковыми признавались в Москве, но с другой — Россия претендовала на роль "правопреемницы" Советского Союза, принимая на себя ответственность поддержания мира на территории бывшей империи. И это была еще одна колоссальная ошибка. В результате не только оказалось, что единственно на русском народе лежит ответственность за преступления коммунизма, жертвой которого он был в первую очередь и больше остальных народов; но кроме того оказалось невозможно провести сколько-нибудь значительную реформу громадных советских вооруженных сил, разбросанных теперь по просторам бывшего Союза и очень часто вовлекаемых в пресечение местных этнических конфликтов.

И, что еще хуже, противоборствующие стороны в многочисленных местных этнических конфликтах воспринимали российские войска, оказавшиеся в эпицентре конфликта, либо как источник поставок оружия, либо как потенциального союзника (если удавалось спровоцировать возмущение армии поведением противной стороны в конфликте). Участились случаи, когда местные жители из русских становились заложниками в этой жестокой игре. Это, в свою очередь, возбуждало проявления националистических чувств в самой России, а также усугубляло ее экономические трудности увеличением потока беженцев на историческую родину.

В конечном счете армейским командирам в условиях национальных конфликтов зачастую предоставлялось действовать, полагаясь на собственное политическое чутье, а это чутье далеко не всегда оказывалось ориентированным демократически. Случалось и такое, что в своих интересах военные старались как можно дольше затягивать конфликт, считая военные действия единствен-

ной гарантией против сокращения вооруженных сил и иных неблагоприятных воинских реформ. Единственным способом избежать этих потенциально взрывоопасных проблем было для Ельцина с самого начала отказаться от вовлечения в любые конфликты за пределами России, быстро вывести все войска с территорий, не принадлежащих России, а также серьезно реорганизовать вооруженные силы. Все это могло быть сделано, если бы Россия немедленно после августовского путча в одностороннем порядке вышла из Союза.

Разумеется, все сказанное не означает, что Ельцин сумел бы проделать все эти реформы за оставшиеся месяцы 1991 года. Однако он, несомненно, мог и должен был запустить их в те первые сто дней, наметив таким образом основные направления своей политики. Вместо этого он только и делал, что снимал и перетасовывал старую бюрократическую колоду. В результате бюрократия разрасталась, прибирая к рукам все правительственные сферы, делая правительство неподконтрольным и крайне коррумпированным. И вот отсутствие радикальной, осуществляемой при поддержке правительства программы приватизации дало возможность бюрократии "приватизировать" по собственному усмотрению. Бывшие партийные функционеры, которые, разумеется, теперь поголовно превратились в "демократов", быстренько сделались также и "бизнесменами", захватив в свои руки многое из вожделенной государственной собственности в процессе подобной фактической "приватизации". Остальное расхватали дельцы "черного рынка" и откровенные уголовники. Мало того, что это не вызвало публичного возмущения, — это опорочило самое идею рыночной экономии.

Благодаря обретению новой финансовой основы и бездействию Ельцина, возродившаяся номенклатура смогла перегруппироваться и выработать новую тактику действий, на сей раз чисто "демократическую". Теперь уже не требовалось переворотов или заговоров. От былых коммунистов потребовалось всего-навсего выступить в качестве "демократической" оппозиции, защищающей интересы простых людей, попутно блокируя и саботируя продвижение дальнейших реформ. Поскольку теперь коммунисты преобладали и в исполнительных, и в законодательных ветвях власти, им неминуемо досталась победа в этой новой игре в "демократию".

Что же касается немногочисленных и разрозненных демократических сил, оказавшихся в проигрышной ситуации, то они лишь продолжали распри, усугубляя свой раскол. Они не могли открыто противостоять Ельцину из боязни стать картой в игре коммунистов, хотя и поддерживать Ельцина они не могли из опасения отвратить от себя главных своих приверженцев. В конце концов кое-кто из них вошел в правительство, другие вообще ушли из политики, а меньшинство слилось с рядами разуверившегося большинства, считавшего, что его предали и обокрали, лишив плодов произведенной им революции.

Да и как они могли думать иначе, видя, что те же самые партийные бюрократы сидят в тех же кабинетах, занимают те же посты и имеют те же привилегии, какие имели до августа? Какого же Ельцина им, обманутым, следовало поддерживать: того, который влезал на танк и объявлял войну номенклатуре, или того, который между своими объявлениями войны ратовал за компромисс с этой номенклатурой?

Таким образом, всего лишь через сто дней после победы правительство Ельци-

на — при своей неспособности решить основные проблемы, неумении поддержать политические структуры и все уменьшающейся популярности — все больше и больше начинало походить на временное правительство 1917 года.

* * *

Словно всех этих ошибок за каких-то два-три месяца было недостаточно для одного человека, Ельцин добавил к ним еще одну: не решив проблему политической власти в стране и не позаботившись о том, чтобы сразу ввести институт частной собственности, он привлек к внедрению рыночной экономики Егора Гайдара.

По иронии судьбы, совершенно так же, как и Горбачев до того, эта новая русская звезда была на Западе моментально провозглашена молодым и энергичным борцом за рыночную экономику, хотя в действительности Егор Гайдар был отпрыском старого номенклатурного сухостоя. Дед его, известный советский детский писатель, создал себе имя прославлением большевистской революции; отец, советский адмирал, следуя семейной традиции, прославлял доблесть советских воинов в Афганистане. Ясно, что при такой завидной революционной родословной Гайдар-третий сделал блестящую профессиональную карьеру в различных мозговых центрах ЦК, таких, как его главный теоретический орган, журнал "Коммунист", а затем стал редактором отдела экономики газеты "Правда".

Немудрено, что при таких безупречных данных, характеризовавших его как знатока экономики Запада, невозможно было не выдвинуть его на пост премьер-министра неодемократической России.

Его команда состояла тоже из молодых, энергичных, либерально мыслящих детей номенклатуры, годами просиживавших в престижных научно-исследовательских институтах. Разумеется, в брежневские времена их бы сочли чуть ли не бунтарями за попытку убедить старый догматический ЦК, что социализм можно усовершенствовать с помощью некоторых элементов рыночной экономики. Подозреваю, что в студенческие годы они тайно почитывали Милтона Фридмена и Фридриха фон Хайека. Вся беда, однако, состояла в том, что их познания в экономике были исключительно книжными, поскольку никогда они не жили, как живут обычные люди, — ни при социализме, ни при капитализме.

Именно эти "реформаторы-радикалы" убедили Ельцина принять польскую модель "шоковой терапии" и начать весь процесс с "либерализации цен". Они были твердо убеждены, что этот путь, вкупе с жесткой монетарной и финансовой политикой, приведет к тому, что рубль можно будет сделать к лету 1992 года конвертируемым, а к осени — начать приватизацию. Ведь, в конце концов, так было в Польше, неправда ли?

В результате произошла катастрофа. Реформы, которые на Западе были встречены как смелые, на самом деле оказались полностью несостоятельными, поскольку целиком игнорировали колоссальную разницу между российской и польской экономикой. Сельское хозяйство в Польше не пережило полной коллективизации и всегда основывалось на частном фермерстве; более того, как розничная, так и оптовая частная торговля уже существовала в Польше на протяжении многих лет. Потому-то шоковая терапия в этой стране стимулировала конкуренцию в частном секторе (занимавшем треть общей рабочей силы в стране), и

после первоначального скачка на 60% вверх цены за несколько месяцев стабилизировались.

В России же, совершенно наоборот, не было ни частного производства, ни частной торговли — частный сектор вообще отсутствовал, как отсутствовала и законная основа для частной собственности. В подобных условиях никакой конкуренции возбудить невозможно: производители-монополисты могли преспокойно сокращать производство и фиксировать цены на свою продукцию на любом уровне. Не удивительно, что производство, в том числе и сельскохозяйственное, упало повсюду на 20—30%, в то время как цены подскочили *в двадцать раз*, после чего продолжали расти. В то же время жесткая монетарная и финансовая политика Гайдара — он *кое-что* почерпнул из книжек Фридмена — жесточайшим образом подавила всякую частную инициативу. При налогах, установленных по шведской шкале (федеральный и местный налог в сумме доходили до 90%), и при отсутствии дешевых кредитов всякого инициативного предпринимателя тут же загоняли в подполье, где подозрительные сделки совершались исключительно за наличные (к вящей радости рэкетиров).

Так частная инициатива обратилась в бессмысленную деятельность вместо того, чтобы вырячься в продуктивную рыночную экономику. Такой "бизнес" не способствовал наращиванию капитала, не вовлекался в конкуренцию, не создавал новых рабочих мест или новой продукции; он даже не вносил ощутимой доли в сбор налогов. Однако при этом он возбудил инфляцию, преступность и ненависть общества к "поганому капитализму".

Еще одно отличие от Польши состоит в том, что основная часть производившейся в России продукции не была ориентирована на потребителя, а представляла собой управляемую государством тяжелую индустрию, примерно 40—50% которой приходились на долю военной промышленности. Всякая рыночная реформа непременно катастрофически повлияла бы на промышленность России, вызвав колоссальную волну безработицы. Поскольку в наши дни никакое правительство не сможет пережить такую громадную безработицу, не говоря уже о таком слабом, как правительство Ельцина, рыночные реформы в России следовало проводить одновременно с быстрым наращиванием частного сектора, способного создавать новые рабочие места. Но даже и этого было бы недостаточно, и потому следовало бы заготовить программу общественных работ, подобно той, которую осуществили при президенте Рузвельте в Соединенных Штатах.

Ничего из этого не было принято во внимание. И вот жесткий монетаризм Гайдара в сочетании с лихорадочной инфляцией и подпольной, оперирующей наличными средствами экономикой внезапно привел к кризису ликвидности. Говоря простым языком, российская экономика обанкротилась. Предприятия не могли платить за сырье, энергию, услуги, за продукцию, обеспечиваемую поставщиками; рабочим по несколько месяцев не выплачивалась зарплата. (Когда забастовал завод атомного оружия в Сибири, Ельцину пришлось лично на своем самолете отвозить рабочим задолженность.)

К лету 1992 года вместо обещанного конвертируемого рубля правительству пришлось печатать обыкновенный в астрономических количествах. Под давлением обстоятельств Гайдару с Ельциным пришлось вернуться к крупному субсидированию промышленности и периодической индексации заработной платы и пенсий

— иными словами, к старой горбачевской экономической "политике" печатного станка и выпрашивания дополнительных кредитов у Запада.

И уж, конечно, по-прежнему велось множество всяких разговоров о реформах, а осенью, "как и планировалось", даже была предпринята нерешительная попытка "приватизации". Приватизационные ваучеры, номинальной стоимостью в 10 тыс. рублей каждый, были отпечатаны и вручены каждому гражданину России. Но население отнеслось к этому без особого энтузиазма: никто не представлял себе, какого рода собственность можно приобрести за эти ваучеры. Можно ли на них купить что-то полезное, скажем, землю или дома, или это означает приобретение крохотной доли какой-нибудь гигантской допотопной фабрики, которая никогда не принесет никакого дохода? Поскольку первое уже было "приватизировано" партией аппаратчиков и дельцами "черного рынка", народу оставалось второе.

Между тем, ваучеры, едва были запущены в обращение, просто добавили примерно триллион к уже вырвавшейся из-под контроля инфляции, став не более чем очередным средством платежа. К концу 1992 года рыночная цена ваучера упала до 2 000 рублей.

Так закончилась "рыночная реформа" Гайдара, сделав народ в двадцать раз беднее, лишив иллюзий, озлобив его. Подобная "реформа" как нельзя лучше сыграла на руку коммунистам: хотя в стране по-прежнему не было ни демократии, ни рыночной экономики, обе идеи были окончательно дискредитированы. Что касается Ельцина, то для него этот крах ознаменовал начало долгого отступления. Если весной 1992 года ему пришлось принести в жертву свои политические убеждения, к осени он принес в жертву и свою команду (в том числе и Гайдара), а весной 1993-го уже боролся за свое политическое выживание. Даже штурм Белого дома и насильственный разгон старого Верховного совета не укрепил его позиции: новый парламент (Дума) получился едва ли лучше прежнего, и с этого времени Ельцин фактически становится заложником "властных структур" (армии, министерства внутренних дел и нового КГБ — ФСК). Они оставались единственной силой в стране, поддерживавшей Ельцина, хотя, выражаясь словами Ленина, поддерживали его как веревка — висельника.

Очевидно, для того, чтобы страна могла выжить, необходимо, чтобы новые силы, новые люди — предпочтительно новое поколение — объявились на политической арене России. Пока этих новых сил нет, а нынешние недостаточно мощны, чтобы разрешить существующий кризис. Именно по этой причине ни один из обычно предполагаемых сценариев будущего России не представляется вероятным — ни вариант большевистского переворота 1917 года, ни вариант Веймарской республики с возникающим из хаоса новым Гитлером, ни вариант военного переворота по типу пиночетовского в Чили, ни вариант всеобщей гражданской войны, как в бывшей Югославии. Ведь если бы в России имелись силы, способные воплотить какой-либо из известных сценариев, эти силы уже давно победили бы или по крайней мере заявили бы о себе сколько-нибудь убедительно.

Возьмем, к примеру, нынешних "большевиков": стремятся ли они принять на себя ответственность абсолютной власти? Что-то непохоже. Они предпочитают пока набивать себе карманы, но чтобы ответственность оставалась на Ельцине и его команде. Нынешние "большевики" — из разряда тех, кто, как остроумно

заметил один российский журналист, нажил себе состояние на собственных похоронах. Таким образом, воскресение из мертвых вряд ли входит в их планы.

Или посмотрим на российских националистов, расписываемых на Западе так, будто они вот-вот предпримут штурм Кремля. Даже штурм телецентра у них не увенчался успехом. Где были их "черные сотни" в октябре 1993 года, когда Москва практически сдавалась им без боя? При стольких годах беспорядка, при всей их амуниции, вызывающей в памяти Веймарскую республику, националисты только и смогли, что получить 23% голосов за "шестерку" — осведомителя КГБ Владимира Жириновского (большинство которых было подано явно из протеста против остальных претендентов).

По-настоящему численность российских националистов едва ли превышает численность "бритоголовых" в любом европейском государстве. Вот почему в России им приходится объединяться с коммунистами в коалицию, теперь известную как "союз красно-коричневых": сошедшиеся в этот брак не по любви партнеры понимают, что каждый слишком слаб и в одиночку не выживет.

Военная диктатура — сценарий еще менее вероятный. Канули в прошлое те времена, когда армия представляла собой монолитную силу, спаянную железной дисциплиной в железный кулак партии. Нынешняя российская армия, судя по ее действиям в Чечне, раздираема внутренними проблемами и противоречиями. Новобранцы хотят домой, младший офицерский состав желает улучшения жилищных условий и повышения жалованья, даже между генералами нет сейчас полного согласия. Многие из командиров на местах предпочитают держать свои воинские части в казармах. Страшно даже вообразить, что может произойти, если в самом деле какой-нибудь безумный генерал предпримет военный переворот: никто не может сказать, в кого начнут стрелять эти солдаты, превратившиеся в банду мародеров.

Но кроме всего прочего — ни одна из вышеупомянутых сил не имеет ни малейшего представления, как решить проблемы страны. Если отставить в сторону их обычную демагогию, коммунисты понимают, что теперь нет возврата к пятилетним планам и кампаниям "социалистического соревнования". Самые крайние националисты понимают, что не может быть возврата в прежнюю империю иначе как через долгую кровопролитную войну, на которую у России уже нет сил. Да и демократы, запутавшиеся со своими реформами, также не имеют ясных ответов.

Поскольку центр с группками погрязших в бесконечных раздорах московских политиков и с правительством, печатающим все больше и больше бумажных денег, парализован, периферии только и остается искать свои собственные решения.

В действительности распад самой России начался уже задолго до нынешнего конфликта в Чечне, лишь ускорившего этот процесс. Некоторые регионы и области в отчаянном стремлении к стабильности ввели у себя местную валюту в качестве заслона от инфляции рубля; другие открыто подумывают о выходе из Российской Федерации. И армия может последовать в том же направлении, предоставляя местным политикам свою силу и взамен получая от них необходимый провиант, которым Москва больше не в состоянии ее обеспечить.

Возможно, так и должно произойти в государстве, которое исторически созда-

валось не снизу вверх, а сверху вниз. В самом деле, кто объяснит, почему Сибирь, по-прежнему сказочно богатая всякими ресурсами, должна по-прежнему влачить жалкое существование на том лишь основании, что где-то далеко-далеко, за девять часовых поясов, в Москве, какие-то дураки только и знают, что препираются из-за каких-то формулировок в конституции? Что вообще дала Москва Сибири, кроме приказов, взысканий, налогов, а теперь и гиперинфляции?

Бесспорно, стремление к "суверенности" стало наиболее мощным фактором последней революции в России, причем оно затронуло не только разнообразные этнические группы. На самом деле понятие "суверенности" может обернуться единственным массовым пониманием свободы в сверхцентрализованном тоталитарном государстве — желанием отделиться от него с помощью какой-нибудь границы, а еще лучше железного занавеса. И именно это желание, а вовсе не горстка бывших коммунистов — ныне демократов — решительно покончило с тоталитарным контролем.

Накатывающая волна гиперинфляции, как и неуклонное снижение добычи нефти (на 15—20% в год), может лишь еще сильней подогреть это желание. Поскольку нефтяные промыслы в России по-прежнему остаются основным добытчиком твердой валюты, вся экономика России зависит от того, как продается нефть. При том, что российская промышленность застыла на нуле, даже основные потребительские товары ввозятся теперь из-за границы, прямо как в Нигерии (которую Россия все более и более напоминает). Таким образом, как только добыча нефти скатится до уровня, когда ее станет достаточно лишь для внутреннего потребления, целые области останутся без горючего, транспорта, отопления, в то время как несколько крупных городов (таких, как Москва, Санкт-Петербург и др.) будут по-прежнему импортировать товары с Запада. Одна эта ситуация расколет Россию гораздо решительней, чем любые столкновения на национальной почве.

Но если страна развалится на части, то даже самые крупные ее осколки не будут способны поддерживать общенациональные системы коммуникаций, транспорта, энергетики, не говоря уже о безопасности ядерных и химических предприятий. Как не смогут они содержать и Академию наук с сетью научно-исследовательских институтов, не смогут поддерживать художественную культуру, накопленную за два последних века. Собственно говоря, страна (или то, что от нее останется) может быть отброшена назад к средневековью, когда бесчисленные княжества сражались за свое выживание.

Что и говорить, невозможно предсказать, как станут управляться эти осколки России — выборными парламентами или лендлордами? Будут ли они жить в мире друг с другом или воевать за нефтяные разработки и золотые прииски? И если будут воевать, то с помощью какого оружия? Словом, перед нами встает множество разнообразных и пока остающихся без ответа вопросов. И самый значительный из них: что мы можем со всем этим поделать? Применительно к Западу ответ на этот вопрос есть: да почти ничего. Даже сегодня, как бы Запад ни стремился помочь Ельцину, очередная пара миллиардов долларов погоды не сделает, тем более что большая часть этих денег так или иначе будет прикарманена коррумпированной российской бюрократией. А если страна распадется, Запад будет способен помочь и того меньше. Понятно, что столь глобальную проблему нельзя

решить со стороны. Как невозможно решить ее и изнутри, если из этого хаоса не возникнет новое племя бунтарей, которые сделают то, на что их трусливым отцам духу не хватило: покончат с остатками тоталитарного режима, превратившегося в мафию, отстранят поколения, испорченные десятилетиями рабства, и начнут строить новое общество.

Увы, трудно представить себе, что возможно такое чудо в преобладающей сегодня атмосфере уголовщины и беззакония, разложения и апатии. Наиболее распространенная форма протеста среди нынешней молодежи — желание покинуть страну, и, судя по подсчетам, 75% отъезжающих составляет молодежь до 25 лет. А наиболее предприимчивые ищут себе идеал среди гангстеров, разъезжающих в своих "Мерседесах".

И все же без этого чуда к 2000 году России может уже и не быть.

2. На Западе

Хотя цена, которую платит Россия, так непомерно высока, крайне наивно было бы думать, что Западу как-то удается избежать при этом возмездия. Под этим я имею в виду не одни общеизвестные проблемы: неизбежное разрастание мафии и коррупции, экологические катастрофы масштаба Чернобыля или контрабандный вывоз ядерных технологий и ядерного сырья в страны Ближнего Востока (хотя все из перечисленных выше тревожных проблем вполне реально существуют и Западу еще предстоит отыскать для каждой надлежащее решение). Не отношу я сюда и возможных последствий столкновений между различными частями России. Я говорю о куда более далеко идущих последствиях неспособности Запада одержать победу в "холодной войне" (или хотя бы определить ее идеологическую сущность). Всеобщий кризис двухсотлетней утопии неизбежно сказывается на политической, социальной и экономической жизни западного мира прямо пропорционально ее былому воздействию. От крушения мирового порядка до банкротства государства всеобщего благоденствия и от кризиса представительной демократии, поносимой и осаждаемой жаждущим власти "меньшинством", до вырождения нашей культурной жизни — все это прямые последствия мечты об эгалитарном коллективизме, безраздельно господствовавшей с эпохи французской революции. Однако, что весьма сходно с ситуацией на Востоке, здешняя "элита" еще даже не готова признать наличие кризиса, не говоря уже о том, чтобы с ним совладать. Не думая раскаиваться в своем прошлом соучастии в чудовищных преступлениях против человечества, "элита" упорно цепляется за потерпевшую крах утопию в отчаянной попытке удержать свое правящее положение.

Посмотрите на них: вечно готовые спекулировать на чувстве вины при виде бедности и нищеты какого-нибудь самого что ни на есть заброшенного племени или по поводу плачевного состояния какой-то редчайшей биологической разновидности, не имеющей к нам никакого отношения, они совершенно не чувствуют себя виновными в той колоссальной катастрофе, появлению которой способствовали. Напротив, левый истеблишмент Запада, словно в неустанно повторяемой лжи как раз и состоит его путь к истине, за последнее время сочинил буквально сонмы книг, в которых стремится доказать свою "несомненную правоту". Призна-

ния некоторых бывших советских политических деятелей о размахе сотрудничества Запада с советским режимом теперь воспринимаются с возмущением как "охота на ведьм". Или же в лучшем случае с невозмутимостью:

— Ну и что? Подумаешь!

Многие и по сей день выставляют свой былой идеологический альянс даже несколько ностальгически, если не с гордостью, как праведную борьбу за достойные цели (которые почему-то не оправдались). Словно речь идет не о политической системе, отправлявшей за один день на тот свет больше человеческих душ, чем святая инквизиция за три столетия своего существования (вспомним записку Сталина, в которой он одним росчерком пера приговорил к смерти 6600 человек: инквизиция погубила пять тысяч за триста лет).

— Что плохого в прекрасной мечте о всеобщем счастье, даже если окажется, что она неосуществима? — спрашивают эти люди с бездарно наигранной наивностью.

Как будто мы в конце XX века не научились понимать, что мечта одного человека может обернуться кошмаром для другого. Полагаю, мечта нацистов о чисто арийском счастье также была возвышенной; однако в Нюрнберге это обстоятельство не было принято во внимание.

Увы, мечтателям нынешней формации Нюрнберг не грозит. Не побежденные в годы первой "холодной войны", они продолжают вести вторую, навязывая свою программу доверчивому человечеству. Оглянемся вокруг: бывшая советская клиентура повсюду в мире тщательно сохраняется ее западными идеологическими союзниками (на Кубе, в Анголе, Мозамбике). Если мы готовы применить силу для того, чтобы освободить несчастных угнетенных от антидемократического режима, то это произойдет на Гаити, а не на соседней Кубе: поставить президента-социалиста с помощью силы допустимо, сбросить же его с помощью силы — ни в коем случае.

К тому собственно и сводится так называемый "новый мировой порядок": все та же старая, двухсотлетняя утопия, навязываемая нам всеми правдами и неправдами. Подобно Бурбонам в годы после Реставрации, наши утописты не вынесли для себя никакого урока из своего бедственного прошлого: сталкиваясь с пережитками коммунизма в Китае и Северной Корее или с рецидивами его в России, они по-прежнему произносят слова умиротворения, призывая к "невмешательству в чужие внутренние дела" и "влиянию через сближение". Как если бы последнее десятилетие не представило бесспорных доказательств того, что коммунистическую систему реформировать невозможно, нас по-прежнему побуждают "поддерживать реформы" в России посредством торговли и займов, дешевых кредитов и предоставления статуса наибольшего благоприятствования. И десять лет спустя, когда грянула сенсацией вполне реальная угроза, эти люди и сейчас отмахиваются о нее, изображая изумление.

Сама по себе идея мирового порядка, вводимого и поддерживаемого неким всемирным правительством, — по самой своей сути утопическая греза; однако, когда она проводится в жизнь прогнившей политической "элитой", которая заражена потерпевшей крах идеологией и преследует свои узкие интересы, такая идея немедленно превращается в несчастье для человечества. Не говоря уже о таких явных примерах, как Сомали и Югославия, даже на Ближнем Востоке

"мирный процесс" обрел все черты нарастающей катастрофы: он уже обошелся Израилю в большее число человеческих жертв, чем потеряла страна за время Шестидневной войны. Чего иного можно ожидать от "мирного процесса", тайно состряпанного в Норвегии международной социалистической номенклатурой?

Однако основные последствия еще впереди, и их следует ожидать не только на Ближнем Востоке: попробуйте сегодня остановить террориста, когда каждому из них сияет яркий пример Ясира Арафата. Нравственный эталон "нового мирового порядка" может быть, следовательно, сформулирован так: если у тебя хватает выносливости долго истреблять невинных людей, то ты уже не террорист, а государственный деятель и лауреат Нобелевской премии мира. Можете быть спокойны, подобная точка зрения не прошла незамеченной ни для активистов движения "Хамас", ни для ИРА в Северной Ирландии, ни для различных группировок, сражающихся в Боснии, где чуть не каждая деревня провозглашает себя отдельным "государством" со своим собственным "правительством". При таком мощно притягательном возбудителе что толку держать в Боснии войска ООН или изображать международное посредничество!

Пожалуй, пример Боснии особенно нагляден для иллюстрации той неразберихи, которую создали утописты, сторонники "нового мирового порядка", и может служить провозвестником грядущих событий. Уму непостижимо, как этим мудрецам могло прийти в голову создать независимое государство, управляемое мусульманским меньшинством (43,6% по переписи 1991 года), из бывшей югославской провинции, которая никогда, по крайней мере последние 500 лет, государством не была! Что это, попытка продемонстрировать свое непредвзятое отношение к мусульманскому миру? Или же утопический эксперимент с целью доказать, что лев и агнец могут сосуществовать бок о бок? Возможно, мы никогда этого не узнаем. Можно только констатировать, что это решение было вынесено с полным пренебрежением к чаяниям местного населения. Сербы, составляющие крупнейшее национальное "меньшинство" (31,2%) в первую очередь протестовали против всяческих попыток отделить их от собственно Сербии, единодушно бойкотируя так называемый "референдум" 1992 года. Ну и что, подумаешь! Являясь самыми рьяными поборниками "прав меньшинств" там, где это отвечает их идеологическим устремлениям, наши утописты, сторонники "нового мирового порядка", полностью игнорируют их там, где им это невыгодно (к примеру, в Южной Африке, где даже зулусы не сумели завоевать их расположения!). И вот боснийские сербы, напрасно выступавшие с протестами, проснулись в один прекрасный день в "независимом" мусульманском государстве. Неудивительно, что они взялись за оружие: давайте представим себе, что английский городок Лутон (традиционное место поселения эмигрантов-мусульман в послевоенные годы) внезапно провозглашает себя независимым мусульманским государством и весь мир признает его таковым. Не покажется ли нам это шагом, несколько чересчур возмутительным для немусульманского населения? Разве не скажем мы тогда, что те, кто принял подобное решение, понесут всю полноту ответственности за последующее кровопролитие?

Ничего подобного не произошло в результате действий наших утопистов, которые всегда правы и никогда не несут ответственности ни за какие последствия своих возвышенных мечтаний. По крайней мере до тех пор, пока в их руках

остаются средства массовой информации, они, что бы ни случилось, будут по-прежнему прикрываться высокими нравственными лозунгами. Так, разразившаяся в Боснии гражданская война, которую, как водится, варварскими методами идет между крестьянами, сражающимися за землю, благовидно поименована "этнической чисткой". *Этнической*? С каких это пор мусульмане сделались этносом? Кто бы ни запустил подобное выражение, это, должно быть, большой специалист в области пропаганды, но только не в области этнографии, ибо, согласно последней, нет никаких *этнических* различий между сербами, хорватами и, разумеется, мусульманами (и они — всё те же южные славяне, как и прочие народности бывшей Югославии, и говорят на том же языке, что сербы и хорваты, только были обращены в исламскую веру в результате трехсотлетнего турецкого ига). Таким образом, на самом деле боснийский конфликт носит не более этнический характер, чем беспорядки в Северной Ирландии.

Ну и что, подумаешь! Сегодня правда — это то, что сообщает CNN. Эмоционально подогретый тщательно разработанной параллелью с преступлениями нацизма, наш возмущенный мир не смог остаться равнодушным. Впервые после сороковых годов были приведены в действие силы Международного трибунала по преступлениям против человечества, дабы наказать преступников, учинивших эту несуществующую "этническую чистку". В течение пятидесяти лет не созывался этот трибунал. Ни преступления Сталина в Восточной Европе, ни военные действия советской армии в Афганистане, ни "социальная чистка", проводимая Пол Потом в Камбодже, не были найдены достойными его осуждения. По иронии судьбы, большинство нынешних преступников в Югославии, инициаторов "этнической чистки", все последние десятилетия совершали по долгу службы, являясь коммунистическими боссами, подобные же преступления. Но, помилуйте, за эти преступления никто и не собирался их судить! И если бы они продолжали истреблять капиталистов и кулаков, священнослужителей и "реакционеров", никто бы не осмелился их осуждать. Наше нравственное презрение должно ограничиться исключительно рамками этой мифической "этнической чистки".

Можно только надеяться, что боснийская трагедия хотя бы станет для наших утопистов-мечтателей призывом к пробуждению (каковым должен был бы стать происшедший у всех на глазах распад Советского Союза после 75 лет принудительной "интернациональной дружбы" его народов). Однако вся беда в том, что наши современные утописты — теперь уже не наивные идеалисты, а, подобно своим советским образцам, номенклатура, которая служит самой себе. Пока их "мечта" помогает им удержаться у власти, им можно совершенно не заботиться о последствиях. Возьмем другой пример: их стремление к интеграции Европы. Невозможно даже взять в толк, почему после стольких перечисленных несчастий надо снова браться за тот же эксперимент, разве что тут замешаны их личные интересы. Не сумев победить с помощью нормальных демократических средств и почуяв, что общественное мнение идет в разрез с их идеологией, наша социалистическая номенклатура понимает, что сможет сохранить за собой власть, только оставаясь невыборной централизованной бюрократией, которую практически невозможно сместить. Это просто новая попытка создать социалистический "общеевропейский дом", да побыстрее, пока никто не заметил в этом хитрости, — вечная мечта о постройке очередной Вавилонской башни. Неважно, что в Европе,

с ее отнюдь не миролюбивой историей, это принудительное объединение, вероятней всего, откроет старые раны, если не создаст новые Боснии. Утописты пекутся лишь об одном — об увековечивании своей власти, чтобы "перераспределить благосостояние", перекачивая из "богатых" частей Европы" в "бедные", да навязать "социальный (социалистический) статус" рыночной экономике.

Можно только восхищаться (кому нравятся подобные развлечения) их ловкими манипуляциями: как лихо они умудряются поставить идею свободного "общего рынка" с ног на голову и втиснуть в социалистическую смирительную рубашку! Можно только диву даваться, что сталось с хваленой европейской демократией, непостижимым образом превращенной в посмешище! Дошло до того, что датчан, проголосовавших против Маастрихтского договора, заставили переголосовывать, в то время как англичанам, которые, как было заранее известно, проголосуют против, и вообще не предоставили возможности голосовать. Вместе с тем очевидные факты говорят, что этот скороспелый союз европейских наций вряд ли выльется во что-либо иное, нежели все подобные союзы в нашей истории. Едва ли существует лучшая возможность нажить себе врагов, чем совместная жизнь по принуждению. Но по прошествии десяти-пятнадцати лет, когда все это обнаружится, можем мы хотя бы ожидать, что зодчие проекта "Объединенная Европа" признают свою вину? Да что вы, ни в коем случае! Они будут клясть национализм и нетерпимость, ксенофобию и алчность, внезапно, без всякой видимой причины, обрушившиеся на европейцев. Они будут обвинять все и вся, но только не себя самих.

Утописты упорно не желают считаться с человеческой природой; вот почему их мечты никогда не воплощаются в жизнь без насилия, а результаты всегда противоположны провозглашенным целям. Их основной порок состоит в совершенно антинаучном и антигуманистическом представлении о человеке как о некоем податливом существе, которое может быть "усовершенствовано" при "надлежащих" социальных условиях. Соответственно они и не принимают важнейших, основополагающих установлений, развившихся за тысячелетнюю историю нашей цивилизации как отражение основных свойств человеческой натуры. Частная собственность, семья, религия, народ — все это как вместе, так и по отдельности подвергается на протяжении последних двух столетий постоянным нападкам, что неизменно влечет за собой чудовищные последствия.

В конечном счете против *личности*, ее прав, ее достоинства, ее суверенности вот уже двести лет ведет войну самопровозглашенная, жаждущая власти "элита" — утописты, действующие методами принуждения. Коммунизм — это просто наиболее последовательное выражение их устремлений, и его поражение могло бы и должно было дискредитировать саму концепцию утопии, подобно тому, как крах нацизма дискредитировал понятие евгеники. Это могло бы и должно было помочь человечеству выработать в себе аллергию на демагогию утопистов и иммунитет против всяческих их манипуляций. Всякий намек на "социальную инженерию" мог бы сегодня вызывать у нас немедленное неприятие, подобное тому, какое вызывает выражение "этническая чистка".

Увы, мы не победители, а они не побежденные. Правда, теперь, после того, как в результате их более чем вековых нападок на частную собственность почти половина мировой экономики оказалась порушена, даже самые ярые утописты,

хоть и со скрипом, но признают необходимость частной собственности. Но разве мы можем назвать это своей победой?

Едва ли. Даже мировая экономика сегодня не свободна от утопической идеи "перераспределения материальных благ" — из так называемых "богатых" стран в так называемые "бедные". Недавно проходившая в Копенгагене конференция ООН по социальному развитию снова оказалась в плену подобных понятий; как будто опыт последних 50 лет не научил нас, что крупные вливания наличных средств Запада в экономику стран третьего мира "способствуют развитию" в них лишь громадной коррумпированной бюрократии. Сколько себя помню, эти страны постоянно субсидировались — сначала как "слаборазвитые", потом — как "развивающиеся"; сам этот более вежливый и многообещающий эпитет свидетельствует об отсутствии реального прогресса. Теперь, когда за пятьдесят лет потрачены триллионы долларов, можем ли мы назвать хотя бы одну страну, ставшую "развитой" в результате подобных вливаний? Напротив, положение в этих странах, ставших зависимыми от доз иностранной помощи, только усугубилось, в то время как страны, не получавшие помощи с Запада, такие, как Тайвань, Сингапур, Чили или Гонконг, выросли в экономических гигантов.

Между тем, в пределах самого западного мира наконец-то материализовалось утопическое представление о государстве всеобщего благоденствия. Практически каждое государство индустриализованного мира либо разорилось на пути осуществления этой возвышенной мечты, либо разорится в самом начале грядущего тысячелетия, если в системе ничего не изменится. И при этом не уменьшились ни нищета, ни преступность, ни неграмотность, ни нехватка медицинской помощи, а в иных странах показатели даже возросли прямо пропорционально росту благоденствия. Более того, почти в каждом крупном городе вырастает особый подкласс, зависящий от благоденствия, при котором множество семей в течение трех поколений высасывают государственные блага. И есть все основания считать, что этот опасный процесс намеренно поощряется теми, кому, чтобы оставаться у власти, необходимы именно такие избиратели.

Но настоящую опасность, по мнению многих экспертов, представляет собой разрушительное воздействие благоденствия на развитие семьи. Внушительный рост беременности среди девочек-подростков, рост безотцовщины, непосредственным образом вытекающие из политики всеобщего благоденствия последнего тридцатилетия, являются косвенной причиной нынешнего взрыва подростковой преступности, наркомании и быстрого роста подкласса, зависящего от благоденствия. Этот порочный круг, пожалуй, даже более порочный в данный момент в англосаксонских странах, чем в континентальной Европе, сам по себе не может не вызывать ощутимой тревоги. Добавим к этому еще две застарелые жертвы утопических экспериментов: практически разрушенную систему образования, теперь делающую упор в первую очередь на игры и развлечения, а не на учебный процесс и дисциплину, а также судебную систему, в которой процедуры и формальности верховенствуют над правосудием вместо того, чтобы служить ему, — и глазам представится зрелище прямо-таки апокалиптическое.

Европейцы опять же могут попробовать отмежеваться от такого кошмара, именуя его "американским недугом", но вряд ли им удастся избежать того же — ведь суть проблемы едина по обе стороны Атлантики. Оба полушария слишком

долго пребывали во власти утопического представления о человеческом существе, избавив таким образом личность от ее безраздельной ответственности за собственную жизнь. В результате, современное государство стало кормилицей для одних и матерью-вампиром для большинства. Неспособная изменить свои методы, правящая номенклатура продолжает наращивать взимание налогов, повергая таким образом среднего налогоплательщика в нищету и зависимость от государства. Можно без особой натяжки предсказать, что ни одно государство на земле не сможет к концу столетия по-прежнему оплачивать подобную "социальную справедливость". Что же произойдет тогда? Бунт налогоплательщиков, отказывающихся платить? Крушение государства?

Кстати, что такое современное государство? Гибрид средневекового протекционистского рэкета и социалистической утопии. Пока нашу жизнь определяли законы "холодной войны", было хоть какое-то рациональное объяснение: мы хотели защитить себя от страшной опасности, угрожавшей нашему образу жизни и платили за свою защиту, задабривая подкласс, чтобы он не заразился коммунистической бациллой. Сегодня этого рационального объяснения нет, и наш "общественный договор" утратил свое значение. От кого защищает нас современное государство? От преступников? Едва ли. Сегодня, если на вас напали воры или к вам в дом вломились грабители, вы молите Бога, чтобы их не поймали. В противном случае, вы как налогоплательщик будете вынуждены только то и делать, что оплачивать бесконечные и бесполезные судебные издержки, по завершении чего преступники скорее всего благополучно отправятся домой... Но даже если они попадут за решетку — не приведи Господи! Стоимость содержания уголовника в заключении доходит прямо-таки до астрономических цифр; например, в Великобритании это стоит ежегодно от 20 до 40 тысяч фунтов стерлингов. Ни один из нас, рядовых налогоплательщиков, не может даже помыслить о таких расходах на себя.

Ну а что же другая функция современного государства, его "добро и забота"? Для нас это еще больший абсурд, чем функция "защиты", потому что государство всегда оказывается "добрым и заботливым" к кому-то, а не к нам, но за наш счет. Множество супружеских пар не спешат с рождением детей, дожидаясь, когда материально смогут себе позволить надлежащим образом их растить; между тем, наше "доброе" государство нещадно облагает их налогами, чтобы выплачивать пособие матерям-одиночкам. Множество больных и престарелых людей не могут себе позволить необходимое лечение своих хворей; между тем, наше "заботливое" государство облагает их налогами, сводящими несчастных в могилу, чтобы получить средства на лечение наркоманов. Нужна ли нам защита от преступников при такой доброте со стороны государства? Сама идея подобного принудительного милосердия настолько нелепа и оскорбительна, что уж лучше нам платить уголовникам, чтоб охраняли нас от государства.

Очевидно, что само существование современного государства становится или станет сомнительным, и уже очень скоро. При этом у нынешней "элиты" недостает ни храбрости увидеть эту кризисную ситуацию, ни честности признать порочной свою генеральную линию. Напротив, не успела громадная, всепоглощающая коммунистическая утопия испустить дух у нас на глазах, как на ее месте возникают мириады крохотных утопий, как бы восполняя пустоту, образовав-

шуюся в жизни наших утопистов.

Человечество завалено этими утопиями; пусть мы и привыкли утихомиривать своих крестоносцев, но все же никак не можем согласовать все их притязания. Чтобы нас не заклеймили "врагами народа", приходится становиться в одно и то же время "зелеными", "голубыми" и не различающими цвета кожи. От нас требуют отвергнуть различия между полами и одновременно велят считать Господа Всемогущего — женщиной. Права животных становятся выше прав человека, за одним-единственным исключением — поисков путей лечения СПИДа. Ну а курение... Курение становится самым тяжким преступлением, если, конечно, вы курите не марихуану.

Сначала все это обескураживает настолько, что закрадывается подозрение, будто весь мир сошел с ума. В самом деле, наш век поистине превратился в эру крестоносцев-безумцев и всеобщего конформизма. Создается впечатление, будто любая немногочисленная, но крикливая группка психопатов способна изменить закон или политику государства либо обычаи международного сообщества, и в значительной мере вопреки чаяниям усталого большинства. Здравый смысл, логика, научный подход уже ничему не служат препятствием: в криках глашатаев сценария "парникового эффекта" может не быть ни капли научных знаний, но правительства вынуждены соревноваться между собой в сокращении выброса газов, создающих "парниковый эффект", даже за счет развития собственной экономики. Мы еще как следует не знаем, какое действие "озоновые дыры" оказывают на нашу геосистему, поскольку с момента их открытия прошло слишком мало времени, чтобы тщательно все изучить, однако правительства уже обязаны запускать в ход дорогостоящие программы по борьбе с этими "озоновыми дырами". И чего ожидать от немощных политиков, когда все средства пропаганды призваны взвинчивать истерию в обществе! Даже в моем английском толковом словаре черным по белому сказано:

"Озоновая дыра, сущ. *Истончение в озоновом слое, в особенности над Антарктикой, вызванное преимущественно выбросом промышленных газов и представляющее собой угрозу для жизни нашей планеты и ее обитателей*".

Какая разница, что промышленные газы, выбрасываемые преимущественно в Северном полушарии, вряд ли способны вызвать утончение озона над Антарктикой, поскольку газообмен между полушариями составляет около 10%. Кому какое дело до таких малозначащих подробностей, если всемирное верховное сборище "зеленых" психопатов всех мастей решило по-иному, а масс-медиа представили их решение как неоспоримый факт! Бизнесмены и правительства, политики и международные организации — все пляшут под дудку "зеленых", игнорируя протесты многих ведущих ученых. Если вы не хотите, чтобы ваш бизнес потерпел крах, а ваше доброе имя пострадало от кампании травли, достаточно объявить себя "другом озона".

А между тем сама наука в подобной борьбе до такой степени поносится и извращается, что уже перестаешь верить научным выводам, не выяснив сперва, кто за них заплатил. Несколько лет назад телекомпания Би-Би-Си-2 сняла документальный фильм, в котором многие ведущие ученые жаловались, что на них оказывают финансовое давление с тем, чтобы результаты их исследований под-

твердили "парниковый эффект".

Подобные жалобы можно услышать и от тех, кто изучает последствия загрязнения окружающей среды, в частности воздействие так называемого пассивного, или вторичного курения. Хотя десятки исследований не выявили никакого особого вреда, единичные случаи были возведены в абсолют, а их результаты "обработаны" и использованы в злобной широкомасштабной кампании за "свободное от курения общество". В настоящее время эта кампания доходит буквально до истерии, до абсурда, безо всяких оснований превращая нас, законопослушных, аккуратно платящих налоги курильщиков, в преследуемое меньшинство. В конце-то концов, при всей заботе о нашем задымленном здоровье, мы, "взрослые и самостоятельные люди", способны сами решать за себя.

Обратите внимание, все это происходит именно тогда, когда иные выделенные истеблишментом "меньшинства" обретают привилегии и преимущественное право на лечение. Гомосексуалисты получили право служить в армии, женщины могут принимать священный сан, нам же не отводится даже крошечного отсека для курящих в тех самых общественных поездах, содержание которых (наряду с другими средствами передвижения) оплачиваем мы растущим налогом "грешника" на сигареты. Все виды общественного транспорта: самолеты, поезда и даже автобусы — в результате этой вопиющей дискриминации внезапно оказываются недоступными для нас. Автобусная служба моего района долго сопротивлялась подобному международному давлению, и всего пару месяцев назад в автобусах появилось поразительное объявление:

"Здесь чутко относятся к пассажирам. Просьба не курить!"

Только представьте себе подобное объявление, направленное против "голубых", или негров, или даже против собак! На следующий день весь мир будет ходуном ходить от возмущения. Воистину бессмертен Джордж Орвелл: до тех пор, пока у власти утописты с их принудительными мерами, одни звери всегда будут "равнее" других. Все, что создается под знаменем равноправия, неизменно выливается в привилегии для одних и притеснения для других. В нашем безумном мире уже не осталось ни разума для законности, ни места для прав человека, повсюду лишь кучки психопатов-горлопанов, которым всякое кровавое преступление сходит с рук. Как говорится в детском стишке:

Тот, кто громче скажет "гав",
Тот всегда и будет прав.

Однако самым страшным и, бесспорно, самым губительным для нашей цивилизации является кампания "освобождения женщин", "удара по мужчинам", "перемены ролей" или как там еще ее называют. И снова, как и в случае со многими подобными эпидемиями, она начинается несколько более активно в Америке и Великобритании, чем в континентальной Европе. Вместе с тем все свидетельствует о том, что эта зараза быстро распространяется, главным образом через средства электронной информации, наводненные образами пленительных, умных, четко мыслящих, сверхэнергичных и необычайно преуспевающих дамочек, занимающих начальственные посты.

Мужчина, если он вообще попадается, — неизменно нытик, ни на что не годный неудачник, появление которого необходимо лишь для того, чтобы его

наставляла и отдавала ему распоряжения такая вот вышеописанная дамочка, а он каждые пять минут только бы и делал, что повторял:

— Прости, прости, дорогая...

Каждый второй мужчина — враг женщины: грубое животное, мучитель, диктатор, насильник и совратитель малолетних. По сути дела, единственный положительный герой-мужчина в современных телепередачах или в кино — это "голубой", желательно страдающий от СПИДа. Но даже и в этом спектре предпочтение отдается другой стороне, которую олицетворяет неизменная победительница — выкраденная в младенчестве из дома чернокожая лесбиянка, у которой "проблемы с наркотиками".

Сколь бы возмутительным это ни выглядело, но этот типичный социалистический реализм можно было бы счесть очередным модным увлечением нашей "элиты", если бы он не был так старательно направлен на молодое поколение. Оно представлено аналогично: парни, как правило, — туповатые увальни, а девочки — умненькие и невероятно сообразительные. Уже и "научное" исследование имеется, рекламируемое в Великобритании на каждом углу и "доказывающее", что девочки гораздо способней к математике, чем мальчики; есть даже такой фильм, в котором четырнадцатилетние девчонки гораздо лучше играют в футбол, чем мальчишки, их ровесники. Сегодня по телевидению, в кино и в школе действительность подается юному поколению в определенном виде: представители мужского пола — обреченные неудачники, существа пассивные, во всем зависящие от агрессивной, великолепной мисс Повелительницы.

Все это не просто смешно, а откровенно преступно, так как может вылиться лишь в рост насилия среди подростков, безотцовщины, преступности и всяческих бедствий для грядущих поколений. Что говорить, человеческую природу атаками подобной пропаганды не изменишь, но она будет мстить за себя всеми доступными способами, как мстила в случае с частной собственностью или в национальном вопросе. А уж в вопросе взаимоотношения полов, как ни в каком другом, ответная реакция будет пострашнее, поскольку здесь затрагиваются фундаментальные основы бытия. Особенно потому, что атака на общество не ограничивается пропагандой, а выносится в зал суда и тем самым вводится в действие весь государственный механизм принуждения.

Помнится, в 1991 году с крахом Советского Союза рухнул весь мир, но при этом в Америке новостью номер один стало сообщение о девочке, которая подала в суд на организацию бойскаутов за то, что та отказалась принять ее в свои ряды. Вместо того, чтобы по-родительски отшлепать возмутительницу спокойствия и разъяснить ей кое-какие основы бытия, старшие бессовестно использовали девчонку в своих целях, превратив ее в национальную героиню. Однако последствия этого оказались и того хуже: почему-то женщины, в целом составляющие большинство в любом обществе, вдруг были провозглашены *меньшинством*, законодательно охраняемым и поддерживаемым. Легальный шантаж сделался нормой: буквально каждая организация, как государственная, так и частная, сейчас обязана соблюдать квоту для женщин на руководящих должностях, иначе будет обвинена в "дискриминации".

Но и этого безобразия оказалось недостаточно — очередное нарушение правовых норм выдало такие перлы, как "сексуальное приставание", "изнасилование

при свидании", "развратные действия с малолетними" и прочий ассортимент средств устрашения, которые полностью отравили общественные взаимоотношения. В сегодняшней Америке люди, словно в тоталитарном государстве, живут в страхе и недоверии друг к другу: мужчины боятся даже взглянуть на своих коллег-женщин во время работы, учителя физкультуры и тренеры боятся дотронуться до учеников, родители боятся чиновников учреждений, опекающих воспитание подростков, и все боятся обо всем этом говорить.

Но, как бы ни был безумен наш "новый мир", создают его далеко не безумцы. Так кто же эти люди? Почему они обладают такой невероятной властью, что заставляют нас жить в царстве абсурда? Хотя толпа представляет собой, пожалуй, все ту же массу, которая устраивала шествия за всеобщее разоружение в начале 80-х, где то новое политбюро, которое теперь ею руководит? Как бы здесь не допустить ошибки; ведь теперь мы живем в период второй "холодной войны", при новой формации утопистов-принудителей, которые стремятся изменить нашу культуру, управлять нашим поведением и, в конечном счете, нашими мыслями, — честно говоря, не такой уж новой: те же американские фонды, которые финансировали кампанию "в защиту мира" 80-х годов, сегодня выделяют миллиарды на "изучение окружающей среды" и "феминистские исследования", в то время как те же средства массовой информации превращают все это в новый для нас дурман. Те же методы, тот же стиль, даже лица зачастую такие знакомые. Единственное новшество на сегодня — это их "новояз": "культурное разнообразие", "политическая правильность", "репродуктивные права". Каково звучит! А вместе с тем тоталитарная сущность этой новой идеологии совершенно очевидна, как очевидны незыблемые приемы: репрессии, пропаганда, цензура. Сегодня мы — свидетели сильнейшего наступления на самые основы нашей цивилизации, которая откровенно сделана мишенью и объявлена культурой "мертвых белых европейцев": если дать ей свободно развиваться, она-де вернет нас в средние века.

Да что там говорить: в былые времена Шекспир, по крайней мере, мог совершенно свободно писать и ставить свои пьесы. Сегодня большинство его произведений были бы запрещены как "политически неправильные". "Отелло" — за расизм, "Укрощение строптивой" — за женофобство, а "Ромео и Джульетта", следуя высказыванию одной весьма прогрессивной британской учительницы, отказавшейся вести своих воспитанниц на спектакль, — как "примитивно гетеросексуальное представление"...

Печально, что мы не сумели воспользоваться блестящей возможностью, предоставленной нам смертью коммунизма: мы не покончили со всеми коммунистами, не выставили напоказ все их преступления, не развенчали их "мечту", более того, не научились противостоять этой нынешней чуме. Оставаясь неисправимыми поклонниками политики умиротворения агрессора, мы коверкаем язык, калечим свою речь, пытаясь выговаривать: "он-она-оно", "Мссс, мссс" ("Ms" — словечко, выдуманное, чтобы не называть женщину ни "мисс", ни "миссис"), "вертикальная угроза", "друзья озона". Но даже если мы все умудримся сделаться разом "зелеными", "голубыми" и дальтониками в отношении цвета кожи, мы этим все равно не купим мира и вечного счастья, потому что утопистов их "меньшинства" волнуют не более, чем коммунистов заботил пролетариат. Все это лишь средства

достижения безграничной власти, чтобы диктовать свою волю, управлять нами, разрушать нашу индивидуальность, известную в неких древних забытых писаниях под именем человеческой души.

И, как бы печально это ни было, приходится допустить, что все наши усилия, все наши жертвы остались бессмысленны. В конечном счете человек оказался недостоин свободы, дарованной ему, и в решительный момент испытаний у него не обнаружилось ни смелости, ни чувства чести, чтобы возвыситься до этой задачи. В результате мы не сделались лучше, мудрей, чище, а само испытание явилось не более чем гигантским землетрясением, поглотившим сотни миллионов.

Что ж, возможно, не стоит жаловаться, ведь и это тоже свойство человеческой натуры. Но через все невзгоды на своем жизненном пути я пронес веру в лучшее. И хоть вряд ли это лучшее увижу, все же я верю: явится однажды старый, мудрый Судия и скажет:

— И ничего нет на всем Божьем свете, что могло бы сделать такой ход событий правильным.

Единственное, что мне сейчас дано, — это хранить свои свидетельства до Судного Дня.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Ч а с т ь п е р в а я. НА В О С Т О К Е

Глава первая. **Страшная война**

1. Кому это нужно? 5
2. Твердая валюта 12
3. "Фирмы друзей" 16
4. Интеллектуальные шалости 20
5. "Спецпомощь" 24
6. Болельщики и попутчики 32
7. Так кто же победил? 37

Глава вторая. **Ночь после битвы принадлежит мародерам**

1. Опять на Лубянке 42
2. Бессмертный КГБ 48
3. В чреве дракона 50
4. Пьяная свадьба 54
5. Диалектика не по Гегелю 57
6. Встать, суд идет! 63

Глава третья. **Назад, в будущее**

1. Так где же мы ошиблись? 69
2. Времена укромные 76
3. Наша "оттепель" 82
4. Нас слишком мало 89
5. Закон и целесообразность 102
6. "Без согласия со стороны последнего" 115
7. Внешние издержки 130
8. Психиатрический ГУЛАГ 144
9. Во что они верили? 161
10. Самое мощное оружие партии 173
11. Страдающая интеллигенция 188
12. Новый Чичиков и его "мертвые души" 197
13. Души живые 209
14. Последние попытки 219
15. Агония 225

Часть вторая. НА ЗАПАДЕ
Глава четвертая. **Измена**
1. Глупость или подлость? 236
2. Кто придумал "детант"? 240
3. Меньшевики и большевики 247
4. "Тайная дипломатия" 255
5. Американский аспект 261
6. Мирное наступление 268
7. Капитулянты 274
8. Поправка Джексона 281
9. Отбились 287
Глава пятая. **Годы перелома**
1. Афганистан и конец "детанта" 293
2. Переполох в Кремле 296
3. "Какие марксисты нашлись" 306
4. Дыхание рока 311
5. Перемена курса 315
6. "Шторм-333" 320
7. Временные меры 326
8. Страницы позора 332
9. Спасательные меры 341
10. Кампания наступательного характера 346
11. Машина в действии 357
12. Птички мира 368
13. Оплата натурой 374
14. Древнейшая профессия 378
15. Польша и начало кризиса 387
16. Миф о вторжении 398
17. "Никакого ввода войск в Польшу быть не может" 407
18. Операция "Х" 412
19. Где взять 30 тысяч тонн мяса? 416
20. Всемирный кризис социализма 422
21. Банкротство 428
Глава шестая. **Революция, которой так и не было**
1. "Ускорение" 436
2. "Реформаторы" и "консерваторы" 441
3. "Новое мышление" 445
4. Как "уйти" не уходя? 450
5. "Бархатная революция" 456
6. "Германский вопрос" 465
7. "Приватизация" власти 472
8. Хроника краха 477
9. "I am not naive, you know" 482
10. Союзники 489
11. Я сделал все, что мог 494

Глава седьмая. **Расплата. (Э п и л о г)**
1. На Востоке 500
2. На Западе 511

О г л а в л е н и е 523

Я хотел бы поблагодарить фонд Маргарет Тэтчер за ценную помощь в моей работе и, несмотря на все наши разногласия, леди Маргарет Тэтчер за твердую поддержку моих усилий завершить эту книгу.

Я также благодарю Олега Гордиевского, Евгения Новикова, Михаила Восленского, Виктора Суворова, Леонида Финкельштейна, Инну Рогачий и Владимира Пимонова за помощь и советы. Сердечное спасибо многим помощникам и доброжелателям в Москве (которых я не могу назвать, чтобы не подвергнуть их опасности) и многим друзьям на Западе за поддержку и помощь.

В особенности многим я обязан моему старому другу и издателю Шарлю Ронзаку, чья непоколебимая вера в мою способность завершить этот труд поддерживала меня во все эти трудные годы.

Владимир Буковский